

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

**АНТРОПОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА:
СБОРНИК СТАТЕЙ К 85-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.В.ЮХНЁВОЙ**

Часть 1

Отв. ред. Н.Е. Мазалова

Санкт-Петербург
2017

УДК 39(470.23-25)
ББК 63.5(2-2СП6)
А72

Ответственный редактор и составитель

Н.Е. Мазалова

Рецензенты:

д-р ист. наук *Н.Г. Краснодембская*,
канд.филол.наук *А.Ф. Некрылова*

А72 Антропология Петербурга: сборник статей к 85-летию
со дня рождения Н.В. Юхнёвой / Отв. ред. Н.Е. Мазалова. —
СПб.: МАЭ РАН, 2017. Ч. 1. — 436 с.

ISBN 978-5-88431-336-1

В 2015 г. исполнилось бы 85 лет Н.В. Юхнёвой (1930–2013). В ее трудах рассматривался широкий спектр проблем изучения этнографии и антропологии Петербурга. Этому кругу проблем и посвящается сборник, подготовленный к юбилею ученого ее коллегами, друзьями, учениками на материале Петербурга и Ленинградской области. В нем также впервые публикуются стихи Н.В. Юхнёвой, а также воспоминания о ней.

Издание адресовано как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся антропологией Петербурга.

In 2015 would have turned 85 years N.V. Yukhneva (1930–2013). In her writings dealt with a wide range of problems of the study of Ethnography and anthropology St. Petersburg. This circle of problems and is dedicated to the collection, prepared for the anniversary of the scientist's colleagues, friends, students on the material of Petersburg and Leningrad region. It is also the first time published poems, N.V. Yukhneva and memories of her. The publication is addressed to both specialists and a wide circle of readers interested in the anthropology of St. Petersburg.

УДК 39(470.23-25)
ББК 63.5(2-2СП6)

ISBN 978-5-88431-336-1

9 785884 131361

© МАЭ РАН, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	7
--------------------	---

Н.В. ЮХНЁВА И ПЕТЕРБУРГОВЕДЕНИЕ

<i>Лаврентьева Л.С.</i> Сорок лет спустя. Как это начиналось	13
<i>Узунова В.Г.</i> Наталия Васильевна Юхнёва: без идеалистов и романтиков нет будущего ни у России, ни у русских	23

ЭТНОСЫ ПЕТЕРБУРГА

<i>Салмин А.К.</i> История адаптации чувашей в Петербурге: XVIII век	49
<i>Засецкая М.Л.</i> «Петербургская группа» эстонцев-переселенцев по материалам первой всеобщей переписи населения 1897 г.	84
<i>Албогачиева М. С.-Г.</i> Ингушская семья Албогачиевых при Российском Императорском дворе	101
<i>Шрадер Т.А.</i> Врангель Фердинанд Фердинандович	113

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПЕТЕРБУРГА

<i>Алакишин А.Э.</i> Регистрационная деятельность пасторов как источник статистических показателей бытования протестантских общин Петербурга XVIII в.	125
<i>Андреев А.Н.</i> Немцы-католики в Петербурге времен Петра Великого: социальные и биографические аспекты	138

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

<i>Пиир А.М.</i> Двор доходного дома и концепции пространства столичного Петербурга	159
<i>Сымонович Ч.Э.</i> Дети войны о культуре и быте в Ленинграде и регионах СССР в 1940–1950-е годы: к истолкованию воспоминаний	210

<i>Яковлева Т.М.</i> Национальные кухни в Ленинграде	231
<i>Конькова О.И.</i> Традиционная пища коренных малочисленных народов Ленинградской области как этнический идентификатор	255
<i>Чувьуров А.А.</i> Прозвища в дискурсе фольклора субкультур современного городского мегаполиса (Ленинград — Санкт-Петербург).....	287

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

<i>Чистяков А.Ю.</i> Символы территориальной идентичности в городской и муниципальной геральдике современного Санкт-Петербурга	303
<i>Капитонова А.И.</i> Размышления о петербургской идентичности сквозь призму градозащитной деятельности	322

КУЛЬТУРНОЕ И МУЗЕЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

<i>Илле М.Е.</i> Участие жителей «культурной столицы» в культурной жизни Петербурга	331
<i>Сутягина Л.Э.</i> Ресурсы сохранения исторической памяти о войне: военно-полевая этнография	348
<i>Финченко А.Е.</i> Музей вепсской культуры и быта «вепсская изба» (« <i>vepsoiden pert`</i> ») им. Т.В. Станюкович	357

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА

<i>Мазалова Н.Е.</i> «Ты в центре Петербурга — в центре мира»: представления петербуржцев о центре города	377
<i>Щепанская Т.Б.</i> Рецепция пространства Санкт-Петербурга студенческой молодежью (по материалам когнитивных карт 2014–2017 гг.)	402
<i>Соколова А.А.</i> Геопространство Ленинграда — Санкт-Петербурга в микротопонии и разговорной речи горожан (1970–1990 гг.)	419

CONTENTS

From the editor	7
-----------------------	---

N.V. YUKHNEVA AND PETERSBURG STUDIES

<i>Lavrent'eva L.S.</i> Petersburg school of exploring the city	13
<i>Uzunova V.</i> Natalia Vasilievna Juchneva: Without idealists and romantics there is no future for Russia and the Russians.....	23

ETHNIC GROUPS OF ST. PETERSBURG

<i>Salmin A.K.</i> History of adaptation of the chuvash in St. Petersburg: 18th century	49
<i>Zasetckaia M.</i> The "Petersburgian diaspora" of Estonian Migrants According to the Materials of the Russian Imperial Census of 1897 ...	84
<i>Albogachieva M.</i> Ingush trace in August surrounded by family history Etc. Albogachieva.	101
<i>Shrader T.</i> Wrangels familie, Germans in Baltic regions, Ethnic contacts	113

THE ETHNO-RELIGIOUS COMPOSITION OF SAINT-PETERSBURG

<i>Alakshin A.</i> Registration activity of pastors as a source of statistical indicators of the Petersburg protestant communities' being in the 18-th century	125
<i>Andreev A.</i> German Catholics in St.-Petersburg under Peter the Great: social and biographical issues.....	138

PETERSBURG DAILY

<i>Piir A.</i> Tenement courtyards and the concept of space of the capital St Petersburg	159
<i>Symonovich Ch.E.</i> War Children Reflecting on Culture and Way of Life in the Regions of the USSR in the 1940s — 1950s: a View from St. Petersburg 70 Years After.	210

<i>Yakovleva T.</i> National Cuisine in Leningrad	231
<i>Konkova O.</i> Traditional food of indigenous small peoples of the Leningrad Region as an ethnic identifier	255
<i>Chuvpurov A.</i> Nicknames in the subculture of the modern city of Leningrad — St. Petersburg.....	287

PETERSBURG IDENTITY

<i>Chistiakov A.</i> Symbols of the territorial identity in urban and municipal heraldry of the modern St. Petersburg	303
<i>Kapitonova A.</i> Reflections on the Petersburg identity through the prism of graduating activities.....	322

CULTURAL AND MUSEUM SPACE OF PETERSBURG AND LENINGRAD REGION

<i>Ille M.</i> The participation of residents “cultural capital” in cultural life of Petersburg	331
<i>Sutiagina L.E.</i> Resources to preserve the historical memory of the war: «military-field ethnography»	348
<i>Finchenko A.</i> The Museum of Vepsian culture and way of life “Veps hut” (“Vepsoiden Per”), named after T.V. Stanyukovich.....	357

THE SYMBOLIC SPACE OF ST. PETERSBURG

<i>Mazalova N.E.</i> “You’re in the center of St. Petersburg in the center of the world”: the views of citizens on the city center	377
<i>Shchepanskaia T.</i> Reception of space of St. Petersburg by students (on the basis of cognitive maps of 2014–2017)	402
<i>Sokolova A.</i> Geographical space of the Leningrad — St. Petersburg in microtoponymy and speaking of the townspeople (1970–1990)	419

ОТ РЕДАКТОРА

Наталия Васильевна Юхнёва — выдающийся ученый и многогранная личность. Она заняла особое место в научном сообществе отечественных исследователей восточнославянской этнографии наряду с К.В. Чистовым, Т.В. Станюкович, Т.А. Бернштам и др. В декабре 2015 г. ей исполнилось бы 85 лет.

Н.В. Юхнёва как ученый прошла путь от историка к музейному работнику, затем — этнографу, специалисту в области этнографии города. После окончания исторического факультета Ленинградского университета Н.В. Юхнёва начала работать в Ленинградской части института этнографии АН. Она занималась музейной работой, проводила полевые исследования. В результате многочисленных экспедиций и плодотворной научной работы определилась конкретная область ее интересов — этнография Петербурга (Ленинграда).

Очевидно, что петербурговедение в Кунсткамере начинается с Наталии Васильевны Юхнёвой. Она долгие годы занималась изучением этнического и социального состава населения Петербурга конца XIX — начала XX в. Завершением этого этапа работы стал выход в свет в 1984 г. монографии «Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX в.» и защита докторской диссертации в 1986 г.

В более позднее время Н.В. Юхнёва изучала отдельные этнические группы Петербурга. Выходили ее статьи, посвященные финнам, шведам, немцам, евреям, белорусам, украинцам, латышам, эстонцам. Ее занимала также роль Петербурга в национально-культурных движениях народов России. Н.В. Юхнёва рассматривала этнические проблемы Петербурга в сравнении с другими российскими и европейскими городами.

Н.В. Юхнёва одной из первых в отечественной науке обратилась к современности на примере многонационального города — Петербурга (Ленинграда). Она занималась исследованием этнографических аспектов этой проблемы, тем, что мы сегодня называем «антропологией города» или уже — «антропологией Петербурга». Н.В. Юхнёву в последние годы жизни привлекла внимание проблема «Социальная и культурно-бытовая история Петербурга — Ленинграда», которая сейчас оформилась в субдисциплину «петербургская повседневность».

Многие годы Н.В. Юхнёва проводила чтения «Этнография Петербурга — Ленинграда», результаты которых были опубликованы в сборниках «Старый Петербург» и «Этнография Петербурга — Ленинграда» (4 выпуска).

В последние годы Н.В. Юхнёва активно занималась общественной деятельностью, боролась с проявлениями антисемитизма и шовинизма.

Сборник, посвященный 85-летию Н.В. Юхнёвой, делится на несколько разделов. Первый раздел посвящен анализу ее научной деятельности как крупнейшего специалиста в области изучения Ленинграда (Петербурга) — статьи Л.С. Лаврентьевой, В.Г. Узуновой. Остальные разделы соответствуют основным направлениям ее научной деятельности: изучению этнического состава Петербурга посвящены статьи А.К. Салмина, М.Л. Засецкой, М.С.-Г. Албогачиевой, Т.А. Шрадер; этноконфессиональный состав Петербурга рассматривается в статьях А.Э. Алакшина и А.Н. Андреева. Проблемы изучения петербургской повседневности освещены в статьях Ч.Э. Сымановича, А.М. Пиир, Т.М. Яковлевой, О.И. Коньковой, А.А. Чувьурова. В статьях А.И. Капитоновой и А.Ю. Чистякова рассматриваются некоторые аспекты изучения петербургской идентичности. Культурное и музейное пространство Петербурга и Ленинградской области исследуется в статьях М.Е. Илле, Л.Э. Сутягиной, А.Е. Финченко; мифологическое пространство — в статьях Н.Е. Мазаловой, А.А. Соколовой и Т.Б. Щепанской.

Большая часть статей написана на основе докладов, прочитанных на семинаре «Этнография Санкт-Петербурга и Северо-Запада

России: механизмы регулирования традиции» (2017 г.). Так была продолжена традиция региональных исследований Северо-Запада и Петербурга (Ленинграда), проводившихся на базе отдела этнографии восточных славян и народов Европейской России в 1970–1990 годы и на время прервавшихся.

Авторы статей — исследователи-единомышленники Н.В. Юхнёвой. Некоторые из них много лет сотрудничали с ней, некоторые — её последователи. Для многих из авторов Наталия Васильевна была учителем. Зачастую Н.В. Юхнёва способствовала выбору направления их научной деятельности.

Сборник раскрывает еще одну грань личности Н.В. Юхнёвой — незаурядного поэта: в нем есть ее стихи, опубликованные в разные периоды жизни. Мне кажется, что одно из стихотворений очень точно раскрывает ее характер — сдержанный, цельный, ровное, доброжелательное отношение к людям, главную цель жизни — служение науке и людям:

*Не хочу, чтоб душа моя тлела
Головёшкой в костре погасшем.
Не хочу, чтобы вмиг сгорела,
Ярким пламенем вспыхнув однажды.
Пусть огнём беспокойным и ярким
Постоянно горит пожаром.
Чтобы стало кому-то светлее,
Чтобы стало кому-то теплее,
Чтоб далёко летели искры
И в полёте гасли недаром,
А — подобны молнии быстрой –
Зажигали в душах пожары.*

В воспоминаниях друзей и коллег Н.В. Юхнёва предстает как талантливый ученый, человек с гражданской позицией, борец.

И еще одна грань личности Н.В. Юхнёвой отражена в сборнике: она предстает как удивительная, нежная, любящая мать и бабушка (воспоминания дочери, сына и внучки). Ее дети и внуки отвечают ей такой же преданностью и беззаветной любовью.

Я хочу искренне поблагодарить детей Наталии Васильевны, Екатерину и Андрея, за неоценимую помощь в организации и проведении семинаров, секции по антропологии города, посвященной памяти Н.В. Юхнёвой, на Чистовских чтениях в 2015 г., а также при подготовке сборника «Антропология Петербурга».

*Н.В. Юхнёва
и петербурговедение*

Л.С. Лаврентьева

В.Г. Узунова

Л.С. Лаврентьева

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ. КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Статья посвящена конференции по проблемам этнографии Северо-Запада СССР, которая проводилась с 1974 г. в Ленинградском отделении Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. В докладах конференции прозвучали основные проблемы: необходимость сформулировать современные задачи и методы этнографического изучения Северо-Запада; этнографическое изучение Петербурга — Ленинграда; этнические процессы, этническая история и этнокультурные связи населения региона; фольклор и народные художественные промыслы. Уже тогда наметилось направление по изучению современных этнических процессов и этнокультурных связей на Северо-Западе СССР и зазвучала новая тема по этнографическому изучению Петербурга — Ленинграда.

Ключевые слова: конференция по изучению Северо-Запада, этнографическое изучение Петербурга — Ленинграда.

L.S. Lavrent'eva

PETERSBURG SCHOOL OF EXPLORING THE CITY

The article is devoted to the conference on the Ethnography of the North-West of the USSR, which was held in 1974 at the Leningrad branch of the Institute of Ethnography. N. N. Maclay USSR Academy of Sciences. Reports of the conference there were three main problems: the need to articulate the current challenges and methods of an ethnographic study of the North-West; an ethnographic study of St. Petersburg-Leningrad; ethnic processes, ethnic history and ethno-cultural ties of the population of the region; folklore and folk arts and crafts. Even then, there has been a direction for the study of contemporary ethnic processes and ethnic relations in the North-West of the USSR, and sounded a new theme in the ethnographic study of St. Petersburg-Leningrad.

Keywords: the conference is the Study of the North-West Ethnographic study of St. Petersburg — Leningrad.

Мотивом для написания этой небольшой статьи стало желание еще раз вспомнить Наталию Васильевну Юхнёву, Кирилла Васильевича Чистова и исследователей, которые в разное время принимали активное участие в заседаниях, посвященных этнографии Петербурга — Ленинграда, тем более что обзор по чтениям «Этнографии Петербурга — Ленинграда» был опубликован Н.В. Юхнёвой в 2004 г. [Этнография 2004]. Понадобилось десять лет, и в стенах музея возродилась идея проведения чтений по Петербургу. Сегодня мне хотелось бы вспомнить об истоках этой темы.

В 1972 г. я пришла работать в Институт этнографии, в восточнославянский отдел, и стала свидетелем и в какой-то мере участником событий, которые сразу же вышли за пределы не только нашего отдела, но и Института. Зародилась тема Петербурга — Ленинграда и Ленинградской области на конференции по проблемам этнографии Северо-Запада СССР.

В марте 1974 г. в Ленинградском отделении Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (далее ЛО ИЭ АН СССР) была проведена первая конференция, посвященная проблемам этнографии Северо-Запада СССР. Конференция была организована по инициативе Восточно-славянского отдела, тогда он назывался Восточно-славянский сектор Ленинградского отделения ИЭ АН СССР. Открывал конференцию заведующий отделом Кирилл Васильевич Чистов. В его вступительном докладе были сформулированы основные методологические предпосылки исследования современных тем в этнографии. Были озвучены и некоторые проблемы этнической истории Северо-Запада. В конференции приняли участие этнографы, фольклористы, социологи, искусствоведы, архитекторы и другие специалисты из Государственного музея этнографии народов СССР, Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Ленинградского государственного университета, Института социологических исследований АН СССР (Ленинградское отделение), Института текстильной и легкой промышленности (Ленинград), Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР (Сыктывкар), Карельского филиала АН СССР (Петрозаводск) и др.

В докладах конференции 1974 г. были озвучены несколько основных проблем: необходимость сформулировать современные

задачи и методы этнографического изучения Северо-Запада; этнографическое изучение Петербурга — Ленинграда; этнические процессы, этническая история и этнокультурные связи населения региона; фольклор и народные художественные промыслы. Диапазон предложенных исследований был достаточно широк. Уже тогда наметилось направление по изучению современных этнических процессов и этнокультурных связей на Северо-Западе СССР и зазвучала новая тема по этнографическому изучению Петербурга — Ленинграда. Заседание, посвященное проблемам этнографического изучения города, вызвало большой интерес участников конференции. Наталия Васильевна Юхнёва во вступительном слове изложила основные принципы этнографического изучения города и раскрыла значение такого рода тематики. Специалистам-этнографам особенно важно было показать, какова роль городского населения в этнических процессах, в формировании народности и нации, в складывании национальной культуры и быта. Свой доклад Н.В. Юхнёва посвятила национальному составу населения Петербурга. Используя переписи 1869–1910 гг., она охарактеризовала национальный состав города и его динамику. В докладе приводились данные о языке, конфессиональной принадлежности населения, о сословно-профессиональных группировках представителей разных национальностей и национальной топографии Петербурга.

На конференции выступали специалисты не только из Москвы и Ленинграда. Приезжали исследователи из других научных центров Северо-Запада. Так, прозвучали доклады по ненцам и коми Кольского полуострова, карелам; на примере водской одежды Н.В. Шлыгина, проведя детальный анализ традиционной одежды, попыталась обозначить межэтнические связи и выявить время и причины восприятия водью русских форм одежды. Изучая вышивку на сороках и рубашках коми бассейна р. Летки, исследователь Г.Н. Климова выяснила особенности заселения бассейна этой реки и описала этническую историю групп коми. Три доклада были посвящены народным промыслам региона, три других — фольклорным сюжетам. Этнографическая тема прозвучала и в докладе Т.А. Бернштам «Традиционный праздничный календарь в По-

морье», и в докладе Л.С. Смусина, посвященном новой обрядности в Ленинградской области [Старовойтова 1975: 146–149].

По материалам этой конференции в 1977 г. был издан сборник «Этнографические исследования Северо-запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга», в котором имеется специальный раздел «Этнография Петербурга» [Этнографические 1977].

Через два года состоялась Вторая научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР, в которой принимало участие уже большее количество и докладчиков, и слушателей. На заседания приходило много жителей Ленинграда, людей, далеких от науки, но любящих свой город и переживающих за его судьбу. Несмотря на то что было заявлено только две темы (этническая история Северо-Запада и этнографическое изучение города и рабочих), на конференции были озвучены еще и такие темы, как народное искусство, материальная культура, праздники, обычаи, обряды. По перечисленным блокам понимаешь, что темы по Северо-Западу тогда были востребованы, а по своей тематике оказались безграничны. Очень много докладчиков было из Эстонии, Карелии, Москвы и, конечно же, больше всего выступало ленинградских исследователей. Уже на этой конференции было решено наметить более узкую проблематику для последующих заседаний.

Особый интерес участников конференции вызвали доклады, прочитанные на секции «Этнография изучения города и рабочих». Стоит назвать несколько имен. Эти исследователи были непременными участниками и всех дальнейших конференций. Это Л.Н. Семенова, автор многочисленных книг по Петербургу XVIII в. Непременным участником был М.Г. Рабинович, специалист по феодальным городам Северо-Запада, и др.

На этой секции прозвучали доклады, посвященные и современным этническим процессам в городе. Этому способствовало появление в секторе восточных славян специалистов-социологов. Новые сотрудники — Г.В. Старовойтова, М.Э. Хайкина-Коган, В.Г. Узунова — начали с изучения этнических групп в большом городе [Гвоздикова 1977: 137–140]. Первое, что они сделали, — про-

вели этносоциологический опрос татар, эстонцев и армян в Ленинграде и городах Татарской АССР. Это была большая работа, и многие сотрудники отдела и института помогали проводить опрос и собирать материал. Вскоре в Восточнославянском секторе ИЭ АН СССР сложилась рабочая городская группа, которую возглавила Н.В. Юхнёва.

В 1978 г. состоялась третья конференция. Среди задач по этнографическому изучению Северо-Запада тогда была названа главная — изучение современности. На конференции работало только две секции: «Этнография Петербурга» и «Современное культурное развитие Северо-Запада. Собрание, изучение и охрана памятников народного искусства, культуры и быта». Третья конференция по Северо-Западу стала последней [Юхнёва 1979, 1: 144–146].

Материалы этих конференций нашли свое отражение в сборнике «Старый Петербург. Историко-этнографические исследования». Сборник был опубликован в 1982 г. [Старый 1982].

Многие участники увидели темы, которые могли звучать как самостоятельные. И действительно, эти направления получают дальнейшее развитие, уже базируясь на других площадках, над темами начали работать другие научные коллективы. Здесь в первую очередь хочется назвать кафедру этнографии Ленинградского государственного университета и отдел народов Поволжья и Прибалтики Музея этнографии народов СССР во главе с О.М. Фишман.

За Восточнославянским сектором ЛО ИЭ АН СССР закрепляются ежегодные чтения «Этнография Петербурга — Ленинграда». К тому моменту стало ясно, что эта тема может выступать как самостоятельная.

Через пять лет, в 1983 г., проводятся первые чтения «Этнография Петербурга — Ленинграда». К этому времени уже сложился коллектив единомышленников: этнографы, историки, искусствоведы, фольклористы и архитекторы. Хочу заметить, что чтения были ежегодными. Это говорит о том, что выбранная тема была востребована. Уж очень много было желающих принять участие и выступить со своими докладами. Кроме ленинградских исследователей, постоянно приезжали ученые из Москвы, Киева, Риги, Таллина, Петрозаводска, Сыктывкара, Новгорода, Архангельска

и других городов. Известно, что многие специалисты, которые у нас в Музее занимались совершенно другими культурами (например, А.Д. Дридзо, А.М. Решетов, Т.К. Шафрановская и др.), становятся активными участниками чтений [Юхнёва 1984, 5: 144–146].

Представляется, что у человека в генах заложен интерес к истории своего родного города, края, своего народа и народов, которые живут рядом. Несомненно, это еще одна причина такого интереса к чтениям. И каждый раз делались доклады-откровения, а может быть и открытия, напоминающие, что Петербург — многонациональный, многоконфессиональный культурный центр страны. Хочу заметить, что особенно тесные связи установились с исследователями Музея истории Ленинграда, которые занимались археологическими изысканиями, изучением архитектуры, экономики, бытом петербуржцев, историко-революционной проблематикой.

Но особый интерес вызывало архитектурное изучение Петербурга. Эти вопросы интересовали не только специалистов, но и простых жителей города Ленинграда, которых мы тоже часто видели на заседаниях. Известно, что именно в эти годы особенно широко разворачиваются работы по капитальному ремонту и реставрации города. Появляется много проектов, связанных с его преобразованием. Особенно яркими были доклады историков, археологов, архитекторов, культурологов, этнологов, людей не равнодушных ко всему, что происходило тогда в городе. Хочется вспомнить историка, культуролога, архитектора Г.В. Пионтека, который каждый раз знакомил аудиторию с новыми проектами и идеями, направленными на сохранение историко-культурного облика современного города. Он часто работал в одиночку, и, конечно же, ему нужна была поддержка, нужна была аудитория. На заключительном пленарном заседании обсуждалось предложение об организации инициативной межведомственной группы этнографов, искусствоведов и археологов.

Доклады Г.В. Пионтека сопровождались многочисленными иллюстрациями, чертежами. Все стены зала заседания нашего Института были плотно завешаны его материалами. Он пытался донести до слушателей идею проекта этнопарка «Человек и среда». Этот проект был включен в генеральный план развития города до

2005 г., даже была выделена территория на правом берегу Невы — 3600 гектаров земли. Но, увы, все осталось только на бумаге...

Участниками чтений становились исследователи из Музея истории города, Института истории, Пушкинского Дома, многочисленных литературных музеев. Охвачен был не только город, но и Ленинградская область.

Доклады были посвящены городу как поселению, характеристике населения, культурно-бытовой стороне жизни, этнической проблематике. Начали изучать этнические группы в Петербурге — Ленинграде. Впервые стали рассматриваться вопросы межнациональных отношений и динамики социально-экономического развития отдельных этносов.

Наверное, я не преувеличу, если скажу, что именно на Петербургских чтениях впервые прозвучали доклады о современном состоянии города. Все это в какой-то мере дало еще один толчок в понимании роли этнографии в современном мире и в очередной раз привело к размышлениям о предмете этнографической науки [Этнография 2004: 30–32].

На этой конференции значительную долю занимали доклады, где поднимались проблемы музеефикации отдельных кварталов и улиц Ленинграда. В то время эти вопросы обсуждались очень активно на всех уровнях. И специалистам, которые занимались этими проблемами, нужна была поддержка и апробация своих проектов. С проектом «Историко-этнографического музея-заповедника “Старый Петербург”» выступали его авторы Б.М. Кириков и А.Д. Марголис (Музей истории Ленинграда).

Конечно, в то время не все проекты были осуществлены. Но и об этом Наталия Васильевна высказывала свое мнение: «Неосуществленные проекты — это маленькие знаки нашего прошлого, которые сохранить в памяти не менее важно, чем осуществленные. Описать их в подробностях чаще всего невозможно, но иногда имеет смысл даже только назвать тот или иной проект. Чтобы люди знали, чего добивались, к чему стремились, хотя и безрезультатно, энтузиасты прошлых лет. Чтобы успешные авторы осуществленных проектов не забывали, что их успех, может быть, обеспечен предыдущим поражением, что они если не использовали, то, по

крайней мере, восприняли то, что готовили, обдумывали, планировали их предшественники. И, наконец, практическая цель — может быть, идеи, изложенные в некоторых проектах, еще могут быть претворены в жизнь или, по крайней мере, так или иначе, использоваться в изменившихся условиях. Мне уже пришлось писать о нескольких неосуществленных проектах — музеефикации городских кварталов, создания парка-музея «Человек и среда» и школы интернационального воспитания — и публиковать относящиеся к ним документы (в книге «Этнография Петербурга — Ленинграда: тридцать лет изучения»). И я повторяю сказанное ранее: хочется, чтобы мои публикации стимулировали авторов или участников других неосуществленных проектов поделиться своими воспоминаниями и документами» [Этнография 2004: 129–138].

С идеями музеефикации архитектурных памятников выступали и специалисты из Института социально-экономических проблем АН СССР, из Института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина.

На конференции прозвучал целый блок докладов, посвященных современному Ленинграду. С ними выступили специалисты из Института социально-экономических проблем. С докладами выступили и сотрудники Ленинградской части ИЭ АН СССР. Г.В. Старовойтова рассказала о ходе многолетнего изучения татарской, эстонской и армянской этнодисперстных групп Ленинграда, показала различие этнических процессов в этих группах.

На последнем заседании К.В. Чистов, высоко оценив результаты конференции, еще раз призвал собирать такие конференции регулярно.

В 1985 г. организуются вторые чтения. Уже появляются новые темы: вокруг народных городских гуляний (объектами исследований становятся народные театры и народные дома); этнография города изучается по художественным произведениям, по воспоминаниям; продолжают темы, связанные с реставрацией архитектурных памятников. Особенно запомнился доклад Б.М. Кирикова «Петербургские дворы» [СЭ 1986: 2].

В 1986 г. состоялись третьи чтения. Докладов было немного, но появились новые темы: японцы в Петербурге, школы япон-

ского языка в Петербурге XVIII в. Продолжал свои исследования и А.М. Конечный. Его внимание привлекали городские увеселительные сады в Петербурге XIX в., общественные развлечения и городские зрелища в Петербурге и в Царском Селе (XVIII — начало XX в.). Были еще четвертые (1987), пятые (1988), шестые (1989) чтения, и так продолжалось до 2003 г., когда состоялись уже семнадцатые чтения. За эти годы многие исследователи стали постоянными участниками ежегодных заседаний.

Запомнились мне доклады московской исследовательницы Е.И. Филипповой, которая, опираясь на произведения художественной литературы, проводила интересные исследования по этническому составу населения Петербурга, рассказывала о крестьянах-отходниках, о роли церкви в городском общественном быту XIX в. Продолжались и этносоциологические исследования, где выступали В.Г. Узунова, Б.Е. Винер. Непременным участником почти всех чтений был Н.В. Ушаков с выступлениями о жилищах русских и финно-угорских народов Ленинградской области.

Особо хотелось бы сказать о теме — евреи в Петербурге. В 1984 г. в своей книге Н.В. Юхнёва, рассказывая об этническом составе Петербурга, говорит и о еврейской этнической группе [Юхнёва 1986: 207–215]. Уже на третьих чтениях в 1986 г. был прочитан доклад Ю.П. Вартанова «Материалы о петербургских евреях на страницах газеты “Гамелиц” (1871-1881)». Тема иудаики продолжает развитие и на следующих конференциях: доклады М.И. Гольдиной, В.М. Лукина, О.В. Дашевской, Б.Е. Винера, А.С. Френкеля и др. На шестых чтениях (1989) Н.В. Юхнёва делает доклад на тему «Еврейское национально-культурное движение». В 2008 г. группой энтузиастов во главе с Н.В. Юхнёвой был создан клуб для изучения жизни советского и российского еврейства. В 2009 г. в Петербурге в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого состоялась первая международная конференция «Петербург — Израиль. Интеллектуальный диалог». С 2009 г. было проведено пять конференций. Последняя конференция проходила под названием «Европейские диаспоры в Европе и мире: полевые и архивные исследования».

С приходом в наш институт Т.А. Шрадер получает развитие еще одна тема — немцы в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии,

которая через несколько лет даст начало новому самостоятельному направлению — ежегодным чтениям «Немцы в Петербурге». В настоящее время проведено 16 конференций «Немцы в Петербурге», а в 2016 г. вышел очередной выпуск (десятый) сборника «Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв.».

Через Петербургские чтения прошли многие выставки, которые были организованы Музеем истории Ленинграда, Гатчинским музеем, Российским этнографическим музеем и др.

Меньше половины всех докладов, прочитанных на конференциях, были опубликованы в ранее упомянутых сборниках «Старый Петербург» (1982), «Петербург и губерния» (1989), в трех выпусках под названием «Этнография Петербурга — Ленинграда» (1987, 1988, 1994). В 2004 г. выходит итоговый сборник «Этнография Петербурга — Ленинграда. Тридцать лет изучения. 1974–2004». С момента последней публикации по материалам конференций прошло уже более десяти лет. И вот выходит новый сборник с новыми направлениями и темами. В этой связи хотелось бы вспомнить слова Н.В. Юхнёвой: «При изучении этнической проблематики предметная область этнографии оказывается значительно более широкой» [Юхнёва 2004: 32] Какое получит развитие этнографическое изучение современного города, покажет время...

Библиография

- Гвоздикова Л.С. Вторая научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР // СЭ. 1977. № 1. С. 137–140.
- Старовойтова Г.В. Научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР // СЭ. 1976. № 1. С. 146–149.
- Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1982. 200 с.
- Этнографические исследования Северо-Запада СССР: Традиции и культура сельского населения: Этнография Петербурга. Л.: Наука, 1977. 219 с.
- Этнография Петербурга — Ленинграда. Тридцать лет изучения. 1974–2004 / Сост. и отв. ред. Н.В. Юхнёва. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 402 с.
- Юхнёва Н.В. Третья конференция, посвященная этнографическому изучению Северо-Запада СССР // СЭ. 1979. № 1. С. 144–146.
- Юхнёва Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л.: Наука, 1984. 223 с.

В.Г. Узунова

**НАТАЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА ЮХНЁВА:
БЕЗ ИДЕАЛИСТОВ И РОМАНТИКОВ
НЕТ БУДУЩЕГО
НИ У РОССИИ, НИ У РУССКИХ¹**

Н.В. Юхнёву интересовала способность города производить новые смыслы. Желание исследовать первоначальные истоки культурной оригинальности города доминировало в ее исследованиях с 1977 г. и стало самым существенным в научном наследии Н.В. Юхнёвой. Она поставила вопрос о разных основаниях и разнообразных техниках сложения статистических множеств людей в группы с качественно отличительными характеристиками. Взаимодействие горожанина и общества предстает в многообразии культурных практик, порождает многочисленные образцы социального поведения, формируя новую реальность социально-культурных, политических и хозяйственных отношений.

Ключевые слова: социальная история, горожане, городской строй, истоки культурной оригинальности, методологическое обоснование изучения города как этнографической проблемы.

V. Uzunova

**NATALIA VASILIEVNA JUCHNEVA:
WITHOUT IDEALISTS AND ROMANTICS
THERE IS NO FUTURE
FOR RUSSIA AND THE RUSSIANS.**

N.V. Juchneva was most concerned with the city's ability to generate new meanings. The aspiration to investigate the origins of the cultural specificity of the city was predominant in her studies since 1977 and became the most significant part of her scientific legacy. N.V. Juchneva raised the question of different origins and different mechanisms of the organization of statistical multitudes of people into groups with qualitative differences. The interaction between an urbanite and the society manifests itself in a multitude of cultural practices and generates multiple different modes of social behavior, forming a new reality of socio-cultural, political and economic relationships.

Keywords: social history, urbanites, urban formation, the roots of cultural originality, methodological rationale for studying the city as an ethnographic problem.

¹ Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 176.

В декабре 2015 года принято принципиальное решение — заканчивать каждый календарный год в МАЭ РАН проведением научных чтений памяти Наталии Васильевны Юхнёвой. Это постановление позволяет надеяться, что будут написаны научные тексты, которые продолжат дело жизни ученого, принципиального гуманиста и основоположника изучения этнографии города. Далеко идущие намерения позволяют не спешить с выбором специальных поводов из тематического наследия Н.В. Юхнёвой для продолжения этнографического знания. Для первого сборника текстов мною выбран жанр прозаического этюда, допускающего возможности общих соображений о том предмете, который более всего волновал Наталию Васильевну Юхнёву, — о городе Ленинграде — Петербурге.

В 2016 г. исполнилось 25 лет, как было восстановлено первоначальное название нашего города. «Конец — всему делу венец». Движение «За Санкт-Петербург», которое требовало возвращения городу его исторического имени, возникло летом 1990 г. Среди его участников — монархисты, Народно-Трудовой Союз российских солидаристов, культурно-общественная организация «Русское знамя», христианские демократы и общественные активисты, связанные с «Мемориалом», Демократическим союзом, Народным фронтом. Все вместе 9 сентября 1990 г. они организовали 60-тысячный митинг, где требовали возвращения городу его исторического имени.

Интересно вспомнить, с какими переживаниями мы следили за обсуждением этого вопроса. Наталия Васильевна смеялась, что ей придется переименовывать чтения «Ленинград — Петербург» в «дважды Санкт-Петербург». В дискуссиях о переименовании города любопытны некоторые аргументы, которые зафиксировали возникавшие в тот период противоречия общественного сознания горожан.

Один из неожиданных (при этом авторитетных) текстов принадлежал Александру Солженицыну. Его обращение «К жителям города на Неве» было опубликовано в газете «Известия» 28 апреля 1991 г. *«Я слышал, что в Вашем городе готовится референдум о возврате ему названия «Санкт-Петербург» (а исторически-то «ПитербурХ»!). Я хотел бы тоже подать голос и убедить Вас, что*

этого звучания возвращать не надо. Оно было в XVIII в. навязано вопреки русскому языку и русскому сознанию. (Как и город на Урале, его устроителем В.Н. Татищевым хорошо звавшийся «Екатерининск», был утвержден петербургскими бюрократами — «Екатеринбург»). Переименование в 1914 г. в «Петроград» было вполне разумным, и оно верно, если считать город названным в честь императора. (Если же хотеть сохранить, как исторически было, в честь Апостола Петра — то естественная русская форма: Свято-Петроград). И может быть, это решение по важности должно быть обсуждено не только жителями Вашего города, но и всей России». Вариант названия «Свято-Петроград» не обсуждался жителями города, так же как и другой «новодел» — «Невоград». Представители Московской Патриархии тоже не подхватили инициативу писателя, высказавшись за «возвращение городу его исторического и священного имени — Санкт-Петербург» [31 мая 1991 г. пресс-конференция в Свято-Даниловом монастыре в Москве]. В Кунсткамере им. Петра Великого был проявлен интерес к аргументации Солженицына, и было сформулировано резюме — «Сами разберемся в своем городе...».

Внимательно отнеслись к мнению М.С. Горбачева, отвечавшего на вопрос редакции газеты «Правда» 12 июля 1991 г. Было понятно, что Михаил Сергеевич выскажется на стороне сохранения за городом имени Ленинград. Но вот то, какие именно аргументы он выбрал для отстаивания своей позиции, заставило отшатнуться от него даже и сторонников сохранения этого названия. «Великий город носит имя великого человека. В.И. Ленин навсегда вошел в число крупнейших мыслителей, политических и государственных деятелей XX в. И с городом на Неве связано главное дело всей его жизни. <...> Всем нам надо иметь в виду, что решение увековечить имя Ленина, принятое в 1924 г. на втором Съезде Советов СССР, выразило волю народов всей страны. <...> Нет ни нравственных, ни политических оснований для его изменения». В среде профессиональных историков подобные аргументы вызвали сильное раздражение. Цитировали резкие слова заместителя главного редактора телеканала «Культура» Б.А. Курковой: «Именем Ленина мы как будто прокляты, это клеймо».

Очень непросто обсуждалась в разговорах и горожан, зафиксированных в СМИ, и между нашими сотрудниками другая смысловая доминанта переименования города. Важнейшие аргументы в пользу сохранения названия «Ленинград» принадлежали стороне блокадников и вызывали понимание. При этом полное отсутствие понимания встречали выпендренные утверждения о наличии в городе «*мощного движения за возрождение блистательного образа Северной столицы*», как о том писал В.С. Ягья, ссылаясь на А.А. Собчака в роли «инициатора возрождения города на Неве». Актуальная память горожан не сохранила образ блистательного столичного города, но сохранила следы упорного ежедневного выживания в условиях послевоенной разрухи и карточной системы обеспечения продовольствием. Послевоенный город состарился в тяжелых трудовых буднях и по сей день остается городом пожилых людей, жизнь которых во время войны сохранилась в Ленинграде случайно. Послевоенный город принял еще и тех людей, которые с родных пепелищ, с фронтовых территорий перебрались в послевоенную разруху, ни себе, ни другим не в радость. И всем вместе этим горожанам было больно изменять памяти, которая, казалось бы, увековечена званием «Город-герой Ленинград». Во время предвыборной кампании в 1991 г. ленинградцы надрывно выражали свою боль, связанную с предположением, что со временем будет умалена память о подвиге блокадного города Ленинграда, обороне Ленинграда, восстановлении Ленинграда. Их трагическим предположениям противопоставлялись заверения в наличии солидарного чувства у всех горожан разных поколений, указания на «священную обязанность возвращения имени, данному городу при рождении» и множество других этических и эстетических соображений. Результаты голосования Б.А. Куркова справедливо охарактеризовала как «*еще один подвиг ленинградцев*»: 54,9 % — за возвращение городу первоначального названия, 42,7 % голосов — против переименования города.

«Вот если бы во время последней войны город носил имя Петроград!» — воскликнула Наталия Васильевна. Видимо, этот вопрос был продуман, потому что Н.В. Юхнёва аргументировала свою позицию не один раз и с разных сторон. Она была убеждена, что мно-

гим не нравится немецкое имя города: «Вот название Сестрорецк вокруг оружейного завода, это не «бург», не «штадт» — хорошее название, не для Европы, а для рабочих-оружейников. И городские слободы хорошо назывались: Монетная, Литейная, Пушкарская». Следовала краеведческая вставка: «Правда, с Александро-Невской Лаврой ошибка вышла. Петр полагал, что Лавра возведена на месте битвы Александра Невского со шведами. На самом деле это событие произошло выше по Неве при впадении в нее Ижоры». Обобщение профессионального историка: «Петр I впервые делал столицу не как удельно-княжеский город (Русь Киевская, Русь Владимиро-Суздальская, Русь Московская), а столицу имперскую, общенациональную. Вот и назвал бы город сразу Петроград, по-русски». И совершенно неожиданно: «Блокадники в себя прийти не могут от Санкт-Петербурга, Ленинград для них святыня... Вот если бы Петроград!»

С 1988 года мы с Наталией Васильевной Юхнёвой планировали заняться изучением разных жизненных сюжетов блокадников. У нее уже была собрана значительная по численности картотека адресов этого контингента горожан и сделаны черновые наброски анкеты их почтового опроса. Вопросы в анкете и адресов проживания было слишком много. По разным источникам указывается разная численность жителей города в период блокады. Наталия Васильевна мечтала о подробнейшем биографическом опросе. Она хотела использовать метод жизнеописания, который складывается из биографического материала, собранного об отдельных лицах в виде воспоминаний самих людей. При этом для расширения и проверки достоверности информации, предоставляемой отдельными лицами, должны были использоваться письма, отчеты того времени и газетные описания. Ее задача — получить «формализованную искренность» на пути сочетания жизнеописаний в форме дневниковых свидетельств и одновременного подробнейшего анкетирования блокадников — превышала планку допустимого, но Наталия Васильевна была упорна в реализации своих намерений. Было понятно, что проект требует не только большого энтузиазма, но и большего числа исполнителей. И самое удивительное, что исполнителей Н.В. Юхнёва нашла.

В тот период времени особенно часто на «обкатку» своих проектов нас приглашали сотрудники Государственного музея истории Санкт-Петербурга. В их аудитории возникала и неоднократно горячо обсуждалась тема «мифический петербуржец vs реальный житель города». На всех мероприятиях ГМИ СПб было много людей, которых хозяева называли «наши друзья Музея» — активисты, которые изучали город, его историю и дружили, объединяясь в группы по интересам. Существование «блокадной секции» в среде любителей истории города обнадежило Наталию Васильевну. Начались переговоры, но постепенно мы убеждались, что у блокадников изначально формировались и продолжают работать собственные исключительные представления относительно конкретных военных сюжетов возникновения блокады города. Разные оценки действий властей страны и города во время войны высказывались людьми очень настойчиво и чрезвычайно эмоционально, но главное — чаще всего в вопросительной, а не утвердительной форме. В ситуации предполагаемого интервьюирования было не очень понятно, кто кого намерен спрашивать. В итоге «репетиций» мы решили, что не готовы даже на уровне проектных гипотез подготовить военно-историческую подоснову причин возникновения и характера течения блокады Ленинграда.

Наталия Васильевна не любила вспоминать этот нереализованный проект, указав в ряду неосуществленных два других: «Проект музеефикации рабочей окраины» и «Школу интернационального воспитания» [Юхнёва 2004: 133–138]. Отрицательный результат был для нас поучительным. Сложилось коллегиальное мнение: изучение темы блокады Ленинграда — дело военных историков.

Сама Наталия Васильевна была эвакуирована из блокадного Ленинграда в Барнаул, родной город ее родителей. Вернувшись, переживала трагедию города по тем следам, которые оставила война. Она сохранила в памяти те послевоенные впечатления, которые производили на нее искалеченные взрывами дома, и прежде отсутствовавшие, возникшие после бомбардировок проходные дворы, и вырубленные деревья бульваров родных мест ее района. Глядя на пострадавшие строения, она даже подумывала стать архитектором или реставратором, мечтая, чтобы город быстрее ожил. Город

становился настоящей страстью Наталии Васильевны. Она сравнивала книжные знания по истории Санкт-Петербурга с видимыми городскими реалиями и формировала собственные оценки, правильность которых надо было подтверждать. Эта осмысленная любовь к городу, окрашенная состраданием к нему, повлияла на выбор профессии. Подчиняясь своему интересу к городу и горожанам, Н.В. Юхнёва осознала себя гуманитарием и решила стать историком, хотя с золотой медалью после окончания школы могла бы выбрать специальность более прагматично. Ситуация того времени, когда выпускница школы Наталия Юхнёва делала предпочтительный для себя выбор вуза, была неожиданно ярко окрашена — страна как никогда торжественно решила отметить 220-летие Академии наук. Через газеты и радиотрансляцию пошли официальные сообщения о невиданных повышениях окладов ученым, о специальном обеспечении научных работников, было принято решение об улучшении положения студентов, о разрешении совместительства преподавателям вузов. Слова «наука», «ученые», «подготовка научных и преподавательских кадров», «достижения новых рубежей научного знания», «стремление молодежи к научному знанию» звучали призывом к завидной карьере ученого, отправной точкой которой является университет. Отец Наталии Васильевны был преподавателем, наверное, в семье обсуждалось будущее дочери. Может быть, обсуждалось и будущее развитие страны, так было принято в семьях городской интеллигенции.

Наталия Васильевна Юхнёва вспоминала о своем первом экспедиционном опыте работы в составе группы этнографов, выезжавших на Урал. Она постаралась и сумела развернуть свою работу по самостоятельному плану полевого исследования, который соответствовал ее собственным научным пристрастиям. Этнографы уходили вглубь временных пластов по своим исследовательским маршрутам, которые не были окончательно затерты поколенческими смещениями. В их полевых материалах фиксировались процессы поглощения местного населения Западной Сибири волнами пришедшего населения.

В городе на р. Тагил, который безостановочно дымил страшными багровыми выбросами металлургического комбината, участ-

ники экспедиции наблюдали и фиксировали быт горняков и металлургов. В Нижнем Тагиле одновременно работали вагоностроительный, котельно-радиаторный, медико-инструментальный заводы, предприятия химический, коксохимический и меднорудной промышленности. Н.В. Юхнёва статистически документировала все этапы роста города — от момента его основания в 1725 г., переименования в 1917 г., избыточного переполнения численности населения в период войны и вплоть до 1970-х годов. Рост числа предприятий Нижнего Тагила произошел искусственно: во время войны на Урал были эвакуированы заводы из Ленинграда и Северо-Запада страны. Наталию Васильевну Юхнёву живо интересовали реалии военного и послевоенного времени. Проводя конкретные социологические исследования производственной жизни рабочих в Нижнем Тагиле, она одновременно изучала их быт в том ракурсе, который ей был особенно интересен. Она фиксировала необратимые изменения в самой сути городской организации, когда большие по численности массы людей радикально и необратимо ломали структуру довоенной жизни города, приспособлявая его под свои нужды. До войны город для себя готовил только учителей и средний медицинский персонал, все остальные квалифицированные кадры командировались в город по распределению на рабочие места. Произошло резкое увеличение числа заводских инженеров, технологов, квалифицированных рабочих и членов их семей. Они составили новую прослойку городской интеллигенции. Улучшилась прежде всего организация дошкольного, школьного, профессионально-технического образования, так как на должности преподавателей пришли женщины из семей эвакуированных специалистов. Заводы финансировали работу столовых, медицинское поликлиническое обслуживание и работу Домов культуры для своих работников и членов их семей. Город вернулся и переориентировался на режим посменной круглосуточной работы заводов, подчинив себя главенствующим задачам военно-оборонного производства. Мобилизационная экономика создала новые городские уставы передвижения, торговли, быта, воспитания, досуга, безупречно подогнанные для исполнения государственных заказов и приказов. Нижний Тагил во время войны стал действующей моделью градообразования.

Н.В. Юхнёва старалась узнать как можно больше о периоде устройства на новом месте эвакуированных ленинградцев, воспоминания которых еще хранились в актуальной памяти людей. Многие эвакуированные семьи не вернулись из Нижнего Тагила на прежние места жительства, по разным причинам остались при заводах. Она опрашивала людей об их опыте приспособления на новом месте поселения, о связи с группами земляков, осевших в территориально близком Свердловске (Екатеринбурге). Сильные впечатления на нее произвели рассказы о том, что условия жизни в Нижнем Тагиле оказались значительно благоприятней, чем прежние ленинградские: зарабатывая на производстве, можно было и прокормиться, и приспособиться к суровым зимам, и обустроить быт семьи. К счастью для оголодавших ленинградцев, местные жители пользовались отлаженными способами обмена с промышленниками народностей окружающих территорий — ханты, манси, алтайцами, которые традиционно занимались оленеводством, звероводством, картофелеводством, рыболовством. Город получал питание сродни потребностям естественно растущего организма. В текстах биографий, в рассказах людей о взаимозависимых отношениях и устойчивых обязательствах взаимопомощи социальная история территориальных перемещений больших масс людей в исследовании Нижнего Тагила обретала плоть и кровь.

При написании совместной с этнографами монографии «Культура и быт горняков и металлургов: 1917–1970 гг.» [Крупянская и др.: 1974] методологически трудным оказался вопрос о критериях ограничения объекта изучения, при том условии, что исследователей интересует жизнедеятельность города как целого организма. Сама Н.В. Юхнёва старалась определить те условия, при которых у города возникает способность производить новые смыслы. Судьбы ленинградцев, укоренившихся на Урале, направляли ее мысль на понимание города как организационной структуры, которую необходимо не только описывать, но и объяснять как функционирующую этносоциальную культурную общность.

На Урале Н.В. Юхнёва нашла свою академическую тему, неисчерпаемую по объему для исследований во множестве направлений — и по исторической многоаспектности, и по разработке

новых методик изучения, и по междисциплинарной совместимости. На этом опытным основании следующим объектом ее научных исследований стал ее родной город Ленинград — Санкт-Петербург. Наталия Васильевна Юхнёва стала широко известна в кругах интеллигенции города как автор книги «Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX — начало XX века: Статистический анализ» [Юхнёва 1984: 223]. Это исследование создало ей имя социального историка, который фундаментально прорабатывает проблемы урбанизма — сосредоточенности населения на одной территории и связанную с этим специфику материальной и специфику духовной жизни. Научный авторитет и темперамент убежденного просветителя вывели ее из академической среды в сферу публичной деятельности города.

«Градозащитники» Ленинграда стали активно действовать в рамках Совета по экологии культуры, который инициативно возник в 1987 г. после защиты от сноса гостиницы «Англетер». Внутри Совета выделилась группа возвращения исторических названий, которая позже была преобразована в топонимическую комиссию в составе комиссии по культуре. Ее возглавил Глеб Сергеевич Лебедев — археолог, доктор исторических наук, один из создателей общества «Мемориал». Вокруг него собрались люди, с которыми Н.В. Юхнёвой хотелось бы работать. Сам Г.С. Лебедев оригинальничал, например, обосновывая собственную позицию необходимости возвращения городу первоначального имени аргументами «теории хронотопа». По его мнению, взаимозависимость истории, культуры, экономики и природы региона «неопровержимо требовала возвращения первоначального названия как фактора нормального, здорового развития города», который в разные исторические периоды времени фиксировал разные качественные содержания под разными наименованиям. Эта вброшенная Г.С. Лебедевым тема «исторических периодов здоровья и болезни города» вызвала обсуждение вопроса об обратимости / необратимости изменений в городской среде. Н.В. Юхнёва возражала, что процессы наложения друг на друга разных пластов исторических сущностей и тем более их столкновение отражали порядок управления городом, более естественный или насильственный в разные исторические

периоды. Н.В. Юхнёва не была согласна с Г.С. Лебедевым, она понимала «здоровье / болезнь города» только как метафору. Это не мешало обоим участвовать в обсуждении планов проведения кампаний по переименованию названий улиц и площадей.

На городском радио журналист Н. Ухова вела передачи о культурном наследии Ленинграда. Она часто консультировалась с Н.В. Юхнёвой и приглашала ее выступать перед слушателями по вопросам этнической истории города. Итогом тщательной подготовки к этим публичным выступлениям стали большие заделы разных исследовательских тем, которые привлекли многих краеведов к заинтересованному общению с Н.В. Юхнёвой, естественным порядком вставшей во главе изучения этнической истории города. В тот период времени, который теперь вспоминают как «краткий период свободы слова», ответственность журналистов за свои выступления и публикации была продиктована стремительно возникшей конкуренцией в СМИ. От качественного уровня информации зависел авторитет газеты и журнального издания, авторитет самого журналиста и, следовательно, авторитет ученого, к которому обращались за знаниями. От ученых общество надеялось получить гарантии истинности получаемой информации.

Об историко-научном фоне появления и признания темы этнографии города как отдельной и самостоятельной написала О.М. Фишман в статье «Из истории современных региональных исследований Северо-Запада в Санкт-Петербурге» [Фишман 2004: 98–134]. Автор отметила, что начиная с 1960-х годов в течение 20 лет регулярно проводились конференции по этнической истории и культуре Северо-Запада. Разработки возобновленной петербургской школы регионалистики свидетельствовали о новом этапе исследований в области этнической и гражданской истории. На этой основе выросли регулярные чтения «Этнография Петербурга – Ленинграда» под руководством Наталии Васильевны Юхнёвой.

Для этапа 1980-х годов характерным оказалось вовлечение в научные дискуссии об исторических судьбах народов Северо-Запада представителей этих народов — лидеров и участников национально-культурных движений и обществ. Правда, здесь следует согласиться с О.М. Фишман: уже через некоторое время был зафиксирован

«достаточно полемичный характер диалога между специалистами и членами национально-культурных движений и обществ» [Фишман 2004: 108]. Полемика приобрела острый характер, естественно, не на академических площадках, она сместилась в кружки и клубы, в объединения лидерского типа, ушла в квартиры и разместилась в околонаучных изданиях разного рода. С течением времени высокая волна активности всех национальных объединений спала, участники движений перестали претендовать на особые права в городском сообществе. Теперь национально-культурные объединения уже существуют на уровне объединений по интересам.

Н.В. Юхнёва считала, что просветительская работа с инициаторами национально-культурных объединений имеет серьезный по своим последствиям смысл. Около трех лет Наталия Васильевна была неутомима на этом направлении активности, не отказываясь от регулярных встреч почти с каждым инициатором национально-культурного возрождения. Активность появления национально-культурных объединений в городе была высока, но одновременно и почти сразу противоречива. Национальные объединения начинали делиться внутри единых сообществ на группы по разным основаниям. Одних интересовало преимущественно историческое прошлое своего народа; других — изучение родного языка; третьих — возможность предпринимательской деятельности, ориентированной на контакты с новыми государствами; четвертых — организация национальных детских садов, школ и спортивных секций; пятых — религия предков; шестых — национальная кухня, танцы, песни, одежда; седьмых — издание газет, журналов, радио- и телевидение; восьмых — этнографические экспедиции; девярых — установление связей по линии «народной дипломатии» с бывшими республиками распавшегося государства; десятых — собирание документов, воспоминаний, фотографий, еще кого-то — нахождение захоронений и других следов памяти военного периода времени. У каждой инициативы был лидер, вокруг него возникал кружок соратников. Другие участники, отодвинутые на обочину от центра объединения, либо разочарованно отходили, либо отпочковывались, выдвигая из своих рядов нового лидера группы. Не стоит закрывать глаза и на тот факт, что любой

вид общественной деятельности требует денежных вложений — у кого-то находились спонсоры, у большинства — нет.

И только немногие организаторы, озвучивавшие национальные сюжеты, имели программные построения по модели «Санкт-Петербург — наш общий дом». Городская власть начинала разворачивать на всех подконтрольных ей уровнях программы «толерантности», откровенно опасаясь таких «крайних инициатив», как создание в Санкт-Петербурге на деньги Турции «турецких школ только для мальчиков». Реально этот всплеск разнородной активности не был продолжительным по времени: все, кто планировали уехать в другие государства, — уехали довольно скоро. Тех, кто остался жить, удерживало в городе что-то для них более значимое, чем собственная этническая принадлежность, которую они не хотели ни обсуждать, ни публично демонстрировать.

Оценивая этот период времени можно сказать, что город отчетливо проявил свою историческую, изначально заложенную в его основание по проекту Петра I сущность столицы многонациональной империи. Активность националистов, претендующих на право выступать на политической арене от лица русских, была заметной прежде всего по той причине, что встречала дружный отпор горожан. Обсуждая с Наталией Васильевной Юхнёвой тактику общения с дилетантами, Кирилл Васильевич Чистов шутил, что им книги читать надо, а другого способа поумнеть не существует. На практике к существу вопроса о межнациональных отношениях он подходил очень серьезно: «Не важна длина бикфордова шнура, он передает искру взрывчатому веществу!» На Президиуме СПб Научного центра РАН был заслушан его доклад «Национальные проблемы в Ленинграде и Ленинградской области». Согласно постановлению Президиума под руководством чл.-корр. АН СССР К.В. Чистова была собрана межинститутская и междисциплинарная группа специалистов и подготовлена программа на 1991–1993 гг. «Межнациональные отношения в Санкт-Петербурге и области». Позже на этом основании возникла коллективная междисциплинарная гуманитарная программа «Возрождение Петербурга». По результатам научной кооперации этнографов МАЭ и РЭМ под редакцией К.В. Чистова вышла книга «Мы живем на одной земле».

Наталья Васильевна Юхнёва написала для этой книги статью «Петербург — Ленинград — многонациональный город» [Юхнёва 1962: 16–60].

Н.В. Юхнёва настойчиво развивала два новых направления: «понятие современность в этнографии» и «городское население как объект этнографического исследования». На этом пути она открывала те интеллектуальные маршруты, которые делали осмысленной общественную коммуникацию в среде городской интеллигенции. Когда в 1983 г. в Кунсткамере прошли академические чтения, тексты докладов которых были позже опубликованы в сборнике «Этнография Петербурга — Ленинграда: Этнокультурные процессы в Петербурге», то Н.В. Юхнёвой была заявлена тема «Петербург как центр национально-культурных движений народов России» [Юхнёва 1987: 4–12]. Это историческое направление было подхвачено некоторыми активистами национально-культурного возрождения в городе и далее разрослось уже в их исполнении, постепенно освобождаясь от кураторства ученых. Интересно, что не только переводчики, библиотекари и журналисты, но и инженеры, строители и военные вдруг обрели себя в области гуманитарного применения.

Лучше других овеществленную память, хранящуюся под плитами мостовых и за фасадами обветшалых особняков, умели декодировать археологи и архитекторы. Эти специалисты объединились между собой и предлагали этнографам активно участвовать в оформлении самостоятельного направления исследований — городской археологии. Им нужны были знания изначальных смыслов сложения городской культуры в период обустройства людей на новом месте. Этнографы могли помочь в описании замещения и восполнения всего того жизненно необходимого людям, что было оставлено переселенцами в прежних местах обитания. В запросах к городским этнографам присутствовали самые разные темы. И невольно преданная забвению «любовь к отеческим гробам», которая получает особенно скорбное звучание на кладбищах в новых краях, и рождение детей на почве, в которую еще не вложен достаточный труд, чтобы она благодарно отозвалась на усилия людей.

Отдельный интерес был обращен к местам и содержанию праздников, которые очень нескоро становились общегородскими, долго оберегая свое локальное происхождение. Пристальный интерес был заявлен к специфике жизни в городских слободах, и все разнообразие практик, связанных с хранением продуктовых запасов, с водой, чистотой и порядком — опытом предупреждения наступления эпидемий. Предполагалось, что именно городские этнографы (как если бы их было очень много) обладали знаниями о многоукладности быта, повседневных техниках выживания, которые, постепенно рутинизируясь, делали пространство обжитым, опуская в глубины подсознания переживания новоселов на берегах Невы. Из памяти поколений предполагалось извлечь сведения о сложностях установления добрососедства между людьми разных языков, разных вероисповеданий и обрядовых традиций (вплоть до разных пищевых пристрастий и запретов), по-разному привыкавших к климатическим особенностям Балтики. Разная скорость приближения к пониманию города — то ли как пограничной крепости, то ли как торгового центра, то ли как военного лагеря, то ли как престольного города, то ли как портовой зоны, то ли пространства ремесленных и ямщицких слобод — могла быть преодолена только в подчинении свирепой воле единоначалия. Функции государственного управления, обозначенного как «имперская столичность», уплотняли дробность восприятия города. Быстрое, по принуждению, осознание людьми общности трудовых усилий не только как исполнение приказа, но и на благо друг друга стало спасением.

Появление городских зон «общего блага», навыки накопления и хранения этого блага на виду у мира и на показ миру, вырабатывало новый стиль поведения горожан, вводило в оборот новые ценности городского солидарного существования. В истории Санкт-Петербурга хранится память об огромной территории человеческих усилий, которая запечатлена в многообразных вариантах изложений о городе. Необходимые конкретные знания о кладбищах и банях, переправах и кабаках, конюшнях и рынках, освещении, отоплении, канализации, способах борьбы с крысами, клопами и мухами известны городским этнографам. Но не известна ценность этих зна-

ний, необходимых для восстановления матрицы, служащей для отливки стереотипов горожан. В городе казарм, госпиталей, складов, торговых рядов и чиновничьих ведомств, гимназий и ремесленных училищ, доходных домов и церквей люди жили тесно, годами притираясь друг к другу. Городская среда воспроизводила себя как законсервированную целостность. И только перепроизводство смыслов из разноплеменных, разноречивых, разночинных источников стало основой общественных преобразований.

Городские общности обладают отличительной способностью производить противоречивые смысловые направленности социального мышления, развивать их и наделять языками изложения и описания. Например, при описании горожан словосочетание «коренной житель» до сих пор играет спорную роль. Н.В. Юхнёва использовала словосочетания «городские долгожители» и «укорененные жители города». Она акцентировала внимание не на факте рождения в городе, а на получении от города тех возможностей, которые городская среда предоставляет тем, кто готов использовать ее культурные накопления и социальные возможности для своего развития и продвижения, т.е. для кого город — пространство благополучения. Апелляция к «общему благу» как высшей ценности была обозначена Петром I, и от начала Санкт-Петербурга во все периоды его истории эта связь реального города и нереальной идеи опутывает горожан множеством экзистенциальных смыслов.

Наталия Васильевна воспринимала городской строй, понимала и стремилась объяснить и его разнообразие, и его типические черты. В своих исследованиях она преимущественно занималась периодом второй половины XIX — начала XX в. В этническом разрезе в это время Санкт-Петербург уже стал «русским городом с дисперсным расселением иноэтнических групп» [Юхнёва 2002: 19]. Мозаичная картина городской среды более раннего периода времени — плохо скрепленных друг с другом разных по этническому составу групп населения — уже была изменена. Желание исследовать первоначальные истоки культурной оригинальности города стало доминировать в исследованиях Н.В. Юхнёвой, начиная с цикла работ, методологически обоснованных еще в 1977 г.

в статье «Изучение города как этнографическая проблема» [Юхнёва 1977: 141–147]. С этого момента методологическое обоснование изучения города как этнографической проблемы является самым существенным в научном наследии Н.В. Юхнёвой. Ее последователи идут по пути подробного описания истории разных этнических групп в городе, выделяя этот объект как самодостаточный для этнографии. Н.В. Юхнёва ставила вопрос иначе — о многих основаниях и множественных техниках сложения статистических множеств в группы с качественно отличительными характеристиками. Исследователь сумела обосновать критерии групповой отличительности внутри статистической формальности именно потому, что начинала с историко-социологического изучения основ группировок населения [Юхнёва 1974: 25–130].

Сюжет, к отчетливости понимания которого Н.В. Юхнёва стремилась, в науке до сих пор плохо аргументирован. Например, социологи, работающие с понятиями «группы», в каждом конкретном случае оговаривают собственные критерии выделения из общего численного массива в группу на нужном исследователю основании. Многие специалисты используют методы статистического анализа данных, при котором изучаемая совокупность расчленяется на однородные по отдельным признакам группы и подгруппы и каждая характеризуется системой показателей. Н.В. Юхнёва тоже неоднократно использовала метод статистической группировки [Юхнёва 2004: 60–73]. Она анализировала групповые формы расселения — территориально сближенное расположение городских и сельских поселений и условия их агломерации. Сложнейшее понятие «группы социальные» всегда подразумевает относительную устойчивость совокупности людей. За этой «устойчивостью» скрыты наличие и общих интересов, и ценностей, и норм поведения. И то, и другое, и третье (может быть и четвертое, пятое) сложилось или находится в процессе складывания в рамках (узких и широких, четко ограниченных и условно обозначенных) исторически определенного сообщества, т.е. подчиняющегося системе политической власти конкретного исторического периода.

Н.В. Юхнёвой это было хорошо понятно. Как специалист по «истории СССР», она начинала работать с т.н. большими социаль-

ными группами. «Общественные классы», «социальные слои», «социальные группы» и «профессиональные группы» складываются в условиях систематического взаимодействия, которые принято обозначать как «критерии общности». Диапазон групп велик: от маленьких ассоциаций до крупномасштабных организаций, но и для тех, и для других отличительной чертой является осознание членами группы их общей идентичности. В статьях разных лет [Юхнёва 2005] это направление ею зафиксировано: «Производственная жизнь рабочих как предмет этнографического изучения», «Вопросы формирования, положения и облика рабочего класса Петербурга — Ленинграда (заметки этнографа по поводу книги “История рабочих Ленинграда”»», «Студенческое движение в Петербурге и первые демонстрации. 1901», «Рабочие Урала в 1920–1930-е годы: этапы модернизации и повседневность», «Наемный труд в сельском хозяйстве России и первый закон о сельскохозяйственных рабочих», «Изучение пражских рабочих в Чехословакии в 1970-е годы».

В среде этнографов, антропологов, археологов, востоковедов, филологов, лингвистов опыт ее работы с понятиями «общественные классы», «социальные слои» и «профессиональные группы» стал сопрягаться с понятиями «этнические общности или этнические группы». Для работы с корпусом научных представлений, объединенных понятием «этнической принадлежности к группе», было необходимым говорить о культурных нормах и ценностях отличия «своего» от «чужого». Специфика самосознания общей культурной идентичности вырабатывается и существует с целью отделения себя от членов других групп. Необходимо было перейти к изучению значений, возникающих в процессе взаимодействия внутри группы, и тем моделям передачи опыта, которые складываются в рамках повседневного социального взаимодействия. Только через десять лет, после того как с 1957 г. исследователь стала работать в новой для себя профессиональной среде, она выступила с докладом о принципах группировки населения [Юхнёва 1967: 67–68].

Город — это территория организации социума на основе информационно-технологического принципа. В общем универсально-унифицирующем тренде развития города остро конкурируют

картины мира, ценностные системы, образы жизни, социально-культурные и государственно-политические практики. Горожанин является сложным продуктом процесса социализации как «человек культуры», имеющий два измерения — личностное и общественное. Взаимодействие горожанина и общества предстает в многообразии культурных практик, порождает многочисленные образцы социального поведения, формируя новую реальность социально-культурных, политических и хозяйственных отношений. Столичный город Санкт-Петербург решал вопрос культурной и политической идентичности для себя, не соотносясь с остальной территорией России. Становлению столичной идентичности служили заимствованные европейские образовательные институты — гимназии, лицеи, частные пансионы и университеты. Замысел Петра I о России как европейской державе постепенно (с 1701 г.) обретал реальную социальную плоть через включение в систему образования более широких слоев населения. В дальнейшем через литературное творчество с его опытом исторического и духовно-нравственного самопознания национального бытия, через идейную самоорганизацию общественности думающее образованное меньшинство постепенно набирало силы для противопоставления себя статусному меньшинству.

В обосновании своих исследовательских намерений Н.В. Юхнёва ориентировалась на культурно-политическую традицию русских интеллектуалов [Юхнёва 1980: 94–95]. Любое научное намерение «обременено» историей, пытается определить логику исторической преемственности, и любое общественное намерение проходит этот этап. Только в научной деятельности работа над исторической преемственностью является азбучной истиной, а в обществе эта работа может оказаться сумбурной, скомканной, трудно воспринимаемой в публичной аудитории. Н.В. Юхнёва считала актуальной работу на благо общественного успокоения, полагая, что зафиксированный исследовательский опыт мыслительных исканий по социальной истории России применим в суждениях дней сегодняшних.

Н.В. Юхнёва видела сложность происходящего под определенным углом зрения, полагая, что российский социум не мог избе-

жать кризиса культурных идентичностей, являя собой сложный конгломерат традиционной, современной и постмодерной общности. Азы этнографического знания гласят, что любая национальная культура помнит себя в форме исторического предания, в основе которого лежит некий культурный миф, присутствующий в общественном и индивидуальном сознании, участвующий в создании целостного образа — картины бытия человека в истории и за ее пределами. Этнографы на опыте полевых исследований свидетельствовали, что самопонимание и нации, и любой культурной общности является проблемным. Подмена прежнего непротиворечивого образа национальной культуры и истории на рациональные поиски своей «реальной» культуры и истории в современности всегда заканчивается выводом о «похищенном» — рае, счастье, даре, величии, благополучии... Н.В. Юхнёва понимала, что «похитителем» окажется «имперский народ». Эту опасность, идущую от исключительности аргументации истории с точки зрения этнографического ее описания и интерпретации современности в популистской аранжировке она хотела смягчить, разводя горизонты этнического и социального исторического видения. В данном случае Н.В. Юхнёву интересовала не история науки, а то «полезное» из накопленного в научном знании, что можно безотлагательно применить в качестве инструмента общественной практики для преобразования действительности. С этой вполне конкретной целью можно было возбуждать общественный интерес к духовно-интеллектуальной традиции.

Историческое наследие, представленное достижениями выдающихся авторов художественной, научной, религиозной культуры, усвоено и присутствует в образованных кругах общества как пассивный опыт. В кругах широкой общественности всегда ощущим дефицит в созидательных образцах общественно-политической, правовой и экономической деятельности. Дискуссии в узких кругах специалистов не прекращались, но даже если они и транслировались в публичное пространство, то не становились устойчивыми идейными направляющими общественной коммуникации. Н.В. Юхнёва полагала, что этому препятствуют исторические стереотипы, поэтому требуется оформление современных проблем

на иной культурной основе, в обход трудно преодолимой основы советского образования, на которой воспитано гуманитарное мышление.

Н.В. Юхнёва вывела на политическую публичную арену города группы национальных меньшинств. Это было непросто, но стал складываться новый опыт популяризации исторического знания. Сложность этого движения была связана с процедурами исторической и социологической экспертизы. За рамками сложившихся ментальных стереотипов культуры возникали возможности поиска смысла и решений социальных противоречий посредством преодоления их ограниченности. Вдохновляло профессионального историка Н.В. Юхнёву, конечно, знание петровской модернизации России [Юхнёва 1982: 201], которая привела к изменению культурной парадигмы, когда традиционное русское общество осваивало современность по сценарию формирования просвещенного образованного класса, приобщенного к ценностям светской культуры. И была вера самой Н.В. Юхнёвой, что Санкт-Петербург способен, как никакой другой город в стране, помочь европеизации России.

Сосредоточенность взгляда исследователя на предельно сложном предмете (общественной жизни во всем многообразии ее социальных, культурных и личностно-психологических взаимосвязей) представляет собой опыт интеллектуальной рефлексии. Поэтому вопрос, адресованный Н.В. Юхнёвой к социальной истории, может быть определен как поиск культурных форм свободы. Одну из таких форм свободы она усматривала в деятельности международных Групп по правам национальных меньшинств, членом которой при Союзе ученых СПб она являлась.

Привлекает внимание настойчивое обращение Н.В. Юхнёвой к понятию «современность», которое она из философских и социологических текстов переосмысливает для этнографии. И в этой связи хочется вернуться к той ее мысли, которая вынесена в заголовок статьи: «Без идеалистов и романтиков нет будущего ни у России, ни у русских». Это по своей форме опозитизированное утверждение скрывает большую сложность, которую Наталия Васильевна многократно пыталась сделать максимально доступной. Речь не идет об актуальной потребности в фигурах идеалистов и романти-

ков. Речь идет о понимании того факта, что в России отсутствует «срединное пространство отношений» между индивидом и обществом. В истории страны это указывало на отсутствие сбалансированности интересов различных социальных групп, не скрепленных ни общественным договором, ни правом. Только в XIX в. это «промежуточное пространство» стало выстраиваться, но преимущественно в сфере творческих усилий писателей, композиторов, историков, публицистов. Слишком оторвана от реальности версия русской культурно-политической истории, которая через тексты осмысливает страну, описывая институты личной и экономической зависимости крестьянства при слабости третьего сословия и сакральную легитимность самодержавной власти. Н.В. Юхнёва указывает на «правильное место», где концепт свободы — основа политического либерализма — пробился сквозь метафизические искания в пространство онтологии. Только город внедряет в умы горожан представления о свободе как о нужде, потребности и желании. Избавление от традиционалистских стереотипов коллективного сознания не пришло сразу, процесс индивидуального интеллектуального развития человека начинался с распада групповых общностей. Город создавал возможности осмыслить предел власти коллектива над личностью, заманчиво преподнося освобождение от косности социального порядка хотя бы и на пути культурного подражательства. Только город обладал гимназиями, лицеями, частными пансионами и университетами, в которых начиналось и утверждалось историческое и духовно-нравственное самопознание национального бытия.

В Санкт-Петербурге подражательство шло от замысла Петра о России как европейской державе. Подражательство изначально было делом престижным и потому находило воплощение в интеллектуальной и политической биографии ряда представителей русской мысли, которые указывали на возможность продуктивного синтеза ценностей национальной культуры и европейских гражданских институтов: М.М. Сперанский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, И.С. Аксаков, В.О. Ключевский, П.Б. Струве, Г.П. Федотов. Еще многие другие имена перечисляются каждый раз, когда речь идет о просветительских проектах.

Сама Н.В. Юхнёва была сторонницей просветительства. Но только из позиции просветительства трудно объяснить, по какой причине богатство и глубина духовно-культурного опыта регулярно в отечественной истории входит в противоречие с процессами социально-политического и экономического развития страны. Н.В. Юхнёва надеялась, что «перестройка» актуализирует концепт Культуры в публичном пространстве. Но общественный консенсус по ключевым моментам культурно-политической и социально-экономической жизни не сложился, не сложилось и единое политическое поле нации. В очередной раз встал вопрос об адекватности наших представлений о себе, своем прошлом и отношении к нему. Высокая культура при отсутствии правовых условий, необходимых для эволюционирования политических институтов, не способна порождать инструментальное мышление ежедневности, она зависает в облаках демагогии. Публичное пространство культуры, в котором выговариваются все идеи русского либерализма с его борьбой за свободу слова, свободу совести, доступа к образованию и ценностям культуры, располагается в стороне от острой конкуренции господствующих образцов и стилей жизни, которые продиктованы борьбой за первичные ресурсы. «Думающее меньшинство» не может оппонировать легализованному на политическом, экономическом и культурном поле постсоветской России «статусному меньшинству». Эти статусные доминантные группы проводят ангажированную работу с общественным сознанием, используя старые образы «внутренних врагов» и «внешних врагов», все чаще применяя архаическую формулу манипуляции «мы vs они». В итоге любая здравость, любое старание действовать хотя бы на уровне «теории малых дел» тонут в мифологизации событий прошлой, нынешней и будущей российской истории. Н.В. Юхнёва полагала, что о новой стратегии развития России речь может идти только на основе консолидированной научной, общественной и государственной работы. Эту работу в культурно-политической истории России могут делать идеалисты и романтики, которые стремятся обеспечить процедуру критического переосмысления и творческого освоения культурной традиции.

Библиография

- Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнёва Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970) / Отв. ред. К.В. Чистов. М.: Наука, 1974. 319 с.
- Неосуществленные проекты // Этнография Петербурга — Ленинграда: Тридцать лет изучения. 1974–2004 / Сост. и отв. ред. Н.В. Юхнёва. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 133–138.
- Фишман О.М. Из истории современных региональных исследований Северо-Запада в Санкт-Петербурге // Динамика этнической культуры народов России: Сб. ст. памяти проф. А.В. Гадло / Под ред. В.А. Козьмина. СПбГУ, 2004. (Историческая этнография. Вып. 2). С. 98–134.
- Юхнёва Н.В. О принципах группировки населения русского города конца XIX — начала XX в. / Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г. (11–13 апреля 1967 г.). Л., 1967. С. 67–68.
- Юхнёва Н.В. Многоукладность городской экономики как основа для группировки населения городов России конца XIX — начала XX в. // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1972–1973, 23–26 июля 1974 г. Л.: Наука, 1974. С. 125–130.
- Юхнёва Н.В. Изучение города как этнографическая проблема // Этнографические исследования Северо-Запада СССР: Традиции и культура сельского населения. Л., 1977. С. 141–147.
- Юхнёва Н.В. К итогам этнографического изучения формирования населения Петербурга (период капитализма) // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований, 1978–1979 гг.: Тез. докл. Уфа, 1980. С. 94–95.
- Юхнёва Н.В. Петербург — многонациональная столица // Старый Петербург Историко-этнографическое исследование. Л., 1982. С. 7–51 с.
- Юхнёва Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX — начало XX в.: Статистический анализ / Ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1984. 223 с.
- Юхнёва Н.В. Петербург-Ленинград — многонациональный город // Мы живем на одной земле: Население Петербурга и Ленинградской области / Сост., науч. ред., авт. введ. и закл. К.В. Чистов. СПб.: Лениздат, 1992. С. 16–60.
- Юхнёва Н.В. Многонациональная столица империи // Многонациональный Петербург. История, Религия, Народы. СПб., 2002. С. 19.
- Юхнёва Н.В. К методике использования петербургских переписей населения к. XIX — н. XX в. в этнографических исследованиях // Этнография Петербурга — Ленинграда: Тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 60–73.

Этносы Петербурга

А.К. Салмин
М.Л. Засецкая
М. С.-Г. Албогачиева
Т.А. Шрадер

А.К. Салмин

ИСТОРИЯ АДАПТАЦИИ ЧУВАШЕЙ В ПЕТЕРБУРГЕ: XVIII ВЕК

В статье предпринята попытка проанализировать первые сто лет истории Санкт-Петербурга в контексте соучастия в жизни северной столицы чувашей. Особое внимание уделено таким актуальным вопросам, как людские ресурсы, обеспечение продовольствием, морское дело, строительство и архитектура, культура и наука, религия. В XVIII в. происходило интенсивное, массовое освоение чувашами Петербурга.

Ключевые слова: Петербург, XVIII в., чуваше, адаптация, строительство, наука.

A.K. Salmin

HISTORY OF ADAPTATION OF THE CHUVASH IN ST. PETERSBURG: 18TH CENTURY

The wide-scale settlement of the Chuvash in St. Petersburg took place in XVIII century.

This article attempts to analyze the first hundred years of the history of St. Petersburg in the context of participation of the Chuvash in the life of the northern capital. Special attention is given to such topical issues as human resources, provision of food, maritime affairs, construction and architecture, culture and science, and religion.

Keywords: city of Peter, 18th century, the Chuvash, adaptation, construction, science.

«Смотреть и беречь накрепко, чтоб татар и чувашу и черемису и вотяков русские люди и толмачи и приставы, также из них их братья татаровя и черемиса ябедники молодчих людей татар же и чувашу, и черемису, и вотяков не обидели напрасно и продажи и убытков не чинили, да и самим им окольников и воеводам, князю Петру Лукичу с товарищи, им напрасных никаких налогов и жестокостей не чинити, держать к ним ласка и привет и Государскою милостью обнадеживать; а от которых между ими бывает всякое дурно и в людях смута, и тех унимать, чтоб одноконечно никому ни от кого обид и нападков и убытков и разоренья не было».

Приведенная цитата выписана из наказа Петра I от 31 марта 1697 г. воеводам и князям Казанской провинции «Об управлении казенными и земскими делами» [ПСЗ III: 285]. В нем четко сформулированы методы и способы управления народом. Содержание наказа в целом проникнуто отеческой заботой не только о России, но и о людях, в ней живущих. Особенную чуткость проявлял царь к инородцам. Его указы своим ставленникам чрезвычайно актуальны и для сегодняшнего дня. Кстати, связи Петра I (Петра Алексеевича Романова) с чувашами начинаются и не с 1703 г., и не с 1697 г., они уходят в более глубокую давность. Так, боярыня Мария Шестова — бабушка М.Ф. Романова (1596–1645) в 1601 г. по указу Бориса Годунова была сослана пожизненно в Чебоксары. Здесь в Николаевском женском монастыре ее постригли. В этой обители в 1631 г. завершился земной путь бабушки первого царя из династии Романовых.

Беспредельна любовь чувашского народа к Петру Великому. Эти чувства заполнили самую сокровенную нишу народа — фольклор. Во всех жанрах устного поэтического творчества чувашей русский царь Петр — лицо положительное, демократичное и всегда принимающее мудрое решение. Автор этих строк в экспедиции 1994 г. к ульяновским чувашам записал забавное предание. «К Царю поступила жалоба на крестьян д. Средние Алгаши Цильнинского района, якобы не подчиняющихся его приказам. Разгневался Царь, затребовал объяснений, а направили к нему от деревни держать ответ самую красивую девушку, нарядив ее в яркие вышитые одежды и украшения из серебряных монет. “Почему не подчиняетесь

Царю?!” — был вопрос. “Царь-батюшка, мы слушаемся нашего Царя-Патшу, поэтому и носим его облик на нашей нежной груди” — был ответ. Подошел Царь к красавице и увидел, что на груди ее крупные, серебром сверкающие монеты с изображением его самого. Обрадовался Царь, поцеловал девушку в сладкие уста, усадил за царский стол» [Поле 94].

Есть ряд сказок, где Петр I, принятый крестьянином, стал кумом чуваша [Чувашские 1984].

На самом деле, как показывают факты, чувашам, как и всем другим народам, переселившимся на постоянное место жительства в Санкт-Петербург, не всегда было сладко. Переселенцам по принуждению и по собственной воле приходилось и приходится переживать одновременно целый комплекс адаптивных порогов. Например, приезжий вдруг оказывается среди людей иного поведения, иных религиозных взглядов, в иной природной среде, среди людей другой национальной принадлежности, сталкивается с иными (как правило, со значительно худшими) жилищными условиями и т.д. Таким образом, новичок сразу же обязан проходить культурную, религиозную, экологическую, этническую и экономическую адаптацию. Те, кто не сможет преодолеть эти препятствия, оказываются в проигрыше. А это непременно скажется на рождаемости, продолжительности жизни и трудоспособности.

Однако экстремальные ситуации могут и раскрыть ранее не замеченные, не востребованные возможности. Исход может быть разным — от расцвета до ухода «с арены». Например, татары в Петербурге являются примером благоприятной адаптации и самосохранения, а чуваша склонны растворяться в массе большинства. Во втором случае происходит «денационализация культурных и социальных ценностей» [Чистов 1989: 4].

Демократичные и многонациональные с первых же дней Санкт-Петербург и губерния, несмотря на тяжелейшие условия адаптации, стали родными для многих чувашей. Видимо, тяжести физического и материального плана более выносимы, чем этнические и культурные барьеры.

Людские ресурсы. Гениальные идеи Петра I о построении города европейского типа с выходом в морские просторы претворялись

в жизнь им же самим. В первую очередь нужны были в достаточном количестве людские ресурсы. Естественно, их надо было доставить из российских глубин. Царь издает по этому поводу ряд указов.

В первые годы работали, говоря современным языком, вахтовым способом. В каждой смене насчитывалось более 13 000 чел. География приезжавших была пространной. Например, в 1703 г. третью смену (с 25 июля по 25 сентября) составляли направляемые из поволжских и прикамских земель, из Алатыря, Казани, Свияжска, Самары, Сызрани, Саратова и других городов [Мавродин 1983: 83]. В 1705 г. в третью смену на август и сентябрь к работам в Петербурге и Нарве заступили рабочие из Поволжья, в том числе из городов с уездами: Алатыря, Казани, Свияжска, Симбирска, Курмыша, Чебоксар, Цивильска, Ядрина, Самары [Петров 1885: 59]. В этот период резко увеличивается набор рекрутов. Так, в январе 1705 г. газета «Ведомости» сообщает, что «в Казани и в иных низовых городах набрано вновь солдат 25 000 чел., которые уже во учении обретаются» [Ведомости 1705: № 5].

В 1706 г. в Казани организовывается набор строительных специалистов. Каменщики, кирпичники и каменоломщики в количестве 173 чел. отправляются в Санкт-Петербург. В это время началось строительство каменной Петербургской крепости, и новоприбывшие, по всей видимости, были направлены именно туда [Андреева 2006: 9].

12 мая 1708 г. Петр Алексеевич пишет Казанскому голове Н.А. Кудрявцеву: «По получении сего указу Казанского уезду и протчих низовых городов татар и чюваши и ис черемисы, ежели столько татар не будет, наряди в Питербух на службу пять тысяч человек и отправь их немедленно сюды водою, а хлеба им вели взять с собою только на проезд до здешнего места» [Письма 1918: 165]. Этот документ как нельзя лучше показывает силу характера Петра Алексеевича и его царскую заботу о своих подопечных. Несмотря на трудности по наведению порядка в крае, Н.А. Кудрявцев спешит исполнить царский Указ. Так, в октябре 1708 г. он докладывает: «Всемиловейший царь, государь. По твоему государеву ясашных и служилых татар Казанского и других городов с уездов 2104 человека, да Синбирской служилой чюваши 700 человек, всего

2804 человека в Санкт-Питербух высланы з дворяны в нынешнем октябре в розных числех. А порознь, государь, с Алексеем Бекетовым 778 человек, с Васильем Тимачовым 488 человек, с Ываном Нармацким 1020 человек, с Мартыном Суворовым 518 человек. Да у них же, государь, у пяти человек по лошаде взяты с оставших, и те лошади все запятнаны. И в отписках, государь, в Санкт-Петербурх к господину к генералу-маеору и обер х каменданту к Роману Брюсу с ними дворяны писали и в наказах им написали, что людей им отдать и лошадей объявить всех по росписям, в которых летами и шерстами те лошади написаны. А всех с ними отпущено 562 лошади; и мерины, государь, все подъемные, а иные и под драгун годятца» [Письма 1946: 888].

18 августа 1710 г. Петр издает указ на имя генерал-адмирала П.М. Апраксина, повелев переселить в Петербург на постоянное место мастеровых людей из приписанных к адмиралтейству мест центральной России. Согласно указу мастеровых в количестве 14 971 чел. следовало переселить вместе с их семьями, а для их жилья построить дома за счет казны. Что касается разнарядки по Казанской губернии, то положено было взять всего 667 чел., в том числе 50 кузнецов, 264 плотника, 296 каменщиков и 13 кирпичников [Петров 1885: 83–84, прим. 169]. Однако размах строительства требовал соответственного количества рабочих рук и специалистов. Целеустремленный Петр за всем следил сам и не любил оплошности. Например, 18 августа 1710 г. он строго упрекает своего сподвижника графа П.М. Апраксина: «Также зело мы удивляемся вам, что вы по определению с Ульяном Синявиным оплошились в высылке татар и чуваш сюда на работу, а именно: явилось здесь только по сие время 1262 человека, да с дороги сбежало 474. Что зело нужно, дабы они сполна были сюды высланы с добрым провожатым, чтоб с дороги не бегали, дабы оттого то здесь в работе остановки не учинилось. И ежели впредь так будет, то взыщется на вас. С Казанской губернии надобно выслать в Петербург к городовым делам работников в первую очередь перемену 2867 человек, денег им на каждого человека по рублю на месяц, итого им на три месяца 8601 рубль; в другую перемену людей и денег высылать против того ж» [Письма 1956: 291–292].

Согласно разнарядке, на строительство Петербурга из Казанской губернии в 1710 г. было назначено отправить 8580 работных людей, в 1711 г. — 6272, в 1712 — 5733, в 1713 — 7518, а в 1714 и 1715 годах — по 6024. В 1711 г. из Казанской губ. только мастеровых надлежало прислать 667 чел. [Андреева 2006: 9]. В 1712 г. начинается постройка каменного Петропавловского собора. Работы по его сооружению выполнялись переведенцами из губерний. В справке секретаря Ближней канцелярии государя А.В. Макарова сообщается, что смена по строительству Петропавловского собора насчитывает 20 000 чел., в том числе прибывших из Казанской губернии — 3136 чел. [Петров 1885: 92]. Согласно указу великого государя, в июле 1715 г. в Казанской губ. собрано и выслано в Санкт-Петербург некрещеных татар, мордвы и чувашей 1255 чел. С соответствующими снастями, провиантом и деньгами. Их сопровождали провожатые. Новобранцы прибыли в распоряжение канцелярии Городовых дел 19 августа [Дубровин 1897: 776]. Но в 1718 г. повинность населения по строительству Петербурга была сокращена, а 31 марта 1721 г. отменена окончательно.

В числе первых в Петербурге застраивалась Татарская слобода. Образование ее было прямым следствием распоряжений Петра I. По словам современников, возникла она к северу от Петропавловской крепости за кронверком. Жили в этой слободе народы, приехавшие на строительство: татары, чуваша, марийцы, удмурты, башкиры, калмыки, казаки. Название «Татарская слобода» весьма условно, оно включало многих приехавших сюда из других губерний. Иностраный путешественник начала XVIII в. о татарском рынке, расположенном напротив кронверка, в частности, говорил, что здесь задешево можно купить «старое платье всевозможных национальностей» [Описание 1975: 220]. С Татарской слободой смыкалась Белозерская слобода. «В ней жили дислоцированные у крепости полки татар, калмыков и запорожских казаков, которые в первые годы города основали здесь свои «таборы»» [Анисимов 2003: 57]. Рядом располагался Обжорный (Сытный) рынок.

Как объяснял историк П.Н. Петров, татарской в ту пору называли иррегулярные конницы калмыков, а юрты их — татарским становищем. «Кроме лачужек, в Татарской слободе построились

дворами солдаты и офицеры Белозерского полка, вместе с солдатами Выборгского полка; были, впрочем, владельцами 21 избы и промышлявшие торговлю, татары казанские в общем итоге 70 мест составлявшие меньше третьей части. Тут же было, у кронверка, и шесть деревянных солдатских казарм» [Петров 1885: 97]. Здесь же обитала весьма многочисленная община шведских военнопленных со своей церковью и двумя священниками. «Но в 1721 г. по условиям заключенного тогда Ништадтского мира эти пленные были отправлены обратно на родину, и община прекратила свое существование» [Реймерс 2007: 72].

Следует, конечно, учесть и то, что «слободой» до отмены крепостного права по всей России именовали любое пригородное большое село с не крепостным населением. А само слово «слобода» происходит от значения «свободный». Иначе говоря, «Татарская слобода» является экзонимом. В целом Санкт-Петербург в то время не был городом в собственном смысле. Устраивались приезжие нерегулярно — поселками и слободами. «Люди стремились селиться на местах посуше, строения “обходили” заболоченные низины и “скапливались” на возвышенностях, сухих местах» [Анисимов 2003: 59].

Вообще «татары» для Санкт-Петербурга начала XVIII в. — понятие собирательное. Даже в Первой Всероссийской переписи населения татары, башкиры, тептяри, чуваша, азербайджанцы, турки-османцы, туркмены и киргизы объединены в группу носителей «турецко-татарских языков» [Первая 1903: 93–94].

Во втором десятилетии XVIII в. чрезмерно возросла тяжесть повинностей. Воеводы по-прежнему набирали на работы в Петербург крестьян из чувашских и марийских уездов. Условия работы были очень тяжелы, работники часто болели и погибали. «Тяжесть рекрутской повинности в связи с ведением Северной войны многократно усилилась. В течение 1710–1719 гг. было проведено 34 рекрутских набора, причем в это число не входят наборы запасных и рабочих людей и матросов» [Селиванова 2005: 39–40].

В 1712 г. Петр издает указ о переезде царского двора из Москвы в Петербург. В следующем году перемещается сюда и правительствующий Сенат. Коллегии Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская уже находились в Петербурге. В течение 1718–1721 гг. здесь

сформировались и другие коллегии. Центр политической жизни все больше перемещался из старой столицы в новую.

Приблизительные подсчеты показывают, что на 1725 г. в Петербурге проживало 30–40 тыс. чел. Но с переездом царского двора в Москву в 1728 г. численность города начинает сокращаться. В 1729 г. Сенат издает даже Указ о возвращении в северную столицу многих самовольно покинувших город купцов и ремесленников.

Из записи в журнале Верховного тайного совета узнаем, что в марте 1726 г. из Казанской губернии прибыло 5000 татар [Дубровин 1886: 178–180]. Конечно, под «татарами» опять имелись в виду инородцы этого края — собственно татары, а также чуваша, марийцы и т.д.

Из переписи, устроенной в декабре 1733 — январе 1734 гг., видно, что только на Невском кирпичном заводе кирпичниками, обжигальщиками и гончарами работали 16 человек из Казанского уезда, 7 — из Свияжского, 2 — из Чебоксарского [Семёнова 1974: 84].

Согласно точной переписи Полицмейстерской канцелярии, на 1737 г. в Петербурге насчитывалось 5898 дворов. Число жителей (включая женщин, детей, крестьян-отходников, солдат, нищих) составляло примерно 70 тыс. чел. В 1750 г. взрослое население Петербурга составляло 74 283 чел., а всего вместе с детьми в нем проживало 95 тыс. чел. Как подсчитал А.Л. Шлёцер, опираясь на данные о числе рождений и смертей, а также о заключенных браках, в 1762 г. в Петербурге было не менее 130 тыс. «обывателей». А.Н. Радищев, составивший по поручению правительства «Описание Санкт-Петербургской губернии», писал, что в 1788 г. здесь проживало примерно 200 тыс. жителей. Статистические выкладки академика И.Г. Георги показывают перекося естественных пропорций между мужским и женским полом на исходе века. Например, в 1792 г. в Петербурге на 137 440 мужчин приходилось всего 66 115 женщин. «По данным на 1800 г., население Петербурга выросло до 220 208 чел., из них на долю мужчин приходилось 153 590, на долю женщин — 66 618 чел.» [Семёнова 1998: 8].

Как видим, велся строгий учет всех прибывающих в город людей. Поступающих по разнарядке рабочих считали, а за недостаточное количество губернии присылали других или компенсирова-

ли деньгами. А вот подсчетом количества умерших в Санкт-Петербурге не занимались. Тем не менее имеются косвенные данные. Так, дипломат Ю. Юль относительно города Кроншлота 1709–1710 гг. сообщал, что при сооружении его погибло от голода, холода, морозов и изнурительных работ более 40 тыс. крестьян, а при строительстве Петропавловской крепости погибло не менее 60 тыс. чел. Согласно Г. Геркенсу, побывавшему в Петербурге в 1710–1711 гг., при строительстве города погибло 100 тыс. чел. Эту же цифру подтверждает Ганноверский резидент Хр.Ф. Вебер. «В 1733 г. кто-то сказал англичанину Ф. Дешвуду, что при строительстве Петербурга и Кронштадта погибло 300 тыс. чел.» [Анисимов 2003: 84]. Было очень много больных. В основном болели цингой и дизентерией. Медицинская помощь отсутствовала вообще. Люди умирали массами. Никто не удивлялся тому, что «люди по улицам мертвые валялись». «Действительно, под нашими ногами лежат кости строителей... Смертность работников при строительстве Ладожского канала в 1718–1728 гг. была так велика, что через какое-то время окрестности стройки напоминали кладбище, и Б.Х. Миниху пришлось срочно снести все кресты, чтобы не пугать новых рабочих» [Анисимов 2003: 85, 88].

Обеспечение продовольствием. Конечно, в новом городе со сплошной стройплощадкой остро стоял вопрос обеспечения продовольствием. С учетом болотистой местности и преимущественно с непригодной для возделывания урожая земель недостаток пропитания приобретал катастрофические масштабы. Ситуацию срочно следовало выправлять. И опять выручали российские губернии. Среди них Казанская губерния занимала основное место. Зерно, муку, крупу, икру и сало начали завозить из Среднего Поволжья [Павленко 2004: 338]. «Для снабжения города продовольствием использовали прежде всего водные пути. Грузы везли по Волге в Тверь, оттуда по системе рек на Ладожское озеро и по Неве через пороги в Петербург. Уже в 1703–1709 гг. был сооружен канал в районе Вышнего Волочка, что значительно обеспечило движение судов. Весной Вышневолоцкий канал пропускал до 1200–1500 барок и столько же проходило в течение лета и осени. Значительным препятствием на пути к столице оставалось бурное Ладожское

озеро. Из-за частых штормов на озере гибло много барж и лодок. По приказу Петра I в 1718 г. началось сооружение Ладожского канала, законченного лишь в 1728 г. Канал позволял проводить суда в обход Ладожского озера, что сделало навигацию более безопасной. Уже в 1729 г. через Ладожский канал прошло 1240 барок. Проводили барки бурлаки» [Семёнова 1998: 165–166].

Петербургский немец фон Генрих Реймеср в 1803 г. по свежим следам истории писал буквально следующее: «Дороговизна увеличилась еще до того, что Петербург, в отличие от других больших городов, не получал продукты с окрестных земель, а, наоборот, сам снабжал продуктами земледелия жителей окрестных деревень» [Реймеср 2007: 100]. Поэтому совершенно справедливо высказывание, сделанное в середине первого десятилетия XVIII в.: «Если бы из Новгорода, Пскова и Москвы и даже из Казанского царства не доставляли сюда продовольствие, особенно муку, <...> то не только бы Петербург, но и эта часть страны вымерла бы от голода» [Описание 1975: 229].

В последние годы XVIII столетия в город ежегодно завозили с Волги от 1 до 4 млн пудов немолотой ржи, до 400 тыс. пудов пшеницы, ржаной муки от 2 до 5 млн пудов, пшеничной — от 140 до 400 тыс. пудов. Капустой, репой, огурцами и луком удовлетворяли в основном огородники и крестьяне из окрестностей Петербурга. В болотах и мхах Новгородской губернии люди собирали ягоды. Некоторые фрукты в столицу доставляли на судах с Волги. Из Германии приходили корабли с яблоками и грушами. По свидетельству И.Г. Георги, даже в конце века сады и огороды в Петербурге занимали обширное место. Волжские купцы доставляли ежегодно от 13 до 25 тыс. живых стерлядей. Карпы поставлялись из Пруссии, икра — с Волги и Яика. Много рыбы ловили в Неве, Ладожском озере и Финском заливе. А соленых сигаев петербуржцы возили даже на продажу в Москву.

Морское дело. Постройка города и заселение его людьми не были самоцелью. Главное — выход в море. Для этого нужен большой военный и торговый флот. Остро встал вопрос о корабельном лесе. А его на месте недостаточно. И опять взоры Петра I устремлены на Среднюю Волгу, покрытую дремучей дубравой. По царскому

указу крестьян — татар, чувашей, марийцев, мордву и русских Симбирской, Воронежской, Нижегородской и Казанской губерний — причислили к лашманам.

Следует помнить, что деловой лес, тем более дуб, растет только в экологически благоприятной зоне и на соответствующей почве. Нельзя не упомянуть и о том, что для чувашей дуб — символ верховного божества *Турй*. Отсюда — почитание этого вида дерева, обращение к нему с сокровенными просьбами и приношение ему жертв высокого ранга [Салмин 2010: 166–168].

Согласно лесным законам, все ценные дубовые и сосновые леса Чувашии вдоль рек Волги, Суры, Алатыря и Булы были выделены в заповедные, так называемые «корабельные рощи» и приписаны к Санкт-Петербургскому Адмиралтейству.

«Древесные породы были разделены на две группы: запрещенные и дозволенные. К первой группе были отнесены дуб, клен, вяз, ильм, лиственница, сосна корабельная от 12 вершков (53 см) в диаметре и выше, их рубка в заповедных верстах запрещалась, а дуб запрещалось рубить вообще. К дозволенным породам отнесены липа, ясень, ольха, береза, осина, ель, орешник, ива, сосна тоньше 52 см» [Редько и др. 1997: 6]. Сначала строительство судов для Балтийского флота осуществлялось в Лодейном Поле, Санкт-Петербургской верфи и Казани. «В Казани в 1702 г. было построено 16 морских кораблей, кроме того, в постройке находилось еще 64» [Редько и др. 1997: 31]. Однако перевозка натолкнулась на ряд трудностей. Поэтому решили в Казани суда не строить, а везти на Балтийские верфи лесоматериал. В 1703 г. заповедными объявлялись крупные лесные массивы — Ильина Гора Казанской губернии и Большесурский массив Симбирской губернии.

Самый первый номер первой российской газеты «Ведомости» в январе 1703 г. сообщал, что на р. Сок (на территории современной Самарской обл.) нашли много нефти и медной руды [Ведомости 1703: № 1], так необходимые для морского дела России. Из руды немедленно начали выплавлять медь. Она шла на изготовление корабельных пушек.

Казанский край, входивший в состав «низовых городов», в 1708 г. преобразован в губернию. 18 декабря 1708 г. Петр I издал

указ об учинении восьми губерний. К Казани было приписано 36 городов (Яик, Уфа, Самара, Алатырь, Цивильск, Чебоксары и др.) и близлежащие к ним территории [ПСЗ IV, № 2218]. Управление губернией царь поручил графу П.М. Апраксину.

«В конце апреля 1710 г. с пристаней Казанской губернии вверх по Волге были отправлены 70 стругов и 120 завадень, груженных корабельным лесом» [Редько и др. 1997: 31].

Казанское адмиралтейство было учреждено по указу Петра I в 1718 г. Оно размещалось на р. Казанка. «В качестве рабочей силы к Адмиралтейству приписали крестьян из окрестных селений, преимущественно татар, чувашей, марийцев» [Долгова и др.]. В специально выстроенной слободе, названной Адмиралтейской, поселили мастеровых людей, плотников, пильщиков — всего 250 чел.

В 1717–1720 гг. особенно интенсивно отправляли на больших и малых судах из Казани в Санкт-Петербург шлюпки, обтесанный по лекалам корабельный лес, бочки с железными обручами, якоря, бечева варовые, канаты, рогожные паруса, ясеневые весла, лодки, анкер-штоки, доски дубовые, вязовый кряж, балки, кожу, губернские деньги. Вместе с грузом в Петербург ехали солдаты, сержанты, кормишки, корабельные ученики, работники, караульщики. Обо всех подготовительных делах и об отправке указанного Петром I детально докладывали из Казани ответственные лица — корабельный мастер Гордлий, вице-губернатор Н.А. Кудрявцев и подрядчик Яков Корсаков. Например, 24 июня 1720 г.: «Реестр что отпущено из Казани на домшхоутах припасов. На 3-х больших: По якорю становому, весом по 7 пудов. По якорю завозному, весом по 3 пуда. По шейме, по сучке, по подъемной, по правильной, по бечеве варовая. По 4 ложки лычных. По 3 каната завозных лычных. По парусу рогожному. По 14 весел. По лодке» [Попов 1859: 147]. Из сообщения от 14 июля 1720 г.: «А леса корабельные с пристаней чтоб, Государь, пробрать: понеже кои лет 5, или 4 готовлены, чтоб не начали трупрещить, понеже разобраны по кораблям и окладены в стогах и за множеством, Государь, и на пристанях теснота, убираться не ведаем как. А и за сим, Государь, и еще есть леса готовые на пристанях: на шлюпки, на боты, на галеры, на блоки вязовые деревья» [Попов 1859: 150]. Донесение от 9 августа того же года: «Доношу

Вашему Царскому Величеству: отпущенный ныне из Казанской губернии с Волжских и Сурских пристаней корабельных дубовых лесов, дерев и досок с Яковым Корсаковым в разных месяцах и числах, как он к пристаням сюда свои проводил, на 80, и 70, на 60 и на 54 и на 32-пушечные корабли, числом 14 785 дерев, 7790 досок, всего дерев и досок 22 575» [Попов 1859: 111]. Как видим, в Казанской губернии велась огромная работа, имевшая прямое отношение к морскому делу в Санкт-Петербурге, и шла интенсивная переписка обо всех деталях.

«В 1718–1724 гг. служилые чуваша были переведены в разряд государственных крестьян и приписаны к разработке корабельных лесов» [Димитриев 1968: 24]. От удельных крестьян они отличались тем, что не платили поземельный сбор, не несли рекрутскую повинность. Но они выполняли тяжелую повинность — рубку и вывоз из корабельных рощ. Так возникло потомственное сословие лашманов. В хозяйственном отношении они состояли в управлении удельных контор, однако по обязанностям находились в ведении морского министерства. Удельные конторы всякий раз отправляли по назначению требуемое от них число лашманов. Между тем семьи их оставались дома и вели свое хозяйство. Немецкое слово *Laschmann* («заготовитель леса») привилось у чувашей, оно вошло в основной состав словарного фонда. Его использовали по отношению к целой деревне (например, так называли всех жителей д. Русаново Свияжского у.), оно стало мужским именем и символом могучей силы, названием улиц, рощ, оврагов, дорог. Так, зимняя дорога от с. Абызово Ядринского у. в с. Ачакасы Цивильского у. через с. Орауши и в середине XX в. называлась Лашманной [Ашмарин 1935: 68–69]. К выборочной рубке «клеяменных для флоту» деревьев и вывозке их к Волге и другим рекам были приписаны более пяти тысяч государственных крестьян из чувашей. Они заготавливали сосновый, «мачтовый» лес и дубовые кряжи для кораблестроения, вывозили их к пристаням и сплавом доставляли на верфи Санкт-Петербурга. Наиболее опытные мастеровые работали плотниками и столярами по строительству судов. Поскольку лашманы были включены в разряд государственных крестьян и получали за труд деньгами и хлебом, чуваш-

ский историк В.Д. Димитриев назвал их «мелкими помещиками» [1959: 354].

В центре Санкт-Петербурга на острове Новая Голландия между Адмиралтейским каналом, Крюковым каналом и рекой Мойкой были построены склады для хранения привезенного корабельного леса. Нет никакого преувеличения в утверждении М.И. Пыляева относительно, по крайней мере, первых 20 лет морского дела в России: «Тогда все суда строились из Казанского дуба» [Пыляев 1889: 19].

В 1722 г. Петр I сам прибыл в Казань. Его дорога проходила по маршруту Козмодемьянск — Чебоксары — Свияжск. Будучи в Казани в течение трех дней, вместе с вице-губернатором Н.А. Кудрявцевым он осматривал город. В частности, Император осмотрел кожевенный и суконный заводы, а также корабельную верфь, где для него была построена яхта [Долгова и др.]. В городе работал пумповый завод, выпускавший кожи для корабельных пумп (насосов). Завод этот построен по его приказу в 1714 г. В ночь с 1 на 2 июня Петр с женой Екатериной «остановился в Чебоксарах, по данным краеведов XIX в., в доме купца гостиной сотни Игумнова» [Гусаров 2009: 406].

В 1727 г. Адмиралтейств-коллегия отправляет в Казань инструкцию о необходимости срочно подготовить годный к вырубке лес на два корабля, один фрегат и 15 галер. В ответ капитан-командор Иван Козлов в сентябре сообщает о проделанной работе. В частности, от устья Свияги по нагорной стороне вверх Волгою до устья Суры-реки в 20 и в 25 верстах от Волги корабельными учениками заклемено корабельного дуба — 10 500, галерного — 276 штук, между городами Чебоксары и Козьмодемьянск по берегам Волги по 5 и по 8 верст в гору корабельного дуба — 2000, галерного — 110, от Симбирска вверх Волгою-рекою до устья Свияги-реки и по реке Свияге по обе стороны по 20 и по 50 верст корабельного дуба — 18 800, а галерного — 1200. Во исполнение названной инструкции только в сентябре 1727 г. было помечено 46 422 дерева [Дубровин 1889: 691–692].

Тайный верховный совет в буквальном смысле держал руку на пульсе по Адмиралтейскому делу, постоянно требовал данные о запасах корабельных лесов. Например, протокол от 11 декабря 1728 г.,

посланный в Казанскую губернию, сквозит такими вопросами, как «Сколько годных к корабельному делу лесов находится и можно ли ко удовольствию флота в тех лесах в предбудущия времена иметь надежду», «Сколько в тех местах годных лесов к корабельному строению находится» [Дубровин 1893: 693]. Тайный верховный совет в 1729 г. также повелевает капитан-командору Ивану Козлову «по рекам Волге, Суре, Свияге, Каме, Вятке, Алаторию и по прочим в те реки падающим <...> учинить ландкарту, в которых уездах и по каким рекам такой вышеозначенный годный лес к адмиралтейским делам находится и в коликом от реки разстоянии» [Дубровин 1894: 210].

В 1731 г. был издан Указ о сборе денег для содержания Адмиралтейства, флота и размножения дубовых лесов в Казанской губернии. В документе, в частности, указывалось: «Для размножения в Казанской губернии дубовых лесов на порожних чувашских и черемисских землях, на которых жилья и пасек не имеется, сеять дубовыми желудями и для осмотра тех мест послать Казанскому Генерал-губернатору из казенной лесной конторы нарочных и сколько таких свободных земель найдется, тому учинить опись и послать в Сенат» [ПСЗ VIII, № 5831]. В 1730–1732 гг. леса площадью более 200 га вниз по течению Волги от Нижнего Новгорода по рекам Кама, Сура, Вятка, Алатырь, Була, Черемшан отнесены к Санкт-Петербургскому Адмиралтейству.

В 1731–1735 гг. в Чувашии велись первые посадки и посевы дуба. Руководили этой работой лесные мастера М. Зелгер и Я. Фалентин. Растущие сегодня в северной части Чувашской республики старые дубы относятся как раз к посадкам того времени.

Местное население Поволжья продолжало трудиться на благо Адмиралтейства под бдительным оком Петербурга. Рапорты о ходе текущих дел и статистика давали возможность видеть картину в целом. Например, в донесении из Ставропольского у. Симбирской губ. от 1764 г. содержались сведения о приписанных к Адмиралтейству служилых татарах и чувашах [РАН. Ф. 3. Оп. 10 б. Д. 153. Л. 10 об.].

Из синодика Чебоксарского Троицкого монастыря узнаем, что в 1767 г. императрица Екатерина II, будучи в Чебоксарах, лично

осматривала дубовые рощи. В частности, «Ея величество соизволила пойти в коретах за город, дабы собственным воззрением осмотреть принадлежащие для корабельного строения адмиралтейству дубовые рощи, куда прибыв несколько времени пешком по оным ходить изволила». Тот же случай граф В.Г. Орлов, сопровождавший Императрицу, описывал так: «Государыня, отслужив молебен в монастыре, — тут Архимандрит служил, изволила ездить к дубовой роще версты 4 от города и ходить по ней; она окруженностью на 30 верст самая большая из всех по этой провинции; в уездах городов, лежащих по Волге этой провинции, находится 36 рощ и самая меньшая окруженностью в 2 версты. Здесь земля почти вся черная на нагорной стороне, однако везде почти по этому уезду навозят; на угловой же стороне земля песчаная, и весь уезд состоит почти в чувашах» [Орлов-Давыдов 1878: 41–42]. Еще в середине XIX в. местные жители показывали большой дуб, под которым, согласно преданию, останавливалась Екатерина II для завтрака [Артемьев 1874: 80]. В той же поездке Екатерина II побывала в пригороде города Маинска в имении графа И.Г. Орлова. В письме графу Н.И. Панину, в частности, она сообщала: «По лесам же везде вишни и розы дикие, а леса иного нет, как дуб и липа, земля такая черная, как в других местах в садах на грядах не видят» [Письма 1863: 23].

Несмотря на массовую вырубку корабельного и строительного леса, в Чувашии на конец XVIII в. строевой лес занимал огромные территории. По данным генерального межевания 1794–1797 гг., левобережье Чебоксарского у., правобережье Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов, юго-восточная часть Ядринского у., а также огромные площади в Курмышском, Алатырском и Буинском уездах были заняты строевым и корабельным лесом. Отличный лес рос по реке Черемшан. Например, только в чувашских частях Курмышского, Алатырского и Буинского уездов корабельных рощ насчитывалось более 300 тыс. десятин. Толщина деревьев в отрубе достигала от 10 до 24 вершков, а вышина — от 10 до 18 сажен. Особенно славились дуб, сосна и ель [Димитриев 1986: 394–395].

Этнограф В.К. Магницкий в газете «Казанский телеграф» опубликовал статью «“Царский дуб” в Козмодемьянском уезде». В ней,

в частности, сообщается: «Не доезжая до Чебоксар от Старо-Сундырской станции верст 15–13, на правой стороне Московского почтового тракта до последнего времени сохранилась дубовая роща, в которой дубья от самого края тракта тянулись в глубь правильными рядами, видимо, посаженные в свое время человеческими руками. Такое же насаждение мы видели не раз в Чебоксарском уезде в Тюрлеминском лесу, пограничном с Свияжским уездом, на левой стороне того же тракта, верстах в трех от чувашского села Тюрлема, по направлению в Воробьевке; близ этого насаждения проходит проселочная “лашманская” дорога, по которой “лашманы” возили вырубаемые для кораблестроения дубья; а в разряд “лашман”, как известно, Императором Петром I были зачислены инородческие “мурзы” (дворяне), взамен оклада и подушной податю. И то, и другое насаждения местные жители, сколько нам известно, смутно приписывают Указу Императора Петра Великого... Мы ручаемся, что в церковных архивах найдутся рукописные копии Указов Императора Петра Великого... о сбережении и разведении дубовых лесов для кораблестроения. По нашему мнению, памятник Императору Петру Великому правдивее поставить в двух указанных рощах» [Магницкий 1895].

В 1798 г. Павел I останавливался у д. Большое Аккозино и интересовался посадками, заложенными по Указу Петра I. В следующем 1799 г. он повелел активнее заняться разведением корабельных лесов в Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах. «В 1872 в связи с 200-летием со дня рождения Петра I земство Козьмодемьянского у. обновило ограду вокруг дуба и установило табличку с надписью “Посажен Петром I”» [Гусаров 2009: 406].

Указ Петра I по культурному вмешательству в дикую жизнь дубрав Чувашии лег на благодатную почву. В самом начале XX в. известный лесовод и исследователь леса в Чувашии Б.И. Гузовский писал, что в Ильинском лесничестве Казанской губернии «имеются дубовые посадки 130–140 л. возраста» [Гузовский 1909: 3].

Строительство и архитектура. Чуваша Казанской, Симбирской и Нижегородской губерний с самого начала XVIII в. привлекались к строительству Петербурга. Они принимали участие в заготовке и перевозке стройматериалов, рытье каналов, сооружении

мостов, прокладке дорог, выполняли другие тяжелые работы в центре города, на острове Котлин, в Петергофе, на Олонецкой верфи.

Петр I торопился. Ставил громадные цели и кратчайшие сроки. Так, в инструкции стольнику Федору Вердеревскому в мае 1704 г. Петр пишет, что Зотов бастион должен быть готов к 25 августа. До этого срока предстояло еще поднять землей общую высоту бастиона и обложить внешнюю сторону укреплений дерном. А за неисполнение инструкции распорядителю работ «по Ево государеву указу быть на каторге» [Анисимов 2003: 32].

В 1712 г. Петр издает указ, обеспечивавший переселяемых жильем и земельным наделом. Согласно документу каменщиков, кирпичников, мастеровых и других людей строительной специальности наделяли земельными участками. Историк П.Н. Петров об этом писал конкретно: «На семью, под дворы и огороды по десятине, а под пашню, наравне с выделами помещичьих крестьян, т.е. по 10 четвертей на двор. А если переселившийся работник принят на постоянную службу канцелярии строений г. С.-Петербурга, то давалось ему месячное жалованье хлебом и деньгами, да по десятине на припашку, “в поле, а в дву потомуж”, на выпуск скотины, и на сенные покосы с лесными угодьями; стало быть по 6 десятин на семью. А кирпичного дела мастерам, иноземцам, вместе с обжигальщиками извести, под дворы и огороды, земельные участки, в длину по 40 сажень, а в ширину, по 15 сажень — на месте поселения, точно также» [Петров 1885: 91].

В описании Петербурга 1716–1717 гг. отмечено, что многие из строителей и прочих людей, принудительно отправленных в Петербург, стали жителями этого города. Они просто не захотели отправиться в обратный путь. Заработав деньги, несколько тысяч из них основались тут же, построив себе дома. Им разрешалось занять для этого любое место. К 1717 г. было много сделано по строительству дорог. Однако они все еще оставались в ужасном состоянии. Об этом немецкий путешественник Г. Геркенс оставил такие записи: «Не только сам город, но также и вся местность вокруг так низка и болотиста, что сюда можно приехать и отсюда выехать только по одной дороге, которая недалеко за городом делится на две. И эти две дороги в таком плохом состоянии, что в весеннее

и осеннее время можно насчитать дюжинами мертвых лошадей, которые в упряжке задохлись в болоте... Дальше от города еще больше ухудшается». Летом «если дождь идет только один день, то всюду можно завязнуть в грязи, как за городом, так и в городе» (цит. по: [Семёнова 1998: 165]).

В 1719–1725 г. интенсивно застраивался Васильевский остров. По замыслу Петра он должен был стать центром столицы. Одновременно возникали слободы на Охте для плотников, несколько слобод для рабочих на Московской стороне. К 1725 г. в Петербурге насчитывалось около 6000 дворов. Большая часть их располагалась на левом берегу Невы. Застраивалось большое пространство от устья Мойки до Смольного двора [Семёнова 1998: 6,11]. При строительстве широко пользовались дубовым материалом, привезенным из Чувашии. В основном дуб шел на сваи в болотистый грунт города, т.е. под фундаменты строений.

Окончание Северной войны (1700–1721 гг.) позволило многим солдатам перейти на мирный труд.

В историю архитектуры Петербурга второй половины XVIII в. вписал яркие страницы чуваш П.Е. Егоров (1731–1789 гг.). «Рано проявил незаурядные художественные способности и талант архитектора, строителя, организатора. Видный мастер классицизма, архитектор и педагог Канцелярии от строений» [Зодчие 1997: 989].

Сподвижник Петра Великого грузин князь Е.Л. Дадияни из поездки по своим поместьям в Нижегородской губернии привез в Петербург совсем маленького мальчика-сироту. Имени Е.Л. Дадияни находились в Курмышском и Ядринском уездах с чувашским населением, что дает возможность говорить о происхождении мальчика из присурских деревень. Рос и воспитывался он в семье Егора Дадияни. Позже сам Петр Егоров не раз подчеркивал, что он — чуваш. Например, в марте 1755 г. он подает челобитную на имя императрицы Елизаветы Петровны с просьбой принять его архитектурным учеником в школу при Канцелярии от строений. В частности, он пишет: «Родом я прежде был чувашенин и вывезен в малолетстве господином генерал-майором артиллерии князем Дадияновым в Россию и им окрещен православной вере греческого исповедания; и находился при означенном господине генерал-майоре

и донныне; и обучен российской грамоте, читать, писать, арифметике, геометрии и отчасти малевать; однако ж упомянутого господина генерал-майора не крепостной, а состою вольным» [Кузнецова 2003: 20].

Автор книги об архитекторе Петре Егорове Э.Ф. Кузнецова в своем исследовании полностью опиралась на архивные данные и всесторонне, аргументированно осветила жизнь и творчество архитектора. То, что он чуваш, полностью подтверждается собственными записями архитектора, а также свидетельствами людей, близко знавших его. Все эти подлинные документы хранятся в государственных архивах. Например, «Список Конторы строения домов и садов о членах и прочих чинах» от 1785 г. хранится в РГИА (Ф. 470. Оп. 90/524. Д. 42). Здесь о Петре Егорове сказано, что он «из новокрещенных чуваш».

Князь Егор Дадияни учил Петра не только грамоте и математике. Будучи генералом артиллерии, Дадияни сам обладал прекрасными навыками в области рисования, живописи и архитектуры. Мальчику Петру особенно полюбили математику, рисование и основы архитектуры. Зимой 1755 г. по рекомендации своего воспитателя он подает челобитную на имя императрицы Елизаветы Петровны. Руководитель архитектурной школы Канцелярии от строений С.А. Волков проверял знания Петра Егорова в течение двух недель. Успешно выдержав экзамены, в апреле Петр Егоров становится учеником «архитектурной команды». Одновременно он, достигнув 24 лет, покидает дом князя Дадияни. В декабре Егоров получает аттестат и начинает получать жалованье.

Ему доверяют ответственные работы: он участвует в съемке генерального плана Петергофа (1756), копирует чертежи отдельных залов Зимнего дворца (1759). Первой самостоятельной работой П.Е. Егорова являются чертежи церкви Успения Пресвятой Богородицы (1763, позже ее стали называть Екатерининской). Этот собор был построен в 1756–1768 гг. в г. Пярну (Эстония). В 1765 г. Петр Егоров направляется на строительство Училища для мещанских девушек (входит в ансамбль Смольного-Воскресенского Новодевичьего монастыря). Затем П.Е. Егоров как опытный архитектор активно привлекается к работам по возведению павильона для

проведения водосвятия на Неве во время церковных праздников, разработке чертежей проектов домов адмиралов Г.А. Спиридонова и А.Н. Сенявина. В 1766 г. П.Е. Егоров заменяет своего учителя С.А. Волкова по преподаванию в архитектурной школе. В формулярном списке за 1767 г. о нем читаем: «В архитектурной науке хорошее знание имеет и против других <...> искуснее» [Кузнецова 2003: 42].

В октябре 1768 г. Петр Егоров направляется на постоянную работу «при Зимнем каменном дворце». Об этом в документе, хранящемся в ЦГИА (Ф. 467 и 470), написано: «При Зимнем каменном дворце <...> работы всегда производятся, причем знающему делу быть должно, того ради означенной Канцелярии определить к тому дому к каменным работам заархитектора Петра Егорова, по сему жалованье ему производить, более другими делами его не обязывать» [Кузнецова 2003: 199].

В сентябре 1768 г. назначенный руководителем строительства Мраморного дворца генерал-майор М.И. Мордвинов обращается к директору Канцелярии от строений И.И. Бецкому с просьбой направить к нему знающего «сие искусство» Петра Егорова. Сюда известный к тому времени архитектор П.Е. Егоров мог быть приглашен только с определенной целью — для работы над проектом. Никакой другой работы на строительстве Мраморного дворца в этот период еще и не было. П.Е. Егоров приступает к работе с 1 октября 1768 г. В этом же месяце, согласно «щетам», начинаются изменения в предварительных проектах. В отзыве о Петре Егорове, написанном в январе 1786 г., в частности, читаем: «Приняв возложенную на него должность, то есть практическое показание и смотрение за всеми по тому строению производящимися работами и сверх того по Его Господина Егорова проекту, Ея Императорским Величеством апробированному, строились принадлежащие к оному дому каменные службы под Его ж присмотром, и как при первом, так и при последнем строениях он, Егоров, имея довольное в том знание, как верного и рачительного человека долг обязывает неусыпное оказал рачение и прилежность» [Кузнецова 2003: 174]. «К лучшим самостоятельным постройкам П.Е. Егорова относятся служебный корпус и великолепная ограда Мраморного

дворца», — констатируют исследователи архитектуры Санкт-Петербурга XVIII в. [Зодчие 1997: 989].

Вершиной творчества Петра Егорова считается шедевр мировой культуры — ограда Летнего сада. Строительство ограды продолжалось 16 лет (1770–1786). Согласно новому штату Канторы строений, в «архитектурной команде» полагалось иметь двух архитекторов, двух заархитекторов и четырех архитектурных помощников. Однако «стараниями» Ю.М. Фельтена был утвержден штат в составе одного архитектора (сам Ю.М. Фельтен) и двух заархитекторов (П.Е. Егоров и И.Б. Фок). В 1772 г. приняли еще заархитектора И.Ф. Дункер. Петр Егоров проработал здесь почти все годы строительства — с 1772 по 1786. Сохранились чертежи ограды, выполненные рукой П.Е. Егорова.

В начале осени 1772 г. он представил первый вариант проекта ограды Летнего сада, куда вошли и элементы чертежа И.Б. Фока. Но вскоре П.Е. Егоров в корне перерабатывает первый вариант проекта. В частности, он отказывается от всех элементов барокко, убирает пышные вензеля, внесенные по предложению Екатерины II, удаляет также провисающие цветочные гирлянды на колоннах и у корзин у створки ворот. Он ищет «наилучшие пропорции», соразмерность, ясность и гармонию. Фактически работа П.Е. Егорова над проектом в одиночку заняла 1772–1784 гг. Он постоянно переделывает и совершенствует проект, уточняет весь рисунок ограды, дважды меняет протяженность (сначала увеличивает размер каждого звена, затем — количество колонн). Окончательный вариант чертежа содержит изумительно легкие ворота, прелестные украшения и колонны, увенчанные изысканными вазами и урнами. В результате переработки ни один из компонентов не остался без кардинальных изменений. Ничего из первого варианта, представленного самим П.Е. Егоровым и И.Б. Фоком, в последнем варианте проекта не сохранилось. Тем более, как свидетельствуют исследователи Р.Д. Люлина, М.Ф. Коршунова и Э.Ф. Кузнецова, первоначальные чертежи И.Б. Фока представляли собой копии из альбома Д. Маро.

Тем временем Ю.М. Фельтен под покровительством Бецкого делает карьеру: после ухода Растрелли становится главным архи-

тектором Конторы строений, профессором Академии художеств, где после гибели Кокорина начинает играть руководящую роль. В строительстве Летнего сада его функции ограничиваются административными. Его графический почерк известен по достоверным чертежам проекта восстановления колокольни Петропавловского собора, фасада южного корпуса Эрмитажа и фасада манежа при Зимнем дворце. Однако «ни один из сохранившихся одиннадцати чертежей ограды не соответствует графической манере Фельтена, даже из тех, которые имеют его личную подпись. Два чертежа (варианты верхнего украшения на большие и малые ворота) выполнены И.Б. Фоком. Это подтверждается и графическим анализом, и архивными документами. Однако эти чертежи не были приняты к исполнению. Остальные девять чертежей ограды Летнего сада выполнены в графической манере Петра Егорова, которая известна по его подлинным чертежам (павильон Иордань, иконостасы церквей — Екатерининской и Рождественской и др.). Графический почерк Егорова очень своеобразен и живописен (вспомним, что он учился в юности живописи)» [Кузнецова 2003: 82–83].

М.Ф. Коршунова по этому поводу замечает: «Со сметой на изготовление медных деталей связан чертеж малых ворот ограды, подписанный Фельтеном. Графическое исполнение листа не напоминает его руку» [Коршунова 1997: 485]. Кроме того, Р.Д. Люлина отмечает, что самой характерной чертой егоровских чертежей является некоторая приглушенность красок (все тона бледные, неяркие) и очень индивидуальная техника отмывки — тоже бледная, со слегка намеченными пятнами теней. В ЦГИА хранятся 509 листов чертежей по строительству «железной решетки с воротами», и «нет ни одной строчки, которая могла бы подтвердить творческое участие Фельтена в ее создании. В сооружении ограды Фельтен участвовал только как руководитель, начальник, главный архитектор и инспектор над мастерскими Конторы строений, обязанный наблюдать за всеми постройками, находящимися в ее ведении» [Кузнецова 2003: 116]. Об авторстве Петра Егорова свидетельствует и Формулярный список П.Е. Егорова за 1786 г., составленный протоколистом Иваном Христофоровым через семь лет после окончания строительства ограды. Петра Егорова к этому времени в жи-

вых уже не было, а это еще раз подчеркивает беспристрастность составителя Формуляра.

Авторство Петра Егорова в изготовлении чертежей и его непосредственное руководство строительством ограды можно проследить и по другим многим документам. Например, указ от 26 июля 1773 г., который хранится в ЦГИА [Ф. 470. Оп. 86/520. Д. 11. Л. 261–266].

«А как на каком расстоянии для крепления оной решетки столбы поставить и какой ширины между теми столбами звенья решетки делаться должны заархитектору Егорову от Присутствия приказано сделать сходственный с апробированными той решетки и воротами чертежами на всю дистанцию как должно решетка с воротами и столбами и цоколем быть акуратный чертеж <...> для скорейшего сделания и представления оного на апробацию господину надворному советнику и архитектору Фельтену в утверждение, а ему, господину Фельтену, по рассмотрении тот чертеж, буде оный исправно сочинен будет, с надписанием, что по оному работу производить должно, представить в Кантору немедленно» [Кузнецова 2003: 190].

21 октября 1773 г. Юрья Фельтен рапортует в Кантору строений Ея Императорского Величества домов и садов: «Во исполнение данного мне из оной Канторы указа, которым должно по берегу Невы реки у первого саду железную решетку и трое ворот сделать, учиненные заархитектором Егоровым шесть чертежей мною рассматриваемы и при сем во оную Кантору представляются, по которым и работу производить должно» [РГИА. Ф. 470. Оп. 1. Д. 11. Л. 276]. Как видим, и сам Ю.М. Фельтен несколько не оспаривал авторство чертежей ограды Летнего сада.

Украшения ворот отливались из меди с позолотой. Работу мастеров постоянно контролировал сам Петр Егоров. Например, 4 ноября 1784 г. он докладывает в Кантору строений: «30 октября был у мастеров и по осмотру оказалось, что на двои малые ворота из меди украшения отлиты, кроме корзинок, по отливанию которых формы приготовлены и в зделанное слесарною работою железо на место приправлено и с того украшения ими через огонь голландским червонным золотом вызолочена средняя большая кудревата штука наподобие дерева, репьев больших три пары,

алагрек один на большие ворота вызолочен же, другой на малые ворота с прочими изготовленными штуками золочением производить начато» [Кузнецова 2003: 101]. Действительно, такое цельное произведение могло быть создано лишь творческой мыслью одного архитектора, имевшего возможность выполнить всю работу от начала до конца. Ему, как опытному мастеру, поручались ответственные работы по составлению смет, заключению контрактов и приемке готовых конструкций ограды от тульских литейщиков, путиловских каменщиков и мастеров медных украшений. Каждый раз Петр Егоров проверял соответствие изделий его чертежам. В 1778 г. были установлены все 36 гранитных колонн, между ними — 32 железных звена, одни большие и двое малых ворот.

Заметим: в академическом издании, посвященном 300-летию Санкт-Петербурга, имеются фотографии, иллюстрирующие достижения XVIII в. Среди них и решетка Летнего сада. В подписи под этой фотографией весьма уклончиво сказано, что архитекторами ограды Летнего сада являются Ю. Фельтен и П. Егоров [Санкт-Петербург 2003]. Тем не менее вердикт ведущих исследователей таков: «Лучшим творением зодчего (Петра Егорова. — А.С.) является всемирно известная невская ограда Летнего сада, проектированию и строительству которой зодчий отдал многие годы жизни (1722–1786). Строилась под руководством Фельтена, но прямых свидетельств его творческого участия в проектировании нет. В то же время сравнение ограды Летнего сада с оградой Мраморного дворца говорит в пользу П.Е. Егорова» [Зодчие 1997: 989].

Как видим, справедливость всплывает со временем. Говоря о фонтане в Летнем саду, исследователь А.Ю. Епатко доказывает непосредственную причастность П.Е. Егорова и к этому объекту. До 1780 г. водометы фонтана «Лакоста» еще услаждали взоры посетителей Летнего сада. Но в связи со строительством каменной набережной вдоль Фонтанки Екатерина предложила разобрать водовозные башни и мост через реку, по которому шли фонтанные трубы. «В связи с этим архитектор П.М. (ошибка: вместо «П.М.» следует читать «П.Е.». — А.С.) Егоров *выполнил* (курсив наш. — А.С.) по поручению Канцелярии от строений проект восстановления фонтанной системы Летнего сада» [Епатко 2008: 25]. Но в сле-

дующем же году императрица распоряжается иначе: всякие работы по фонтану приостановить, а выделенную сумму направить на окончание работ в Эрмитаже.

За труд по созданию ограды Летнего сада П.Е. Егоров в 1786 г., т.е. в год окончания всех работ, утвержден в надворные советники.

Культура и наука. Начало XVIII в. знаменательно тем, что россияне, в том числе москвичи и петербуржцы, проявляли нетерпимость ко всему иностранному. А это препятствовало реформам Петра I. Желая привить толерантность, в 1700 г. он издал указ об упразднении русского платья и введении для горожан платья венгерского и немецкого покроя. «Аналогичные цели преследовали указ об обязательном бритье мужчин и введение специальных пошлин за ношение бороды» [Семёнова 1998: 10]. Таким образом, были стерты внешние различия россиянина и иностранца.

В пожаре от 5 декабря 1747 г. сильно пострадала Кунсткамера. В том числе в шести шкафах находились предметы, в основном одежда народов Поволжья, Урала и Сибири. Что касается одежды народов Волго-Камья, то они, по мнению А.И. Терюкова и автора

Рис. 1. Женская рубаха чувашская. Привезена экспедицией Д.Г. Мессароша

этих строк [Терюков, Салмин 2008], были привезены Д.Г. Мессершмидтом из его восьмилетней экспедиции. Инициатором и распорядителем этой экспедиции был Петр I. Чувашские вещи собраны Даниилом Мессершмидтом в 1719–1727 гг. в Поволжье по дороге туда и обратно в пространстве Козмодемьянск — Казань. Таким образом была заложена первая страница по изучению этнографии чувашей. В шкафах под № 9–11 на западной галерее второго этажа Кунсткамеры слева размещалось 32 предмета: женские головные полотенца *сурпан*, рубашки *кёне*, нагрудные украшения из серебряных монет *шўлкеме*, халаты свадебные, чулки, платки жениха *сұлак*. Тем не менее точные рисунки сгоревших экспонатов сохранились, большинство из них хранится в архиве РАН [Р. IX. Оп. 4]. А.И. Терюков и А.К. Салмин считают, что авторами интересующих нас рисунков являются Даниил Мессершмидт и Георг Унферцагт.

Кроме того, в коллекциях Кунсткамеры первой половины XVIII в. в большом количестве имелись предметы религиозного культа. К примеру, датский путешественник Педер фон Хавен, в 1736 г. побывавший в Российской академии наук, в своем дневнике писал: «При Академии имелась также Кунсткамера, где помимо многочисленных редкостей природы и искусства было хорошее собрание языческих древностей» [Хавен 1997: 356]. Среди скульптур малой формы, должно быть, имелись и изображения чувашского божества *Йёрёх* из глины и металла (допустимо, были и золотые).

Чувашская одежда имела место и в историческом действе, известном как «Ледяной Дом» на Неве. Произошло оно в январе 1740 г. Краткая история такова. Князь М.А. Голицын, оставшийся без супруги, был назначен шутом. По настоянию императрицы Анны Иоанновны его «определили в женихи». Расходы на свадьбу полностью взяла на себя императрица. Невестой была выбрана шутиха-калмычка, любимица Анны Иоанновны. «Шутки ради и, возможно, еще для того, чтобы показать, как широко простирается ее власть, императрица разослала по всем губерниям распоряжение прислать от каждой из народностей в Петербург несколько пар обоего пола. За казенный счет они были одеты в свои национальные костюмы» [Реймерс 2007: 162]. Представители разных народ-

ностей, которые должны были шествовать на этой церемонии в национальных одеждах, были собраны в доме кабинет-министра А.П. Волынского на Мойке, недалеко от французско-немецкой реформаторской церкви, и зарисованы.

Свадебный поезд насчитывал более 300 персон. Он был разделен на четыре части согласно временам года. Так, самоеды, камчадалы и лапландцы изображали зиму, украинцы — лето и т.д. На манеже герцога Курляндского были накрыты столы, и представители каждой национальности отведали свои любимые блюда. «После обеда начали танцевать, и каждый народ танцевал под свою музыку национальный танец» [Реймерс 2007: 163].

В июне 1740 г. опальный министр был обезглавлен. Остались неосуществленными многие его идеи. В частности, по замыслу министра Волынского, рисунки, выполненные на свадьбе, должны были быть выгравированы на меди.

В этой связи не следует путать рисунки, сделанные с одежд, привезенных из экспедиции Д.Г. Мессершмидтом, и рисунки, выполненные на свадьбе в Ледяном дворце. Первые хранятся в основном в архиве РАН в Санкт-Петербурге, а вторые, по мнению автора этих строк, частично вошли в книгу И.И. Георги [1776]. В издании есть и рисунки чувашской женской одежды.

В то же время можно полагать, что для шутовской свадьбы в Ледяном дворце чувашские вещи специально привезены не были. Обошлись тем, что уже имелись в Кунсткамере. Об этом говорит архивный документ от 1739 г. Так, обер-секретарь Авраам Сверчков по этому поводу 27 декабря 1739 г. в Академию наук писал специальное уведомление. В частности: «Понеже по имянному Ея Императорского Величества указу готовится некоторый маскарат, к чему потребно ис платья, имеющегося в Десианс Академии в натуре разных народов, а имянно: мордовского, черемисского, чувашского, вотяцкого, тунгусского, лопарского, самоедского и протчих сибирских народов и одну остробацкую лотку». Далее несколько раз повторяется, что одежда чувашей имеется в наличии, т.е. присылать с мест не надо. Например: «В Академии наук о следующих народах имеется известие и описании, а именно: черемисы, чуваша, вотяки, мордва, башкирцы». Отмечается, что

с некоторых платьев есть и рисунки [СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. Л. 281 — 285 об.].

Таким образом, подчеркнем еще раз: по состоянию на 1739 г. в Кунсткамере имелась коллекция одежды чувашей, а также рисунки с них. Но по случаю свадьбы в Ледяном дворце в январе 1740 г. платья из этой коллекции были еще раз срисованы, будучи надетыми на участников свадебного поезда.

В результате академических экспедиций на Волгу и в Сибирь в 1756 г. в Санкт-Петербурге была издана книга Г.Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков». Исследователь описывает быт, этнографию и религию коренных народов Волго-Камья [Миллер 1756]. Итоги научных экспедиций по Российской империи И.Г. Георги легли в основу книги «Georgi J.G. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in der Jahren 1773 und 1774. B. II. St. Petersburg: Acad. der Wissenschaften, 1775». Здесь уделяется внимание и чувашам. А в 1776–1780 гг. он же публикует свое четырехтомное исследование обо всех народах империи, особенно тщательно описывает образ жизни и религии обитателей России [Georgi 1776].

В 1766–1773 гг. на Питерской земле нес свою военную службу автор первого этнографического очерка о чувашах К.С. Милькович [РГВИА. Ф. ВУА. № 19026]. По содержанию данный очерк по всем параметрам превосходит отрывочные сведения, содержащиеся в трудах этнографов XVIII в. (Ф.-И. Страленберг, В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер, П.И. Рычков, И.Г. Георги, П.С. Паллас, И.И. Лепёхин). Происходит К.С. Милькович из дворянского рода. 20 февраля 1766 г. он становится солдатом лейб-гвардии Семёновского полка в Петербурге. В 1768 г. ему присваивается звание капрала, а с 1 января 1773 г. он в отставке в звании прапорщика. Затем служил на секретарской должности в Тихвине. С 26 июня 1776 г. по 30 мая 1785 г. — уездный землемер по Буинскому уезду. Именно в этот период он и собирал этнографические сведения преимущественно о буинских чувашах. Он также служил землемером (в том числе лесным) в Чистопольском, Мамадышском, Козмодемьянском уездах Казанской губернии (1790-е годы) и Уфимском уезде (1804 г.). Одновременно занимался описанием корабельных лесов. В 1785 г.

он стал губернским секретарем, а в 1797 г. ему присвоили чин титулярного советника. В 1709–1812 гг. К.С. Милькович служил судьей Мензелинского уезда Оренбургской губернии.

В 1769 г. в Императорской Академии наук была издана книга под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка». Ее подготовил Е.И. Рожанский, священник из чувашей, хорошо владевший азами лингвистики. Курировал издание митрополит Вениамин (В.Г. Пуцек-Григорович) [Сочинения 1769]. Академик П.С. Паллас подготовил и в 1787–1789 гг. издал четырехтомный сравнительный словарь всех языков и наречий [Паллас 1787, 1789]. Ф.П. Аделунг составил полный немецко-русский лексикон в двух частях [Аделунг 1798]. А в 1800 г. в Синодальной типографии вышел краткий Катехизис, переведенный на чувашский язык [Краткий 1800]. Первые 12 страниц этой брошюры посвящены изложению грамматики чувашского языка. Центром всех этих и других исследований и изданий стал молодой Санкт-Петербург.

Таким образом, Санкт-Петербург открыл миру чувашей, а чувашам — целый мир.

Религия. По указанию великого князя Петра Алексеевича в 1715 г. Правительствующий Сенат издает Приговор «О переписке служащих и неслужащих татар, а также чуваш, черемис, мордвы и прочих нехристиан и о составлении именных писков служилым людям гарнизонных полков». Согласно этому документу губернские власти должны были немедленно составить ведомости и прислать в Канцелярию Сената с нарочными [Дубровин 1897: 1090]. Особое личное внимание государя в XVIII в. уделили Булгарскому городищу, надгробным плитам и другим памятникам бывшей великой Волжской Булгарии. В июне 1722 г. здесь был Петр I. Именно благодаря ему до нас дошли сведения о надписях на могилах Волжской Булгарии. Самая ранняя надпись относится к 619 г. Срочно были сняты копии, плиты поправлены, а ученые стали изучать тексты. Стало понятно, что эпитафии составлены на чувашском языке арабской графикой. «Видимо, о Болгарском городище рассказывал юному Петру его сводный брат, царь Федор Алексеевич, и тот до конца жизни не потерял интерес к древнему городу» [Долгова и др.].

О культовых памятниках Волжской Булгарии подробно писали академики И.И. Лепехин и П.С. Паллас, а также писатель П.П. Свиньин.

В 1767 г. Булгар посетила Екатерина II. Под свежим впечатлением она сочинила статью «О болгарях и хвалисах». Вернувшись из путешествия по Волге, Императрица созвала комиссию для составления нового Уложения. Комиссия состояла из выборных депутатов всех сословий. «Под сохранившимся в архиве обращением стоят подписи депутатов Казанской провинции от вотяков, мордвы, татар, черемис, чувашей» [Долгова и др.]. На заседаниях комиссии поднимались и вопросы о взаимоотношениях церкви и «иноверцев» в составе одного государства.

Прибывающих в Санкт-Петербург чувашей, согласно царским указам, крестили немедленно. То же самое происходило и с солдатами, и с рекрутами. Крестили и на местах, особенно тех, кто был причастен к заготовке леса. В конспектах Н.В. Никольского об этом, в частности, читаем: «С 1722–1738 г. чуваш крестилось ясных 131 об.п., рекрут 12 чел., адмиралтейских плотников 2, солдат 54 чел.» [Никольский 1909: 9].

* * *

Строящемуся Петербургу требовались людские ресурсы. Их надо было доставить из российских глубин. Царь по этому поводу издает ряд указов. XVIII в. можно назвать веком интенсивного, массового освоения чувашами Петербурга. Для продовольственного обеспечения Казанская и Симбирская губернии стали основной опорой. Особенно много везли рожь, пшеницу и муку. Для строительства флота со средней Волги везли корабельный лес. Физически крепкие мужчины из чувашей были причислены в *лашманы*. В 1718 г. в Казани учреждено Адмиралтейство. В первой половине XVIII в. в Кунсткамере накапливается коллекция чувашских предметов, привезенных из экспедиций. В историю архитектуры второй половины XVIII в. вписал яркие страницы чуваш П.Е. Егоров (ограда Летнего сада, Мраморный и Зимний дворцы). На повестке стоял вопрос о взаимоотношениях церкви и «иноверцев».

Источники

- Аделунг Ф.П.* Полный немецко-русский лексикон. СПб.: Имп. тип., 1798. Ч. 1–2. 1048, 1064 с.
- Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1935. Вып. VII. 336 с.
- Ведомости (газета). 1703, 1705 гг.
- Георги И.Г.* Изображение одежд, принадлежащих к описанию всех народов, обретающихся в Российской империи. СПб.: Тип. Артилл. и инженерного кадетского корпуса, 1776. 25 л. гравюр.
- Дубровин Н.Ф.,* ред. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 гг. Т. I (февраль — июль 1726 г.). СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1886. 530 с.
- Дубровин Н.Ф.,* ред. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. IV (июль — декабрь 172 г.). СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1889. [4], LVIII. 969 с.
- Дубровин Н.Ф.,* ред. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. VI (июль — декабрь 1728 г.). СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1893. XXX, 745. VII с.
- Дубровин Н.Ф.,* ред. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. VII (январь — июнь 1729 г.). СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1894. XXXII, 871, [1]. VIII с.
- Дубровин Н.Ф.,* ред. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. V. Год 1715. Кн. II (июль — декабрь). СПб.: Имп. АН, 1897. 868 с.
- Краткий Катехизис, переведенный на чувашский язык. СПб.: Тип. Св. Правительствующего Синода, 1800. 40 с.
- Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Имп. АН, 1791. VIII, 99, II с.: 8 л. ил.
- Описание столичного города Санкт-Петербурга // Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л.: Лениздат, 1975. С. 197–245.
- Паллас П.С.* Сравнительный словарь всех языков и наречий. СПб.: Имп. АН, 1787. Ч. I. 419 с.; 1789. Ч. II. 495 с.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г.: XXXVII. С.-Петербургская губерния. СПб., 1903.
- Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. VII. Вып. 1. (1708). Пг.: 1 гос. тип., 1918. 640 с.
- Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. VII. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1946. VI, 934 с.
- Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. X. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 872 с.

- Письма и записки Императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1863. Кн. 2. С. 1–160.
- Поле 94 — экспедиция автора в 1994 г. в Цильнинский р. Ульяновской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. С. 241–276.
- Полное собрание Законов Российской Империи, с 1649 года. Т. III. 1689–1699. СПб.: Тип. Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. I. 691 с.
- Полное собрание Законов Российской Империи, с 1649 года. Т. IV. 1700–1712. СПб.: Тип. Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. 881 с.
- Полное собрание Законов Российской Империи, с 1649 года. Т. VIII. 1728–1732. СПб.: Тип. Его Имп. Величества Канцелярии, 1830. 1018 с.
- РГВИА. Ф. ВУА. 19026 — Масленицкий Тимофей. Топографическое описание губернии Симбирской. 1785 г.
- РГИА. Ф. 470. Оп. 1 (86/520). 11 — Кантора строений Ея Императорского Величества домов и садов. 1773 г.
- СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49 — Архив Канцелярии Императорской Академии наук. 1739 г.
- СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10 б. Д. 153 — Канцелярия и Комиссия АН: Доношение из Ставропольской канцелярии. 1764 г.
- СПФ АРАН. Р. IX. Оп. 4 — Рисунки с предметов, хранившихся в Кунсткамере в XVIII в.
- Хавен Педер фон.* Путешествие в Россию // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 303–384.
- Чувашиские сказки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 351 с.
- Georgi J.G.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in der Jahren 1773 und 1774. В. II. St. Petersburg, 1775.
- Georgi J.G.* Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion... und übrigen Merkwürdigkeiten. Ausgabe 1–4. St. Petersburg, 1776–1780.

Библиография

- Андреева Е.А.* Квалифицированная рабочая сила на строительстве Петербурга (1703–1712) // Петровское время в лицах — 2006. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2006. С. 5–19.
- Анисимов Е.В.* Санкт-Петербург в XVIII веке // Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб.: Наука, 2003. С. 13–168.
- Артемов А.* Казанские гимназии в XVIII столетии. СПб.: Министерство народного просвещения, 1874. 194 с.

- Гузовский Б.И. Хозяйство в нагорных дубравах Ильинского лесничества Казанской губернии. Козмодемьянск: Тип. Г.И. Зубкова, 1909. 50 с.
- Гусаров Ю.В. Петр I // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3. М– Се. С. 405–406.
- Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX в.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.
- Димитриев В.Д. История Чувашии эпохи феодализма: Науч. докл. ... д.и.н. Л.: ЛГУ, 1968. 35 с.
- Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 532 с.
- Долгова С.Р., Кононова А.Ю., Болотина Н.Ю. «Весьма прекрасно и преславно Болгарское городище»: Древняя Казань в документах Российского государственного архива древних актов // http://www.rusarchives.ru/events/exhibitions/kazan1000_2shtm.
- Епатко А.Ю. Фонтан «Лакоста» в Летнем саду // История Петербурга. 2008. № 6. С. 20–26.
- Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII в.: Архитекторы барокко. Ранний классицизм. Строгий классицизм. СПб.: Лениздат, 1997. 1021 с.
- Кобак А.В., Антонов В.В. Церковь Рождества Христова // <http://encspb.ru/object/2804679002?lc=ru>.
- Коршунова М.Ф. Юрий Фельтен // Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII в.: Архитекторы барокко. Ранний классицизм. Строгий классицизм. СПб.: издательство, 1997. С. 465–526.
- Кузнецова Э.Ф. Архитектор Петр Егоров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. 222 с.
- Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 191 с.
- Мавродин В.В. Основание Петербурга. Л.: Лениздат, 1983. 208 с.
- Магницкий В. «Царский дуб» в Козмодемьянском уезде // Казанский телеграф. 1895. № 583.
- Никольский Н.В. Конспект по истории христианского просвещения чуваш. Казань: Центр. тип., 1909. 36 с.
- Орлов-Давыдов Владимир, сост. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб.: Имп. АН, 1878. Т. 1. [4], IV, 5–328, XXIII [3] с.
- Павленко Н.И. Петр I. М.: Мол. гвардия, 2004. 432 с.
- Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782 гг. СПб.: Тип. Глазунова, 1884. XXIII, 848, 246 с.
- Попов Н.А. Материалы для истории морского дела при Петре Великом, в 1717–1720 годах. М.: Тип. ун-та, 1859. 116 с.

- Пыляев М.И.* Старый Петербург: Рассказы из былой жизни столицы. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1889. 480 с.
- Редько Г.И., Яковлев И.А., Яковлев А.С., Тихонов П.Т.* Корабельные дубравы Чувашии: История и современное состояние. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. 63 с.
- Реймерс Генрих фон.* Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.: Росток, 2007. 526 с.
- Салмин А.К.* Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: МАЭ РАН, 2010. 240 с.
- Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб.: Наука, 2003. 762 с.
- Селиванова С.А.* Русская администрация и сельская многонациональная округа Свияжской и Алатырской провинций в 1700–1781 гг.: Некоторые аспекты взаимоотношений // Волжская земля: история, экономика, культура. Москва; Чебоксары, 2005. С. 36–49.
- Семёнова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л.: Наука, 1974. 213 с.
- Семёнова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). СПб.: БЛИЦ; М.: Весь мир, 1998. 256 с.
- Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. СПб.: [Б.и.], 1769.
- Терюков А.И., Салмин А.К.* Первая коллекция одежды народов Волго-Камья // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т LXIII. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 5–33.
- Чистов К.В.* Национальные проблемы в Ленинграде и Ленинградской области // СЭ. 1989. № 3. С. 3–12.

Сокращения

ПСЗ — Полное собрание Законов Российской Империи

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, М.

РГИА — Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

М.Л. Засецкая

**«ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГРУППА»
ЭСТОНЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПО МАТЕРИАЛАМ
ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 г.¹**

В статье предпринимается попытка проанализировать опубликованные материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. (ПВПН 1897) как источника по этнической истории эстонцев-переселенцев Санкт-Петербургской губ.

Сведения, представленные в таблицах ПВПН 1897 г., о численности, расселении, половозрастном составе, семейном положении, грамотности и приоритетах в хозяйственной деятельности среди эстонцев-переселенцев, проживающих в сельской местности, позволяют автору прийти к следующему заключению: данная этнодисперсная группа была перспективна в плане укоренения (основным занятием 74 % эстонского сельского населения было земледелие), адаптации и социальной мобильности.

Ключевые слова: этнодемография, Первая всеобщая перепись населения Российской империи, этническая история эстонцев-переселенцев на Северо-Западе России, этнический состав населения Санкт-Петербургской губ. в конце XIX в.

M. Zasetckaia

**THE “PETERSBURGIAN DIASPORA” OF ESTONIAN
MIGRANTS ACCORDING TO THE MATERIALS
OF THE RUSSIAN IMPERIAL CENSUS OF 1897**

The article analyzes the published materials of the Russian Imperial Census of 1897 as a source on ethnic history of Estonian migrants in the Saint Petersburg Governorate.

The data presented in the census tables about number, territorial distribution, age and gender composition, marital status, literacy and specializations in agricultural sector of Estonian migrants, who lived in countryside, allows author to draw the following conclusion: this dispersed ethnic group had prospect in respect of social integration (74% of Estonian rural population practiced agriculture as their main occupation), adaptation and social mobility in the Russian Empire society.

Keywords: ethnodemography, the First Population Census of the Russian Empire, the ethnic history of Estonian migrants in the North-West Russia, ethnic composition of the population in the Saint Petersburg Governorate in the late XIX century.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 12-01-00143 «Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области: материалы и исследования».

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, состоявшаяся 28 января 1897 г. (далее — ПВПН) — беспрецедентный опыт в истории отечественной и мировой демографии и статистики, а также единственный источник достоверных данных конца XIX в. о численности и составе населения сложного евразийского поликультурного государства.

К сожалению, как мне пришлось убедиться в процессе работы над проектом «Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области», материалы ПВПН в полной мере не востребованы современными исследователями-этнографами петербургского региона. Поэтому в статье на примере миграционной группы эстонцев Санкт-Петербургской губ. (далее — «петербургская группа»), оперируя, за редким исключением, только опубликованными сведениями, я попытаюсь раскрыть потенциал материалов ПВПН, чтобы еще раз привлечь внимание специалистов к этому уникальному памятнику по этнодемографической, социокультурной и конфессиональной истории народов Приневья.

История формирования «петербургской группы» эстонцев

История изучения эстонцев-переселенцев, а также основные этапы формирования «петербургской группы» описаны русскими и эстонскими исследователями начиная с В. Маамяги (монография «Эстонские переселенцы в СССР», изданная еще в 1976 г.). Поэтому здесь я лишь напомним некоторые данные, собранные П.И. Кёппеном в 1848–1850 гг., во время работы над составлением этнографической карты Европейской России, характеризующей эстонское население дореформенной империи [Маамяги 1976; Выскочков 1989: 115, 116; 125–127].

По данным П.И. Кёппена, из 633 496 (100 %) эстонцев Российской империи в середине XIX в. в Петербургской губ. проживало 7736 чел. (1,2 %). Из них в городах (включая Нарву и Санкт-Петербург) — 5214 чел.; вне городов — 2522 чел., в том числе 652 лютеранина и 1870 православных. Городское население почти в два раза превосходило сельское, а в составе последнего православных

эстонцев насчитывалось почти в три раза (2,86) больше, чем лютеран. Нетипичное для уроженцев Прибалтики соотношение между лютеранами и православными во многом объясняется инструкцией 1744 г., предписывавшей беглых лифляндских крепостных, которые «восприяли в России веру греческого вероисповедания, таковых с женами их и детьми из России в Лифляндию не возвращать и оставлять их в тех местах, где они ныне в России жительство имеют» [Высочков 1989: 125–126].

После отмены крепостного права в Эстляндии и Лифляндии в 1817 и 1819 гг., миграция крестьян-эстонцев во внутренние губернии Российской империи непрерывно нарастала. Новый импульс переселенческое движение из Остзейских провинций получило в пореформенную эпоху (1860–1880 гг.). В результате к концу XIX в. в столичном регионе, включая Санкт-Петербург, проживало 64 116 лиц эстонской национальности, т.е. эстонцы стали третьей по численности группой после русских (1 729 564 чел.) и финнов (130 413 чел.).

Таблица 1

**Эстонское население Санкт-Петербургской губ.:
городское и сельское, чел.**

Территория расселения	Численность	В общей численности эстонского населения процентов (%)
Санкт-Петербургская губ.	64116	100
Города губернии, включая СПб	24535	38,26
Санкт-Петербург	12238	19,09
Города губернии без СПб	12297	19,17
Сельская местность	39581	61,74
Санкт-Петербургская губ., без СПб	51878	80,92

При сравнении данных ПВПН [ПВПН 1903: 92–93] с данными П.И. Кёппена можно констатировать, что к концу столетия численность эстонцев в столичном регионе в целом увеличилась в 8,28 раз; при этом в городах, включая Санкт-Петербург, — в 4,71 раза; а в сельской местности — в 15,69 раз (см. табл. 1).

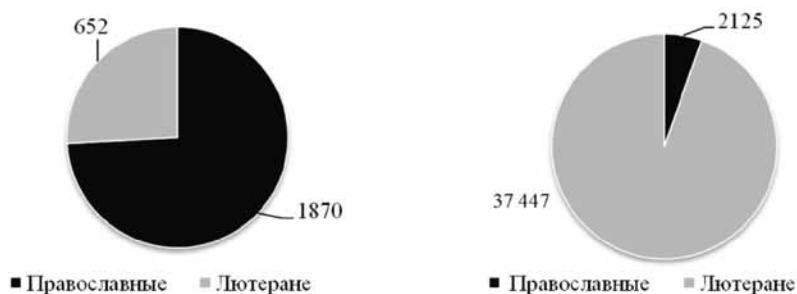

Рис. 1. Слева: конфессиональный состав «петербургской группы» эстонцев, проживавших в сельской местности в 1850-е годы.
Справа: конфессиональный состав «петербургской группы» эстонцев, проживавших в сельской местности в 1897 г.

Радикальные перемены произошли и в конфессиональном составе эстонцев-переселенцев (рис. 1). В конце XIX в. лютеране представляли уже абсолютное большинство в губернии (93,87 % от общего числа эстонского населения) и в сельской местности (94,6 %) [ПВПН 1903: 96–97]. Численность лютеран к 1897 г. (37 447 чел.) среди эстонского сельского населения по сравнению с 1850-ми годами (652 чел.) увеличилась в 57 раз. Количество же эстонцев православного вероисповедания возросло незначительно, достигнув 3698 чел. в губернии; 2125 чел. в сельской местности, что составило соответственно 5,8 % и 5,4 % от общей численности эстонского населения. Вероятно, увеличение членов православных общин происходило не столько за счет притока мигрантов, сколько за счет естественного прироста и немногочисленных биэтнических браков.

Основная причина исхода крестьянского населения Прибалтики во внутренние губернии России известна — это возможность приобретения земельного надела. В связи с этим «петербургская группа» эстонцев начинает формироваться как совокупность крестьянских этнических диаспор в уездах губернии вне городов (61,74 %), поэтому основное внимание в статье уделено анализу материалов ПВПН, касающихся параметров этнодисперсной группы эстонцев-переселенцев, проживающих в сельской местности. Но прежде кратко попытаемся охарактеризовать эстонские диаспоры в городах губернии.

Городское население в составе «петербургской группы» эстонцев

Эстонское население Санкт-Петербурга представляло собой особую группу, которая, уже в 1980-е годы являлась одной из наиболее изученных этнических диаспор столицы. Социально-демографические исследования Р. Пуллата и этносоциальная реконструкция, проделанная Н.В. Юхнёвой, позволили выявить многие особенности эстонской миграции в столицу, определить численность, приоритетные районы расселения, социальный состав эстонской диаспоры Петербурга [Pullat 2004: 10–97; Юхнёва 2002: 113–120]. Параллельно с этнодемографическими исследованиями Н.В. Юхнёва уделяла большое внимание историко-культурной проблематике роли Петербурга в процессе развития и консолидации эстонской нации [Юхнёва 1987: 3–11], наряду со своими коллегами и современниками, известными этнографами и культурологами, такими как А.Д. Дридзе, Г.В. Старовойтова, В.А. Самойлов, С.Г. Исаков (см. библиографию по теме эстонцы в Санкт-Петербурге [Мусаев 2009: 199–203]). Итоги научно-исследовательской работы, проделанной эстонскими и российскими учеными, которые в течение трех десятилетий трудились над раскрытием сложной, но интереснейшей темы «История формирования и эволюции культуры эстонцев Санкт-Петербурга», были подведены в юбилейный год северной столицы в очерке Н.В. Юхнёвой, опубликованном в книге «Многонациональный Петербург», и в монографии Р. Пуллата «Петербург — город надежд и центр формирования интеллектуальной эстонской элиты до 1917 года» [Юхнёва 2002; Pullat 2004].

Вероятно, уместно добавить, что Наталия Васильевна неоднократно побуждала начинающих исследователей 1980–1990-х годов, в частности автора статьи, изучать этнические диаспоры уездных городов и их связи с этническими группами Петербургской губ. и была всегда готова оказать методическую помощь, столь необходимую при работе с материалами по исторической демографии.

Санкт-Петербургу XIX в. суждено было сыграть важную роль в развитии национальной культуры Эстонии, но он также стал

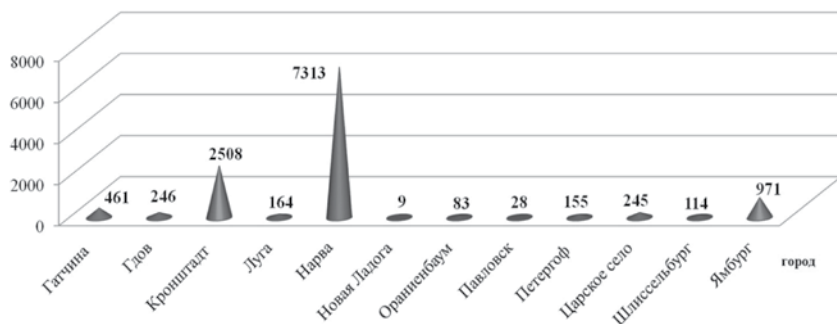

Рис. 2. Эстонское население в городах Санкт-Петербургской губ. (без Санкт-Петербурга), чел.

важнейшим фактором, благоприятствующим консолидации, адаптации и эволюции группы эстонцев-переселенцев Петербургской губернии. К сожалению, значение других городов в этнических и социокультурных процессах, протекавших среди эстонского населения губернии, в полной мере еще не оценено. Во многом это обусловлено тем, что в конце XIX в. эстонские диаспоры в городах губернии были малочисленны [ПВПН 1903: 92, 93].

Наименьшие находились в Новой Ладоге (9 чел.), Павловске (28 чел.) и Ораниенбауме (83 чел.). Наибольшие в Гатчине (461 чел.), Ямбурге (971 чел.), Кронштадте (2508 чел.) и Нарве (7313 чел.) (рис. 2).

В связи с историей диаспор последних двух городов возникает вопрос: насколько правомочно рассматривать эстонское население Нарвы и Кронштадта в составе уездных переселенческих групп? Нарва — территория коренного проживания эстонцев; эстонское же население Кронштадта — военнослужащие и члены их семей. Формирование кронштадтской диаспоры напрямую связано с историей организации воинской повинности в России и способов комплектования императорской армии и военно-морского флота, а не с миграционными процессами пореформенной эпохи. По-видимому, в состав переселенческой группы диаспоры этих городов включать все-таки не следует, или, включая, делать соответствующие оговорки. Однако необходимо учитывать их роль в истории социокультурного, конфессионального и экономического станов-

ления «петербургской группы» эстонцев-переселенцев, в той же мере, как и эстонскую диаспору столицы.

Позднее, в 1900-е годы, такие города губернии, как Ямбург, Луга, Гатчина, Царское село, становятся важными этноконфессиональными центрами (для лютеранского и православного) эстонского населения в уездах, и их значение в процессе консолидации локальных — «уездных» этнических групп и этноконфессиональных общин в составе локальных групп всемерно возрастает [Александрова, Браудзе, Высоцкая 2012; Шкаровский 2009: 141–148].

Особенности формирования «петербургской группы» эстонцев в уездах

История формирования эстонской группы внутри каждого уезда своеобразна. Самые ранние эстонские поселения возникли на Гдовщине в Восточном Причудье «со времен орденского владычества» (XIV? — XVII века). Не случайно эта территория получила в обиходе среди эстонцев название «Малая Эстония» — «Väike Eesti» [Arens 1994: 5, 39–42; Засецкая 2002: 55–70]. В Ямбургском же уезде, в окрестностях Нарвы, как известно, существовало коренное эстонское население. Закономерно, что эти старейшие сопредельные с Эстонией и автохтонные очаги эстонской культуры к 1897 г. [ПВПН 1903: 92, 93] оказались наиболее многочисленными (рис. 3).

В Лужский, Петергофский и Царскосельский уезды миграционные потоки направляются после 1861 г. В этих уездах, граничащих с Гдовским и Ямбургским, эстонская колонизация шла быстрыми темпами, эстонские же группы в восточных уездах до столыпинских реформ 1905 г. формировались «по остаточному принципу».

В 1880-е годы, помимо миграции из Остзейского края, среди эстонцев-переселенцев Северо-Запада России фиксируется и внутренняя миграция на двух уровнях: из губернии в губернию (например, Псковская — Петербургская) и внутри губернии из уезда в уезд; а также из уездного города в сельскую местность (и наоборот) [Засецкая 2002: 65, 66; Мусаев 2009: 15–36]. Косвенным подтверждением внутренней миграции могут служить статистические

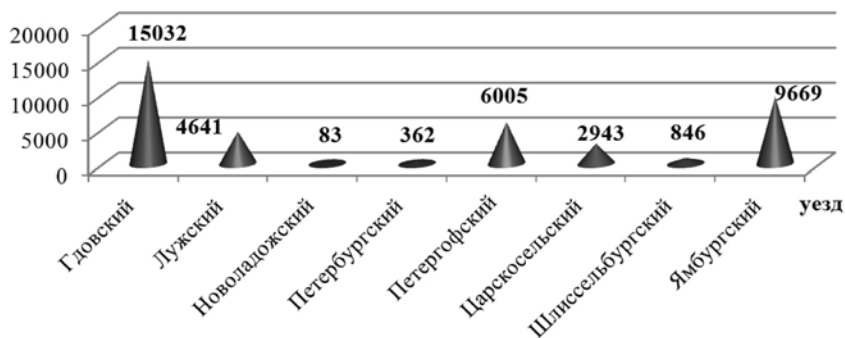

Рис. 3. Эстонское сельское население в уездах Санкт-Петербургской губ., чел.

данные таблиц ПВПН, где собрана информация о месте рождения [ПВПН 1903: 40–43] и, соответственно, о месте исхода новопоселенцев Петербургской губернии (табл. 2).

Таблица 2

**Переселенцы из Лифляндской и Эстляндской губ.
в сельской местности Петербургской губ., чел.**

Место исхода	Численность			В общей численности, %
	Мужчины	Женщины	Оба пола	
Лифляндская губ.	8701	8308	17009	64
Эстляндская губ.	4885	4827	9712	36
Лифляндская и Эстляндская губ.	13586	13135	26721	100

Не предпринимая сложных этнодемографических расчетов, направленных на выявление в общей переселенческой массе «остзейцев» эстонцев отдельно от немцев и латышей, но воспользовавшись одним арифметическим действием — вычитанием ($39\,581 - 26\,721 = 12\,860$ чел.), можно прийти к важному заключению: в конце XIX в. не менее одной трети эстонского населения, проживавшего в сельской местности столичного региона, уже являлись уроженцами Северо-Запада России, включая Петербургскую, Псковскую и Новгородскую губ. Незначительное преобладание мужчин по сравнению с женщинами свидетельствует о том, что крестьянская миграция из Прибалтики в 1860–1880-х годах носила не толь-

ко массовый, но и «групповой» характер. Многие эстонцы переселялись семьями, т.е. малыми группами, связанными узами кровного родства или родства и соседства [Садофьева 2004: 198; Мусаев 2009: 20, 23].

**Половозрастной состав,
грамотность, семейное положение эстонцев
«петербургской группы» в сельской местности**

В ПВПН в таблице XV «Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам» [ПВПН 1903: 124–147] выделено девять возрастных групп, каждая из которых подразделяется на две по половому признаку. В свою очередь для каждой из полученных восемнадцати половозрастных групп в параллельных столбцах приведены сведения о количестве «грамотных» (начальное образование) и получивших образование «выше начального». Особо акцентируется внимание на знании / незнании русской грамоты (столбец: «грамотные по-русски»). В соседнем столбце указано количество «грамотных на другом языке»; на каком именно — не уточняется, но в случае эстонского населения, в качестве другого языка может выступать эстонский, а также, особенно для старшего поколения, — немецкий. На основании этих данных ПВПН мною были построены три таблицы (табл. 3, 4, 5).

Первое, на что хочется обратить внимание, это соотношение между мужским и женским населением. Женщин больше, чем мужчин, всего на 199 чел. Между тем для коренных и старопоселенческих групп в губернии, независимо от вероисповедания и национальности, характерно значительное преобладание женщин по сравнению с мужчинами. Приведем только один пример на основе материалов ПВПН из архивов РГИА по Лужскому у.: среди православного, преимущественно русского, населения волостных деревень Лужского у. женщин (57 311 чел.) больше, чем мужчин (49 631 чел.), на 7 680 чел. [РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 1723. Л. 1–10].

Важным показателем степени культурной адаптации и залогом будущей социальной мобильности молодежи является уро-

Таблица 3

**Распределение эстонского населения, проживающего
в сельской местности Санкт-Петербургской губ.,
по полу, возрасту и грамотности, чел.**

№/п	Возрастные группы	Численность				
		Мужчины	Женщины	Оба пола	Неграмотные	Грамотные
1	2	3	4	5	6	7
1	до 1 года	633	629	1262	1262	-
2	1–9 лет	4588	4933	9521	8229	1292
3	10–19 лет	3981	3834	7815	1279	6536
4	20–29 лет	2807	3131	5938	521	5417
5	30–39 лет	2874	2777	5651	566	5085
6	40–49 лет	1950	1773	3723	403	3320
7	50–59 лет	1465	1361	2826	440	2386
8	от 60 и выше	1383	1448	2831	504	2327
9	Неизвестный возраст	10	4	14	10	4
Все возрастные группы		19691	19890	39581	13214	26367

вень грамотности среди представителей разных половозрастных групп. Среди «петербургской группы» эстонцев в сельской местности этот уровень чрезвычайно высок: грамотных — 66,6 %, неграмотных — 33,4 %; но среди взрослых и подростков школьного возраста неграмотных насчитывается всего 3 723 чел. (см. табл. 3, строки 3–9, стб. 5), т.е. всего 9,4 % от общего числа колонистов (39 581 чел). Таким образом, 90,6 % эстонцев «петербургской группы» старше девяти лет в конце XIX в. смогли в той или иной мере приобщиться к начальному образованию.

Обращает на себя внимание тот факт, что неграмотных женщин больше, чем мужчин, всего на 737 чел. (см. табл. 4, строка 4, стб. 4). Учитывая, что девочек в возрасте от года до девяти лет на 345 чел. (см. табл. 3, строка 2, стб. 3, 4) больше, чем мальчиков, можно говорить практически о равенстве в правах на получение начального образования среди женского и мужского населения.

Таблица 4

**Уровень образования среди мужского и женского населения
«петербургской группы» эстонцев,
проживающих в сельской местности, чел.**

Население (половые группы)		Численность		
		Получившие образование		Не получившие образования
		Начальное	Выше начального	
1		2	3	4
1	Мужчины	13428	46	6263
2	Женщины	12874	16	7000
3	Оба пола	26256	62	13263
4	Доминирующий пол в группе	Мужчин больше на 554	Мужчин больше на 30	Женщин больше на 737

На основании тех же сведений [ПВПН 1903: 124–147] мною была составлена диаграмма с условным названием «Три возраста» (рис. 4, слева), которая демонстрирует возрастную стратификацию группы: представителей младшего поколения («юность» — от рождения до 19 лет) на три тысячи больше, чем среднего («зрелость» — от 20 до 49 лет), а среднего, в свою очередь, на 9641 чел., т.е. почти в три раза — больше, нежели крестьян преклонного возраста («старость» — от 50 и старше).

Уже на этом этапе анализа материалов ПВПН можно прийти к заключению, что «петербургская группа» эстонцев характеризу-

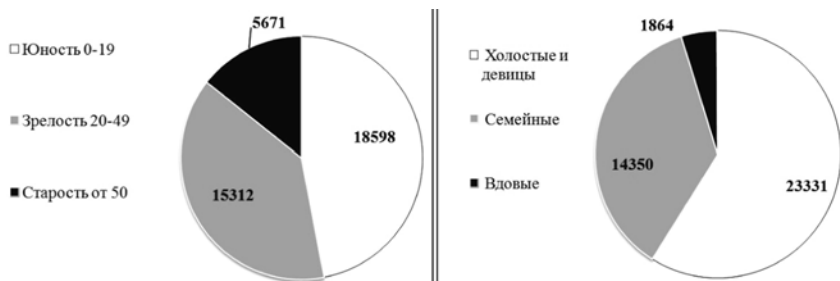

Рис. 4. Слева: «Три возраста: юность, зрелость, старость».

Справа: «Семейное состояние» [ПВПН 1903: 148–149], чел.

ется соразмерностью — пропорциональное соотношение по полу и возрасту является залогом ее жизнеспособности. Группа «молодая» и чрезвычайно перспективная в плане укоренения, адаптации и социокультурного развития, о чем свидетельствует количество «грамотных по-русски» — 50,65 % от числа грамотных или 33,74 % от общего числа эстонского населения в сельской местности (табл. 5).

Таблица 5

**Численность эстонцев, владеющих грамотой
на русском или других языках
в составе половозрастных групп, чел.**

Возрастная ↓ группа	Численность						Всего грамотных в группе
	Владеющие грамотой на русском языке			Владеющие грамотой на других языках			
	Муж- чины	Жен- щины	Оба пола	Муж- чины	Жен- щины	Оба пола	
1–9 лет	231	154	385	455	452	907	1292
10–19 лет	1811	1576	3387	1531	1615	3146	6533
20–29 лет	1455	1511	2966	1112	1317	2429	5395
30–39 лет	1375	1385	2760	1264	1035	2299	5059
40–49 лет	781	833	1614	994	707	1701	3315
50–59 лет	521	604	1125	735	521	1256	2381
от 60 и выше	501	614	1115	661	550	1211	2326
Неизвестный возраст	1	2	3	1	-	1	4
Всего в группе	6676	6679	13355	6753	6197	12950	26367

Сведения, собранные переписчиками 1897 г. о грамотности («по-русски», на «других языках») среди эстонцев, вызывают некоторые вопросы и требуют комментариев, особенно в контексте перемен, которые произошли в пореформенную эпоху в конфессиональном составе переселенцев, как на уровне губернии, так и на уровне уездов — в сельской местности (см. рис. 1).

По моему мнению, данную информацию правильнее было бы интерпретировать следующим образом. Из 13 355 «грамотных по-

русски» эстонцев, проживавших в сельской местности, возможно, навыками свободного письма и чтения на эстонском языке не владели 1126 православных, не прошедших конфирмацию в Евангелическо-Лютеранской церкви. Но остальные 11 135 эстонцев-лютеран [ПВПН 1903: 96–97], будучи «грамотными по-русски», владели также и «другим языком», т.е. эстонским (или немецким?), иначе они не могли бы пройти конфирмацию и стать членами лютеранской общины. Преподавание русского языка (обязательный предмет в школах России) крестьянским детям с эстонских хуторов, которые знали только родной язык, в эстонских начальных школах неизбежно начиналось с обучения грамотности на эстонском языке, иначе дети не могли бы освоить ни один предмет [Засецкая 1992: 132–143; Шкаровский 2006: 141–148]. Таким образом, корректируя данные ПВПН, можно сделать вывод, что из 26 359 грамотных эстонцев 11 135 чел. умели читать и писать не только на родном, но и на русском языке.

Логическим продолжением анализа половозрастного состава и образования «петербургской группы» эстонцев является рассмотрение параметров, касающихся «семейного состояния» (табл. 6; рис. 4, слева).

Таблица 6

**Распределение эстонского населения по полу
и «семейному состоянию», чел.**

Группы по «семейному состоянию»	Численность		Доминирующий пол в группе
	Мужчины	Женщины	
1	2	3	4
Холостые и девицы	12180	11151	Мужчин больше на 1029
Семейные	7013	7337	Женщин больше на 324
Вдовы	479	1385	Женщин больше на 906
Разведенные и т.п.	19	17	Мужчин больше на 2

В этой сфере согласно ПВПН выделяются пять групп: «холостые и девицы» — 23 331 чел. (58,9 %); «состоящие в браке» — 14 350 чел. (36,3 %); «вдовы» — 1864 чел. (4,7 %); «разведенные» — 18 чел., «не указавшие семейного состояния» — 18 чел. [ПВПН 1903:

148–149]. При сопоставлении диаграмм «семейное состояние» (см. рис. 4, справа)¹ и «три возраста» (см. рис. 4, слева) можно заметить, что группа «холостые и девицы», подобно группе «юность», является самой многочисленной, превосходя группу семейных почти на 10 тыс. чел.

Особого внимания в таблице 6 заслуживает столбец 4. Если преобладание холостых парней над незамужними девицами, равно как и вдов по сравнению с вдовцами, — достаточно типичная картина для крестьянской среды, то незначительное преобладание замужних эстонок над женатыми эстонцами свидетельствует не только о предпочтении моноэтнических браков, но также о существовании биэтнических союзов. Косвенным подтверждением этому факту могут служить данные из таблицы 5, согласно которым количество эстонок, «грамотных по-русски», фертильного возраста и старше (от 20 до 60 лет) больше [Засецкая 1997: 52–64]², чем мужчин из соответствующих возрастных групп, на 315 чел., в то время как среди девочек-подростков и девушек до 19 лет «грамотных по-русски» меньше, чем юношей, на 312 чел.

Сословная и социальная стратификация «петербургской группы» эстонцев, проживающих в сельской местности

В соответствии со сведениями, приведенными в таблице XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям», подавляющее большинство эстонцев, проживавших в «уездах без городов» [ПВПН 1903: 240–241], принадлежало к крестьянскому сословию — 33 103 чел. (83,6 %); среди остальных сословий следует отметить мещан — 6206 чел. (15,7 %). Представители же прочих сословий (272 чел.), включая дворянство (8 чел.), духовенство (2 чел.), почетных граждан (11 чел.), войсковое казачество

¹ Последние две группы — 36 чел. (0,1 %), при построении рис. 5, визуально отобразить не удалось, т.к. число входящих в них людей незначительно.

² В статье зафиксировано, что русский язык использовался для внутрисемейного общения не только в русско-эстонских, но и в эстонско-латышских, эстонско-белорусских семьях.

(1 женщина!), граждан вне сословий или «не указавшие сословий» (214 чел.), а также такие специфические, выделенные на период переписи 1897 г. группы, как «финляндские уроженцы, без различия сословий» (23 чел.) и «иностранные подданные» (13 чел.), составили менее 1 % от общего числа эстонского сельского населения. Единственное сословие, в составе которого не зафиксировано ни одного человека, кто в качестве родного языка указал бы эстонский, — это купечество. Незаинтересованность основной массы эстонцев-переселенцев в деятельности, так или иначе связанной с коммерцией и торговлей, подтверждается данными из таблицы XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка»¹ [ПВПН 1903: 172–229]. Приоритетными же «занятиями» для эстонцев, как и следовало ожидать, являлось сельское хозяйство. Традиционные сельскохозяйственные занятия и промыслы, как явствует из таблицы XXII, были основными видами деятельности для 30 865 чел., что составляло 78 % от общей численности эстонцев, проживающих в сельской местности, или 93 % от числа лиц крестьянского сословия (33 103 чел.). При этом непосредственно в «земледелии» (терминология ПВПН) было занято 29 478 чел., т.е. 74 % эстонцев, проживающих в сельской местности, или 89 % представителей крестьянства. Учитывая, что в таблице XXII к «земледельцам» причислены только «имеющие самостоятельные занятия» (6801 чел.) и «члены их семей» (22 677 чел.), можно утверждать, что 89 % эстонцев-крестьян трудились на собственных хуторах в составе своих семейств; они не были наемными работниками (батраками), но являлись арендаторами либо частными владельцами земельных наделов, т.е. хозяевами (5781 муж.), хозяйками (1020 жен.) или членами их семей, имеющими относительно гарантированное будущее.

Если «эстонец оставлял отчий дом, переселялся в неведомые ему края, <...> в среду чуждого ему по языку, нравам и обычаям на-

¹ К сожалению, в силу ограниченности размеров статьи подробную роспись распределения сельского эстонского населения по роду деятельности представить невозможно, поскольку перечень «занятий» в таблице XXII насчитывает 65 позиций.

селения <...> во имя осуществления вековой мечты своей — стать обладателем участка земли» [Маамяги 1990: 9], то статистические данные ПВПН свидетельствуют о том, что подавляющему большинству переселенцев эту мечту в той или иной мере воплотить удалось, во всяком случае, на территории Санкт-Петербургской губернии.

В завершение следует отметить, что изучение социокультурной и конфессиональной истории «петербургской группы» эстонцев-переселенцев по материалам ПВПН представляется перспективным в случае более глубокого сравнительного анализа статистических данных по этнолокальным группам эстонцев на уровне уездов и / или при сопоставлении с аналоговыми сведениями по другим народностям Петербургской губ., как коренным, например финнам, так и переселенцам пореформенной эпохи, например латышам. Но это задача может быть разрешена исключительно в рамках полноценного монографического исследования.

Источники

РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 1723. Лужский у. Ведомости распределения населения по вероисповеданию. Часть 1.

Опубликованные источники

ПВПН 1903 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXVII. С.-Петербургская губ. СПб., 1903.

Библиография

Александрова Е.Л., Браудзе М.М., Высоцкая В.А. История финской Евангелическо-лютеранской церкви Ингерманландии. 400 лет. 1611–2011. СПб.: Гйоль, 2012. 406 с.

Высочков Л.В. Об этническом составе сельского населения северо-запада России (вторая половина XVIII — XIX в.) // Петербург и губерния: историко-этнографические исследования. Л. 1989. С. 113–131.

Кёппен П.И. Водь и Водьская пятина // ЖМНП. 1851. Ч. 70. № 5. Отд. 2. С. 41–67.

Кёппен П.И. Об этнографической карте Европейской России. 2-е изд. СПб.: Русское географическое общество, 1853. 40 с.

- Засецкая М.Л.* Эстонцы Лужского района Ленинградской области (конец XIX — середина XX в.) // *Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре.* СПб., 1992. С. 132–143.
- Засецкая М.Л.* Система социализации у эстонцев-переселенцев Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Из истории Санкт-Петербургской губернии: Новое в гуманитарных исследованиях.* СПб., 1997. С. 52–64.
- Засецкая М.Л.* К вопросу об истории формирования «петербургской группы» эстонцев-переселенцев (опыт периодизации эстонской миграции) // *Финно-угры и соседи: Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах.* СПб., 2002. С. 55–70.
- Маамяги В.* Эстонские поселенцы в СССР. 1917–1940 гг. Таллин: Ээсти раамат, 1976. 235 с.
- Маамяги В.* Эстонцы в СССР 1917–1940 гг. М.: Наука, 1990. 198 с.
- Мусаев В.И.* Эстонская диаспора на Северо-Западе России во второй половине XIX–первой половине XX в. СПб.: Нестор, 2009. 211 с.
- Садофьева Н.Н.* Эстонские переселенцы в Петербургской губернии пореформенного периода (Хозяйственное освоение Ямбургского и Гдовского уездов) // *Россия и Балтия. Вып. 3. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII — XX вв. М., 2004. С. 195–209.*
- Шкаровский М. В.* Общины православных эстонцев на Северо-Западе России в XIX–XX веках // *Материалы по исследованию религиозной ситуации на Северо-Западе России и в странах Балтии. Вып. III. СПб., 2006. С. 141–148.*
- Юхнёва Н. В.* Этнические группы и их общинная жизнь в старом Петербурге. Эстонцы и латыши // *Многоязычный Петербург. История. Религия. Народы.* СПб., 2002. С. 113–120.
- Arens I.* Peipsitagused Eestlased (fakte, dokumente ja mälestuspilte Ida-Peipsimaa uurimuselt 1934–1944). Tartu Ülikooli Kirjastus, 1994.
- Pullat R.* Lootuste linn Peterburi ja eesti haritlaskonna kujunemine kuni 1917. Tallinn: Estopol, 2004.

Список сокращений

- РГИА — Российский государственный исторический архив СПб.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения СПб.

М. С.-Г. Албогачиева

ИНГУШСКАЯ СЕМЬЯ АЛБОГАЧИЕВЫХ ПРИ РОССИЙСКОМ ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЕ

Статья посвящена истории семьи Татре Албогачиева, который в 1887 г. был приглашен ко Двору и работал верой и правдой в правление трех российских императоров. Благодаря свидетельствам родственников и знакомых, которые были близки семье, удалось осветить события официальной и социально значимой части развития карьеры Татре Албогачиева и его потомков за более чем вековую историю их жизни в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: Албогачиев, услуги, бореитор, семья царского Двора, ингуши, Орден Святого Георгия 4-й степени, Санкт-Петербург, Терский район, лейтенант, Терский район, мусульмане, кавказцы.

М. Albogachieva

INGUSH TRACE IN AUGUST SURROUNDED BY FAMILY HISTORY ETC. ALBOGACHIEVA

Article is devoted to history of a family of Albogachiyev Tatre who in 1887 was invited to the yard and worked belief and the truth to three Russian emperors. Besides, thanks to certificates of the relatives and acquaintances who were close knowing our family it was succeeded to cover some events from office and socially significant part of career development of T.D. Albogachiyev and his descendants for more century history of life in St. Petersburg.

Keywords: Albogachiyev T.D., service, horsebreaker, family, imperial yard, Ingush, Order of Saint George of the 4th degree, St. Petersburg, Tersky area, lieutenant, Dzhabagiyev V.-G., Muslims, Caucasians.

Санкт-Петербург со дня своего основания является одним из самых многонациональных городов России, островком вольнодумства и демократии, сосредоточив в себе все передовые идеи мировой культуры.

В XIX в. Петербург становится необычайно популярным и привлекательным для свободолобивых кавказцев. Именно здесь получили образование и сделали блестящую карьеру первые просветители и общественные деятели, видевшие в своих связях с Россией основной путь к цивилизации и всей своей жизнью стремившиеся приобщить народы Кавказа к русской и европейской культуре. Волей судьбы кто-то пребывал здесь на службе или учебе, кто-то на заработках, кто-то, создавая семью, укоренялся здесь навсегда. С этим городом связана судьба и моей семьи. Еще в 1878 г. мой прадед Албогачиев Татре Дотмурзиевич приехал служить в Министерство Императорского двора (см. цветную вклейку, рис. 1). Возникает справедливый вопрос: каким образом ингуш с Северного Кавказа смог получить приглашение переехать жить в город на Неве, да еще и в Императорский двор?

История такова. Т.Д. Албогачиев был участником Русско-турецкой войны и за доблестные подвиги в боях с турками награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за № 1982, установленным для офицеров нехристианской веры [РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 301. Л. 10]. После возвращения на родину был назначен старшиной селения Альты Гамурзиевского Владикавказского округа Терской области, оставаясь в терской милиции. Будучи в гостях у Албогачиева, его родственник, подполковник Мачуко Базоркин, зная о мастерстве Татре по изготовлению конской упряжи, очень красивой, с посеребренными и бронзовыми узорчатыми бляшками, попросил его сделать сбрую к юбилею для российского императора. Подарок пришелся по душе государю и, ознакомившись с личным делом, он пригласил Т.Д. Албогачиева ко двору [Абадиев 2003: 131].

Поразмыслив, Татре все-таки решил переехать в далекую Северную столицу, где «по воле государя наследника цесаревича назначен постоянным вестовым при казенных лошадях Его величества с прикомандированием к конюшенному отделению» [РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 301. Л. 12]. Спустя несколько лет, 26 февраля 1881 г.,

по высочайшему повелению за отлично-усердную службу произведен в прапорщики милиции. Добросовестный труд и примерное поведение не оставались незамеченными. По случаю восшествия на престол Его величества государя императора Александра Александровича 19 июня 1881 г. Т.Д. Албогачиеву всемилостивейше пожалован годовой оклад жалования 144 руб. В связи с упразднением конюшенного отделения государя наследника цесаревича, 2 марта 1882 г. он переведен в Придворную конюшенную часть. 15 мая 1883 г. за отлично усердную службу Т.Д. Албогачиеву Всемилостивейше пожаловано денежное вознаграждение 100 руб. в подарок от Кабинета Его Величества. Год спустя, Приказом по Придворной конюшенной части от 7 апреля 1884 г. за № 8, он зачислен на вакансию берейторского помощника. В этой должности он прослужил в указанном ведомстве до 1890 г., а 14 марта Приказом по Придворной конюшенной части за № 4 был назначен исправляющим должность берейтора [РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 301. Л. 12]. Возможно, о существовании этой должности в XXI в. знают лишь немногие, поэтому считаю нужным сделать пояснение: «Берейтор — это человек, обучающий верховой езде и выезжающий верховых лошадей; объездчик, выездчик, ездок» [Даль 1998: 83].

Бабушка Минат рассказывала, что в его обязанности входило выезжать собственных лошадей седла Его Величества Государя Императора и обучать верховой езде цесаревичей. «Именно он отбирал и объезжал для Государя Императора лошадей и давал уроки верховой езды цесаревичам. Дети трех российских царей — Александра II, Александра III и Николая II — были учениками Татре Дотмурзиевича» [Севрюкова 2015: 21]. Служебное положение предполагало неотлучное присутствие Албогачиева во всех путешествиях императора, а также на больших и малых маневрах неотлучно. Это обстоятельство позволило ему объездить различные уголки России, Финляндию, Польшу и другие страны [РГИА. Ф. 447. Оп. 3. Д. 286]. Одна из сохранившихся фотографий была напечатана в Польше в мастерской фотографа Карпинского.

Жизнь в Петербурге была яркой и разнообразной, она открывала перед молодым горцем двери в большое и прекрасное будущее. В Петербурге его ожидал военная карьера. Здесь его произ-

водят в прапорщика милиции, затем жалуют чин подпоручика милиции и Турецкий орден Меджидио 4-й степени в память войны с Турцией 1877–1878 гг., кавалерийский крест Мекленбург-Шверинского ордена Грифа, а затем следует и чин поручика милиции [РГИА Ф. 477. Оп. 3. Д. 301. Л. 11].

Каждый год на Пасху царь и царица дарили подарки свите и лейб-гвардейцам. Подарки были разные — от красиво раскрашенных куриных яиц до фарфоровых. Последними, созданными ювелиром Фаберже, представляющими собой произведение искусства, одаривались лишь избранные. В нашей семье сохранились несколько таких пасхальных яиц, которые как ценный экспонат хранятся в нашем доме.

В начале службы Албогачиева в Северной столице ингушей было мало, и его знакомство с земляками, которые входили в императорский конвой и служили в различных гражданских ведомствах, значительно скрасило пребывание на берегах Невы.

Позже, освоившись и приобретя много друзей, он активно включился в общественную жизнь горцев Кавказа, принимая участие во всех землячествах, вечерах, проводимых ими. Затем вступил в члены мусульманского благотворительного общества Санкт-Петербурга, помогая в сборе пожертвований на постройку самой северной мечети в России.

В городе на Неве он повстречал и свою первую жену, она была татаркой, от этого брака родилась дочь, о дальнейшей судьбе их ничего не известно, но сохранилась фотография — может, кто-то и узнает в ней свою прабабушку.

Второй раз он женился во время своего очередного отпуска на родину — на Арчаковой Залейхан Мусостовне. Она была значительно моложе него, однако смогла создать дружную и большую семью. Жили молодые на Екатерининской набережной, дом № 6 (ныне канал Грибоедова, дом № 7), любимым местом прогулок был Михайловский парк и катание на пароходике по маршруту от Марсова поля до Никольского рынка.

Залейхан была любящей и заботливой матерью девяти детей: трех дочерей и шестерых сыновей (см. цветную вклейку, рис. 2), но в силу ряда обстоятельств до совершеннолетия дожили лишь ше-

стеро из них, а остальные похоронены на Волковском кладбище Санкт-Петербурга.

В 1895 г. Албогачиев Татре Домурзиевич подал в отставку по состоянию здоровья [РГИА Ф. 477. Оп. 3. Д. 286. Л. 2], прослужив верой правдой у трех последних российских царей. Семья переехала жить в Царское Село, где у них был собственный дом. У Албогачиева была солидная пенсия [РГИА. Ф. 447. Оп. 3. Д. 74. Л. 1], что позволило ему каждый год ездить на родину, приобрести дом во Владикавказе и по имущественному цензу баллотироваться в городскую Думу [Терские ведомости 1909: 3]. Несмотря на преклонный возраст, он оказывал содействие в решении непростых проблем, стоявших перед его народом. Так, от имени Т.Д. Албогачиева был сделан запрос в Государственную думу о возвращении необоснованно собранных денег у общества селения Сагопши Назрановского округа Терской области. Вопрос был рассмотрен и решен в пользу жителей указанной местности [ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 849. Л. 123]. В 1905 г. он был членом Окружного по раскладке поземельных сборов присутствия [Терские ведомости 1905: 3]. В Терской области раскладку налога на уезды производили особые Губернские (Областные) по раскладке поземельных сборов присутствия, а внутри уездов — Уездные (Окружные) по раскладке поземельных сборов присутствия. В состав этих комиссий входили как коренные чиновники, так и представители налогоплательщиков. В их числе был и мой прадед.

Он также вошел в число почетных выборных от ингушского народа: поручик Татре Албогачиев, Шаптуко Куриев и Догуз Хаджи Беков прибыли в Тифлис с целью ходатайствовать перед наместником Его высочества на Кавказе об утверждении временно образованного Назрановского округа. В прошении были достаточно основательно изложены все мотивы, побуждающие их ходатайствовать об утверждении этого округа. Прошение было удовлетворено, и 10 июня 1909 г. был утвержден Назрановский округ, состоящий из 2-го и 3-го участков Сунженского отдела, а также из наделов селений Сагопши, Пседах, Кескем 1-го участка этого отдела со всеми подчиненными им в административном отношении хуторами и поселками. Было принято решение образо-

вать управление Назрановского округа и горский словесный суд в этом округе в том составе, какой определен для общего управления округов Терской области. «Назначить местопребыванием управления Назрановского округа местечко Назрань» [ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 849. Л. 123]. Для ингушского народа это решение было судьбоносным, но, к великому сожалению, о роли и месте выборных от ингушского народа в этом вопросе знают немногие.

Из-за тревожной обстановки в крае в 1909 г. в городе Грозном состоялся съезд туземного и русского населения трех округов и отделов, где были избраны члены в особую комиссию для организации в области примирительных народных судов. Для этого была создана комиссия по проверке деятельности суда, в которую от ингушей вошли Татре Албогачиев (с. Гамурзиево), Хакяш Ведзижев (с. Нижние Ачалуки), Юсуп-Хаджи Плиев (с. Плиево), Керим-Хаджи Льянов (пос. Назрань), Эльмурза Гайтукиев, Аслан-Хаджи Инаркиев (г. Владикавказ). С 15 апреля 1909 г. вступил в силу протокол, регламентировавший деятельность Осетино-ингушского смешанного суда [ЦГА РСО-А. Ф. 117. Оп. 1. Д. 14: 4 — 4 об.]. Эти выборные от всего ингушского народа должны были со всей строгостью и ответственностью оценить деятельность смешанного осетино-ингушского суда.

Покинув Петербург и переехав в Ингушетию, Татре Албогачиев сумел принести огромную пользу своему народу, решая сложные и, несомненно, важные вопросы. Этому благородному и непростому делу он посвятил остаток своей жизни. Умер он в 1911 г., похоронен в Ингушетии на родовом кладбище Албогачиевых.

Сыновья Албогачиева пошли по стопам отца и выбрали военную службу: Бек-Султан окончил гимназию, Кадетский корпус и продолжил образование в Виленском военном училище (см. цветную вклейку, рис. 3). «Албогачиев Бек-Султан Татриевич (1887–1915), 06.08.1912 года выпуска по 2-му разряду подпоручиком (со старшинством со дня выпуска) в 61-й пехотный Владимирский полк в крепости Осовец. Магометанин, ингуш, уроженец Петербургской губернии Царскосельского уезда г. Царское Село, из кавказских узденей Терской области. Сын берейтора император-

ского двора Татре Дотмурзиевича Албогачиева, поручика милиции в отставке. Бек-Султан служил в Уланском Его Величества полку. В период Первой мировой войны был ранен под Варшавой, от полученных ран скончался» [<http://www.vrtu-vvkure.com/modules>].

Сыновья Абдула и Магомет окончили гимназию, а затем продолжили учебу в Кадетском корпусе. Известно, что Абдула окончил в 1912 г. Темир-Хан-Шуринское реальное училище (Кавказского учебного округа) Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск). В его личном деле значится: «уроженец Петербургской губернии Царскосельского уезда г. Царское Село». В разделе «Имена, отчества и фамилии родственников и знакомых, находящихся в Петербурге, их адреса и общественное положение» Абдула назвал чиновника департамента земледелия и землеустройства Висан-Гирея Ижиевича Джабагиева, адрес — Тележная ул., д. 13, кв. 8. [РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 16541 п/с 291–412. Л. 4 — 6 об. Из личного архива Газикова Б.].

Однако после окончания учебы, во время учений, Абдула получил травму, от которой скончался, а Магомет умер от болезни. Мой дедушка Ислам жил в Варшаве в семье своего двоюродного брата, племянника Татре, Мааса Гандарова, который с самого детства жил в семье Татре и Залейхи. В Петербурге он получил образование, а затем продолжил военную службу в Варшаве. Ислама он забрал с собой, и начальное образование мальчик получил в Польше. Точных сведений о возвращении на родину дедушки Ислама в Россию нет. Со слов бабушки Минат знаю, что во время Гражданской войны его привезла на Кавказ жена Мааса Гандарова.

Исламу, так же как и его братьям, не суждена была долгая жизнь. В 1930-х годах он был раскулачен и посажен во Владикавказскую тюрьму, где заболел и умер. К этому времени в его семье было пятеро детей: Ахмед, мой отец Султан-Гирей, дочери Рукият, Тамара и Роза. Старшему ребенку исполнилось только девять лет, а моя бабушка Минат была необразованной и ничего из его воспоминаний не записала. В связи с этим многое пришлось собирать просто как исследователю генеалогии по известной схеме.

Со слов моей бабушки известно, что в Петербурге оставалась племянница Татре: Леля, к которой в начале 1930-х годов перееха-

ла жить ее двоюродная сестра Тамара. Об Албогачиевой Леле известно только то, что она работала на Главпочтамте до 1944 г., но после депортации ингушей и чеченцев 23 февраля 1944 г. по этническому признаку была выслана в Казахстан.

О Тамаре известно, что она родилась в 1907 г. в семье Измаила Дудаевича во Владикавказе. В 1924 г. поступила в медицинский техникум и успешно закончила его. В 1932 г. Тамара Измайловна переехала в Ленинград и работала медицинской сестрой в одной из больниц. В 1939 г. после начала финской войны она ушла на фронт, служила старшим фельдшером госпиталя. В годы Великой Отечественной войны Тамара была старшим фельдшером эвакуационного госпиталя. Тамара Измайловна Албогачиева получила высокие награды Родины: боевые медали «За оборону Кавказа» и «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В Петербурге оставались родственники, в их числе был и Висан-Гирей Джабагиев, служивший в Департаменте государственных земельных имуществ и ставший его вице-директором. Круг его интересов не замыкался только на работе в департаменте, интересовали его и гуманитарные науки. Так, в 1902 г. им был создан проект ингушской азбуки на арабской основе. Также он активно сотрудничал с органами периодической печати, в особенности с «Санкт-Петербургскими ведомостями», на страницах которых появлялись его статьи на экономические темы, по вопросам внешней и внутренней политики России. Есть и изданные в Петербурге в 1915 г. работы по сельскому хозяйству: «Свободная земельная собственность и техника сельского хозяйства в Европе» и «Промышленная сушка картофеля» [Яндиева 2002: 587].

Знание восточных и европейских языков позволяло В.-Г. Джабагиеву иметь множество друзей и знакомых различных национальностей.

Однажды, находясь в гостях у внука знаменитого дагестанского имама Шамиля — Захида Шамиля (его жена была татарка из богатой казанской семьи), он познакомился со своей будущей женой — литовской татаркой Хеленой из известного татарского княжеского рода Байрашевских. К этому времени Хелена уже окон-

чила филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

Они поженились: Висан-Гирей — ингуш, Хелена — татарка, языком общения в семье стали русский и французский, которыми владели оба супруга. В Петрограде у них родились две дочери — Калимат и Джанет.

Висан-Гирей и Хелена поддерживали связь с диаспорами других национальностей, а с учреждением в 1915 г. Общества по распространению просвещения среди мусульман стали активными его членами.

Это общество ставило своей целью поднять культурный уровень мусульман путем проведения лекций, организации курсов по обучению грамоте взрослых, открытия школ и библиотек.

Одна из таких библиотек располагалась на Казанской ул., дом № 40, кв. № 5. В 1916 г. с прошением о ее открытии Джабагиев Висан-Гирей обратился к его превосходительству господину градоначальнику: «Желая открыть в Петрограде библиотеку-читальню с платою за чтение, комитет Петроградского общества по распространению просвещения среди мусульман имеет честь просить Ваше Превосходительство, согласно статье 175 о цензуре и печати, выдать разрешительное свидетельство на открытие и содержание таковой. Библиотека будет помещаться на Казанской улице, в доме № 40, кв. 5» [ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 2137. Л. 3].

Необходимость библиотеки была продиктована дефицитом книг и высокими на них ценами, что лишало читателей возможности приобрести в книжных магазинах интересующие их издания.

Выход из этого положения был найден и для мусульман Петрограда: с разрешения градоначальника была открыта библиотека-читальня по указанному адресу. Несмотря на сложное предреволюционное время, библиотека пользовалась большим читательским спросом, расширяя кругозор мусульман города.

После Февральской революции в Петрограде был сформирован Комитет горцев Северного Кавказа, который обратился к Временному правительству с просьбой назначить в Терскую область комиссара из горцев-мусульман, уроженца этой области Висан-Гирея Джабагиева.

Просьба была удовлетворена и 1–10 мая 1917 г. он присутствовал на заседании Первого съезда горских народов во Владикавказе, где его избрали членом Временного Центрального Комитета Союза объединенных горцев.

В 1921 г. делегация Горской республики, в которую вошел Висан-Гирей Джабагиев, выехала на Версальскую конференцию, но до их возвращения Грузию заняли большевики, и члены делегации остались на Западе в качестве эмигрантов.

Все время до эмиграции семья Джабагиева жила в Петербурге, на ул. Полозова, д. 26, кв. 14. Когда Джабагиев поселился во Франции, вскоре к нему переехала его жена Хелена и дочери Халимат и Джанет, уже навсегда покинув Северную столицу.

Во Франции Джабагиев занимается публицистической деятельностью и журналистикой, затем переезжает в Польшу, в Варшаве он становится корреспондентом газеты «Варшавский курьер», редактирует газету «Исламский обзор», а также создает агентство печати «Ориент».

Перед войной, в 1939 г., он переехал в Стамбул. Позже неоднократно возвращался в Польшу, чтобы спасти из немецких концлагерей советских военнопленных, благодаря его активному вмешательству удалось сохранить жизнь многим пленным.

Висан-Гирей Джабагиев неоднократно обращался в ООН, другие международные организации, чтобы привлечь внимание к трагедии ингушей и других депортированных народов.

Умер Висан-Гирей Джабагиев в 1961 г., похоронен в Стамбуле [Яндиева 2002: 548]. Будучи ярким и талантливым публицистом, он оставил потомкам множество интересных публикаций того времени, не утративших актуальность и по сей день [Алмазов 2015: 22].

Последние связи моей семьи с Северной столицей прерываются в конце 1944 г. — после депортации тети Лели. Ее постигла та же участь, что и весь ингушский народ. Мои предки были высланы из Ингушетии, но дом, построенный моим прадедом Татре в 1881 г., еще стоит. Отец рассказывал, что до депортации в доме было 12 яиц Фаберже. В доме хранились и другие уникальные подарки и вещи, привезенные из Петербурга, но «когда в дом пришли солдаты и объявили немедленный сбор, то они забрали с собой некоторые пасхальные

яйца, с которых солдаты содрали все драгоценные камни, серебряную сахарницу, золотую саблю “За храбрость” реквизировали, а кинжал чекист без стеснения присвоил себе» [Себрякова 2015: 34].

Наша семья бережно сохраняла дом, построенный прадедом. Потомки решили ничего радикально не менять и максимально сохранить его убранство: камин (см. цветную вклейку, рис. 4), карнизы, шпингалеты, детали отделки. В семье как ценные реликвии сохранились пять пасхальных яиц, Турецкий орден Меджидио 4-й степени, серебряные ложки с вензелями из переплетения начальных букв имени и фамилии — АТ, фарфоровая сахарница, пепельница в виде серебряного копыта дедова коня (см. цветную вклейку, рис. 5). У Татре был любимый конь, который много раз спасал его и погиб под ним в бою за Кацелево на Шипке. В память о нем Татре заказал обить конское копыто серебром и хранил его бережно всю жизнь. Теперь его потомки, переняв эстафету, продолжают начатую им традицию.

Я, внучка Татре Албогачиева, в 1993 г. вернулась в Петербург, работаю в отделе этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и все эти годы по крупицам собираю историю ингушского народа и моей семьи в архивах и фондохранилищах музеев и библиотек Санкт-Петербурга.

Источники

- Российский государственный исторический архив. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2390.
Российский государственный исторический архив. Ф. 447. Оп. 3. Д. 69.
Российский государственный исторический архив. Ф. 447. Оп. 3. Д. 74.
Российский государственный исторический архив. Ф. 447. Оп. 3. Д. 286.
Российский государственный исторический архив. Ф. 447. Оп. 3. Д. 301.
Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 706. Оп. 1. Д. 2137. Л. 1–2.
Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 849. Л. 123.
Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания. Ф. 117. Оп. 1. Д. 14. Л. 12–15.
Ингушский Государственный музей краеведения им. Т.Х. Мальсагова, документальный фонд. Папка № 6978.

Библиография

- Абадиев Б. Из ингушского племени // Сердало. 2003. № 131, 14 окт.
- Албогачиева М. С.-Г. Многоликая Ингушетия. СПб.: Айю, 1998. 299 с.
- Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в Петербурге // Город нашей общей судьбы: М-лы научно-практических конференций и семинаров. СПб., 2005. С. 115–125.
- Газигов Б. Сборник сведений об ингушах. Назрань: Пилигрим, 2009. 432 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Цитадель Формат, 1998. 4472 с.
- Кундышева Э. Мой прадед был берейтором царских конюшен // На дне. 2001. 1 июля.
- Наследие. Вассан-Гирей Эльджиевич Джабагиев. Публицистика по истории, культуре, экономике Кавказа, России, Западной Европы и ислама / Сост. И.Г. Алмазов. Назрань: Магас, 2015. 604 с.
- Северюкова Е. Берейтор Его Императорского Величества // Наши лица. 2015. С. 21–23.
- Тагиржанова А. Мусульмане в жизни и культуре Петербурга (XVIII–XIX вв.). СПб.: Полторак, 2013. 82 с.
- Терские ведомости. 1905. № 272.
- Толмачев Э. Отец кулака // Ингушетия. 1998. 17 февр.
- Шайдицкий В.И. На службе Отечества. Сан-Франциско: Изд-во Объединения Виленцев, 1963 с.
- Яндиева М.Д. Ингушетия и ингуши. Назрань; Москва: Новая планета, 2002. 685 с.

Электронные ресурсы

- Ингушский след в августейшем окружении // Электронный ресурс <http://www.vrtu-vvkure.com/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&p=3468>. Дата обращения 23.08.2013.

Т.А. Шрадер

ВРАНГЕЛЬ ФЕРДИНАНД ФЕРДИНАНДОВИЧ

В статье дан краткий обзор жизни и деятельности Фердинанда Фердинандовича Врангеля, сына крупного ученого, исследователя северных областей России в XIX в., одного из основателей Русского географического общества Фердинанда Петровича Врангеля. Фердинанд Фердинандович Врангель, ученый, исследователь российских морей, общественный деятель, опубликовал ряд книг, в которых дал интересную информацию о жизни прибалтийских немцев, о латышах и эстонцах и о русификации западных районов России в конце XIX — начале XX в.

Ключевые слова: прибалтийские немцы, русификация западных районов России.

T. Shrader

WRANGELS FAMILIE, GERMANS IN BALTIC REGIONS, ETHNIC CONTACTS

In the paper is done a short review about the life and work of Ferdinand Ferdinandovich, the son of the well known scientist in Russia, investigator of the Russian North, one of the founder of The Russian Geographical Society Ferdinand Petrovich Wrangel. Ferdinand Ferdinandovich Wrangel, the scientist, investigator of Seas in Russia, the active person had published some books where he had given an interesting information about Germans in the Baltic regions of Russia, Letts and Estonians, about the Russification in the western regions of Russia in the end of XIX — beginning of XX centuries.

Keywords: the Baltic Germans, the Russification of the Western Regions of Russia.

Барон Фердинанд Фердинандович Врангель (Ferdinand Georg Fridrich Wrangel) родился в Санкт-Петербурге 16 февраля 1844 г. Он был сыном известного моряка, ученого, государственного и общественного деятеля барона Фердинанда Петровича Врангеля (1796–1870), который внес огромный вклад в исследования северных районов России, в развитие морского флота, на протяжении пяти лет был правителем русской колонии на Аляске. С 1828 г. он являлся членом-корреспондентом Академии наук. Его перу принадлежит большое число выдающихся по научному значению книг о Севере, о русской колонии на Аляске и много других научных работ. В 1845 г. совместно с выдающимися российскими учеными создал Русское географическое общество.

Фердинанд Петрович был всемирно известной личностью. Об этом свидетельствует то, что во всех национальных энциклопедиях Европы отмечается его вклад в исследование северных районов Земного шара. Род Врангелей имел несколько линий в Германии, Швеции, России. И, безусловно, значительное число представителей этого рода отмечено в немецких, шведских, американских, русских энциклопедиях, в том числе изданных в советский период. Во всех статьях отражено, что род Врангелей (Baron von Vrangell aus dem Hause Ludendhof) был исконно военным.

Не обошла судьба и Фердинанда Петровича Врангеля. В 1855 г. он был назначен управляющим Морским Министерством. На этом посту Ф.П. Врангель уделял большое внимание развитию военноморского флота России. После тяжелой болезни Ф.П. Врангель оставил службу и переехал в свое имение в Эстонии Руиль (в настоящее время Виру-Ягупи).

Фердинанд Фердинандович Врангель был третьим сыном Фердинанда Петровича. Детские годы он провел на мызе отца, учился в гимназии Ревеля (Таллинна). В 13 лет стал воспитанником Морского кадетского корпуса и плавал на различного рода военных кораблях. Учась в Кадетском корпусе, Фердинанд Фердинандович загорелся революционными идеями, читал «Колокол» А.И. Герцена, считал для себя невозможным служить среди генералов и чиновников-остзейцев. Поэтому он попросил отца определить его в какой-либо университет. Отец выбрал для сына Дерптский уни-

верситет, так как знал, что это был единственный университет в России, которого не коснулись революционные волнения студентов. В период своего пребывания в Дерптском университете Фердинанд Фердинандович научился понимать оппонентов, его революционные страсти улеглись, и он вышел на государственную службу не революционером, а, по словам его самого, верным царским слугой [Врангель 1907]. Осуществив ряд плаваний в Средиземном море, он проводил совместно с учеными испытания важного для мореплавания «Электрического лота».

После учебы в Николаевской морской академии Ф.Ф. Врангель защитил диссертацию на тему «Об измерении океанских глубин», а затем был отправлен за границу для изучения организации гидрологических и метеорологических измерений. В 1870-е годы Фердинанд Фердинандович исследовал физические свойства Черного и Азовского морей и проводил научные работы по плаванию в этих акваториях с научными целями. Во время русско-турецкой войны участвовал в обороне Очакова. В 1880-е годы Ф. Врангель был профессором Морской академии по кафедре гидрологии и метеорологии и входил в состав комиссии Академии наук по снаряжению экспедиции Э.В. Толля. Кроме того, он принимал участие в первом этапе Черноморской глубоководной экспедиции, организованной по инициативе Русского географического общества. Совет Русского географического общества наградил Врангеля малой золотой медалью за исследования в Черном море.

Последним местом службы Ф.Ф. Врангеля в 1890-е годы был пост директора Императорского Александровского лицея. Необходимо отметить, что Фердинанд Фердинандович был большим другом и биографом адмирала С.О. Макарова, и его двухтомная биография Макарова, изданная в 1911–1913 годы, является капитальным трудом об этом выдающемся русском моряке.

Женился Ф.Ф. Врангель в 1870 г. на Аделине Минне Монтаги, родившейся в 1850 г. в Брюсселе и умершей в Швейцарии в 1934 г.

Ф.Ф. Врангель получил звание действительного статского советника и за заслуги перед Россией был отмечен орденами Святого Владимира 3 степени, Святого Станислава 1 и 2 степеней, Святой Анны 3 степени.

В 1896 г. по болезни Врангель оставил службу, переехал жить в Швейцарию и умер 3 декабря 1919 г. в Асконе, где и похоронен.

Ф.Ф. Врангель был редактором журнала «Записки по гидрографии», поместил большое количество работ по теме своей специальности в различных научных журналах. Он опубликовал значительное число статей и книг, касающихся гидрологии и метеорологии. В.Г. Смирновым [Смирнов 2006; 2009] были опубликованы две книги о жизни и деятельности ученого.

В конце XIX — начале XX в. Фердинанд Фердинандович уделял внимание сложному в то время вопросу о положении остзейских немцев в России. Им был издан ряд работ на русском и немецком языках, в которых он старался проанализировать исторические и социальные корни прибалтийских немцев в России. Среди таких книг можно назвать небольшую по объему «Ост-зейский вопрос в личном освещении» [1907] (Vrangel Ferd. Ferd. Die baltische Frage in persönlicher Beleuchtung [1907]). В этой книге автор делился воспоминаниями об отце, детстве, своим мнением о происходящих событиях.

Вопрос, поднятый Врангелем после революционных событий 1905 г., был очень болезненным не только для него, но и для всех его современников остзейских немцев, многих семей, которые жили на территории Прибалтики на протяжении нескольких столетий и около 200 лет служили России. Автор довольно критично относился к своим согражданам — немцам. Он писал, что прибалтийские немцы склонны к самодовольству, властолюбию, обидчивости, бестактности, но им присущи правдивость, чувство долга и верность. Верность и лояльность совместимы с чувством собственного достоинства, но никак не с раболепством и с изменой. На эту национальную черту немцев, автор полагал, русский царь мог положиться [Врангель 1907].

Ф.Ф. Врангель рассматривает ряд политических вопросов. В первую очередь — предвзятые взгляды и враждебные чувства к балтийским немцам на смене XIX–XX веков. Враждебность отношений имеет, как считает автор, три источника: государственное опасение, национально-культурную борьбу и принципиальную противоположность взглядов. Кроме того, в России возникало

опасение, что при тяжелых для России внутренних и внешних обстоятельствах могли возникнуть посягательства Германии на Прибалтийский край [Врангель 1907: 3]. Ненависть латышей и эстов к немцам обнаружилась, по словам автора, в слишком ярко-багровом освещении, и наибольшая часть населения никогда вторжению немцев помощи не окажет [Врангель 1907: 4]. Поползновения латышско-эстонских революционеров учредить самостоятельные республики были ребяческим выражением социалистических мечтаний на националистической почве. Власть перешла бы в руки менее богатых и менее образованных классов [Врангель 1907: 5].

Латыши и эсты, владевшие собственностью, не без злорадства присутствовали при разорении помещичьих усадеб и заводов, принадлежавших немцам, но они воспротивились бы национализации своих домов и усадеб. Немцы в тот период составляли одну десятую часть населения. По историческому прошлому, по достатку и многовековой привычке к совместной, организованной и плодотворной работе этот элемент был важен. Но политика государственной власти была направлена на подрыв его влияния [Врангель 1907: 6]. С самого начала нарушения их исторических прав и до последнего времени балты не скрывали своих желаний и чувств в деле церкви, культуры и нормального (своеобразного) развития и процветания их родины. Они прибегали ко всем дозволенным средствам самозащиты. Ф.Ф. Врангель полагал, что немцы были лишены права ответа на оскорбления русской, латышской и эстонской печати. Возникла злоба на представителей враждебной немцам идеи русификации, когда стремились обновить отсталое, костное общество «баронов, пасторов и бюргеров». Но балтийские немцы были гораздо образованнее тех, которые брались учить их уму-разуму [Врангель 1907: 7].

Небезынтересны взгляды Ф.Ф. Врангеля на некоторые исторические корни прибалтийских немцев. Он писал, что балты сохранили чистоту немецкой крови и выработали особый тип, отличающийся от курляндского, так как те были в общении с польскими элементами, в северных же провинциях Эстонии преобладало шведское влияние. В основе балтов лежит ниже-германское

племя, они были родоначальниками балтийских дворян и горожан. Среди немцев всегда были междоусобицы, протесты, восстания, но не развивались тайные сообщества, заговоры, часто встречались случаи неповиновения, но крайне редко измена [Врангель 1907: 9]. Эту германскую черту, воспетую в национальном эпосе, как с гордостью писал автор книги, можно проследить во всех проявлениях германской исторической жизни. На ней были основаны прочность и сила германских дружин, завоевавших почти всю Европу, благодаря ей сложилась пестрая политическая карта Германии, не истершаяся даже в обновленной империи. Поколения, выросшие в притеснении и несправедливости, как писал автор, не могут иметь того пламенного чувства русского патриотизма, который воодушевлял наших дедов и отцов и который проник и в тех, кто вырос или жил среди русских.

Среди балтов мужчины, не служившие в армии или флоте, плохо говорили по-русски, многие немецкие дамы этого языка не знали, тем не менее все с гордостью считали себя русскими, не сознавая того, что это слово имело два различных значения — этнографическое и политическое. Все были уверены, что России по праву подобает быть первым государством в мире, что российское воинство по доблести не имеет себе равного, русских чиновников не могли ненавидеть, так как на правительственные должности направляли местных уроженцев. Учителями были немцы, в сельских школах — латыши и эсты. Все исповедовали лютеранство.

В 1860-е годы местные либералы задались целью усовершенствовать местный строй, но не унифицировать его с остальной империей. При Императоре Александре II это начинание получило поддержку, но с подавлением восстания в Польше все закончилось. Устанавливалось полное единообразие учреждений на всем пространстве Российской империи, вводились требования введения русского языка в школах, во всех общественных учреждениях, т.е. началась русификация.

Ф.Ф. Врангель анализировал разность в понятиях двух слов — русификация и обрусение. Он писал, что внешняя русификация — дело простое, требует лишь применения власти, а не мысли. При этом были удалены возможности духовного обрусения, ослаблена

нравственная связь населения с русской государственной мыслью [Врангель 1907: 19, 21, 22].

Громадный запас унаследованных чувств солидарности, скрепленных более чем 150-летней совместной историей, был растрочен политикой недоверия и подозрительности. Ф.Ф. Врангель писал, что такая политика борьбы с немецкими элементами края должна была привести и привела к обратным результатам [Врангель 1907: 10].

Большой интерес представляют разделы, описывающие жизнь семьи и самого автора. Об отце он писал, что Фердинанд Петрович был сыном лифляндского помещика. При поступлении в Морской корпус очень плохо владел русским языком. Но за восемь лет пребывания в Корпусе настолько освоился с языком, что во время своего первого кругосветного путешествия под командой Головнина (1817–1819 гг.) даже дневник вел на русском. Все его сочинения написаны по-русски, затем переведены на другие языки. В семье разговорным языком был немецкий, но чтобы с ранних лет научить детей русскому, у них была русская няня. И как писал автор, она научила не только говорить по-русски, но и любить русских. С 5 до 12 лет Фердинанд жил в Эстляндской губернии и в частной школе в Ревеле. После смерти няни прислуга была эстонской, не говорившей ни по-русски, ни по-немецки.

Не меньший интерес представляет и описание усадьбы Фердинанда Петровича Врангеля. В 1848 г. отец молодого Фердинанда занялся хозяйствованием в своем имении. Как писал автор, «там была еще барщина», т.е. крестьяне-хозяева за пользование земельным участком отбывали определенное число пеших и конных дней на мызном хозяйстве. Но крестьяне-хозяева дворов средней величины (от 20 до 40 десятин удобной земли) не шли сами на работу, а держали особых работников для отбывания барщины. На мызе был введен рациональный севооборот. Врангель-старший хотел побудить к этому и своих крестьян-фермеров. Но это было трудным делом.

Не менее сложным делом была замена курных изб домами с печами, дымовыми трубами и горницей. В «лесном захолустье» эти нововведения принимались туго. После того как Врангель-

старший вступил в службу в 1854 г., хозяйством занимался старший брат Фердинанда Петровича. Барщина была заменена денежной арендой крестьянских участков. У брата Врангеля было во владении 100 крестьянских дворов, расположенных в шести деревнях. Автор книги пишет о благоприятном влиянии немецких помещиков на развитие сельского хозяйства края, улучшение жизни крестьян, экономическое состояние населения. Ф.Ф. Врангель честно отметил суровое, высокомерное отношение немецких помещиков к простому народу. Этот факт не мог не вызвать ненависть к немцам, что проявилось во время революционных событий 1905 г. Но все же Ф.Ф. Врангель пишет о всеобщей грамотности населения, о сотне крестьянских обществ (литературных, музыкальных, сельскохозяйственных), о выпуске газет и журналов и зарождении местной интеллигенции из сельской среды [Врангель 1907: 43].

Во время Крымской войны Фердинанд Фердинандович находился в Ревеле вместе с друзьями — эстляндскими помещиками, учителями, пасторами. Пламенный русский патриотизм немецкой среды, окружавшей Фердинанда, был настолько силен, гордость проявлениями русского героизма, грусть и злоба при поражениях и неудачах были такими всеобщими и сильными, что он был счастлив, когда отец определил его в Морской корпус. Фердинанд-младший увидел возможность в будущем сражаться за царя и отечество. Почти все ученики выпускного класса дворянской вышгородской гимназии (Domschule) поступили юнкерами в полки, отправлявшиеся на театр военных действий [Врангель 1907: 12].

Учась в Корпусе, Фердинанд жил в русской семье инспектора классов, в семье средней руки дворянства. Патриархальные традиции, прислуга, дворовые... Впечатления от лет, проведенных в этой семье, сблизили молодого Врангеля с русским бытом. Этой семье он «был обязан любовью ко всему русскому и искреннею верою в нравственные свойства русского племени, которые поддерживали <...> в тяжелые дни нравственных испытаний» [Врангель 1907: 12]. Ни в Корпусе, ни во время 40-летней службы Фердинанд Врангель не испытывал ни малейших неприятностей из-за того, что он немец. Он перенес много нравственных страданий, видел травлю

народностей в печати, но личной вражды к отдельному немцу Фердинанду, по словам автора, не встречал даже среди ярых славянофилов и ненавистников всего немецкого.

В этой книге автор затронул вопрос школьного образования. Он писал, что внедрение русского языка в школах оттолкнуло многих жителей края. Одно дело — высшие слои немцев, другое — деморализация эстов и латышей [Врангель 1907: 22]. Политика русификации не усилила, как писал автор, а ослабила позицию России на северо-западной окраине, оттолкнув глубоко преданных немцев и вызвав в латышах и эстах противогосударственное стремление [Врангель 1907: 25]. Кроме того, Ф.Ф. Врангель писал о национальных чувствах русских в этих краях [Врангель 1907: 25], о необходимости проведения реформ [Врангель 1907: 29].

В 1883 г. он в Германии издал брошюру «Наш остзейский вопрос». Эта книга в России была запрещена цензурой, но некоторые цитаты из нее были опубликованы в ряде дозволенных журналов и газет в Эстонии на эстонском языке.

Заканчивает свою публикацию Ф.Ф. Врангель рядом предложений, которые могли бы, по мнению автора, укрепить благосостояние края. Эти предложения касались объединения прибалтийских губерний в высшую административную единицу (Генеральное губернаторство), кроме того, введения свободного вероисповедания, немецкого языка, сохранения права собственности, владением всеми должностными лицами местными языками [Врангель 1907: 48].

Книга, с которой мы кратко познакомились, была опубликована в 1907 г. У автора данной статьи нет оснований не доверять мнениям, высказываниям представителя древнего рода Врангелей, которые верой и правдой служили России. Если мы вспомним ряд других немецких семей, проживавших в Эстляндии в XIX в., которые участвовали в развитии науки, культуры, военного дела в России, то слова Ф. Врангеля о сплоченности немцев Прибалтики в деле развития российского государства надо принять за истинное выражение мыслей уже немолодого, пережившего многое учебного, моряка, преподавателя. Нельзя забывать имена И.Ф. Крузенштерна, А.Ф. Миддендорфа, М.Б. Баркляя де Толли и многих других, которыми гордилась и гордится Россия.

Библиография

Смирнов В.Г. Неизвестный Врангель. СПб.: Гидрометеиздат, 2006. 362 с.

Смирнов В.Г. Фердинанд Фердинандович Врангель, 1844–1919 гг. М.: Наука, 2009. 189 с.

Врангель Ф.Ф. Остзейский вопрос в личном освещении. Очерк барона Ф.Ф. Врангеля, бывшего директора Императорского Александровского лицея, члена конференции Николаевской Морской Академии. СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1907 год, 1907. 49 с.

Vrangel Ferd.Ferd. Die baltische Frage in persönlicher Beleuchtung. Reval, 1907. 70 p.

Электронные источники

https://ru.wikipedia.org/wiki/Врангель_Фердинанд_Фердинандович.

Этноконфессиональный состав Петербурга

А.Э. Алакшин

А.Н. Андреев

А.Э. Алакишин

РЕГИСТРАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАСТОРОВ КАК ИСТОЧНИК СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЫТОВАНИЯ ПРОТЕСТАНТСКИХ ОБЩИН ПЕТЕРБУРГА XVIII В.

В статье рассматривается вопрос определения количественного состава конфессиональных групп в условиях недостатка исторических источников об их деятельности. Автор представляет алгоритм подсчета числа членов общин. Источниковой основой для проведения расчетов являются метрические книги фиксации выполненных в приходе обрядов крещений, венчаний и погребений. Объектом исследования стали лютеранские и реформатские общины в Петербурге XVIII столетия.

Ключевые слова: протестантство, лютеранство, реформатство, Петербург, XVIII век, община, пастор, метрическая книга, количественный состав.

A. Alakshin

REGISTRATION ACTIVITY OF PASTORS AS A SOURCE OF STATISTICAL INDICATORS OF THE PETERSBURG PROTESTANT COMMUNITIES' BEING IN THE 18-TH CENTURY

The article considers the question of determining the quantitative composition of confessional groups in the conditions of a lack of historical sources about their activities. The author presents an algorithm for counting the number of community members. The source of the calculations is the metric books of baptisms, weddings and burials performed in the parish. The Lutheran and Calvinist communities in Petersburg are the objects of research.

Keywords: Protestantism; Lutheranism; Reformatism; Petersburg; XVIII century; Community, pastor, metric book, quantitative composition.

XVIII столетие оказалось для России временем обретения навыка статистических наблюдений за жизнью общества. Неудивительно, что весомый вклад в процессы складывания статистической культуры внесли служившие российскому государству представители передовых западноевропейских стран — члены Петербургской Академии наук, руководители Коллегий Правительствующего Сената, армейские генералы, адмиралы флота и т.д. В меру умений отслеживания тех или иных параметров жизни населения России каждый из них, в пространстве собственного соприкосновения с культурой России, способствовал накоплению коллективного опыта подсчетов — тому, что впоследствии дало возможность отечественной статистике развиваться до уровня науки.

Особую роль в становлении прикладной статистики XVIII в. сыграли пасторы лютеранских и реформатских церквей Петербурга. Создание городских протестантских общин явилось следствием ситуации постоянного пребывания в новой столице государства тысяч выходцев из стран Западной Европы. Призванные монархами России в качестве специалистов в растущих сферах жизни общества, они делились секретами собственных профессий с российскими управленцами, военачальниками, учеными и инженерами. Каждый западноевропеец являлся членом того или иного церковного прихода католиков, причем в городе было в несколько раз меньше протестантов; основную же часть не православных христиан составляли лютеране и реформаты. Российские самодержцы, проводившие в стране реформы на западноевропейский манер, именно в протестантах видели добросовестных помощников в любом деле модернизации общества. Востребованность лютеран и реформатов в России была напрямую обусловлена идеями «избранности» человека перед Богом, дававшими последователям реформационных учений мощнейшую мотивацию к активной и успешной социальной деятельности.

На протяжении столетия в Петербурге действовали 12 протестантских общин: три немецкие лютеранские (Св. Петра, Св. Екатерины, Св. Анны), шведская лютеранская (Св. Екатерины), финская лютеранская (Св. Марии), две разнонациональные в Кадетских

корпусах, голландская реформатская, формально единая немецкая и французская реформатская, англиканская и немецкая «евангелических братьев». Самая многочисленная община — немецкая лютеранская Св. Петра — насчитывала в конце столетия более 2000 взрослых членов общины; в образованном же во второй половине XVIII в. приходе «евангелических братьев» численный состав не превышал уровень в 20 чел.

Пасторы имели важнейший статус в среде любой петербургской общины. Они проводили богослужения для прихожан, читали проповеди, совершали необходимые ритуалы, проводили душе-спасительные беседы, занимались обустройством хозяйства при кирке и т.д. Одной из многочисленных забот пастора являлось заполнение регистрационных книг прихода. Отмеченные в этих документах сведения характеризовали не только степень интенсивности церковной жизни, но и объем конфессиональной нагрузки конкретного пастора: записывая то или иное событие жизни общины, служитель фиксировал и результаты собственной деятельности на благо единомыслителей. Регистрационные книги делились на записи о проведении собраний и заседаний церковного совета, о контроле над доходами и расходами общины, о выполнении обрядов крещения, венчания, погребения.

Различие личностных качеств пасторов в приходах (всего в городе в течение столетия служили 98 человек) уровень их образованности или пунктуальности, степень развития тех или иных подвижнических мотиваций определяли способ отношения проповедников к обязанности заполнять журналы. Записи в некоторых случаях, увы, внесены небрежно; иногда встречаются пропуски событий, часто не полностью указывается состав участников мероприятия. В периоды отсутствия проповедника в общине обряды для прихожан, например, совершали служители других общин — подобные случаи могли отмечаться пастором одновременно в двух книгах разных приходов. Сложности исследования регистрационных документов, конечно, существуют; тем не менее их не стоит преувеличивать: большинство книг заполнены аккуратно и порой даже с прибавлением биографических сведений об участниках событий, что, естественно, позволяет

расширить возможности статистического анализа деятельности общин.

Книги регистрации фактов собраний и встреч членов советов, планирования и исполнения годового бюджета чрезвычайно интересны для исследователей как источник сведений об истории церквей. Определяя срок деятельности и функциональную нагрузку отмеченных в документах персон пасторов и состава администрации того или иного прихода, значение решений конкретного собрания или динамику экономического развития конфессиональных организаций, историки реконструируют обзорную ситуацию присутствия протестантов в Петербурге начального века его истории, прозревают некоторые тенденции складывания общин. Увы, при этом они не получают детального представления о процессах их жизни.

Основные количественные показатели деятельности общин помогают выявлять книги регистрации обрядов крещения, венчания и погребения. Только эти источники дают возможность представить мириады явлений ежедневной жизни лютеран и реформатов, заполняя, в конечном итоге, общую схему развития конкретными событиями самовыражения протестантов.

Первым исследователем статистических показателей бытования городских приходов оказался известнейший писатель и просветитель А.Ф. Бюшинг. Будучи пастором в немецкой лютеранской общине Св. Петра (служил в 1761–1765 гг.), он не только тщательно отмечал текущие показатели обрядов, но и погодно суммировал количество обрядов в своей и нескольких других лютеранских общинах города за предыдущие десятилетия их истории [Büsching 1766/67]. Более масштабные подсчеты были впоследствии сделаны пастором немецкой лютеранской общины Св. Екатерины И.Х. Гротом (служил в 1765–1795 гг.). Служитель представил среднеарифметическое число обрядов по годам за каждое десятилетие века до середины 1790-х годов в большинстве общин города [Grot 1797/98]¹. Часть математических выкладок

¹ Сам пастор за годы своей службы крестил более 1700 детей, обвенчал более 400 пар брачующихся и проводил в последний путь более 1500 умерших людей.

пастора касалась деятельности протестантских и католических общин в других городах России.

Попытки подсчетов обрядов на основе регистрационных книг предпринимались служителями общин и в XIX в. [Muralt 1842; Lemmerich 1862]. Статистический обзор имел уже более системный характер, но касался лишь ситуации своего столетия: как в мотивах растущего интереса членов прихода к вопросам его собственного стабильного развития, так и по причине выхода в первой половине XIX в. ряда законов Российской Империи о регламентации жизни иноверных христиан в России. Администрации любого прихода теперь вменялось в обязанность представление государственным органам отчета о количестве членов общины. Авторы исследований обходили вопросы статистического анализа в приходах XVIII в., просто ссылаясь на данные, приведенные в книгах А.Ф. Бюшинга и И.Х. Грота¹.

В начале XX столетия произошло чрезвычайное событие в сфере статистических подсчетов в приходах — увидело свет юбилейное издание, посвященное петербургской лютеранской немецкой общине Св. Петра [Die St. Petri-Gemeinde 1910]. Историки прихода изучили сотни документов церковного архива и представили масштабный анализ деятельности общины за ее 200-летнюю историю. Текст оказался полон статистических выкладок о бытовании общины в XVIII в. (насколько, конечно, они были возможны на основе документации первого века существования города), об уровне бюджета общины, количестве дохода в церковную казну, потраченных средствах на строительство кирки. Ценнейшим достижением исследования стало количество проведенных в общине обрядов и среднеарифметическое число прихожан по десятилетиям (со дня основания общины до 1910 г.). Приведенные в книге данные таили в себе возможности создания алгоритма подсчета общего количества членов приходов в XVIII и XIX веках на основе суммированных показателей обрядов крещения, венчания и погребения.

¹ Исключением можно посчитать перечисление Э. Муральтом имен членов французско-немецкой общины реформатов за всю историю столетия с упоминанием их профессий [Muralt E. 1842: 27–33].

События революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны на территории рухнувшей империи значительно ослабили интерес общества к вопросам деятельности западно-христианских общин в России. Смена политического строя повлекла за собой трансформацию парадигм общественного сознания. Объявление атеизма принципом официальной идеологии укреплявшегося советского государства на многие десятилетия поставило под запрет саму возможность объективного исследования любых религиозных тем. Лишь во второй половине 90-х годов XX столетия — после очередного изменения установок в общественном сознании — вновь стали появляться публикации, объектами исследования в которых были протестантские общины в России и непосредственно в Петербурге. В некоторых работах приводились фрагментарные статистические данные из изданий XIX–XX веков о количестве членов общин в XIX столетии; XVIII в., увы, по-прежнему оставался за рамками интересов исследователей.

В 2006 г. вышла монография автора представляемой статьи. Наряду с изучением вопросов истории становления лютеранских и реформатских приходов в Петербурге XVIII в., деятельности церковных советов и приходских школ, участия протестантов столицы в строительстве государства, в ней была предпринята попытка подсчета общего числа протестантов в городе в то или иное десятилетие века [Алакшин 2006: 94–98, 103–104, 108–110, 125–127 и т.д.]. Вопрос имел серьезное значение. При наличии массы работ о пребывании иностранцев в России вообще и протестантов в частности редко кто из историков четко называл количество живших в Петербурге XVIII столетия выходцев из стран Западной Европы. Обнародованные цифры существенно расходятся между собой. В историографии встречаются числа и в пятьдесят тысяч человек, и всего лишь в несколько сотен; в разрешении вопросов о количестве городских иностранцев в любой период века авторы публикаций использовали и продолжают использовать нечеткие и почти иррациональные наречия меры «много» или «мало», а порой применяют — без указаний конкретных данных — окончательно запутывающие читателя речевые обороты о том, например, что

жившие в Петербурге XVIII в. иностранцы полностью растворялись в общей массе населения русских горожан.

Целеполагание избранной нами методики исчислений состояло в тезисе о наличии прочных связей соотношения количества проведенных в общине обрядов и количества членов прихода. Численные данные об обрядах, без сомнения, призваны служить основой различных статистических расчетов: от выявления степени динамики развития приходов до определения количественного состава членов общин. Мало того, эта взаимосвязь является единственным способом получить какие-то серьезные статистические сведения о приходах: в самом XVIII столетии пасторы, увы, редко фиксировали в регистрационных книгах конкретное число прихожан вследствие бесконечной миграционной смены состава общины¹, высокого уровня смертности в городе, частого перехода городских иностранцев в новые приходы по причинам отсутствия пастора или недовольства его службой. Примерами исключений можно назвать подсчет прихожан в голландской [Материалы по истории Голландской реформатской церкви. 1717–1916. Л. 6, 32–33; Метрическая книга для записей о родившихся, венчавшихся, умерших. 1707–1808. Л. 89] и в англиканской общинах [Регистрационная книга всех крещенных, повенчанных и умерших в Санкт-Петербурге в английской конгрегации. 1706–1812. Л. 60 об.].

В качестве экспериментальной группы был определен приход немецкой лютеранской общины Св. Петра. Выбор не был случаен: в течение всего столетия приход развивался стабильно, не испытывая серьезных потрясений вроде раскола на группы несогласных в чем-либо между собой единоверцев (инциденты происходили

¹ Фактор миграции существенно характеризует сложность процессов становления городских общин. Главные трудности пришлось на первую половину столетия. Они были вызваны политическими мотивами (достаточно вспомнить ситуации с пребыванием в городе до Ништадтского мира многих тысяч пленных шведов и финнов, массовый выезд в Западную Европу иностранцев после смерти Петра I и не менее массовое возвращение во времена правления Анны Иоанновны; новый выезд после воцарения Елизаветы Петровны. Впоследствии количество членов общин не менялось уже столь резко, несмотря на обстоятельства дворцовых переворотов, так или иначе связанных с политикой российского государства в отношении иностранцев.

в некогда объединенной лютеранской финно-шведской, в реформатских немецко-французской и голландской общинах) или многолетнего отсутствия пасторов (примеры можно найти в истории голландской и англиканской общин). Мало того, в условиях кризиса собственных организаций члены других общин переходили именно в приход Св. Петра, посещая богослужения, участвуя в обрядах в кирке на Невском проспекте, жертвуя деньги на развитие этой самой авторитетной в Петербурге и России общине лютеран. Имена участвовавших в обрядах записывались в регистрационные книги общины, и все их носители формально считались членами прихода¹.

Община Св. Петра по всем показателям подошла в качестве экспериментальной группы: регистрационная документация сохранилась в полном объеме; журналы заполнены аккуратно и без пропусков; состав группы на любом этапе ее существования был многочисленным. Это давало возможность получения более точных данных². Фактор же проведения представителями других при-

¹ В качестве исторической справки сообщим, что лояльность подобного подхода со стороны администрации прихода объясняется обстоятельствами процесса развития протестантских общин в Петербурге. Со дня закладки города приезжавшие сюда иностранцы (подавляющее число которых составляли лютеране и реформаты) старались селиться вблизи дома вице-адмирала К. Крюйса на Адмиралтейской стороне — именно во дворе патрона всех неправославных христиан города в 1707 г. была выстроена деревянная кирка, в которой проводились совместные богослужения лютеран и реформатов. Два с лишним десятилетия разнонациональная и разноконфессиональная община служила примером солидарности людей, оказавшихся в условиях окружения чуждой для себя православной культуры. Немцы, голландцы, англичане, французы жертвовали деньги на содержание общей кирки; с борта каждого судна из стран протестантской Европы (члены экипажей также посещали службы в храме во дворе вице-адмирала) по решению собрания прихода взымались 5 рублей т.н. «корабельного налога» в пользу общины на Адмиралтейской стороне. Лишь к началу второй четверти столетия стала проявляться потребность городских западноевропейцев в национальной и конфессиональной идентификации. В 1730 г. на Невском проспекте на высочайше дарованном немецким лютеранам месте была возведена кирка, получившая имя Св. Петра (она заменила собой проданное вместе с двором вдовой К. Крюйса здание прежней кирки). С этого времени община развивалась автономно, но принимала в себя новых членов на время устранения организационного беспорядка в соседних общинах.

² Количество обрядов в некоторых общинах за год составляло считанные единицы, что, понятно, увеличивало степень погрешности в системных вычислениях.

ходов тех или иных обрядов в разные периоды времени в общине Св. Петра (как в самой авторитетной общине не только лютеран города, но и всех протестантов Российской империи), рождает совершенно незначительные искажения в расчетах общей численности состава общин.

Принцип используемой нами методики подсчета количества членов общины коренился в утверждении об универсальной пропорциональности чисел проведенных обрядов крещения, венчания и погребения к числам общего состава прихожан. В последнее десятилетие XVIII в. среднеарифметическое число членов общины составляло 2250 чел. [Die St. Petri-Gemeinde 1910: 128 a]; количество же проведенных в среднем за год церковных мероприятий составляло 308 обрядов крещения и 307 обрядов погребения¹. Коэффициентом соотнесения количеств состава прихода Св. Петра и проведенных в нем обрядов является, таким образом, примерный показатель 7,3. Зная среднеарифметическое число проведенных обрядов в то или иное десятилетие, можно приблизительно высчитать количество состава общины в соответственный период истории: в 80-х годах столетия прихожан насчитывалось около 1700 чел. ($234 \times 7,3 \approx 1708$; $223 \times 7,3 \approx 1627$); в 70-годах — около 1250 чел. ($175 \times 7,3 \approx 1278$; $165 \times 7,3 \approx 1205$); в 50-х годах — около 1000 чел. ($138 \times 7,3 \approx 1007$; $135 \times 7,3 \approx 986$). Эти числа сопоставимы с величинами точных данных о количестве прихожан — в 80-е годы — 1780 чел.; в 70-е годы — 1440 чел.; в 50-е годы — 1078 человек. Статистическая погрешность, таким образом, составляет около 10–15 %, что можно считать неплохим результатом для столетия, дающего нам крайне скудные информативные источники о деятельности общин.

Доказательством надежности методики может служить и фактор почти четырехкратного превосходства числа проведенных в общине обрядов крещения над количеством обрядов венчания. Примерный коэффициент соотнесения этих показателей также

¹ Подсчеты показывают, что количество проведенных церемоний крещения и обрядов погребения в различных общинах города почти всегда совпадает в течение всего столетия.

регулярно воспроизводится из десятилетия в десятилетие. Добавим, что количество почти совпадающих чисел обрядов крещения и погребения при общей интенсивной динамике развития общины дает право утверждать, что численность прихода Св. Петра в разные десятилетия росла в основном не за счет прироста рождаемости в самой общине, а за счет постоянного пополнения прихода выходцами из стран Западной Европы (в первую очередь, конечно, из Германии), приезжавшими в Петербург в поиске материальных богатств и высокого социального положения.

Предложенную методику, с различными оговорками, можно использовать при исследовании жизнедеятельности других приходов города, развивавшихся не столь стабильно. Уцелели книги многих общин лютеран и реформатов. Их тексты в большинстве своем рассредоточились в различных фондах Российского государственного исторического архива и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга¹. Часть документов отсутствует, в некоторых книгах не хватает страниц. И все же в целом по имеющимся документам довольно точно можно посчитать количество обрядов и затем на их основе примерное количество самих членов общин. Подсчет проведенных обрядов позволяет также сверить точность данных, приводимых теми или иными авторами на протяжении XVIII–XIX веков².

Результаты нашего исследования показали, что к концу столетия совокупное число взрослых членов протестантских приходов в Петербурге составило более 6000 взрослых мужчин и женщин³. Анализ дал возможность соотнести количество прихожан в разных общинах и разделить все протестантские организации города на крупные (около тысячи взрослых прихожан), средние (несколько сотен взрослых прихожан) и малые (несколько десятков взрос-

¹ Книги шведской и финской общин были вывезены в 1938 г. в Швецию, и ныне находятся в Стокгольмском королевском архиве.

² Отметим, что за редким исключением количество обозначенных в работах погодных параметров и среднеарифметических показателей за десятилетие совпадает с числом зафиксированных в регистрационных книгах обрядов.

³ Количественные показатели по конкретным общинам можно найти в работе «Протестантские общины в Петербурге XVIII века» [Алакшин 2006].

лых прихожан). Подсчет численности общин в XVIII столетии оказался вполне достижимой целью. Используемая методика позволяет установить приблизительное количество находившихся в городе лютеран, реформатов, католиков¹ и прочих в любое десятилетие века и, таким образом, развеять ряд историографических мифов — как о безмерно огромном количестве проживавших в Петербурге иностранцев, так и о незначительной пропорциональной величине числа западноевропейцев в общем контексте населения Петербурга XVIII в.

Анализ делопроизводственной документации протестантов не ограничивается определением количественных показателей жизни общин. Регистрационные книги содержат массу сведений, благодаря которым определяются и важнейшие признаки социального портрета петербургских лютеран и реформатов. При желании и кропотливом исследовании можно выяснить, что средний возраст прихожан в первой четверти века составлял 25–35 лет, а впоследствии он значительно повысился; что мужчин первоначально было значительно больше, чем женщин, но уже к середине столетия процентное соотношение гендерных групп стало выравниваться; что в большинстве семей в период репродуктивной активности родителей почти ежегодно рождались дети (примерно половина из них умирали от эпидемий и чахотки); что в случае смерти жены почти каждый мужчина вновь вступал в брак (часто с вдовой); что многие протестанты родились или были погребены в Петербурге²; что среди лютеран и реформатов были представители всех социальных слоев: от родственников царствующих особ до ремесленников и слуг в домах аристократов; что французы и швейцарцы чаще всего служили в армии и работали ювелирами, часовщиками, архитекторами и художниками; что англичане в большинстве своем были торговцами, владельцами мануфактур, медиками, кораблестроителями и военными моряками; что немцы в массовом поряд-

¹ В наши дни появляются работы о численном составе католической общины в Петербурге [Андреев 2014 а; Андреев 2014 б.; Самыловская 2014].

² По нашим подсчетам, в течение столетия в городе умерли около 40 000 взрослых прихожан и членов их семей.

ке шли на чиновную службу к российским государям, а голландцы — в крайне редких случаях.

Созданная пасторами источниковая база, как видим, серьезно помогает воссоздавать не только картину деятельности городских общин протестантов; но и, по сути, подлинную историю рождения Петербурга — самого «нерусского» города страны. Она позволяет более глубоко понимать историю целого столетия, изменившего многие ценностные установки прежде патриархального российского государства. Социальные трансформации, произошедшие не в последнюю очередь усилиями выходцев из стран протестантской Европы, в конечном итоге, лишили Россию части национальных традиций, но при этом почти парадоксальным образом породили и особые возможности общества к модернизационным преобразованиям самого себя. Век петербургских реформ по протестантскому образцу проявил чрезвычайно важную черту характера российского народа — способность эффективно отвечать на те или иные вызовы времени.

Библиография

- Алакшин А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2006. 402 с.
- Андреев А.Н. Духовенство Римско-католической церкви в Греческой слободе Санкт-Петербурга // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014 а. Т. 14. № 4. С. 6–14.
- Андреев А.Н. Конфессиональная жизнь петербургских католиков в XVIII столетии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014 б. Т. 14. № 1. С. 6–14.
- Материалы по истории Голландской реформатской церкви. 1717–1916 // ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 339. Л. 6. 32–33.
- Метрическая книга для записей о родившихся, венчавшихся, умерших. 1707–1808 // ЦГИА СПб. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.
- Регистрационная книга всех крещенных, повенчанных и умерших в Санкт-Петербурге в английской конгрегации. 1706–1812 // РГИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 1. Л. 60 об.
- Самыловская Е.А. Метрические книги римско-католической церкви святой Екатерины Александрийской как источник по истории католической общины Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 269–274.

Büsching A.F. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinen im Russischen Reich. Th. 1–2. Altona, 1766/67.

Die St. Petri-Gemeinde. 1710–1910. SPb., 1910.

Grot J.Ch. Bemerkungen über die Religionsfreiheit der Ausländer im Russischen Reiche. Bd. 1–3. SPb.; Leipzig, 1797/98.

Lemmerich C. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in St. Petersburg. SPb., 1862.

Muralt E. Chronik der vereinigten französischen und teutschen reformierten Gemeinde in St. Petersburg. Dorpat, 1842.

А.Н. Андреев

НЕМЦЫ-КАТОЛИКИ В ПЕТЕРБУРГЕ ВРЕМЕН ПЕТРА ВЕЛИКОГО: СОЦИАЛЬНЫЕ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена изучению немецкой католической общины в Петербурге времен Петра Великого как самостоятельного социального организма, объединившего немцев и многочисленных немецкоязычных выходцев из стран Западной и Центральной Европы. С опорой на разнообразные источники автор приближается к решению вопросов о численном, социальном, национальном и профессиональном составе объединения немцев-католиков. Особое внимание уделяется персоналиям, прослеживается судьба наиболее ярких представителей общины, приводятся новые биографические сведения о них. Община католиков впервые предстает не безликим образованием, а социальным объединением конкретных людей, внесших личный вклад в модернизацию России.

Ключевые слова: Петербург Петра Великого, католики в Петербурге, немцы, немецкая католическая община, социальные параметры немецкой диаспоры, биографии петербургских немцев.

A. Andreev

GERMAN CATHOLICS IN ST.-PETERSBURG UNDER PETER THE GREAT: SOCIAL AND BIOGRAPHICAL ISSUES

The article is devoted to the study of the German Catholic community in St.-Petersburg under Peter the Great as a separate social organism, which united the Germans and many German-speaking immigrants from countries of Western and Central Europe. Based on the various sources the author approaches the issues of number of the German Catholic community, its social, national and professional composition. The article pays special attention to the personalities, examines the fate of the community's brightest members, and presents new biographical information. For the first time this Catholic community is represented not as a faceless mass, but as community of specific people who have contributed to the Russian modernization.

Keywords: Petersburg of Peter the Great, Catholics in St.-Petersburg, the Germans, the German Catholic community, social parameters of the German community, biographies of the Petersburg Germans.

Среди всех иностранцев Петербурга в XVIII столетии численно преобладали немцы (если не брать в расчет военнопленных шведов и финнов, в большом количестве сосредоточенных в городе в период Северной войны). Немцы по конфессиональному признаку принадлежали не только к протестантским общинам, но и к церковному объединению римо-католиков. Уже на раннем этапе истории города на Неве в рамках единого латинского прихода, образовавшегося в 1705–1710 гг., действовала не одна, а несколько национальных групп католиков, самой многочисленной из которых была именно немецкая. В Петербурге вплоть до конца XVIII в., когда начал формироваться приход Мальтийской капеллы (церкви св. Иоанна Крестителя), был только один католический приход — сначала парохия костела в Греческой слободе (до 1737 г.), а затем церкви св. Екатерины Александрийской на Невском проспекте, однако включал он в себя четыре национальные общины (немцев, французов, итальянцев и поляков) с собственными церковными старостами, а иногда даже и со своими священниками¹. К этим четырем группам верующих тяготели исповедовавшие католичество представители некоторых других народов — голландцы, шотландцы, испанцы, чехи, сербы, армяне, грузины, иранцы и даже крещенные ксендзами татары [Метрическая книга о крещении. Л. 2–60].

Численность немецких прихожан в Петербурге в эпоху Петра Великого (как, впрочем, и в любой другой период XVIII столетия) определить нелегко. Можно лишь предположить некие цифры на основании данных метрических книг, содержащих сведения о крещениях католиков. Так, по данным Е.А. Самыловской, в период с 1710 по 1749 г. (исключая 1741–1745 гг.) в католическом приходе были совершены 852 крещения², из которых 238 пришлось на детей немцев, 163 — на французов, 155 — на итальянцев, 125 — на поля-

¹ О петербургской католической церкви в XVIII в. и ее духовенстве см.: [Андреев 2014 а: 6–14; Андреев 2014 в: 148–160].

² Произведенный мною подсчет дал несколько иную цифру — 863 крещения. Кстати, в другой своей публикации Е.А. Самыловская тоже приводит другую цифру — 861 крещение за тот же период и на основании того же источника [Самыловская 2014: 270].

ков, 132 — на детей иных национальностей [Самыловская 2013: 155]. Соответственно, немцы в первой половине XVIII столетия должны были составлять около 28 % прихожан.

У нас нет данных относительно изменений, происходивших в соотношении различных национальных групп петербургских католиков в послепетровский период, но предположим, что это соотношение оставалось стабильным. Тогда, учитывая, что к концу 1710-х годов в городе проживало порядка 700–750 католиков, немцев среди них могло быть около 200 чел., а к концу царствования Петра I — уже 300 с лишним (при общем числе католиков порядка 1200 чел. в 1724 г.) [Андреев 2014 г: 6–10]. Обоснованность произведенных подсчетов подтверждается данными о числе французов католического вероисповедания в Петербурге. В ходе специального исследования процессов формирования Французской слободы Васильевского острова было выявлено чуть более 130 взрослых французов обоного пола к концу 1717 г.¹ Эта цифра вполне согласуется с показателем процентного соотношения крещений детей французов к общему числу крещений (19 % французов в приходе, или примерно 130–140 чел. от 700–750).

При всей изученности темы петербургских немцев персональный и социальный состав немецкой католической общины (особенно в XVIII в.) до сих пор не исследован. Немногочисленные работы оперируют абстрактным понятием «немцы»². По-прежнему без ответа остаются вопросы о том, кем были немцы римского исповедания, какими профессиями владели, какое место занимали среди жителей Петрова града и как выстраивались их отношения между собой, а также с другими народами. Данная статья несет в себе опыт понимания немецкой общины как конкретных людей

¹ Автором данной статьи подготовлена к печати специальная работа «Французская слобода и католическая община Васильевского острова в Петербурге», в которой представлены подробные сведения о жителях французской колонии.

² В этом смысле показательна публикация архимандрита Августина (Никитина) «Немецкая католическая община Санкт-Петербурга», в которой за период с начала XVIII в. до 1780-х годов в составе общины не упомянут ни один немец-католик [Августин (Никитин) 2012: 61–72]. То же самое можем наблюдать в более ранней публикации [Аржанухин, Дремлюг 2002: 197–211].

со своими судьбами, разглядеть которые можно даже через плотную завесу времени.

Немцы-католики в основном были представлены выходцами из Австрийской империи, Баварии, реже из германских княжеств, вольных немецких городов, а также Швейцарии. Их роль в становлении петербургского прихода, а значит в сохранении немецких традиций на русской почве, чрезвычайно высока.

Первым постоянным католическим священником города на Неве источники не случайно называют немца Вольфганга Гайдингера (Гейдингера) — иеромонаха бенедиктинского ордена, много сделавшего для развития общины [Училище при римско-католической церкви. Л. 12 об.]. Он служил в церкви Греческой слободы по меньшей мере с 1710 по 1713 г., окормлял католиков всех национальностей, и именно ему мы обязаны основанием церковных метрик [Андреев 2014 а: 6–7]. Сохранившаяся книга о крещениях «латинян»¹, первые записи которой сделаны о. Вольфгангом, свидетельствует о широком спектре профессий немецких католиков. Среди них в петровскую эпоху находим военнотружущих, художников, музыкантов, скульпторов, архитекторов, медиков, представителей самых разных ремесел.

Правда, метрическая книга далеко не всегда указывает профессию родителей, поэтому социальную структуру прихожан только с опорой на метрики воссоздать весьма трудно. Принимая во внимание, что, по ощущению современников, среди петербургских немцев всегда было много ремесленников (излюбленные профессии простых немцев — пивовар, колбасник, часовщик, сапожник, булочник [Вайлуа 2011: 97]), можно предположить немалый их процент и среди немецких католиков. В 1716 г., по свидетельству знаменитого историка Г.Ф. Миллера, на Васильевском острове появилось «нарочитое число ремесленников и художников» из Европы, в первую очередь из Франции, но также и из «Немецкой земли» [Миллер 1773: 316]. На 2-й линии В.О. во Французской слободе, заселенной католиками, в доме № 1 проживал «золотой и серебряной мастер Ефрем Штернфорт с матерью, и при нем два подмастерья,

¹ Записи венчаний и погребений времен Петра I не сохранились.

один с женою и дитем, и одна служанка» [Роспись выезжим в Россию разных художеств мастеровым людям. Л. 30 об.].

Также среди католиков-ремесленников обнаруживаем переплетчика, издателя и книготорговца Иоганна Войткена (Войдеке, Johann Woytkin) [Метрическая книга о крещении. Л. 28], о роде занятий которого узнаем лишь благодаря тому, что он был замешан в интригах капуцинов, стремившихся после смерти Петра I войти в доверие к «партии» великого князя Петра Алексеевича и получить преференции в пастырской работе¹.

Возможно, немцами были корабельные мастера при петербургском адмиралтействе Питер Форн, Генрих Адармин и Антон Шмидт, отмеченные в «доношении» Адмиралтейской коллегии о служащих римско-католического исповедания в марте 1723 г. [Доношение Адмиралтейской коллегии. Л. 2].

Упоминаются среди немецких прихожан врачи и фармацевты: гамбуржец Иоганн Бремер, хирург Его Величества, женатый на Елизавете из Гамбурга, его коллега Пагенкампф [Метрическая книга о крещении. Л. 21 об., 28], а также «дворцовой аптеки подмастерье» Франциск Грим [Дело о замещении при петербургской латинской церкви патеров. Л. 17].

Кроме того, отметим некоторые фамилии прихожан, часто встречающиеся в церковной книге, которые, однако, не удалось идентифицировать с конкретными историческими лицами: Франц Кауфман, Мартин Кох, Иоганн Германн, Шток, Кристшилер, Шпергергольц, Финке, Мейер, Иоганн Христофор Рислер (Райслер), Клавдий Герц, Герман Розен, Штейнбрукер, Йозеф Вернер, Георгий Гайслер из Богемии, Иоганн Себастьян Раух, Людовик Гримм из Данцига, Антоний Томас из Богемии, Матвей Холль, Антон Шнейдер [Метрическая книга о крещении. Л. 2 об. — 20].

О числе военнослужащих среди немецких прихожан Петербурга проверенных данных нет. Немцы издавна в большом количестве нанимались на русскую военную службу [Черникова 2013: 27],

¹ В частности, через Войткена осуществлялась переписка о. Петра Хризолога с некоторыми придворными [По присланному из Тайной канцелярии. Л. 6, 18–19 об.; О капуцинах Петре Хризологе и Аполлинарие. Л. 17–18].

но в основном это были прибалтийские немцы-лютеране. Католики, пусть и в меньшем числе, тоже присутствовали в вооруженных силах России. Например, в начале XVIII в. немецкие офицеры входили в ядро московской католической общины [Письма и донесения иезуитов 2010: 79]. Тем не менее в генералитете русской армии времен Петра Великого католики практически не были представлены, во всяком случае, среди выявленных историками имен немцев-генералов мы не обнаруживаем носителей римского вероисповедания, кроме генерал-лейтенанта И.-Б. фон Вейсбаха [Петрухинцев 2008: 73–76].

Остается предполагать наличие немцев-католиков среди старших офицеров, обер- и унтер-офицеров. Метрические записи в этом вопросе мало что проясняют: книга крещений не дает возможности выявить социальную структуру петербургского прихода еще и по той причине, что многие католики являлись холостыми (некоторые полагают, что холостяков было даже большинство [Базылев 2003: 27]). Обычно семьей себя не обременяли как раз военные, хотя в церковных записях все же обнаруживаем среди «счастливых родителей» кронштадтского подполковника Шёнемана (vice-colonel in Kronschoß Schönman) [Метрическая книга о крещении. Л. 7]. Также в документах встречается упоминание о полковнике Астраханского полка фон Гоме (Гольм), поддерживавшего о. Аполлинария фон Вебера в известном споре капуцинов и францисканцев [Дело о замещении при петербургской латинской церкви патеров. Л. 34, 47 об.].

Во флоте немцев-католиков было совсем мало. Из всех иноземцев, нанятых «в морскую российскую службу» в 1697–1698 гг., немцы составляли 17,9 % (71 чел. из 345), но в подавляющем своем большинстве они происходили из традиционно лютеранских регионов — Голштинии, Гамбурга, Шлезвига, Данцига, Бранденбурга, и только четыре моряка являлись уроженцами «цесарской земли», а значит, в принципе, могли быть католиками [Кротов 1998: 121]. Из завербованных в 1703 г. Корнелиусом Крюйсом 174 моряков, национальность которых ученым удалось установить, немцы были представлены 13 персонами, среди которых числятся выходцы из Гамбурга, Любека, Голштинии, один саксонец, курляндец, швейца-

рец и один «цесарчик» [Кротов 1998: 122]. Из морских служащих метрическая книга в 1721 г. упоминает лишь некоего морского капитана Эрнеста Холофа (Hernestus Holof), женатого на Элеоноре [Метрическая книга о крещении. Л. 14]. Список католиков «во флотах», составленный 16 марта 1723 г. Адмиралтейской коллегией по запросу Синода, не называет ни одной «немецкой» фамилии среди матросов и офицеров [Доношение Адмиралтейской коллегии. Л. 1–2].

Петербургские чиновники-немцы, державшиеся католической веры, в численном отношении тоже значительно уступали своим собратьям-протестантам. Всего в 1720 г. в центральном аппарате Российского государства служили 77 иностранцев, предположительно исповедовавших западно-христианские учения, из них 59 чел. были лютеранами и реформатами (преимущественно немцами), у 14 госслужащих определить вероисповедную принадлежность не удалось, и только три человека исповедовали католичество (еще один признан потенциальным католиком)¹.

Немцев в этой небольшой группе иноземных чиновников оказалось всего два, и оба они были весьма уважаемыми членами католической общины: советник Коммерц-коллегии И. Бакон и секретарь военной коллегии Ф.И. Вюст (Вист) [Поленов 1869: 1753–1761]. Иван (Иоганн) Павел Бакон фон Пакасси (Паульбакон, Jean Paul Bacon) родился в 1681 г. в Баварии². Имея большой опыт коммерческих операций, 12 сентября 1717 г. в Берлине он поступил на русскую службу и сразу же был назначен советником в новоучрежденную Коммерц-коллегию. Бакон слыл знающим специалистом, пользовался авторитетом, так что в мае 1722 г. служащие Коммерц-коллегии представляли его на должность вице-президента. Неизвестно по какой причине, но высочайшего утверждения в этой должности Бакон не получил и продолжал служить совет-

¹ Данные получены автором в ходе специального исследования в рамках проекта «Протестанты в государственном аппарате России XVIII столетия». Результаты исследования готовятся к публикации.

² Возможно, принадлежал к одной фамилии с известным венским придворным архитектором Николаем фон Пакасси.

ником до 27 июля 1727 г., когда был отправлен в отставку. После отставки Бакон проживал в Австрии, снова приехал в Россию и в 1734–1737 гг. состоял в прежней должности советника Коммерц-коллегии. Был повторно уволен в июле 1737 г., однако в 1755 г. вновь назначен в сенатскую комиссию о портовой политике [Серов 2007: 24].

Метрическая книга католической церкви чуть-чуть приоткрывает завесу над его семейной жизнью. Бакон был женат на Иоганне де Понт (дю Пон), скорее всего, дочери адмиралтейского плотника-кораблестроителя Франциска Депонтия. 27 марта 1720 г. была крещена его дочь Петронилла Лаура, восприемниками которой выступили его превосходительство Петр Андерас Цольштиг и Екатерина Растрелли (жена знаменитого скульптора и архитектора?) [Метрическая книга о крещении. Л. 11]. Вообще Бакону везло на дочерей. 9 июля 1723 г. францисканец Джакомо Доледжо (Деолегио) крестил другую его дочь Анну Елизавету, а 21 января 1724 г. — третью дочь Марию Алоизию, которую восприняли из купели царский министр Иван Лефорт и Мария Леблон, вдова «генерал-архитектора» [Метрическая книга о крещении. Л. 19 об., 22]. Бакон и его жена неоднократно упоминаются среди крестных детей других католиков, в частности того же секретаря Вюста [Метрическая книга о крещении. Л. 15 об., 20].

Франц Иоганн Вюст происходил из Лигница (Силезия) [Полехов 1869: 1757], в источниках он часто именуется «военным секретарем князя А.Д. Меншикова». Наряду с другими известными петербургскими католиками (Д. Трезини, К.-Б. Растрелли, Н. Пино, Л. Караваком) Вюст какое-то время являлся церковным старостой [Челобитная императору Петру I. Л. 6 об.]. От брака с некоей Маргаритой у него рождались сыновья: в 1719 г. Иоганн Герман (крестные — генерал-лейтенант И.-Б. фон Вейсбах, протестанты бригадир П.Б. Лефорт и генерал А.А. Вейде, а также Элеонора Шлиппенбах, супруга генерал-лейтенанта), в 1721 г. Франциск Ксаверий Йозеф, а 10 мая 1722 г. — сын Александр, восприятый Доминико Трезини и Иоганной Бакон [Метрическая книга о крещении. Л. 10 об., 13, 15 об.]. Александр Францевич Вист в будущем получит архитектурное образование и в 1755 г. станет главным

архитектором Сената, хотя и не добьется большого успеха в профессии¹.

Кроме этих двух чиновников, в Петербурге служил еще некий Эрнст Фридрих Кромпейн (Ernst Friedrich Crompein), однако был ли он немцем по национальности — сказать трудно [Поленов 1869: 1766]. Кромпейн известен как составитель «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» — первого российского военно-процессуального кодекса [Прокопенко 2013: 327]. Он упоминается среди восприемников ребенка в католической общине Петербурга, что, однако, не исключает возможности исповедания им протестантства².

Наконец, в руководящем составе первых петровских коллегий значится вице-президент Коммерц-коллегии Шмидт (Schmidt)³, возможно, католик. И. Лефорт дал Шмидту такую характеристику: «Человек, отлично знающий торговлю и деньги и служивший по этой части в Баварии» [Козлова 1991: 141]. Неизвестно, происходил ли он из Баварии или только служил там.

В метриках петербургского костела среди прихожан в 1717–1731 гг. отмечен некий Антон Шмидт (Antonius Schmidt) [Метрическая книга о крещении. Л. 7–9, 35 об.], но без указания должности. Возможно, это и был вице-президент, хотя вероятнее речь идет об уже упоминавшемся корабельном мастере, его однофамильце. Информативных биографических справочников, посвященных персональному составу служащих центрального госаппарата в XVIII в., до сих пор нет, поэтому так много пока неразрешимых вопросов.

Иностранцев на русскую гражданскую службу стали активно приглашать с конца 1715 г., в 1720 г. их число достигло максимума, а уже в 1722 г. сильно сократилось [Писарькова 2007: 179, 190].

¹ А.Ф. Вист (Вюст) (1722–1794) возводил Андреевский собор на В.О. и был автором проекта Ботного домика в Петропавловской крепости [Энциклопедия Санкт-Петербурга 2004].

² 12 ноября 1720 г. вместе с Татьяной Бохман (Бахмиотовой), женой коменданта Петербургской крепости, Кромпейн крестил дочь поляка Томаса Кавеского Марию-Елизавету [Метрическая книга о крещении. Л. 12 об.].

³ В указе от 15 декабря 1717 г. «О назначении в коллегиях президентов и вице-президентов» [Полное собрание законов 1830: 527–528].

После массовых увольнений в конце царствования Петра иностранцев-чиновников I–VIII классов в центральном управлении, сосредоточенном в основном в Петербурге, насчитывалось чуть больше 20 чел., поэтому предполагать увеличение в нем доли немцев нет оснований.

Несколько более подробными сведениями мы располагаем о деятелях искусства немецкого происхождения, которых в приходе было чуть больше, чем моряков и чиновников. Впрочем, всех немцев католической веры, близких к созданию прекрасного (архитекторов, скульпторов, декораторов), работавших в Петербурге в первой четверти XVIII в., тоже не насчитать больше десятка — безусловно, в художественной сфере итальянцы и французы доминировали и количественно, и качественно. Не всегда обладая выдающимися талантами, немцы-католики, тем не менее, внесли свой вклад в развитие русского искусства. Информации о них больше, потому что исследователи художественного творчества, анализируя формы бытования искусства, более склонны к изучению биографического материала.

Уже среди первых жителей Петербурга в 1706 г. упоминаются «нюрнбергские и швейцарские скульпторы» католического вероисповедания, работавшие по заказам царя. О них писали иезуиты, приезжавшие из Москвы «к Финскому заливу» для исполнения треб [Письма и донесения иезуитов 2010: 196]. Преподобные отцы имели в виду группу скульпторов и резчиков по дереву, контрактованных для работы в России в 1703 г., — Г.К. Оснера, Э. Эгельграссера и Ф.Л. Цинглера (Зингера) [Выезд в Россию резного дела мастера. Л. 2–5].

Ганс Конрад Оснер (Hans Conradt Oßner) происходил из местечка Нойнхоф (Neunhof) близ Нюрнберга (р. 1 марта 1673 г., ум. в Петербурге 18 августа 1747 г.) [Малиновский 1999: 436]. Он отличался большим трудолюбием, скромностью и честностью, хотя, по мнению исследователей, уступал величиной своего дарования таким прославленным мастерам, как Н. Пино и К.-Б. Растрелли [Юмангулов 2010: 45]. Оснер проработал в России 43 года, сначала жил в Москве, а примерно с 1710 г. в Петербурге, принимая участие в создании ряда выдающихся архитектурных памятников [Малиновский

2007 а: 20]. В частности, он трудился над скульптурным декором Летнего и Зимнего дворцов, оформлял скульптурами Летний сад («отправлял всякую резную работу», а также выступал в роли дизайнера), создавал барельефы и лепнину для Благовещенской церкви Александро-Невской лавры [Малиновский 2007 б: 190–195].

Оснер многое сделал для украшения фонтанов и павильонов Нижнего парка в Петергофе, проектировал модели для рельефов Большого каскада, декорировал павильон «Эрмитаж», работал над многими другими объектами, однако подлинные произведения мастера не сохранились [Юмангулов 2010: 46–48]. Единственной дошедшей до наших дней авторской работой Оснера считается деревянный барельеф «Низвержение Симона-волхва» в композиции Петровских ворот Петропавловской крепости (1717–1718 гг.).

Оснер внес немалый вклад в развитие русской художественной культуры и своим педагогическим трудом: с 1726 г. он преподавал «ваятельное искусство» в архитектурном классе Академии наук, а затем в Рисовальной палате [Юмангулов 2010: 47].

Оснер был свидетелем крещения сына Доминико Трезини Пьетро в марте 1710 г. — с этого крещения начинаются записи в церковной книге. По этому поводу апостолический префект Микеланджело да Вестинье сделал следующую запись: «Истинно данным мне подтверждением, как доподлинно то установлено, достопочтенным отцом Скотти, иезуитским миссионером, был крещен Петр, сын господина Доминика Трессин и его супруги Гертруды. Воспринят от купели самолично Петром Первым, русским императором, и госпожой Крюйс, дочерью господина адмирала Крюйса, в присутствии свидетелей гг. Берхгольца, Кикина, Конрада Оснера и др.» [Метрическая книга о крещении. Л. 2].

Эргард (Эберхард) Эгельграссер (Eherhard Egelgraser) (существуют разные варианты написания его фамилии — Эгельгрессер, Эгель Кразель, Экликроузер, Экликреуз и даже Эгеарай) — мастер резного дела из Австрии, вступивший на русскую службу в Бреславе в ноябре 1703 г. [Выезд в Россию резного дела мастера. Л. 3]. Работал в Москве, в Петербург прибыл вместе с Оснером в 1710 г. и «обретался <...> при городовом строении (т.е. в Петропавловской крепости), в Летнем и Зимнем доме <...> у резного каменного и де-

решанного фигурного и штукатурного искусства» [Малиновский 2007 а: 20]. Возможно, Эгельграссер также участвовал в скульптурном оформлении первых Петровских ворот под началом Д. Трезини [Малиновский 2007 а: 21]. Известно, что в 1722 г. он вырезал из дерева херувимов, украшавших по углам колокольню Петропавловского собора, а также фигуру ангела на кугеле шпица [Малиновский 2007 а: 158].

Эгельграссер являлся старейшим прихожанином костела, вместе с коллегой Цинглером и другими католиками в 1710 г. он оформлял свидетельство на покупку в Греческой слободе земли под первое церковное здание [Дело о замещении при петербургской латинской церкви патеров. Л. 14 об., 20 об.]. В метрической книге прихода зафиксированы факты крещения его детей (состоял в браке с Анной-Маргаритой), а также участие в крестинах детей других католиков в качестве восприемника или свидетеля [Метрическая книга о крещении. Л. 5 об. — 7, 9 об., 12 об. — 14, 23, 28]. В феврале 1727 г., по распоряжению А.Д. Меншикова, он был «отпущен во отечество» [Малиновский 2007 а: 21].

Еще один мастер-резчик Франц Людвиг Цинглер (Цыглер, Цилер, Циглер) (Frantz Ludwig Zingler), более известный в России под фамилией Зингер, происходил из Швейцарии [Выезд в Россию резного дела мастера. Л. 2]. До своей работы в России он служил во Флоренции при дворе Тосканского герцога Козимо III Медичи и имел репутацию высокочкассного токаря-художника, а также механика. В Россию был приглашен Петром I для работы в царской токарне [Борисов 2004: 93–96], где в большей степени реализовал себя в качестве токаря и механика, нежели художника. Цинглер (Зингер) наряду с А.К. Нартовым, К.-Б. Растрелли и Н. Пино принимал участие в изготовлении серии барельефов, созданных в 1720-х годах в «Токарне» Петра I для Триумфального столпа в Петербурге, — таких, как «Взятие Нотебурга», «Основание Петербурга», «Сражение при Лесной», «Полтавский бой», «Ништадтский мир» и др. [Русское искусство эпохи барокко 1984: 44–48]. Умер в Петербурге в 1728 г.

В немецкую католическую общину входили и архитекторы, занявшие свою нишу в петербургской архитектуре и градострои-

тельстве. В первую очередь, это швейцарец Николай Фридрих (Николай Федорович) Гербель (Nicolaus Friedrich Härbel), прибывший на службу в Петербург из Базеля в 1719 г. с женой и тремя детьми [Морозова 2004: 17–18]. Приказом Главной полиции этот настойчивый («крутого нрава») человек сразу же был назначен на должность городского архитектора Санкт-Петербурга и стал обер-архитектором Главной полицмейстерской канцелярии [Морозова 2004: 26–27]. Гербель, по мнению историков архитектуры, был весьма посредственным зодчим [Шилков 1960: 99]. Между тем некоторые считают его выдающимся градостроителем-проектировщиком и автором по сей день существующей радиальной системы петербургских улиц, направленных на шпиль Адмиралтейства (т. н. «Пятилучье») [Морозова 2004: 49–64]. Гербель принимал деятельное участие в жизни единоверцев: крестил детей [Метрическая книга о крещении. Л.19 об.], с 1720 г. и вплоть до своей кончины (ум. 16 сентября 1724 г.) возглавлял перестройку костела Греческой слободы в камне [Андреев 2015: 10–11].

Его коллега, архитектор и «каменного дела мастер» Готфрид Иоганн Шедель (Gottfried Johann Schädel), родившийся около 1680 г. в Вандсбеке в Силезии, еще раньше вошел в общину католиков [Дело о замещении при петербургской латинской церкви патеров. Л. 14]. По личному приглашению А.Д. Меншикова Шедель с семьей прибыл на невские берега в 1713 г. и вместе с другими архитекторами (Фонтана, Браунштейном и Шлютером) строил дворец «светлейшего» на В.О., Большой Меншиковский дворец в Ораниенбауме и другие сооружения в Петербурге и пригородах. Правда, большую известность Шеделю принесли его постройки в Киеве, где мастер много лет трудился и умер 10 февраля 1752 г., так и не добившись желаемого разрешения вернуться на родину [Грабарь 1994: 70–77; Горбенко 1975: 104–128; Андреева Е.А. 2007: 14–19].

Пожалуй, наиболее талантливым и известным деятелем русской культуры в составе немецкой общины был художник-портретист Иоганн Готфрид Таннауэр (Дангауэр, Johann Gottfried Tannauer, Tanhauer) (1680–1737). Он родился в Саксонии и был разносторонне одаренным человеком: часовщиком, музыкантом и художником.

Договор на работу в России Таннауэр заключил 1 октября 1710 г. в Вене при посредничестве царского министра барона Урбиха. О себе живописец сообщил, что учился у «славного мастера в Венеции Бомбея» (Себастьяна Бомбелли), что готов служить царю «живописью для портретов, хотя болшую работою и живо олифными красками или миньятурою, или мелкою, ибо обое знаю» [Приезд в Россию. Л. 1]. При этом Таннауэр предполагал продолжать в России заниматься и другими видами творчества, отмечая: «Причем тако ж работою часов и музыкою себя рекомендовать не оставлю» [Приезд в Россию. Л. 1].

Он состоял в должности придворного живописца Петра I (гофмалера) до самой смерти. Имел семью и детей, крещенных в костеле Греческой слободы [Метрическая книга о крещении. Л. 3 об., 5 об., 9–10]. Таннауэр — автор прославленной картины «Петр I в Полтавской битве» (1710-е годы, ГРМ), с которой начинается работа живописцев по воссозданию образа царя Петра в легендарном сражении. Картина предшествовала мозаике М.В. Ломоносова «Полтавская баталия» и служила великому ученому одним из иконографических источников. Таннауэр — признанный мастер, создавший несколько прижизненных портретов русского царя (самый знаменитый — «Портрет Петра на смертном одре», 1725 г.), а также портретов его сподвижников.

Метрическая книга содержит упоминания и о других служителях муз, информацию о работе которых, к сожалению, обнаружить не удалось. Так, в 1718 г. упоминается живописец Франциск Коффеус (Franciscus Koffeus Pictor), годом раньше — его коллега Андреас Керпель, в 1728 г. — скульптор-штукатур Иоганн Розен (Россен) [Метрическая книга о крещении. Л. 7–9, 32 об.]. Из музыкантов обращает на себя внимание придворный валторнист Иоганн Мельхор Руммель [Метрическая книга о крещении. Л. 8], игру которого любил слушать Петр I и о котором упоминает Ф.-В. Берхгольц в своем дневнике [Берхгольц 2000 а: 446; Берхгольц 2000 б: 83, 92]. 29 июня 1725 г. его сына Карла-Фридриха крестил Голштинский герцог Карл-Фридрих в присутствии секретаря австрийского посольства Николауса Себастиана фон Гогенгольца [Метрическая книга о крещении. Л. 24 об.].

Разнообразие профессий немецких католиков и наличие их связей с царским двором превращало немецкую общину в полноценный социальный организм, а численное превосходство приводило к осознанию не только своей самодостаточности, но и доминирующего положения в приходе. Это провоцировало конфликты с другими национальными группами верующих. Например, в 1724 г. французы жаловались царю, что немцы не дают им возможности «по перемене службу божественную в публичной католической церкви отправлять» [Дело о замещении при петербургской латинской церкви патеров. Л. 66]. Конфликты сохранялись на протяжении всего XVIII в. [Андреев 2014 д: 12], однако, хотя и с трудом, они преодолевались, потому что между католиками все-таки существовали цементирующие связи. В частности, представители разных национальностей приходились друг другу кумами (характерно, что намного чаще немцы были восприемниками детей поляков, нежели детей французов и итальянцев [Самыловская 2013: 155–156]).

Часто заключались межнациональные браки. Немки часто выходили замуж за поляков (степень интеграции немцев с французами и в этом случае была минимальной). Например, Мария Елизавета Шульц была супругой поляка Яна Ружеского, Рахиль Шмит из Ганновера — женой Томаса Кавески, Анна-Юстина Вахтер — женой Петра Везеского, Елизавета Рейнольд из Берлина была замужем за голландцем Теодором Брунцем [Метрическая книга о крещении. Л. 12–14 об.]. Архитектор Доминико Трезини состоял в браке с немкой «фрау Гертрудой» [Метрическая книга о крещении. Л. 2–3]. Имя этой первой петербургской жены Трезини до недавнего времени оставалось неизвестным. Сам Трезини не раз выступал крестным отцом детей немецких прихожан [Андреев 2014 б: 5].

Однако особенно тесные отношения немцы-католики поддерживали с соотечественниками-протестантами, что в первую очередь способствовало сохранению ими национальных традиций. Лютеране и лютеранки часто крестили детей католиков (среди них — Адам Вейде, Элеонора Шлиппенбах, Елизавета Геннин, Анна Маркриг, Анна Катарина Шрейбер из Саксонии и др.) [Метрическая книга о крещении. Л. 10, 16 об., 21 об.]. Многие немцы-католики были женаты на немках-лютеранках. Например, Людвиг Гримм

из Данцига — на Марии Катарине из Выборга, богемец Георгий Гайслер — на лютеранке Розине, его земляк Антон Томас — на лютеранке Марии [Метрическая книга о крещении. Л. 19 об. — 20].

Осознание и сохранение петербургскими немцами-католиками (наряду с другими этноконфессиональными группами городского населения) собственной религиозной и национальной идентичности выступило необходимым условием для формирования особого, «европеизированного», социокультурного пространства Санкт-Петербурга — разноликого и разноречивого, представлявшего собой конгломерацию традиций и конфессий. Немецкая католическая община включала в себя ярких представителей петербургского социума эпохи Петра I, их биографии свидетельствуют о реальном участии в модернизации страны.

Высказанные соображения о численности немецких специалистов в административном аппарате, армии и флоте помогают приблизиться к решению вопроса о социальном составе немецкой католической общины (в виду ограниченности источников решить этот вопрос окончательно не представляется возможным, остается лишь сформулировать гипотезу). Если верны утверждения, что на немцев-католиков петровского царствования приходилось очень мало флотских служителей, классных чиновников и деятелей искусства (в каждой названной социoproфессиональной группе счет идет на единицы, максимум на пару десятков), то из кого же тогда состояла эта община числом двести-триста человек? Методом исключения остается предполагать, что все-таки в ней преобладали ремесленники и мелкие торговцы, соответствующие позднему мещанству, а также наверняка было немало армейских служащих в самых разных чинах и канцелярских работников — шрейберов, копиистов, архивариусов и других неклассных служителей, в которых так нуждался российский госаппарат, но персональный состав которых навсегда останется тайной.

Библиография и источники

Августин (Никитин), архимандрит. Немецкая католическая община Санкт-Петербурга // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 7 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2012. С. 61–84.

- Андреев А.Н.* Духовенство Римско-католической церкви в Греческой слободе Санкт-Петербурга // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014 а. Т. 14. № 4. С. 6–14.
- Андреев А.Н.* Католики Трезини в России // Гуманитарные научные исследования. 2014 б. № 3 (31). С. 5–16.
- Андреев А.Н.* Католический приход Петербурга в XVIII в. // Вопросы истории. 2014 в. № 10. С. 148–160.
- Андреев А.Н.* Конфессиональная жизнь петербургских католиков в XVIII столетии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014 г. Т. 14. № 1. С. 6–14.
- Андреев А.Н.* Римско-католическое духовенство в Петербурге в 1740–1760-е годы // Гуманитарные научные исследования. 2014 д. № 5 (33). С. 12–22.
- Андреев А.Н.* К вопросу о строительстве и местоположении католического храма Греческой слободы в Петербурге // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 2. С. 6–16.
- Андреева Е.А.* И.Г. Шедель — трагическая судьба иностранца в России // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 38: Петровское время в лицах — 2007. СПб., 2007. С. 14–19.
- Аржанухин В., Дремлюг А.* Трехсотлетие католической общины Санкт-Петербурга // Символ. 2002. № 46. С. 197–229.
- Базылев Л.* Поляки в Петербурге. СПб.: Блиц, 2003. 448 с.
- Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера // Неистовый реформатор. М., 2000 а. С. 105–502.
- Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера // Юность державы. М., 2000 б. С. 11–324.
- Борисов В.П.* Токарные художества Петра Великого // Природа. 2004. № 7. С. 93–96.
- Ваилуа Г.П.* Петербургские немцы // Царскосельские чтения. 2011. № 15. Т. 3. С. 95–100.
- Выезд в Россию резного дела мастера Франца Цыглера // РГАДА. Ф. 150. Оп. 1 (1703 г.). Д. 33. 5 л.
- Горбенко Е.В.* Творчество архитектора И.Г. Шеделя: Дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1975. 306 с.
- Грабарь И.Э.* Готфрид Шедель // *Грабарь И.Э.* Петербургская архитектура в XVIII–XIX веках. СПб., 1994. С. 70–77.
- Дело о замещении при петербургской латинской церкви патеров капуцинов францисканами // РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. 77 л.
- Доношение Адмиралтейской коллегии с приложением именного списка служащих в ведомстве коллегии иноземцев римско-католического исповедания (16 марта 1723 г.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 244. 3 л.

- Козлова Н.В. Коммерц-коллегия в 20–50-х годах XVIII в. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. / Под ред. Н.Б. Голиковой. М., 1991. С. 137–167.
- Кротов П.А. Немцы в российской флоте при Петре Великом // Немцы в России: люди и судьбы / Отв. ред. Л.В. Славгородская. СПб., 1998. С. 121–128.
- Малиновский К.В. Вклад немецких мастеров в русское изобразительное искусство и архитектуру XVIII века // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 434–440.
- Малиновский К.В. Доминико Трезини. СПб., 2007 а. 232 с.
- Малиновский К.В. Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII в. СПб., 2007 б. 496 с.
- Метрическая книга о крещении (1710–1740 гг.) // ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. 68 л.
- Миллер Г.Ф. Санкт-Петербург // Географический лексикон Российского государства, или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовия, рудные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской империи <...>, собранный Федором Полуниным с предисловием Герарда Фридрика Миллера. М., 1773. С. 301–348.
- Морозова А.А. Н.Ф. Гербель. Городской архитектор Санкт-Петербурга. 1719–1724 гг. СПб.: Стройиздат, 2004. 222 с.
- О капуцинах Петре Хризологе и Аполлинарии, взятых по подозрению, что они посланы в Россию с политическими целями (1725 г.) // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 204. 79 л.
- Петрухинцев Н.Н. Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. состав. А.В. Доронин. М., 2008. С. 66–87.
- Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007. 742 с.
- Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии. Рязань: Александрия, 2010. 336 с.
- Поленов Д.В. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом (Составлено по подлинным документам, хранящимся в Архиве министерства юстиции) // Русский архив. 1869. № 11. Стб. 1729–1766.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5. С. 527–528. № 3133.
- Приезд в Россию, по договору, живописного мастера Ягана Таннаура // РГАДА. Ф. 150. Оп. 1 (1710 г.). Д. 8. Приезд в Россию, по договору, живописного мастера Ягана Таннаура. 2 л.

- Прокопенко Я.И.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). СПб., 2013. С. 321–337.
- По присланному из Тайной канцелярии на имя синодального вице-президента архиепископа Феофана письму о привезенном из Ревеля римского закона капуцине Питере Хризологе // РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 126. 20 л.
- Роспись выезжим в Россию разных художеств мастеровым людям и в материалах по показанию их на фабрики требуемым (1716 г.) // РГАДА. Ф. 150. Оп. 1 (1716 г.). Д. 1. 61 л.
- Русское искусство эпохи барокко. Конец XVII — первая половина XVIII века: Каталог выставки. Л.: Искусство, 1984. 112 с.
- Самыловская Е.А.* Социальные связи петербургских католиков в первой половине XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 9. Ч. 2. С. 153–158.
- Самыловская Е.А.* Метрические книги римско-католической церкви святой Екатерины Александрийской как источник по истории католической общины Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 269–274.
- Серов О.Д.* Администрация Петра I. М.: ОГИ, 2008. 288 с.
- Училище при римско-католической церкви св. Екатерины в С.-Петербурге (1857–1902 гг.) // РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 493. Ч. 1. 211 л.
- Челобитная императору Петру I от римско-католических прихожан с просьбой, чтобы начальником католической церкви в Петербурге был Яков Долеждо (1724 г.) // АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 2. 19 л.
- Черникова Т.* Немцы старые и новые // Родина. 2013. № 2. С. 27–31.
- Шилков В.Ф.* Архитекторы-иностранцы при Петре I // История русского искусства / Под ред. академика И.Э. Грабаря. М., 1960. Т. 5. С. 84–115.
- Энциклопедия Санкт-Петербурга 2004. URL: <http://encspb.ru/object/2803923580>.
- Юмангулов В.Я.* «Честный человек старого покроя...» О петергофских работах скульптора и резчика Конрада Оснера // История Петербурга. 2010. № 1. С. 45–48.

Петербургская повседневность

А.М. Пиир
Ч.Э. Сыманович
Т.М. Яковлева
О.И. Конькова
А.А. Чувьуров

А.М. Пиир

ДВОР ДОХОДНОГО ДОМА И КОНЦЕПЦИИ ПРОСТРАНСТВА СТОЛИЧНОГО ПЕТЕРБУРГА¹

Статья посвящена истории формирования дворового пространства Петербурга в имперскую эпоху. В основе планировки российской столицы с начала ее строительства лежала идея деления городского пространства на публичное — открытое, парадное, отвечавшее высочайшим интересам и подчиненное эстетическим требованиям, и частное — скрытое за сплошными фасадами, куда должно быть вынесено то, что не соответствовало эстетике европейского города, в частности бытовая и хозяйственная сфера. За два столетия строительства Петербурга был пройден путь от стремления к идеалу фасадной застройки, которая должна была сформировать европейский облик российской столицы, до попыток отказаться от нее в пользу открытых просторных дворов и кварталов, призванных обеспечить гигиеничные жилищные условия.

Ключевые слова: петербургский двор, доходный дом, история жилой застройки, концепция пространства, антропология города.

Alexandra Piir

TENEMENT COURTYARDS AND THE CONCEPT OF SPACE OF THE CAPITAL ST PETERSBURG

The article is devoted to the history of forming of St Petersburg courtyards in the imperial era. At the heart of the planning of the Russian capital from the beginning of its construction lay the idea of the dividing the city space into a public one — open, ceremonial, meeting the highest interests and subordinate to aesthetic requirements, and private — hidden behind solid facades, which should be rendered something that did not correspond to the aesthetics of the European city, in particular household and economic sphere. For two centuries of the construction of St Petersburg the way from the aspiration to the ideal of the facade building, which was to form the European face of the Russian capital, to attempts to abandon it in favor of open spacious courtyards and blocks, designed to provide hygienic housing conditions, was traversed.

Keywords: St Petersburg courtyards, tenement house, history of residential development, concept of space, urban anthropology.

¹ Статья подготовлена при поддержке НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)», программа «Образование как социальный институт», проект «Стажировка в Шеффилде», договор № МП/ШС-01/16.

С момента основания Петербурга понятие *двор* применительно к частному жилому пространству долгое время сохраняло свои традиционные значения: 'усадебна, совокупность жилых и хозяйственных построек'; 'огороженный участок земли, на котором находятся жилые и хозяйственные постройки' (также 'участок, отведенный под застройку', которое было актуально для нового, строящегося города); 'хозяйство как единица обложения налогами и податями' [СРЯ 1977, 4: 189–191]. Значение 'незастроенная территория домохозяйства' (ср.: 'простор между всеми строениями одного хозяйства' [Даль 1863, 1: 375]) распространилось и стало более употребительным позже, в период строительства доходных домов, когда двор оказался территорией, заключенной внутри дома. Такой внутренний двор, позволявший скрыть бытовую и хозяйственную сферу, соответствовал концепции молодой российской столицы, ориентированной на европейскую эстетику и градостроительные принципы Нового времени.

Правила застройки дворовых участков (как и соответствовавшие им смыслы) были заданы петровскими указами о строительстве и обустройстве новой столицы. Первыми в их числе были именные указы от 4 апреля и 4 ноября 1714 г., которые предписывали горожанам застраиваться по улицам и переулкам жилыми домами по образцовым проектам и запрещали выводить на фасад заборы и хозяйственные строения: сараи и конюшни¹ [ПСЗ 1830, 5:

¹ Игорь Грабарь считал, что инициатива многих петровских строительных указов, вышедших с 1714 г., включая названные, принадлежала «директору над строениями» Ульяну Акимовичу Синявину, брату вице-адмирала, возглавлявшему Канцелярию от строений [Грабарь 1994: 22–23]. По мнению Н. Евсиной, заслуга введения в Петербурге жилой застройки вдоль улиц и по образцовым проектам могла принадлежать Федору Степановичу Салтыкову, одному из сподвижников Петра, по его приказу обучавшемуся морскому делу и корабельной архитектуре в Голландии и Англии. На основе западно-европейского опыта Салтыков писал программу устройства российских губерний, городов и деревень «Пропозиции» и частями отправлял в Петербург. Именно в 1714 г. была прислана глава «О строении каменных зданий во всем государстве», где предлагалась застройка «улицами влипень» [Евсина 1995: 56–57]. Однако первые петровские указы, вводившие фасадную застройку, относились к Москве и выходили с 1700 г. [ПСЗ 1830, 4: 243, 306–307, 846], так что Синявин и Салтыков, выдвинувшиеся позднее, разрабаты-

96, 128]. В мае 1718 г. контроль над возведением домов «по регламенту» и «в линию» был поручен столичному генерал-полицмейстеру А.М. Девиеру [Там же: 570]. Как известно, первые попытки ввести фасадную застройку улиц предпринимались с 1700 г. в центре Москвы (сначала в Кремле и Китай-городе, а затем и в Белом). Аналогично в Москве был впервые применен сценарий, предписывавший каменное строительство в центре и ради его осуществления запрещавший таковое в других частях города, который затем был реализован для Петербурга как центра и России как его периферии.

Московские указы, во-первых, относились только к новому строительству в существующей застройке (преимущественно на погорелых местах), а во-вторых, противоречили традиционной для русского города организации жилого двора (с расположением хором в глубине участка или вдоль улицы, но обращенных к ней задним фасадом¹) и реализовывались с немалым трудом. Тем не менее к 1714 г., когда в новой столице началось каменное строительство и стали выходить многочисленные постановления по строительной части, эти требования были уже сформулированы, а приемы опробованы. В частности, в сенатском указе 1712 г. предписания для Москвы сопровождаются мотивировкой, которой нет в последующих петербургских указах: «Палатное каменное строение <...> для высокого Его Царского Величества интереса и лучшего в том способа, и против строений других Европейских Государств строить по улицам и по переулкам по линии; а ежели

вали уже существовавшую идею переустройства старой и строительства новой российской столицы по европейским канонам.

¹ Ср. требование в более позднем московском указе, «чтоб строили по улицам (а не во дворах, как в старину строили)» [ПСЗ 1830, 5: 532; также: Попов 1903: 60–61]. О традиционной для Москвы организации пространства двора см.: [Гольденберг, Гольденберг 1935: 26–62]; о размещении жилого дома в застройке русских городов в XVII в. писал Алексей Тиц: «Чем богаче была усадьба, тем выше ставился забор и дальше от него отодвигались хоромы. Только одинокие избы мелких ремесленников и обездоленного тяглого люда смотрели своими подслеповатыми окнами на улицу. <...> Исключение составлял, пожалуй, один Псков, где в силу за-тесненности земельных участков и большой распространенности каменного строительства купеческие палаты довольно часто выходили на красную линию» [Тиц 1966: 56].

кто сему Его Великого Государя указу явится противен, и таковой по жестоком наказании лишен будет того своего двора» [ПСЗ 1830, 4: 846].

Таким образом, с самого начала строительства Петербурга в основу его планировки была заложена идея деления городского пространства на публичное — открытое, парадное, отвечающее высочайшим интересам и подчиненное эстетическим требованиям, и частное — скрытое за фасадами зданий и сплошными оградками, куда должно быть вынесено то, что не соответствует эстетике европейского города, в частности бытовая и хозяйственная сфера. Первое не только главенствовало, но и хронологически предшествовало: улицы и проспекты прокладывали раньше, чем застраивали участки, или спрямляли, пробивали через опередившую их застройку, но редко подчиняли ей¹. И хотя реальный, живой город «не равен сам себе» и своей модели², регулярная планировка и примат парадной эстетики определили не только петровскую концепцию столицы-парадиза, но и ее дальнейшие реализации³.

¹ Эта особенность «предумышленного» города сформулирована автором «Статистических сведений о Санктпетербурге»: «Где другой город, который бы представил пример подобной дивной перспективы? И это от того, что во всех других древних городах строили сначала дома, а потом проводили улицы; в С.-Петербурге напротив проводили улицы, а потом строили дома» [Заблоцкий-Десятовский 1836: XLV–XLVI]; а также в одном из многочисленных противопоставлений Москвы и Петербурга: «Москва росла по домам, которые естественно сцеплялись друг с другом, обрастали домишками, и так возникали московские улицы. Московские площади не всегда можно отличить от улиц, с которыми они разнятся только шириною, а не духом пространства <...>. Основная единица Москвы — дом, поэтому в Москве много тупиков и переулков. В Петербурге совсем нет тупиков, а каждый переулок стремится быть проспектом <...> Улицы в Петербурге же образованы ранее домов, и дома только восполнили их линии. Площади же образованы ранее улиц. Поэтому они совершенно самостоятельны, независимы от домов и улиц, их образующих. Единица Петербурга — площадь» (Юрий Тынянов «Кюхля», глава «Петровская площадь»); см. рассуждения о петербургской утопии Георгия Тульчинского, использующего этот пассаж: [Тульчинский 1993: 148].

² См. рассуждения об этом в интервью с Ю.М. Лотманом: [Лотман 1993: 84–85].

³ О регулярной планировке Петербурга и принципах устройства городов Нового времени см.: [Михайлова 1995].

Очень схематично историю фасадной застройки Петербурга и ее этапы¹ можно изложить следующим образом. В петровское время ее внедряли особенно настойчиво (и сама жизнь в новой столице и возведение здесь частных домов были принудительными). Сплошная застройка по образцовым проектам осуществлялась ценой немалых усилий, и достичь ее удавалось фрагментарно, на отдельных, наиболее значимых участках улиц и набережных. Строить дома требовалось с соблюдением единых горизонтальных членений, вплотную друг к другу² (в этом случае во двор попадали со стороны внутреннего проезда или через арку цокольного этажа, примеры чего сохранились на Васильевском острове) либо с небольшими разрывами на ворота. В 1721 г. эти требования были дополнены указанием ради экономии материала возводить у соседних каменных зданий общие боковые стены [ПСЗ 1830, 6: 402–403]. Линии слитых таким образом домов должны были образовывать единый фасад улиц и в первую очередь набережных столицы³.

¹ Из работ недавнего времени этапы развития жилой застройки Петербурга XVIII — начала XX в. с точки зрения истории архитектурных форм и конструкций наиболее подробно рассмотрены в диссертации Светланы Головиной [Головина 2008].

² В одной из ранних резолюций Петр отдавал распоряжение выделять на Адмиралтейском острове участки такой ширины, «сколько кто застроить может» [ПСЗ 1830, 5: 183], а в более позднем указе порицал тех горожан, которые «не справляясь как надлежит строить по указу, своим упрямством строение то зачинают и строят не по архитектуре и не в один горизонт, и <...> когда станут ломать, то они злословят и жалобы в том приносят напрасно, не рассудя в таком строении своей продерзости» [ПСЗ 1830, 6: 403].

³ В описании Григория Каганова именно набережные предстают главным европейским фасадом петровского Петербурга, тогда как внутренние территории столицы напоминают огромный провинциальный двор: «[К] середине 1720-х гг. оба берега Невы были застроены на огромном протяжении — от нынешнего Таврического сада до 26-й линии Васильевского острова. Большой участок берега, от царского Летнего дворца до Галерной верфи <...> был застроен десятками каменных зданий «сплошную фасадом». <...> Гигантская водная площадь в иноземном архитектурном обрамлении выглядела каким-то чудом, особенно посреди города, с его избами, огородами, хлевами и непролазной грязью. Официальный Петербург, выстроенный в шеренгу лицом к Неве и воплощавший мечту царя о приморской столице, стоял спиной к Петербургу, расплывшемуся по суше, и не желал иметь с ним ничего общего» [Каганов 2004: 22].

После возвращения в Петербург императорского двора при Анне Иоанновне и затем в елизаветинскую эпоху город разросся и стал активно застраиваться каменными домами (большого размера, по новым образцовым проектам), чему способствовали опустошительные пожары [Заблоцкий-Десятовский 1836: XXXII; Покровский 1894: 2; Столпянский 1923: 81, 144]. Опасение пожаров, помимо расширения территорий каменной застройки, отразилось в указаниях увеличивать ширину улиц, размеры дворовых участков, а также оставлять между домами пятисаженные разрывы и возводить брандмауэры [ПСЗ 1830, 9: 935–937].

В 1739 г. с подачи Комиссии о строении было высочайше решено кое-где «на пространных местах» строить жилые покои внутри дворов, а вдоль улиц делать каменные ограды или решетки и «обсаживать деревьями»¹ [ПСЗ 1830, 10: 840]. В этот период перед домами зажиточных людей появляются палисадники за ажурными оградками, а у городских дворцов — парадные дворы, которые раньше были принадлежностью загородных усадеб [Крашенинникова, Шилков 1955; Гуляницкий 1995: 190]. В случае если обывательский дом возводили по красной линии, часть фронта занимали ворота, нередко с нарядной барочной решеткой, которые оформляли въезд во двор и делали его доступным постороннему взгляду. Демонстрирование частного внутреннего пространства (разумеется, парадного, отвечавшего эстетическим вкусам и требованиям времени) как заявление высокого статуса стало особенно популярно в елизаветинскую эпоху. Невский проспект до Фонтанки к середине XVIII в. был застроен каменными, преимущественно двухэтажными зданиями и «утопал в зелени» — не только посаженных при Петре берез, но и палисадников перед домами [Покровский 1894: 2; Авсеенко 1903: 107; Е.П. 1914: 28; Столпянский 1923: 82].

¹ Фактически наметился возврат к традиционной планировке городской усадьбы XVII века: «В зажиточных дворах, если позволяли размеры и конфигурация участка, хоромы или каменные палаты обычно возводились посередине участка, против ворот. Жилой дом отделял переднюю, как бы официальную, часть двора от задней — более интимной, предназначенной для отдыха семьи» [Тиц 1966: 61].

Возврат к сплошной фасадной застройке, как и ко многим другим установлениям петровского времени, произошел при Екатерине Великой. В 1760-е годы четная (левая) сторона в начале Невского проспекта была застроена новыми четырехэтажными домами, спроектированными А.В. Квасовым без разрывов, в линию и «в один горизонт»¹. С этих пор принцип возведения жилых домов «единою фасадою» распространяется во всех частях города с обязательной каменной застройкой². Стремление реализовать петровский парадиз сказалось и на уплотнении застройки: на смену разрастанию города вширь приходят увеличение этажности³, деление больших частных и казенных участков (а также топей и пустырей) на такие части, которые владельцы смогут полностью застроить вдоль улиц [Авсеенко 1903: 132–134].

Наиболее показательным в смысле создания идеального городского фасада, подобного театральной декорации, скрывающей неидеальное (но реальное) закулисье, стал проект Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга. В соответствии с ним городские площади (занимавшие первую позицию на шкале парадности столичных пространств) предполагалось застраивать за казенный счет одними лицевыми стенами требуемого облика, за которыми горожане смогут возводить дома по их средствам. Эта попытка решить проблему несоответствия высших притязаний и реальных возможностей граждан не была реализована, но проект императрица утвердила, а сама идея впоследствии проявилась в строительстве на главной (Дворцовой) площади Петербурга полукруглого казенного здания, скрывшего неказистые частные дома и их задворки [Авсеенко 1903: 134–135; Е.П. 1914: 29–30].

¹ Имеющих равную высоту венчающего карниза, межэтажных тяг и цоколей и близкий размер окон.

² Городские земли были ограничены Фонтанкой, 13-й линией Васильевского острова и Малой Посадской улицей [Кириченко 1962: 144; Кириков и др. 2006: 7–8].

³ Как утверждала Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга в 1765 г., «возвышение домов необходимо требуется <...> для умножения жилья обывателям», чтобы «домы больше нагреваться могли» и «больше в близости друг от друга были», что избавит горожан от трудности «в сообщении затруднений и убытка» [ПСЗ 1830, 17: 20].

К екатерининскому времени население столицы увеличилось до 150 тыс. жителей, к его окончанию — до 220 [Заблоцкий-Десятовский 1836: 113; Покровский 1894: 2]; соответственно рос спрос на жилье. Уже в начале правления Екатерины вышло указание возводить высокие жилые дома, которое мотивировалось, в том числе, необходимостью «умножения жилья обывателям», т.е. подразумевало его аренду [ПСЗ 1830, 17: 20]. В свою очередь, сдача помещений в наем позволяла владельцам участков покрывать расходы на строительство домов предписанных размеров и облика. О том, что отношения домовладельцев и съемщиков стали играть существенную роль в жизни города и получили юридическое оформление, свидетельствует рост числа исков между ними. В 1766 г. был издан именной указ, предписывавший полиции разбирать эти споры в соответствии с заключенными между сторонами контрактами [ПСЗ 1830, 17: 794; Авсеенко 1903: 133]. Именно к екатерининской эпохе историки архитектуры относят появление в Петербурге и Москве доходных домов (к которым я вернусь ниже).

С этого времени принцип сплошной фасадной застройки, когда двор жилого дома скрыт за лицевым корпусом, оставался неизблемым вплоть до рубежа XIX–XX веков. В дальнейшем случаи отказа от него связаны с возвращением открытого парадного двора — на этот раз как принадлежности доходного дома. Как и прежде, наличие парадного двора становилось признаком респектабельного жилья: его назначением было увеличить протяженность фасада и, соответственно, повысить цену квартир. Однако за таким введенным внутрь дома фасадом по-прежнему скрывалось «закулисье» хозяйственных дворов.

Другой вариант отказа от фасадной застройки был более радикальным. Он представлен в проектах дешевых рабочих жилищ с застройкой квартала отдельно стоящими зданиями, основанных на идее города-сада (о которой также пойдет речь ниже). Такие «рабочие городки» строились на окраинах, число их проектов невелико, а реализаций — еще меньше. Этот новый тип застройки задал приемы проектирования жилья в советское время, но (за пределами круга его апологетов) не успел сказаться на концепции пространства имперского Петербурга.

В основе этой концепции оставался принцип парадности, подразумевавший иерархические отношения открытого публичного пространства и скрытого за фасадами частного. Со временем он перестал проявляться так жестко, как в раннюю пору, когда во благо столицы-парадиза жителей переселяли на новые места, постройки сносили, а участки смешивали и нарезали заново. И все же противопоставление двух типов городского пространства, разделенных сплошной линией фасадов, задавало восприятие и осмысление Петербурга в разные эпохи и на самых разных уровнях, вплоть до современных исследовательских подходов.

Сравнивавший две реализации амбициозных градостроительных проектов XVIII в., Санкт-Петербург и Вашингтон, американский урбанист Блэр А. Рубл описывал двойную жизнь обеих столиц, противопоставляя воплощенные в парадном пространстве идеи и мечтания их основателей и скрытую за фасадом реальность.

На авеню и бульварах обеих столиц реальная жизнь играла в прятки с мечтами о величии. В обоих городах за длинными прямыми фронтами пышно декорированных фасадов скрывалась совершенно иная жизнь. За каждым углом прятались сотни человеческих существ, одно появление которых отравило бы любой парадный обед. Эти существа ютились достаточно близко, чтобы обеспечить респектабельные домохозяйства достаточным количеством слуг, при том что самые жалкие из них были вовсе скрыты от взгляда. Перед всяким, кто решился бы войти под арку петербургского двора или свернуть в любой вашингтонский проулок, раскрылся бы совершенно другой мир¹ [Рубл 2002: 53].

Попытки общественных деятелей, реформаторов и городских властей переустроить городские дворы по правилам публичного пространства предпринимались со второй половины XIX в., но в целом оставались безуспешными. Однако тенденция принимать

¹ См. в английской версии статьи: [Ruble 2003: (7)].

за эталон публичное пространство задавала шкалу оценки городских территорий и их социального наполнения. Это, в частности, можно наблюдать на примере застройки дворовых участков доходными домами и их восприятия современниками.

* * *

Как говорилось, в истории архитектуры появление в России (Петербурге и Москве) доходных домов относят к екатерининской эпохе. Действительно, если иметь в виду типологию зданий, можно сказать, что наиболее ранние типы доходных домов известны с 1770-х годов [Кириченко 1962: 145–146; 1964: 7]. Однако это не означает, что такие здания явились чем-то принципиально новым в социальном отношении и до их архитектурного оформления петербуржцы жили только в собственных домах. Подобное утверждение вряд ли можно счесть справедливым и для Москвы¹, но для молодой растущей столицы такое было попросту невозможным.

В конце 1715 г. Петр распорядился «объявить указ во всем государстве дворянам и посадским, которые не написаны сюда [в Петербург] на житье (а имением подобны тем, которые написаны сюда на житье), чтоб оные строили здесь дворы не для житья себе, но для отдачи прочим» [ПСЗ 1830, 5: 187]. Указы мая и июня 1718 г. уже содержат настойчивые требования, чтобы хозяева объявляли о своих постояльцах в полицию (под угрозой ссылки на галеры и лишения имущества) [Там же: 571, 575]. Еще более убедительным свидетельством распространенности найма жилья в Петербурге в эту пору служат данные ранних переписей и судебных дел, на которых построено скрупулезное исследование О. Кошелевой. По ее данным, в 1718 г. на Санкт-петербургском острове (Петроградской стороне) только в 11 % дворов проживала одна хозяйская семья, без постояльцев².

¹ Утверждение о радикальном социально-демографическом отличии доходного дома [Брухман, Пясковский 1985: 22], видимо, основывается на московских реалиях, но найм жилья не был вновь и в Москве и вряд ли ограничивался монастырскими подворьями.

² См. главу ее книги, посвященную обстоятельствам проживания на чужих домах (по найму, знакомству, родству, на постое и т.д.), «За многолюдством немалое утеснение» (чужой кров)». Особого внимания заслуживает описание случая

Обзавестись собственным двором в Петербурге мог далеко не каждый, кто оказывался его жителем, временным или постоянным. Множество людей занимались поисками пристанища. Образ муравейника как нельзя более подходит к Петербургу петровского времени: кто-то, приехав в столицу на Неве, вскоре уезжал, кто-то оставался надолго, не имея собственного жилья, а кто-то его имел, но постоянно в Петербурге не жил. В результате петербургские дворы часто оказывались населенными не одной, а несколькими семьями, хозяевами и жильцами, никак не связанными друг с другом [Кошелева 2004: 124].

В период, который рассматривает Кошелева (1717–1722 гг.), уже заключались договоры между хозяевами и жильцами — «наемные записи». Во многих дворах строили специальные «наемные избы» для постояльцев. Более обеспеченные горожане застраивали не один, а два или три двора — для сдачи в наем. Сдавали не только избы целиком, но и комнаты и углы; существовала практика поднайма, когда один жилец нанимал помещение у другого. Нехватка жилья, перенаселенность дворов и социальные и культурные отличия жильцов порождали многочисленные конфликты (с хозяевами и между собой) и судебные разбирательства. Те же причины вели к формированию элементов «коммунального стиля жизни» [Там же: 134, 135, 139, 306, 361, 363, 372 и др.]. Иными словами, в петровскую эпоху можно обнаружить очень многое из того, что хорошо известно как практики аренды жилья во второй половине XIX — начале XX в. и особенности быта доходных домов в тот же период, а отчасти и в советское время.

1723 г., когда петровский указ приезжающим селиться на новопостроенных постоялых дворах, а не в частных домах [ПСЗ 1830, 7: 90] не был объявлен горожанам по решению генерал-полицмейстера А.М. Девиера, который осознавал реальное число постояльцев в городе. С его подачи было составлено подробное письмо с разъяснением возможных негативных последствий этого указа, содержание которого было донесено до Петра его приближенными и, видимо, его убедило [Кошелева 2004: 138–140].

Значительный рост населения столицы со времени правления Анны Иоанновны также исключал отсутствие найма. В 1732 г. спрос на жилье в Петербурге настолько поднял его цены, что офицерам лейб-гвардии не хватало средств нанимать квартиры, и был издан именной указ хозяевам брать «умеренную цену» под угрозой запрета сдавать помещения, в которых было отказано офицерам [ПСЗ 1830, 8: 949–950]. Через пять лет в столице была объявлена перепись, необходимость которой мотивировалась тем, что многие живут в домах по найму «без всякого об них свидетельства и без порук» и чинят воровство, разбой, обман и прочее «добрым людям разорение» [ПСЗ 1830, 10: 163–165].

При Елизавете Петровне и Петре II снова выходили предписания домохозяевам подавать в полицию сведения о жильцах «по силе прежних указов» — со ссылкой на установления Петра Великого [ПСЗ 1830, 11: 986–987; 15: 992–994]. Отдельные примеры предложений жилых домов и покоев (квартир) для найма в середине XVIII в. приводит И. Божерянов [1903: 156–157].

Таким образом, к началу екатерининской эпохи практики аренды жилья в Петербурге имели почти пятидесятилетнюю традицию. Наконец, названные выше причины (рост населения, расширение территории каменной застройки и требование возводить высокие дома на наиболее престижных улицах города) привели к появлению в 1770-х годах нового типа жилого здания, рассчитанного на аренду помещений, который со временем получил название доходного дома. Число таковых неуклонно росло, но найм жилья ими не ограничивался — его сдавали и снимали, как и прежде, по всему городу¹.

¹ См., например, перечень домов на Невском проспекте, сдававшихся в наем в 1762–1766 гг. [Божерянов 1903: 218]. Евгения Кириченко пишет о «почти полно[м] исчезновени[и] индивидуальных жилых домов в эпоху классицизма» как результате увеличения размеров зданий и стоимости строительства после указа 1762 г. [Кириченко 1964: 7]. Однако это справедливо только для трех Адмиралтейских частей (тогда простиравшихся до Фонтанки), где каменные здания численно преобладали и возводились с расчетом на найм — под жилье и торговлю; именно там находились самые большие дома со средним числом жителей 150–200 человек [Заблоцкий-Десятовский 1836: 70–77, 83–85]. Тем не менее с утверждением Кириченко можно согласиться, если понимать под индиви-

История строительства в Петербурге и Москве многоквартирных (доходных) домов довольно обстоятельно изложена в ряде исследований, большей частью историко-архитектурных¹. В общих чертах развитие застройки частных владений и формирование пространства жилых дворов предстают в них следующим образом. К 1830-м годам, по мере роста населения², высота домов, строившихся в центре столицы, увеличилась до четырех, а в отдельных случаях пяти этажей; при этом существующие здания сносили или надстраивали, по периметру участка (иногда и внутри) возводили дворовые флигели. Вследствие этого, а также потому, что с увеличением числа жильцов больше места стали занимать хозяйственные службы, незастроенные территории сильно сократились; возникла периметральная застройка участка с замкнутым двором, реже — двумя или тремя.

К этому же времени сложились базовые принципы внутренней планировки доходного дома. В лицевом корпусе размещают жилье для состоятельных горожан: большего размера, с двумя рядами комнат, расположенных анфиладой или вдоль коридора и выходящих окнами на улицу и во двор, в дворовых флигелях — для более бедных: с одним рядом комнат и меньшего размера; первые этажи лицевого корпуса во многих случаях отводят под торговые помещения.

В дальнейшем высота домов и плотность застройки участков продолжали расти в границах, определенных Строительным уставом и другими постановлениями по строительной части. Как известно, с 1844 г. в Петербурге высота зданий от тротуара до кры-

дуальным жилым домом не тип здания, а форму проживания — одной семьей, без постояльцев.

¹ С точки зрения истории архитектуры они наиболее полно рассмотрены в диссертации и публикациях Евгении Кириченко [1962; 1963; 1964; 1978], а также в главах книг Андрея Пунина [1990: 250–277] и Бориса Кирикова [2012: 190–554] и диссертации Светланы Головиной [2008]. Взгляд историка представлен в исследованиях Екатерины Юхнёвой [2004] и Дарьи Демидович [2014 а; 2014 б; 2017 и др.]. Книги той же Юхнёвой [2007] и Юрия Кружнова [2014] подают историко-этнографический материал в популярном изложении, однако содержат ряд ценных сведений и соображений.

² За первые три десятилетия XIX в. число жителей столицы увеличилось приблизительно вдвое и к 1833 г. достигло почти 443 тыс. чел. [Заблоцкий-Десятовский 1836: 113–114; Пушкин 1839, 1: 41–42].

ши не должна была превышать ширину улиц, на которых их строили, при максимуме в 11 саженей [СЗРИ 1857, 12: УС, § 358]. В 1835 г. наименьший размер двора «на маломерных местах» был установлен в 30 кв. саженей [Там же: УС § 387]. С 1845 г. во дворах разрешено возводить каменные строения на расстоянии двух саженей друг от друга [Там же: УС § 353]. По постановлениям 1881 и 1882 гг. площадь 30 кв. саженей должен иметь «по крайней мере один двор» любого домовладения (при минимальной ширине в три сажени), остальные «могут быть и менее». Все дворы должны сообщаться проездами и иметь хотя бы один общий выезд на улицу. Для освещения нежилых помещений разрешено делать световые дворики такого размера, чтобы «можно было вписать квадрат в сажень» [Тилинский 1911: 85].

В отличие от строительных правил в отношении фасадов, которые определяли внешний облик города, устанавливались заранее и строго контролировались, правила, касавшиеся жилых дворов, т.е. внутренних частных территорий, узаконивали приемы застройки, сложившиеся ранее и естественным путем¹. Тем самым они немного задерживали процесс уплотнения, но со временем уступали все тем же «естественным обстоятельствам» и ходу жизни, вызывавшим многочисленные нарушения, и следовали за ними. (Исключение составляли противопожарные правила: риск пожара был в числе наиболее серьезных опасностей, угрожавших городу в целом, и служил основанием для жесткого регулирования частного строительства.) В итоге уплотнение жилой застройки в центральных районах привело к появлению характерного для Петербурга типа дворов: заключенных внутрь дома, тесных, плохо освещаемых и вентилируемых — так называемых «колодцев»; а также систем проходных дворов, которые возникали там, где домовладения имели больше одного выезда или выхода наружу (в том числе через сквозные парадные) и позволяли пересекать кварталы, минуя улицу.

Таким образом, принципы устройства городов нового времени, по которым строилась российская столица (первичность пла-

¹ О влиянии первого этапа формирования доходных домов на строительное законодательство более позднего времени писала Евгения Кириченко [1963: 154].

нировки и ее регулярность, открытые публичные пространства, прямолинейные (и, соответственно, далеко просматриваемые) проспекты) не распространялись на территории внутренних дворов, которые формировались постепенно и «естественно» (в ходе жизни), были хаотично застроены, тесны, скрыты от глаз и, представляя горожанам альтернативные — криволинейные — пути движения, определялись в качестве городского лабиринта. То же относилось и к эстетическому принципу регулирования частной застройки, который был введен петровскими указами о строительстве домов по образцовым проектам, поддерживался строительными указами в отношении высоты, пропорций и деталей уличных фасадов, дабы исключить внешнее безобразие, но никак не касался облика внутренних дворов.

Уличный фасад доходного дома резко отличен от дворового. На улицы здание смотрит сквозь декор. <...> Построить дом без украшений — все равно что выйти на улицу голым. <...> Можно из года в год тысячи раз скользить глазами по фасаду какого-то здания, но ни разу не побывать в его дворе. Дворовый фасад — это голая спина здания, редко когда удостаивавшаяся татуировки. Она мало отличается от других таких же спин — разве что типичные модули окон и простенков меняются от одного к другому периоду истории архитектуры, инженерии и строительной техники. <...> Подноготная у подавляющего большинства домов блистательного Санкт-Петербурга почти одинакова: повсюду таится скудость, если не нищета [Степанов 2016: 169, 171].

Доходные дома последней трети XIX в., строившиеся на фоне стремительного роста населения столицы и социальных изменений в пореформенное время¹, наиболее типичны для Петербурга и в ар-

¹ В 1869 г. население Петербурга достигло почти 620 тыс. чел., в 1900 — 1 440 (вместе с пригородами); доля крестьян среди жителей столицы за это время выросла с 33 до 63 % [Санктпетербург по переписи 1869, 1: 115; С.-Петербург по переписи 1900, 1: 129].

хитектурно-планировочном отношении, и в качестве источника и воплощения соответствующих стереотипов. В классическом варианте это пяти- и шестиэтажные здания с обширными дворовыми флигелями¹ и несколькими тесными внутренними дворами.

К 1870-м годам окончательно утвердилась секционная планировка домов с двумя квартирами на лестничную клетку и двумя лестницами на каждую квартиру лицевого корпуса — парадной и черной: первая соединяла парадную / деловую часть квартиры с улицей, вторая вела от кухни и хозяйственной зоны во двор [Кириченко 1964: 11]. В глубине квартиры располагались жилые помещения, которые обычно ориентировали окнами во двор, в том числе детские. С увеличением спроса на дешевое жилье постоянно росла доля небольших квартир² и квартир с поднаймом, в которых сдавали части комнат, углы и койки, множились жилые подвалы и мансарды. В 1875 г. журнал «Зодчий» писал о появившейся «моде» строить дома с дешевыми квартирами, весьма выгодные в эксплуатации, и по этой причине росте числа «гуманных хозяев» [Хроника 1875: 117–118]. Наибольшее число дешевых жилищ, разумеется, приходилось на дворовую часть дома.

Та же картина неуклонного роста и уплотнения городских жилищ, усиления контраста между открытыми публичными пространствами и стесненными территориями внутренних дворов, которую дают историко-архитектурные исследования Петербурга, предстает в описаниях города современниками. Судя по известным мне публикациям, эти тенденции стали осознаваться в 1830-е годы. Автор «Статистических сведений о Санкт-Петербурге» прямо связывал тесноту дворов с обширностью улиц, а «Северная пчела»ставляла домовладельцев строить дома с толстыми стенами и про-

¹ В 1890 г. 55,3 % всех городских квартир имели окна только во двор [Покровский 1894: 14].

² По данным переписей 1869 и 1900 гг. можно вычислить, что доля трех-пятикомнатных квартир в столице оставалась неизменной — 42,5 %, тогда как доля одно- и двухкомнатных квартир (включая дворничьи, швейцарские и под.) выросла с 35,5 до 45 %, а квартир в шесть и более комнат снизилась с 22 до 12,5 % [Санктпетербург по переписи 1869, 2: В, 66–67; С.-Петербург по переписи 1900, 3: 38–65].

сторными дворами, чтобы избавить жильцов от сырости и вредных испарений.

В первых трех Адмиралтейских частях [дворы] занимают только 2/3 пространства, находящегося под зданиями. Дробь эта в частности должна еще уменьшиться, если присоединить, что во многих дворах делаются разные пристройки: кухни, сараи, конюшни и проч.; можно указать на многие дома в сих частях, где дворы едва ли занимают 1/3 пространства, занятого домами. Впрочем, тесноте иных дворов вообще помогает обширность площадей и улиц, кои в массе занимают столько же, сколько и здания» [Заблоцкий-Десятовский 1836: 63–64].

Каждый год Петербург застраивается и перестраивается. Теперь пошла мода на огромные домищи, подобачные здания. <...> Везде воздвигаются дома в пять этажей, а на двор даже в шесть этажей. <...> Теперь строят у нас по-Английски, ультра-экономически. Огромные домищи кажутся уже не твердынями, а картонными игрушками. Стены первого этажа так толсты, как в старинных домах стены четвертого. <...> Вот настоящий отпечаток нашего индустриального века! <...> Было бы лучше, если б дома строились по-старинному, то есть не так высоко, прочнее, с толстыми стенами, сквозь которые не проникала бы сырость, со сводами и с обширными дворами, на которые солнце могло бы действовать своими благодетельными лучами. Домохозяева должны знать, что воздух в городах вреден для здоровья единственно от вредных испарений, и чем просторнее и чище двор, и чем менее сырости в доме, тем менее вреда [Журнальная мозаика 1840].

Несомненно, в больших городах Европы шли те же процессы, что и в России: массовый приток сельского и провинциального

населения, значительное расширение городских территорий, увеличение числа и размеров доходных домов, перенаселение их жильцами, стеснение дворов. Только они, как и эпоха индустриализации, начались ранее, в середине XVIII в. и имели местную специфику. Вызванные этими процессами жилищные и санитарные проблемы обратили на себя внимание общественности и властей и заставили искать и находить пути их решения также гораздо раньше, чем в России. Поэтому вполне естественно, что с последней четверти XIX столетия и особенно с рубежа веков внимание многих российских деятелей, активно занятых или просто обеспокоенных положением дел с доходными домами (и городским благоустройством в целом) было обращено на Запад. Кажется нелишним кратко охарактеризовать ситуацию в некоторых европейских городах — и в качестве сравнения, и по причине ее вероятного влияния на развитие ситуации в России.

* * *

Наиболее очевидными отличиями от Петербурга старых европейских городов были (и остаются) наличие компактного средневекового центра и более густая сеть улиц в целом (по крайней мере, в центральных районах). Кварталы между улицами невелики и соответственно невелики застраивавшиеся участки и площадь домов и дворов. Это, в частности, относится к Парижу, который считался основоположником строительства доходных домов и законодателем «моды» на жизнь в съемных квартирах¹. Парижские дворы в среднем гораздо меньше петербургских размером и числом, что обусловлено как разными строительными правилами, так и практикой. Расположение дворов на планах часто выглядит хаотичным,

¹ О Париже и Франции в целом как источнике распространения доходных домов помнили и писали еще в конце XIX и начале XX в. не только в России [Пажитнов 1914: 55], но и в Англии, где их появление связывали с влиянием «французского стиля» [Bolitho 1924: 18], и США, где в качестве популярного жилья для состоятельных людей они получили наименование «французские квартиры» или «французские дома» (French flats, от английского названия доходного дома с квартирами для среднего класса *flats* — в отличие от *tenement*, многоквартирного жилища для бедных) [Jackson 1976: 76–77; Montgomery 2003: 500].

многие из них напоминают проходы и щели между домами¹. В этом смысле дворы Парижа с постройками и прилегавшими узкими улочками, как и дворы многих других западных городов, гораздо более заслуживали названия городского лабиринта², чем петербургские.

По размерам и населенности доходных домов, обусловленным планировкой улиц, из больших европейских городов XIX в. к Петербургу был ближе всего Берлин. За пределами старого центра его застройка велась по генеральному плану, составленному по распоряжению прусского правительства в 1859 г. инженером Джеймсом Хобрехтом и утвержденному в 1862 г. Этот план перспективного развития города представлял собой концентрическую сеть широких проспектов с большими прямоугольными территориями между ними. Предполагалось, что силами частных застройщиков будут проложены новые улицы и возникнут кварталы разумных размеров (при экономии государственных вложений). Однако этого не произошло по причинам, схожим с российскими. Столкнувшись со стремительным ростом населения во второй половине XIX в.³ и вызванным им строительным бумом, Берлин не имел ни развитого общественного управления, способного контролировать частное строительство (в отличие, например, от Вены), ни достаточно разработанных законодательных требований на этот счет [Horsfall 1915: 16; Sonne 2009: 58, 74; Klahr 2011: 303]. В результате возникла плотная застройка высокими, преимущественно пятиэтажными

¹ Минимальный размер двора в Париже устанавливался 30 кв. м против 30 кв. саженей в Петербурге [Монтаг 1905: 23; Карпович 1909: 401]. В сборнике проектов английских и европейских доходных домов парижские дворы заметно меньше прочих, а световые дворики часто не превышают размера ванной или уборной [Hall 1907: 91–101]. См. также краткую характеристику парижских домов и дворов и примеры планировок в [Firley, Stahl 2009: 62–63, 154–163].

² Примерно так описывал европейские доходные дома и дворы для читателей «Зодчего» его постоянный автор гражданский инженер Александр Монтаг: «К этим домам примыкают еще лабиринты боковых и задних построек, так что для дворов большею частью остаются только узкие темные проходы между этими каменными громадами» [Монтаг 1903б: 433–434].

³ С 1850 по 1900 г. население Берлина (ставшего в 1871 г. столицей объединенной Германии) увеличилось вчетверо и достигло двух миллионов, за следующие двадцать лет — почти четырех [Ellger 1992: 41].

доходными домами с несколькими дворами, выстроенными друг за другом в глубину участка¹.

Описания этапов застройки территории домовладения, когда к лицезовому корпусу постепенно пристраивались боковые и поперечные флигели, которые формировали тесный и темный двор, в исследованиях Берлина и Петербурга очень близки [Пунин 1990: 251–252; Klahr 2011: 293–294]. Сходство с Петербургом обнаруживают и такие, например, характеристики Берлина современниками: «Широкие улицы придают городу вид очень просторного, но пространство высоких, уходящих вглубь наемных домов делает его перенаселенным» [Horsfall 1915: 12–13].

Это подобие поддерживалось статистикой, которую часто приводили в публикациях о проблемах доходных домов как в России, так и в Европе. Берлин с его статусом «самого большого города наемных домов» или «города жильцов» превосходил Петербург по численности населения в целом, однако уступал ему в населенности домов и проценте дворовых жилищ. Доля квартир, выходявших окнами только во двор, в Берлине составляла 45, в Петербурге — 55,3 % [Святловский 1902, 4: 25–26; Horsfall 1915: 13]. По данным общих, городских и жилищных переписей в России и на Западе, в первом десятилетии XX в. на одно домовладение в среднем приходилось:

в Лондоне — 1,8 квартиры, 7,9 / 8 жителей;

в Париже — 13,2 квартиры, 35 / 38 жителей;

в Вене — 11,8 квартиры, 50 / 52 жителя;

в Берлине — 19,8 квартиры, 77 / 77,5 жителей;

в Москве — 9,5 квартиры, 83 жителя;

в Петербурге — 22 квартиры, 154 жителей

[Жилищный вопрос 1912; Abercrombie 1913: 219].

При этом уже в 1900 г. в наиболее населенных частях российской столицы, Казанской и Спасской, среднее число квартир одно-

¹ Минимальный размер двора изначально был ограничен 26 кв. м, что было необходимо для маневрирования колесной пожарной техники с ручным насосом <<https://de.wikipedia.org/wiki/Feuerspritze>>, а в 1897 г. увеличен до 80 кв. м для обширных участков [Карпович 1909: 401; Firley, Stahl 2009: 265–266].

го домовладения составляло 30 и 35, а среднее число жителей приближалось к 200 и 300 соответственно [С.-Петербург по переписи 1900, 3: 671].

Причиной того, что Петербург превосшел западные города величиной и населенностью своих домов, помимо крупных кварталов, была гораздо менее развитая транспортная система, вынуждавшая малообеспеченных горожан селиться ближе к местам заработка [Пажитнов 1914: 58–59; Bäter 1976: 282–308]¹. Это же стало одним из оснований большей социальной и экономической неоднородности жителей петербургских доходных домов в сравнении с европейскими.

Джеймс Хобрект, отстаивая свой план развития Берлина, утверждал, что наемные жилища создадут «хорошую социальную смесь» из представителей всех социальных классов. Более состоятельные займут лицевой корпус и нижние этажи, менее — дворовые флигели и верхние [Firley, Stahl 2009: 268; Sonne 2009: 58]. В значительной степени эта концепция реализовалась. Вместе с тем в Берлине² существовали рабочие районы, застроенные *Mietskasernen* ‘наемными казармами’, название которых использовали как пейоратив и синоним убогого и перенаселенного жилища, и фешенебельные районы Западного конца с домами для среднего класса, которые называли нейтрально: *Mietshäusern* ‘наемные дома’ [Firley, Stahl 2009: 265]. И хотя исследователи-урбанисты и историки архитектуры настаивают на их типологическом сходстве, и в социальном отношении, и в бытовом представлении это были разные жилища, носившие разные названия не случайно [Urban 2007: 7, note 6; Klahr 2011: 291, 306, note 15].

¹ О развитии путей сообщения как средстве децентрализации населения и улучшения жилищных условий бедных слоев писал в своем известном исследовании жилищного вопроса экономист В.В. Святловский: [1904, 2: 27–31 и сл.]. Расширение транспортной сети было положено в основу плана переустройства Петербурга Л.Н. Бенуа, Ф.Е. Енакиева и М.М. Перетятковича [Енакиев 1912: 28, 36 и сл.] — см. ниже.

² В застройке Берлина второй половины XIX — начала XX в., названной Вильгельмовым кольцом по имени двух императоров, Вильгельма I (1866–1888) и Вильгельма II (1888–1918) [Ellger 1992: 40–42].

Такое территориальное и терминологическое разделение характерно и для английской и американской традиций, несмотря на меньшую степень распространения и очень разный размер наемных домов. Негативные оценки и смыслы относились к тем из них, которые называли *tenements* / *tenement houses* / “*rental barracks*”. В публикациях конца XIX — начала XX в. и во многих современных исследованиях они описываются как жилища рабочего населения и иммигрантов, и с ними связаны многие социальные и санитарные проблемы. Такие дома возводили, например, в восточной части Лондона (Ист-Энд) или районах Манхэттен и Бронкс Нью-Йорка (Ист-Сайд). Наряду с этим существовали нейтральные обозначения наемных домов для среднего класса: *flats* / *apartments* / *apartment buildings*. Они чаще встречаются в публикациях, где идет речь о достоинствах, а не о недостатках таких зданий, например в изданиях по архитектуре¹. В англоязычной литературе есть много исследований, посвященных истории строительства и повседневности многоквартирных домов первого типа, в первую очередь Нью-Йорка, Чикаго, Лондона, Глазго, Дублина, Ливерпуля и Эдинбурга, имевших недобрую славу *cities of tenements*².

Вместе с тем в США и особенно в Великобритании многоквартирные здания получили гораздо меньшее распространение, чем

¹ Ср., например, название английского сборника проектов 1907 г. “*Flats, Urban Houses and Cottage Homes: A companion volume to “The British Home of To-Day”*” [Verity et al. 1907] или современной статьи о фешенебельных домах Берлина в американском историко-архитектурном журнале “*Luxury Apartments with a Tenement Heart*” [Klahr 2011]. Впрочем, есть и альтернативные примеры. Один из ранних «образцовых» рабочих домов в Нью-Йорке был построен благотворительной организацией в 1855 г. и вскоре приобрел дурную славу, а с переходом в частные руки и при безуспешных попытках улучшения получил название Big Flat, которое, видимо, должно было спасти его репутацию [Brenner 1958]. В исследовании наемных домов Глазго для разных классов, в значительной степени историко-архитектурном, все они определяются как *tenements* [Worsdall 1979].

² В США, помимо Нью-Йорка и Чикаго, относительно большая доля многоквартирных домов (15–25 %) на 1890 и 1930 годы фиксировалась в Бруклине, Бостоне, Цинциннати, Джерси-Сити и Ньюарке [Barrows 1983: 413–414]. Привожу несколько известных мне работ из множества исследований на эту тему: [Abbott 1970; Lubove 1974; White 1980; Englander 1983; Farley 1990; Kearns 1994; Clark, Carnegie 2003].

на европейском материке. Типичным городским жилищем английского среднего класса оставались индивидуальные дома — отдельно стоящие или так называемой ленточной застройки (*terraced houses*), с общими боковыми стенами и частными задними дворами. Жилье низших слоев также нередко было индивидуальным или рассчитанным на небольшое число семей. Для английских социальных реформаторов и общественных деятелей XIX и начала XX в., писавших о жилищных проблемах своего времени, *tenements* с мрачными дворами-колодцами (*well-hole*) находились в ряду других домов, где обитала бедная часть населения и была высока вероятность попасть под определение *slum* 'трущобы'¹.

Главными критериями для отнесения зданий и территорий в эту категорию считались потенциальная опасность и реальный вред, который они наносили здоровью и благополучию людей, живших здесь и по соседству, в том числе благодаря своим пространственным характеристикам. В относительно недавних исследованиях опасности городских трущоб могут рассматриваться, например, в криминальном ключе.

Каждый город имел свои темные углы [Jago] — множество мрачных дворов и запутанных переулков, отталкивающих проходов и пугающих пустырей; зоны, топография которых не только потворствовала тому, чтобы бродить здесь со злым умыслом, но с очевидностью делала это непреодолимым, почти предписанным, — зоны, которым насилие было присуще. Существовали районы, которые избегали все, кроме

¹ Некоторые авторы относят к числу *tenements* небольшие здания на три-шесть семей, противопоставляя их многоэтажным и многоквартирным *block dwellings*, более напоминавшим американские и континентальные наемные дома. Кроме них в категорию бедных жилищ с антисанитарными условиями чаще всего попадали меблированные комнаты (*lodging houses*), ночлежные дома (*common lodging houses*), коттеджи рабочего населения на одну или две семьи (*ordinary working-man's cottages* или *cottage flats* соответственно), а также дома двойной ленточной застройки (*back-to-back*) с общими задними стенами или узким проходом между двумя рядами, что создавало недостаток освещения и вентиляции [Clarke 1920: 110–124].

профессиональных реформаторов. <...> Нежелание полиции наводить здесь порядок оставляло честных граждан этих районов на милость не дававших им покоя бродяг всех сортов. «Я снова и снова получаю жалобы от приличных жильцов, которые не могут избавиться от этих мужчин и женщин на задних дворах», — говорил старший инспектор по делам бедных в приходе Глазго [Englander 1983: 33–34]¹.

Современники, описывая жилищные условия малоимущего населения, обычно сосредоточивали внимание на санитарном аспекте как наиболее тревожном. Главными причинами антисанитарии в городских домах, помимо низкого качества самой территории и плохого состояния конструкции (результатом чего была сырость), виделись недостаток вентиляции и освещения из-за высокой плотности застройки и антисанитарное содержание помещений из-за плохого управления, перенаселенности и отсутствия у низших слоев должных гигиенических навыков [Bowmaker 1895: 113–121; Dewsnap 1907: 13–14, 49, 224–226; Clarke 1920: 122–123]. В одной из ранних работ по истории жилищного вопроса в Англии вред, причиняемый дурной средой обитания, осмыслился в категориях национальной катастрофы.

Перенаселенность и переуплотнение застройки прямо и косвенно порождают антисанитарные условия, делая болезни менее предотвратимыми и в целом снижая физическое здоровье и силы тех, кто живет, добровольно или нет, в такой обстановке. Дурные последствия накапливаются, каждое следующее поколение имеет уже ослабленную конституцию, что ведет к практической гибели нации [Dewsnap 1907: 24].

Можно думать, что ключевую роль в формировании отношения к жилищу и его оценки с точки зрения соответствия санитар-

¹ См. также описание и фотографии (архивные и современные) Восточного Лондона и его обитателей в иллюстрированном издании: [Fishman 1979: 28–44].

ным требованиям сыграли многочисленные эпидемии XIX в. (в первую очередь холеры). Влияние эпидемических болезней на распространение в Европе и России санитарно-гигиенического дискурса и медиализацию повседневной жизни, которые повлекли изменение гигиенических и ольфакторных норм в городской культуре, подробно описано Марией Пироговской: ее исследование посвящено российским реалиям, но при этом дает широкий европейский контекст [Пироговская 2016]. Именно азиатская холера, впервые пришедшая в Лондон в 1832 г., вызвала широкие публичные дискуссии о проблемах, связанных с бедными слоями и средой их обитания как источниками опасности для общества и побудила муниципальные и церковные органы обратиться за помощью к Парламенту [White 2008: 29–30]. Последовавшие за этим постановления в отношении санитарии жилищ носили рекомендательный характер, и только после второй эпидемии 1848–1849 гг., гораздо более опустошительной и унесшей 14 789 жизней только в Лондоне, в английском законодательстве начали происходить серьезные изменения. В 1851 г. были приняты постановления о жилищах рабочих и их санитарной инспекции: *Common Lodging-Houses Act* и *Labouring Classes Lodging-Houses Act*, которые провел в Парламенте первый английский реформатор в этой сфере лорд Шафтсбери. В дальнейшем вышел еще ряд правительственных актов, в том числе *Public Health Acts* (1875–1902). Они ввели санитарные требования в отношении жилых домов и их контроль. *Artisans and Labourers Dwelling Acts* (1868–1882) и *Housing of the Working Classes Acts* (1885–1903) позволили муниципалитетам и органам местного самоуправления не только принуждать владельцев к исправлению антисанитарных жилищ, но и отчуждать и сносить не подлежавшие улучшению дома и целые кварталы [Bowmaker 1895: 28–43; Clarke 1920: 5–32].

С подачи английских реформаторов и политических деятелей и при широкой общественной поддержке жилищное законодательство стало формироваться и на континенте. Вслед за Великобританией там происходили изменения в жилом строительстве, появлялись новые типы зданий и разнообразные застройщики. Помимо частных предпринимателей, дома возводили жилищно-строитель-

ные товарищества, кооперативы и общества взаимопомощи, профсоюзы, промышленные предприятия (для своих рабочих), благотворительные общества и муниципалитеты [Clarke 1920: 67–107; Sonne 2009]. Параллельно с кампаниями по уничтожению городских трущоб (*slum clearance*) шел поиск новых типов гигиеничных недорогих жилищ.

Эти искания и дискуссии в архитектурной среде велись в двух направлениях, которые позже были названы урбанизмом и дезурбанизмом. В русле первого из них проектировали многоквартирные дома с улучшенными планировками и просторными дворами, нередко — комплексы из нескольких зданий, занимавшие обширные участки. Второе направление объединяло сторонников концепции города-сада¹ и реализовывалось в городских предместьях, где строили поселения со свободной планировкой, невысокими отдельными домами и обилием зелени. Не менее важно то, что под влиянием этой идеи и возникшего движения городов-садов (особенно популярных в Великобритании) развивалась тенденция к строительству индивидуальных жилых домов за пределами городских центров². Во всех этих случаях стояла задача обеспечить необходимые (с точки зрения гигиены жилища) освещение и вентиляцию, что подразумевало устройство больших открытых дворов.

¹ Впервые идея строительства небольших городов, которые должны соединить достоинства городской и сельской жизни и избежать их недостатков, была изложена в книге издателя и политика, представителя немецкого антисемитизма Теодора Фрича «Город будущего» [Fritsch 1912 (1896)]. Однако широкую известность эта социальная утопия приобрела благодаря публикациям и деятельности Эбенизера Говарда [Howard 1898; 1902]; в 1899 г. им была основана Ассоциация в пользу городов-садов (Garden Cities Association), вслед за чем возникло международное движение с тем же названием и появился ряд реализаций, в том числе в Германии.

² Например, за 1890–1900 годы в городах Англии и Уэльса местные власти возвели для рабочего населения 821 индивидуальных и 772 многоквартирных домов; в 1900–1909 годах домов первого типа было построено примерно столько же (834), а второго — в два с половиной раза больше (1955); за последующие четыре года (до начала Первой мировой войны) число построенных индивидуальных домов увеличилось в 5,8 раз (4867), а многоквартирных уменьшилось почти вдесятеро (197) [Clarke 1920: 64].

* * *

В России, как и в Европе, распространение санитарно-гигиенических идей и практик, в том числе в жилищной сфере, шло под влиянием частых эпидемий и благодаря развитию местного самоуправления. По Городовому положению 1870 г. городским общественным управлениям поручалось попечение о благоустройстве городов, а также дела, касающиеся благосостояния и здоровья городского населения [ПСЗ 1870, 45: 823].

В 1877 г. было основано Русское общество охранения народного здоровья, где товарищем председателя состоял архитектор П.Ю. Сюзор [Липский 1897: 81]. Через два года в связи с эпидемией ветлянской чумы для обеспечения санитарного надзора в Петербурге была учреждена временная Комиссия общественного здоровья, куда также наряду с врачами-гигиенистами входили архитекторы: А.К. и Ю.Ф. Бруни, П.Н. Волков, Н.П. Гребенка, И.С. Китнер.

Комиссия занималась осмотрами торговых, промышленных и жилых помещений, их описанием и санитарным исследованием, на основе чего был подготовлен проект обязательных постановлений по санитарной части [Архангельский 1887: III–IV]. Еще на рубеже 1860–1870-х годов появились первые публикации о санитарном состоянии и Петербурга и отдельных неблагополучных районов и домов [Архангельский 1869; Эрисман 1871; Гюбнер 1872]. Позже жилищный вопрос в связи с заболеваемостью и смертностью населения, как и проблема обновления Строительного устава, составленного с участием гигиенистов, обсуждались на Пироговских съездах российских врачей. Медики также выступали с докладами о санитарии города и жилища перед архитектурным сообществом. В 1908 г. в Институте гражданских инженеров был введен предмет «Строительная гигиена» [Кашкадамов 1908; 1909; Мод 1908; Шерстнева 2015: 54–55].

Продвижение медицинского знания и интереса к санитарии в архитектурной среде, как и подходов к проектированию гигиеничных жилищ и оздоровлению городов, происходило и через журнал «Зодчий» и его приложение «Неделя строителя», которые выпускало Императорское Санкт-Петербургское общество архитекторов. В 1876 г. в «Зодчем» появляется рубрика «Гигиена»,

а с 1890-х годов в обоих изданиях растет число статей по жилищному вопросу и различным аспектам городской и жилой гигиены и санитарии. Многие из них имели прикладной характер и были посвящены санитарно-техническим сооружениям и устройствам, но к концу столетия и особенно в начале XX в. на первый план выходят общие вопросы градоустройства и социальная проблематика. Авторы пишут о «зародышевом состоянии» жилищного вопроса в России, отсутствии квартирного законодательства и государственной поддержки частной инициативы в этой области, «азиатской отсталости» русских городов в санитарном отношении, необходимости санитарной реформы в жилищной сфере [Улучшение жилищ рабочих 1896; Зуев 1897; Букешин 1900; Монтар 1903 а; Диканский 1907: 293].

Санитарные проблемы мыслились порождением, с одной стороны, жилищной нужды, а с другой — нечистоплотности и нецивилизованности, что задавало ориентацию на урбанистические модели Запада¹. Еще в первый год своего существования «Зодчий» предпринял полную публикацию нового строительного устава Берлина, который начал действовать в том же 1872 г. [Вейденбаум 1872; 1873].

Однако в большом числе материалы о положении дел в Европе стали выходить уже в начале XX в.² И если ближайшей параллелью Петербургу по типу жилой застройки был Берлин, то эталоном в решении жилищных и санитарных проблем, судя по публикаци-

¹ Об антитезе Востока и Запада, с которыми связывались понятия отсталости и прогресса, «неряшества» и чистоты, в российском публичном дискурсе последней трети XIX в. см.: [Пироговская 2016: 76–90].

² Значительная часть публикаций в «Зодчем», представлявших западные модели решения жилищных и санитарных проблем, принадлежит гражданским инженерам А.К. Монтагу, А.К. Еншу, В.И. Зуеву, архитекторам М.Г. Диканскому и В.С. Карповичу, секретарю и редактору «Зодчего» Г.И. Букешину. Они свидетельствуют о хорошей осведомленности авторов в вопросах законодательства и практик других стран, но всегда представляют позитивный опыт на пути прогрессивных преобразований и игнорируют неудачный, как и возникавшие препятствия. Так, ни в одной статье не говорится о том, что так беспокоило западную общественность, — об антисанитарном состоянии, в которое приходили новые дома, выстроенные муниципалитетами или благотворительными обществами вскоре после заселения их представителями бедных слоев [Dewsnup 1907; Bremner 1958].

ям в «Зодчем», виделась Англия — «единственное государство, где все, что можно было сделать в области санитарных реформ, уже давно сделано» [Мод 1908: 457], где «гигиена жилых местностей и помещений <...> достигла замечательной высоты» [Монтаг 1903: 483], где «муниципалитеты в области жилищной нужды идут впереди муниципалитетов всего мира», а «жилищная инспекция <...> является образцовой для всех культурных стран» [Диканский 1907: 222, 290].

Сравнение разных подходов к жилищным и санитарным проблемам могло привести автора к выводу, что России ближе, например, немецкий вариант строительных обществ [Там же: 384–385]. Но Англия все равно оставалась первопроходцем, и успехи других стран (в первую очередь Германии, Франции и Бельгии) были достигнуты благодаря следованию в заданном ею направлении¹. Это отношение поддерживалось не сходством, а как раз отличием жилой застройки больших городов Великобритании от России и континентальной Европы: безусловным преимуществом англичан называли их стойкую приверженность индивидуальному жилищу².

Ориентация на Англию проявилась и в той популярности, какую приобрели в России концепция города-сада Эбенизера Говарда и разные варианты ее разработки³. Функционировавшее на основе

¹ Великобритания была главным ориентиром и в развитии кооперативного движения в России 1850–1920-х годов. Английская кооперация детально изучалась, работы лидеров и теоретиков кооперации переводились; в 1910 и 1925 гг. делегации российских кооператоров приезжали знакомиться с английским и шотландским опытом, посещали кооперативные ночлежные дома и города-сады [Новиченко 2012].

² Ср. в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона: «Только индивидуализм англичан, жертвующих временем и деньгами для обеспечения себе home'a, хотя бы на окраинах, победил это свойственное капиталистическому городу стремление к концентрации населения, обеспечил более нормальное распределение населения, более равномерный спрос на землю в пределах городской территории, следовательно, более низкие земельные цены: многоэтажный дом-казарма остался чужд английскому городу» [Жилищный вопрос 1912: 889].

³ На русском языке книга Говарда вышла в 1911 г. [Гоуард 1911]; еще раньше появились публикации в журналах «Зодчий» и «Городское дело», пропагандировавшие его идеи и примеры их реализации в Англии и на континенте. Интересно, что даже германские общества городов-садов в те годы опирались на идеи Говарда, а не Фрича [X 1904; Диканский 1907: 323–339; Протопопов 1909; Енш 1910].

самоуправления поселение на 30–50 тыс. жителей (с малоэтажными домами, современным благоустройством и большим количеством зелени) виделось решением острого жилищного кризиса, социальных и санитарных проблем индустриальных городов. Приверженцы этих идей в разных странах, в том числе архитекторы, выступали также за создание поселков-садов и предместий-садов, которые были призваны «разгрузить» большие города. В России эта тема активно обсуждалась в архитектурной среде и периодической печати с начала XX¹. Схему города-сада пробовали применять при строительстве «городков» для рабочих заводов, фабрик, железных дорог, рудников (кварталов вблизи места производства), а также дачных и курортных поселков². В частности, под Петербургом такие рабочие городки были построены за Нарвской заставой, в Сосновке за Лесным проспектом и в районе Полюстровского и Безбородкинского³ проспектов [Хроника 1913].

Возникали и промежуточные варианты, соединявшие многоэтажную застройку и свободную планировку. Первым из них был Гаванский рабочий городок, возведенный в 1904–1906 гг. Товариществом борьбы с жилищной нуждой⁴. Подобно городу-саду, он включал сферу обслуживания. В пяти отдельных корпусах, расположенных на открытой территории с игровой площадкой и скверами, помимо жилья находились ясли, начальное училище, библиотека с читальней, магазин и столовая. Автор этого экспериментального комплекса гражданский инженер Николай Дмитриев был командирован Товариществом в Англию и Европу изучать за-

В 1913 г. была создана Международная федерация городов-садов и городской планировки (International Garden-Cities and Town Planning Federation), куда вступила и Россия. В том же году в Петербурге организовано Русское общество городов-садов [Устав 1914].

¹ Среди медиков, непосредственно контактировавших с архитектурным сообществом, одним из ее приверженцев был гигиенист и физиолог Василий Павлович Кашкадамов [1913; 1915].

² О распространении идеи города-сада и случаях ее воплощения в России см.: [Борисова, Каждан 1971: 70–75; Яницкий 1987: 15–33; Меерович 2007].

³ Название до 1918 г, ныне — Кондратьевский проспект.

⁴ Изначально — Товарищество устройства и улучшения жилищ для трудящегося и нуждающегося населения, учреждено в 1903 г. юристом, криминологом и общественным деятелем Дмитрием Дрилем.

рубежный опыт устройства дешевых жилищ, который и попытался воплотить в Гаванском городке [Диканский 1907: 388–390; Борисова, Каждан 1971: 53; Кириков 2012: 339–345].

Однако в смысле реализаций гораздо большее распространение получили доходные дома нового типа — с улучшенными планировками квартир, современным благоустройством: лифтами, ванными, центральным (общедомовым) отоплением и просторными дворами. Причиной их появления в начале XX в. стали изменившиеся требования к жилому пространству, которые задавались медиками и гигиенистами и становились темой обсуждений и публикаций, как научных, так и вовлекавших широкую общественность, особенно в периоды эпидемий.

Эти изменения проявлялись, в частности, в формах жилищного кризиса. В столице пустовало множество квартир, и при этом остро ощущался недостаток жилья лучшего качества¹. В 1894 г. «Неделя строителя» писала о том, что число незанятых квартир в Петербурге возрастает ежегодно и минувшим летом достигло 25 тыс. Объяснением этому виделись плохие жилищные условия: неудобство и сырость квартир «с грязными, узкими и полутемными лестницами, с окнами, выходящими на вонючие задворки». Это вынуждало петербуржцев не только выезжать летом на дачи, но и переселяться в окрестности города².

Вместе с тем существовали дома (относительно немногие), где желающие снять квартиру записывались в домовой конторе вперед или «хлопотали» о передаче помещения непосредственно от прежних жильцов. При высокой цене на квартиры в таких домах решающее значение, очевидно, имели качество жилья, комфорт и, как утверждал автор данной передовицы, «рациональное расположение комнат по плану» [Домостроительство в С.-Петербурге 1894].

С рубежа веков доходные дома начинают строить и переставать в соответствии с изменившимися потребностями и спросом.

¹ О типах жилищного кризиса см.: [Святловский 1902, 1: 29 и сл.].

² О влиянии жилищных и санитарных проблем на формирование дачного пространства вокруг Петербурга подробно пишет Ольга Малинова-Тзиафета [2013: 64–111]. Переселение в пригороды также упоминал Ф.Е. Енакиев, излагая план переустройства Петербурга [1912: 30].

При этом они перестают видаться, как прежде, преимущественно объектом спекулятивной деятельности домовладельцев (заложником которой был и архитектор), но оказываются способом решения насущных социальных проблем. Для архитектурного сообщества они становятся предметом новых творческих исканий — не менее интересным и достойным, чем другие типы зданий, о чем в 1916 г. в очерке о современном ему Петрограде писал критик и историк архитектуры Георгий Лукомский.

Все лучшие мастера, все интересы современного творчества архитекторов сосредоточиваются именно на разработке этой темы, отвечающей настоящим современным потребностям. В доходном доме — разрешение всех насущнейших задач. Доходный дом — коллективный (из квартир) или из магазинов в первом и во втором этажах, вмещающий часто население целого уездного города, может быть представлен в Петербурге прекрасно найденными образцами [Лукомский 2003: 22 (1916: 25–26)].

Впрочем, новые здания не встречали безоговорочного одобрения. Например, в 1911 г. журнал «Домовладение и городское хозяйство» писал о том, что перестройка домов ведет к перепроизводству дорогих квартир и сокращению жилищ для бедняков [Инженер М. 1911]. Действительно, как рабочие и дачные поселения, организованные с ориентацией на города-сады, так и доходные дома нового типа были рассчитаны на жильцов, более близких в социальном и материальном отношении, чем в большинстве домов центральных районов города. Отчасти это было обусловлено изменившимися взглядами на гигиену жилища (они исключали поднаем и аренду углов и коек и требовали таких жилищных условий, которые бедное население не могло оплачивать¹), отчасти — ориен-

¹ Этим, в частности, мотивировались возражения против ряда пунктов Проекта санитарного положения для жилищ, составленного в 1911 г. Управлением главного врачебного инспектора. Проект предлагал ввести минимальную норму

тацией на западный опыт строительства¹. Например, один из авторов сборника проектов английских и европейских жилых домов, который пропагандировала и продавала редакция журнала «Зодчий», напоминал, что «при проектировании наемных домов <...> архитектор должен иметь определенную и ограниченную цель, постоянно держа в голове один класс жильцов, с его средним доходом, его социальными привычками и всеми другими обстоятельствами, определяющими его образ жизни» [Sparrow 1907: 16; Библиография 1908].

Формированию нового типа доходных домов, отвечавшего актуальным запросам и санитарным требованиям, способствовали конкурсы проектов, которые регулярно проводило Императорское Санкт-Петербургское общество архитекторов, публикуя их программы, а затем мнения комиссии судей по каждому представленному варианту и сами победившие проекты (в первую очередь планировки) в «Зодчем» или «Неделе строителя»². С рубежа веков в условия таких конкурсов входило устройство просторных и светлых дворов (при экономичном использовании участка). Раз от раза

объема воздуха (и, как следствие, помещения) на человека, равную 2,5 куб. саж. в индивидуальной комнате, 2 — при совместном проживании и 1,5 — в рабочих казармах и ночлежных домах. Санкт-Петербургская городская управа, рассматривавшая этот проект, Техническое отделение частновладельческого строительства, дававшее на него отзыв, и участники его обсуждения в Санкт-Петербургском обществе архитекторов заявляли, что такие нормы поставят в тяжелое положение бедное население и вынудят сотни людей ночевать под мостами, и предлагали снизить второе и третье значения до 1,5 и 0,75 куб. саж. при устройстве хорошей вентиляции. Аналогично отвергался запрет подвальных квартир, т.к. «категорическое воспрещение жилья в подвалах опять-таки отразится печальным образом на недостаточном населении города Петербурга» [Проект 1911: 409–410; также: Мод 1911].

¹ Основные подходы к преобразованию жилой застройки больших городов Европы и США в конце XIX — первой половине XX в., а также развитие урбанистических идей и подходов рассмотрены в исследовании Вольфганга Зонне: [Sonpe 2009]. Среди европейских примеров, хорошо известных в России, были знаменитые рабочие дома Ротшильда в Париже, спроектированные Огюстом Рэ, где «дворы в собственном смысле этого слова и не существует, так как они проектированы наподобие скверов, широко открытых для свободной циркуляции наружного воздуха» [Диканский 1907: 359].

² О роли архитектурных конкурсов в формировании профессиональных подходов и оценок см.: [Басс 2010].

это требование звучало все настойчивее и непременно учитывалось при оценке проектов¹.

Пункт 11-й программы конкурса указывал на необходимость проектирования возможно светлых и просторных дворов для лучшего освещения квартир, поэтому все те проекты, авторы которых пренебрегли означенным условием, не могли быть отнесены к категории «относительно лучших проектов», несмотря на то что некоторые из них составлены грамотно. С другой стороны, слишком увеличенные размеры дворов и малый процент их застройки не могли равно получить одобрения — вследствие своей неэкономичности [Отзыв комиссии судей 1910: 181].

При рассмотрении проектов комиссия судей обратила главное внимание на правильное решение задачи в смысле красивой и удобной в отношении воздуха и света планировки дворов, принимая, конечно, во внимание и достаточную застройку места [Отзыв комиссии судей 1911: 98].

В проектах и постройках начала XX в. снова стали использовать парадные дворы: открытые курдонеры, внутренние дворы и дворы-проезды. Фасады, окружавшие парадный двор, оформлялись аналогично лицевым² (в отличие от обычных дворовых, никакого декора не имевших), а квартиры, обращенные в парадный двор окнами, обладали преимуществами одновременно уличных

¹ Например, его еще нет ни в условиях конкурса 1881 г. по доходному дому А.М. Яковлевой, ни в заключении по проектам [Всеобщий конкурс 1881; Конкурсные проекты 1881]. А в конкурсе 1899 г. это условие фигурирует в обоих случаях, хотя пока и не является решающим [Конкурс 1899 а; 1899 б].

² Первым в Петербурге доходным домом с парадным двором было здание страхового общества «Россия», возведенное в 1897–1899 гг. на Моховой ул. 27–29 по проекту Л.Н. Бенуа [Лисовский 2010: 81–100]. Описания художественной обработки разных парадных дворов см. у Лукомского: [Лукомский 2003: 85 (1916: 89)].

(в отношении гигиены и эстетики) и дворовых помещений (в смысле покоя и интимности). Территорию самого парадного двора нередко благоустраивали наподобие бульвара или сквера: в зависимости от типа пространства и наличия места здесь могли разместить клумбы и другое озеленение, скамейки, качели, фонтанчики, скульптурные формы и т.п.

Помимо парадного двора в доме, как правило, проектировали и обычные, скрытые за введенным внутрь дома фасадом (и порой столь же тесные и мрачные, как в домах XIX в.¹). Вместе с тем возникло стремление сократить или спрятать то, что относилось к хозяйственной сфере и чему полагалось находиться на территории задних дворов. Так, устройство общедомового отопления (водяного, парового или горячим воздухом) с котельной позволяло частично избавиться от дровяных сараев и заменить их менее громоздким складом угля². В другом случае дровяные склады, а также отхожие места и подобные объекты размещали под двором, освобождая его территорию для парадного благоустройства³. Иногда это давало возможность полностью отказаться от хозяйственных дворов, как в доме Юсуповых на набережной Фонтанки 85, который описывает Борис Кириков, цитируя посвященную ему заметку в «Зодчем».

Дом Юсуповой интересен прежде всего стремлением к эстетизации внутриквартальной территории. Дворы дома — это не унылые «колодцы», не задворки парадной зоны, а художественно полноценная среда, не уступающая уличной застройке. <...> «Надворные фасады обработаны тщательно и настолько богато, что впечатление двора совершенно теряется, а потому и расценка дворовых квартир может быть сделана значительно дороже нормальной». <...> Уровень земли

¹ Например, в доме М.П. Толстого на ул. Рубинштейна 15–17 / наб. Фонтанки 54 [Кириков 2012: 465–473].

² О разных видах отопления доходных домов см.: [Юхнёва 2007: 157–166].

³ Подробное описание дома в Одессе с подземными складами дров и ватерклозетами см.: [Зуев 1907].

второго двора поднят более чем на метр, так как под ним устроены дровяные склады» [Кириков 2012: 275–276; публикация в «Зодчем». 1904: 325–326].

Очевидно, что по уровню благоустройства новые дома соответствовали наиболее престижным центральным частям города, к тому времени уже застроенным, где они появлялись на отдельных участках и в небольшом числе в результате перестройки существующих зданий. Исключением оказалась Петербургская сторона, которая до открытия в 1903 г. постоянного Троицкого моста считалась окраиной и имела преимущественно деревянную жилую застройку, а затем, со стремительным ростом цены на землю, совершенно преобразилась и изменила статус. Каменноостровский проспект¹, ранее окруженный огородами, и прилежавшие к нему улицы были почти полностью застроены в начале XX в. новыми доходными домами.

* * *

Таким образом, за два столетия строительства Петербурга был пройден путь от стремления к идеалу сплошной фасадной застройки, которая должна была сформировать европейский облик российской столицы, до попыток отказаться от нее в пользу открытых просторных дворов и кварталов, призванных обеспечить гигиеничные жилищные условия. Эти попытки ограничивались тем, что, с одной стороны, к началу XX в. застройка центральных районов города была уже сформирована, а с другой — отсутствовали законодательная база и государственная поддержка, необходимые для значительных изменений в жилищной сфере и градостроительстве. Подготовка и обсуждение санитарного положения о жилищах, как и разработка нового строительного устава, продолжались вплоть до Февральской революции, но они так и не были приняты.

¹ Лукомский иронично называет его «счастливой улицей», сетуя, что в этом месте, где «постепенно мог скомпоноваться новый город», застройка велась бесконтрольно и оказалась стилистически разнородной [Лукомский 2003: 87 (1916: 91)].

Новые санитарные требования к жилищу, которые выдвигали медики, представлялись неисполнимыми архитектурному сообществу и Санкт-Петербургской городской управе. Например, уменьшение высоты дворовых флигелей в полтора раза (до одной ширины двора вместо полутора) вело к сокращению объема застройки участка на 30–50 % и не только отражалось на доходности, но и грозило «жилищным голодом». Введение минимальной нормы объема помещения на человека и категорический запрет жилых подвалов оставляли без крова малоимущие слои, не способные оплачивать лучшее жилье [Проект 1911: 409–410].

При обсуждении проекта санитарного положения в Санкт-Петербургском обществе архитекторов также говорилось, что «западно-европейские законоположения, регламентирующие требования санитарии, <...> стараются, с одной стороны, предоставить населению возможность выполнения требуемых от него санитарных мероприятий, а с другой — побуждают к тому же общественные городские управления. Проектируемое у нас Положение, наоборот, — не более как суровый карательный закон» [Мод 1911: 468]¹.

В 1909–1910 гг. архитекторы Л.Н. Бенуа и М.М. Перетяткович и инженер путей сообщения Ф.Е. Енакиев разработали план переустройства Петербурга, ориентируясь на европейский опыт; основные идеи и методы их реализации были изложены в вышедшем двумя годами позже исследовании Енакиева [1912]. Для оздоровления столицы авторы проекта предлагали муниципалитетам «создать условия, при которых обитателям нездоровых квартир в густо заселенных частях С.-Петербурга выгодно будет селиться на окраинах в новых домах, приспособленных к современным требованиям гигиены и комфорта» [Там же: 36].

Расселению центра должно было способствовать создание удобного и дешевого транспортного сообщения. Вслед за тем участки в центре города с домами, предназначенными к сносу, должны быть выкуплены или отчуждены, освободившиеся терри-

¹ Критику проекта закона 1914 г. «О санитарной охране жилищ» см.: [Барановский 1917].

тории благоустроены и отведены под парки или проданы для возведения современных зданий. Проект был поддержан IV съездом русских зодчих, но показался слишком радикальным Городской думе, и его обсуждение затянулось до начала революционных событий¹.

Другое начинание, менее широкомасштабное, принадлежало обществу «Новый Петербург», по заказу которого в 1911–1913 гг. архитектор И.А. Фомин разработал застройку острова Голодай. Реализация этого проекта, который должен был воплотить идею города-сада на сравнительно большой территории, была прервана из-за недостатка средств, затем — из-за начавшейся войны и возобновилась уже в советское время и на других основаниях [Лисовский 2010: 81–100].

В этих проектах очевидно следование западным моделям переустройства городов: строительство на свободных окраинных территориях новых кварталов с современным благоустройством и открытыми озелененными дворами; снос в центре нездорового жилья, где развиваются эпидемии и чахотка, а «рахитическое состояние подрастающих поколений² поддерживается сыростью и негигиеничностью жилищных помещений и дворов с выгребными ямами, издающими зловония», и недостатком чистого воздуха из-за отсутствия общедоступных садов и парков [Енакиев 1912: 35].

Проекты жилых кварталов Петербурга будущего, с современным благоустройством и редуцированной хозяйственной сферой, кардинально меняли назначение двора. В первую очередь он должен был обеспечивать здоровые условия жизни: хорошие освещение и вентиляцию внутренних помещений, гигиеничное и комфортное место для прогулок на свежем воздухе. С годами «полумеры» по оздоровлению домов и дворов в центре устраивали все меньше. Как писал одесский автор «Зодчего» в начале 1917 г., «городское население, задыхающееся в наших городах, в наших громадных наемных казармах, без воздуха и света, <...> ждет серьезных преоб-

¹ См. об этом проекте и идее «планомерного градостроения»: [Ружже 1955: 69–74].

² Ср. выше идею «вырождения нации» в трущобных жилищах Англии.

разований строительства, ждет правильного и рационального расширения городов, когда оно будет стремиться из вредных, душных и темных городских центров к их благоустроенным и здоровым окраинам» [Зуев 1917: 22].

Однако как бы ни был силен преобразовательный запал реформаторов (авторов публикаций и широкомасштабных проектов), в современном им Петербурге дворы продолжали выполнять прежние функции, в том числе официально предписанные — хозяйственную и бытовую. При этом жилая застройка и сами дворы значительно различались даже в центральных районах столицы. В известных воспоминаниях Д.А. Засосова и В.И. Пызина о Петербурге 1890–1910-х годов подробно описан доходный дом братьев Тарасовых на набережной Фонтанки 116, который характеризуется как «пример старинного, несколько патриархального домовладения» (построен в 1849 г. по проекту А.Г. Боссе).

Жизнь требовала уже других форм домохозяйства и управления им, что и вводилось в последние годы в Петербурге. Строились доходные дома европейского типа, с центральным отоплением, лифтами, ванными комнатами и даже своими телефонными станциями. Дома росли вверх, выгадывался каждый аршин территории, все больше и больше возникало дворов-колодцев. Управляющий Тарасовых предлагал им перейти на более современное домовладение, застроить большие дворы доходными домами, снеся все мелкие постройки, использовать каждый кусочек территории, но богатые престарелые хозяева не нуждались в деньгах, они стремились спокойно дожить свой век и не пошли на это [Засосов, Пызин 1991: 62].

Новые, соответствовавшие времени доходные дома, по словам авторов, были двух типов. Один из них — это «классический» доходный дом с плотной застройкой участка и дворами-колодцами, для которого характерны разное по качеству и стоимости жилье и соответственно широкий диапазон съемщиков. Дома второго

типа — благоустроенные здания с просторными дворами и современными удобствами, которые были рассчитаны на жильцов с достатком¹ [Там же: 62].

Как говорилось выше, эти типы доходных домов сформировались в разное время. Важно, однако, что в начале XX в. строили и считали современными те и другие, и при этом оставались здания, возведенные до распространения максимально плотной застройки и не перестроенные в интересах коммерции. За пределами центра на многих городских участках до рубежа веков преобладала деревянная жилая застройка, которая сменилась каменной и многоэтажной уже в XX столетии. В большей или меньшей степени это касалось не только упоминавшейся Петербургской стороны, но и Васильевского острова, Александро-Невской, Выборгской и Рождественской частей: как писал в дневнике в августе 1903 г. С.Р. Минцлов, «два-три года тому назад Пески представляли собой богоспасаемую тихую окраину, еще полную деревянных домиков и таких же заборов. Теперь это столица» [Минцлов 2012: 21].

Очевидно, что жилая застройка Петербурга середины XIX — начала XX в. была, во-первых, очень разной и, во-вторых, постоянно меняющейся. Однако в публицистике она, как правило, представляла однородной. Равным образом не возникло различия типов доходных домов в языке: уничижительное наименование «наемные казармы»² использовалось именно как инвектива (реже, но тоже в негативном контексте и мн.ч. встречаются «спекулятивные дома»), а нейтральные «доходный / наемный дом», «дом под жильцов» не были связаны с определенным типом и могли относиться к любому многоквартирному жилому зданию.

В 1900–1910-е годы обвинения в адрес доходных домов нередко звучали так, как будто к тому времени их не строили и не критиковали десятилетиями, не сносили и не перестраивали особняки, а авторам не было известно о существовании зданий нового

¹ Дома дешевых квартир, имевшие современное благоустройство и также ориентированные на социально близкий контингент жильцов, но невысокого достатка, авторы не упоминают.

² Вероятно, перевод немецкого, а не английского термина.

типа, с просторными дворами, в том числе домов дешевых квартир и многоэтажных рабочих городков.

В крупных городах ближайшие и отдаленные окраины и внутренние части города застраиваются многоэтажными казармами, на задних дворах которых, в ужасных условиях, ютятся беднейшая часть населения. Никто у нас еще не обращает внимания на зло больших многоэтажных домов, уже осужденных европейской наукой вследствие ряда причин: опасности пожарной, заразной; порчи в них воздуха; отсутствия понятия о собственном доме в громадах, имеющих своим назначением не доставление человеку родного крова, а извлечение возможно высокого дохода <...>. Другие неудобства больших домов: ссоры жильцов между собой; тяжелое положение детей, обреченных либо сидеть в тесных квартирах, либо беспризорно, вдалеке от родительского глаза играть на темном, грязном дворе или на людной улице; утомительная беготня за всякой мелочью по высоким, загаженным и душным лестницам и т.п. <...> Венский жилищный конгресс решительно и единодушно высказался за небольшие особняки» [Протопопов 1910: 1393]¹.

С точки зрения санитарии и гигиены и по моральным соображениям особняки несомненно должны быть поставлены выше домов казарменного типа с их скученностью населения, подвалами, замкнутыми дворами-колодцами, лишенными доступа света и свежего

¹ Издатель журналов «Городское дело» и «Земское дело» Д.Д. Протопопов, вместе с переводчиком книги Говарда А.Ю. Блохом, был инициатором создания Русского общества городов-садов. Однако обличительная риторика была широко распространена и характерна не только для приверженцев идей Говарда. Кстати, сам Протопопов жил на набережной Карповки 19, в новом доме 2-го Петербургского товарищества для устройства постоянных квартир — с большим парадным двором [Привалов 2013: 168].

воздуха. В таких именно домах легче всего свивает себе гнездо зараза и распространяются всякого рода эпидемии. А между тем у нас в крупных городах и особенно в Петербурге домовладельцы с каким-то азартом на место разрушенных особняков стремятся построить 4–6-этажные дома, а население в непонятном самообольщении считает это за признак прогресса, как последнее слово науки!... [Пажитнов 1913: 56–57].

В соответствии с этой риторикой многоэтажные дома больших городов представляли однотипными — с максимально плотной застройкой участка и тесными и темными дворами, а всякий двор по умолчанию был «колодцем». Будучи источником санитарных бед индустриального города¹, двор-колодец фигурировал не сам по себе, а как худшая (негигиеничная) часть жилого дома и находился в одном ряду с черными лестницами, подвальными и угловыми квартирами. В то время как приверженцы радикальных реформ призывали менять тип застройки и переселяться из центра на окраины, столичные власти и широкая общественность ратовали за более простые и быстрые методы решения санитарных проблем: введение жесткого надзора за состоянием дворов и регулярной очисткой выгребных и помойных ям; устройство общегородской канализации; расселение подвальных квартир (нездоровых из-за сырости, недостатка света и вентиляции через дворовые окна) и пр.

Эти общественные дискуссии и движения были прерваны революционными событиями конца 1917 г. и возобновились уже в советское время — в русле концепции социалистического пере-

¹ Разумеется, не только российского. «Кроме узких улиц, в больших городах составляют зло маленькие, узкие дворы, которые, по мере роста домов в высоту до 10 и более этажей, превращаются в глубокие, плохо освещенные ямы. Квартиры, обращенные окнами на такие дворы, особенно квартиры нижних этажей, совершенно лишены прямых солнечных лучей и вообще имеют мало света. При этом воздух в таких дворах отличается особенно скверными свойствами, так как стены здания мешают доступу во двор более свежего воздуха извне. Этот же скверный воздух служит и для проветривания квартир» [Монтаг 1904: 412].

устройства городов. В них принимали участие и идеологи новой жизни, и реформаторы прежних лет, пытавшиеся воплотить уже существовавшие, но нереализованные идеи прошлого. Заслуга строительства кварталов с благоустроенными и озелененными дворами, обеспечивавшими здоровые условия жизни, разумеется, была приписана советской власти.

Источники

- Авсеев В.Г. 200 лет С.-Петербурга: Исторический очерк. СПб.: С.-Петерб. гор. дума, 1903. 296. IV с.
- Архангельский Г.И. Жизнь в Петербурге по статистическим данным // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1869. Кн. 2. Отд. 3. С. 33–85.
- [Архангельский 1887] Охранение общественного здоровья в С.-Петербурге. Ч. 1: Городские санитарные учреждения / Сост. Г.И. Архангельский. СПб.: Тип. Шредера, 1887. XXIII, 69, 336. 95 с.
- Барановский Г. История пересмотров устава строительного // Зодчий. 1917. № 16. С. 109–116.
- Башуцкий А.П. Панорама Санктпетербурга. В 3 ч. СПб.: Тип. вдовы Плюшара с сыном, 1834. Ч. 1. Кн. 1: Подробная история Санктпетербурга по день кончины Петра I. 265 с.; Ч. 2. Кн. 2: Статистическая записка о Санктпетербурге. 273 с.; Ч. 3: Ближайшее знакомство с С.-Петербургом. 379 с.
- Бібліографія // Зодчий. 1908. № 51. С. 472.
- Божеянов И.Н. Невский проспект, 1703–1903: Культурно-исторический очерк жизни С.-Петербурга за два века XVIII и XIX. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, [1910]. X. 468 с., 55 л. цв. ил.
- Букешин Г. Квартирный вопрос // Неделя строителя. 1900. № 31. С. 96–197; № 32. С. 204–205; № 33. С. 212–214; № 34. С. 220–221.
- Вейденбаум А. Берлинский строительный устав // Зодчий. 1872. № 11. С. 186–188; № 12. С. 214–217; 1873. № 2. С. 24–25.
- [Всеобщий конкурс на составление эскиза проекта доходного дома] // Неделя строителя. 1881. № 6. С. 39–40.
- Гоуард Э. Города будущего / Пер. с англ. А.Ю. Блох; с предисл. авт. и переводчица к рус. изд. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1911. XVIII. 177 с.
- Гюбнер Ю.Ю. Статистические исследования санитарного состояния С.-Петербурга: с хромолитогр. сан. картой С.-Петербурга. СПб.: Печ. В.И. Головина, 1872. 173 с., 12 л. табл., карт.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 ч. М.: О-во любителей рос. словесности, 1863. Ч. 1. 627 с.

- Диканский М.Г.* Жилищная нужда // Зодчий. 1907. № 22. С. 221–224; № 23. С. 233–240; № 25. С. 253–261; № 28. С. 286–298; № 31. С. 321–324; № 32. С. 334–339; № 34. С. 358–366; № 36. С. 381–390.
- Домостроительство в С.-Петербурге // Неделя строителя. 1894. № 27. С. 131–132.
- Енакиев Ф.Е.* Задачи преобразования С.-Петербурга. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1912. 84 с., 21 л. ил., карт.
- Енш А.* Города-сады // Зодчий. 1910. № 30. С. 307–310; № 31. С. 319–323; № 32. С. 327–330; № 33. С. 335–338; № 34. С. 345–348; № 35. С. 353–354.
- Е.П.* Основание Петербурга и Петербург в XVIII веке // Петербург и его жизнь. СПб.: Тип. бр. В. и И. Линник, 1914. С. 17–38.
- Журнальная мозаика // Северная пчела. 1840. 29 авг. № 194. С. 773–774.
- Жилищный вопрос // Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. К.К. Арсеньева; изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Тип. акц. общ. «Брокгауз-Ефрон», [1912]. Т. 17. 10 с., 964 стлб., XII с., ил.
- [*Заблоцкий-Десятовский А.П.*] Статистические сведения о Санктпетербурге / Изд. при Мин. вн. дел. СПб.: Гуттенбергова тип., 1836. XLVIII, 293 с.
- Засосов Д.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. Л.: Лениздат, 1991. 269, [2] с.
- Зуев В.И.* К вопросу «о необходимости оздоровления городов» // Зодчий. 1897. № 2. С. 9–12.
- Зуев В.И.* Санитарно-технические сооружения в доме А.К. Мартыновой в г. Одессе // Зодчий. 1907. № 24. С. 245–248.
- Зуев В.* К вопросу об освещении дворовых квартир / Зодчий. 1917. № 3. С. 22.
- Инженер М.* Перепроизводство дорогих жилищ // Домовладение и городское хозяйство. 1911. № 8. С. 1–2.
- Карпович В.С.* Строительные уставы и обязательные постановления в области зодчества у нас и в Западной Европе // Зодчий. 1909. № 41. С. 397–401; № 42. С. 409–412.
- Кашкадамов В.П.* Санитарное состояние города С.-Петербурга: Докл. д-ра мед. В.П. Кашкадамова, сдел. в СПб. о-ве архитекторов. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1908. 14 с.
- Кашкадамов В.П.* Санитарные условия жилищ в С.-Петербурге. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, [1909]. 35 с.
- Кашкадамов В.П.* Закон о планировке жилищ и городов, изданный в Англии в 1909 году. СПб.: Тип. бр. В. и И. Линник, 1913. 32 с. (Библиотека журнала «Гигиена и санитария», № 7).
- Кашкадамов В.П.* Краткий отчет о командировке за границу летом 1914 года и о съезде Международного общества городов и садов. [СПб.]: Тип. изд. «Практ. Медицина» (О.В. Эттингер), [1915]. 50 с.

Конкурсные проекты доходного дома А.М. Яковлевой в С.-Петербурге // Зодчий. 1881. № 9. С. 72–73.

[Липский 1897] Врачебные, санитарные и благотворительные учреждения С.-Петербурга / Сост. А.А. Липский. СПб.: С.-Петерб. гор. обществ. упр., 1897. VIII. 102 с.

Минцлов С.Р. Петербург в 1903–1910 годах / Подгот. текста, библиографич. очерк и прим. К.Н. Веселовского. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2012. 287 с. (Рига, 1931).

Мод. В Императорском СПб. обществе архитекторов [о докладе В.П. Кашкадамова «Санитарное состояние города Петербурга»] // Зодчий. 1908. № 50. С. 457–461.

Мод. В Императорском СПб. обществе архитекторов // Зодчий. 1911. № 45. С. 468–470.

Монтаг А. Санитарные постановления за границей и у нас // Зодчий. 1903 а. № 28. С. 343–345; № 41. С. 483–486.

Монтаг А. Современный европейский город и его экономические задачи // Зодчий. 1903 б. № 37. С. 432–434; № 39. С. 461–463.

Монтаг А. Распланирование городов в гигиеническом отношении // Зодчий. 1904. № 37. С. 410–413.

Монтаг А. Санитарные постановления у нас и за границей. Закон об охране общественного здоровья и правила санитарного благоустройства жилищ во Франции // Зодчий. 1905. № 2. С. 22–24.

Отзыв комиссии судей по конкурсу эскизных проектов доходного дома инж.-техн. И.И. Пирогова в г. С.-Петербурге // Зодчий. 1910. № 17. С. 181–184.

Отзыв комиссии судей по конкурсу проектов доходного дома Первого Российского Страхового Общества в Петербурге // Зодчий. 1911. № 9. С. 98–101.

Пажитнов К.Н. Экономический очерк Петербурга // Петербург и его жизнь. СПб.: Тип. бр. В. и И. Линник, 1914. С. 39–71.

Покровский В. Статистический очерк С.-Петербурга. Планы города и театров. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1894. 31 с.; 9 л. карт.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. 1649–1825 годы. СПб.: Тип. II отд. Соб. его Имп. Вел. канцелярии, 1830. Т. 4: 1700–1712 гг. 888 с.; Т. 5: 1713–1719 гг. 782 с.; Т. 6: 1720–1722 гг. 818 с.; Т. 8. 1728–1732 гг. 1018 с.; Т. 9. 1733–1736 гг. 1024 с.; Т. 10. 1737–1739 гг. 996 с.; Т. 11. 1740–1743 гг. 990 с.; Т. 15. 1758–1762 гг. 1052 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. 1825–1881 годы. СПб.: Тип. II отд. Соб. его Имп. Вел. канцелярии, 1874. Т. 45. Отд. 1. 896 с.

Попов И.Г. Введение в историю г. С.-Петербурга. М.: Т-во типо-лит. И.М. Машистова, 1903. [8], 167 с.

Привалов В.Д. Улицы Петроградской стороны: дома и люди. М.: Центрполиграф, 2013. 748 с.

- Проект санитарного положения для жилищ // Зодчий. 1911. № 39. С. 403–410.
- Протопопов Д. Города будущего // Городское дело. 1909. № 17. С. 844–856.
- Протопопов Д. О необходимых мерах по жилищному вопросу: Доклад Одесскому съезду городских деятелей // Городское дело. 1910. № 20. С. 1389–1398.
- Пушкарёв И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. В 4 ч. СПб.: Тип. Н. Греча, 1839. Ч. 1. 10, 505, 33 с.; СПб.: Тип. СПб. губ. правл., 1839. Ч. 2. 7, 416, 8 с.
- Пушкарёв И. Путеводитель по Петербургу и окрестностям его. СПб.: Тип. Деп. внеш. торговли, 1843. XVI, 468. 34 с.
- Санктпетербург по переписи 10 декабря 1869 года. СПб.: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1872. Вып. 1: Население по возрастам, семейному состоянию, вероисповеданиям, народностям, сословиям и грамотности. XXVII, 129 с.; Вып. 2: Дома и квартиры и размещение в них жителей. XIV, 40. 152 с.
- Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. II отд. Соб. е.и.в. канцелярии, 1857. Т. 12. Ч. 1: Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный. 231, 88, 39, 172, 41. 84 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 4: Г–Д. 403 с.
- С.П. Освящение дома кн. Юсуповых (раздел «Хроника») // Зодчий. 1904. № 28. С. 325–326.
- Спекулятивные дома в С. Петербурге // Художественная газета. 1840, 15 сент.
- С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. В 3 вып. СПб.: Тип. Шредера, 1903. Вып. 1: Численность и состав населения по полу, возрасту, месту рождения, времени поселения в С.-Петербурге, семейному состоянию, грамотности, сословию, вероисповеданию и родному языку. VIII+201 с.; 1905. Вып. 3: Квартиры и дворовые места. 685 с.
- Тилинский А.И. Практическая строительная памятная книжка: Пособие для строителей, домовладельцев и лиц, причастных к строительному делу. СПб.: Коммерч. типо-лит. Виленчик, 1911. Ч. 1. 842 с.
- Улучшение жилищ рабочих // Неделя строителя. 1896. № 23. С. 100–101.
- Устав Общества Городов-Садов // Городское дело. 1914. № 2. С. 122–125.
- Х. Города-сады // Зодчий. 1904. № 17. С. 209–211.
- Хроника // Зодчий. 1875. № 10. С. 117–119.
- Хроника: Петербург // Зодчий. 1913. № 34. С. 372.
- Эрисман Ф.Ф. Настоящее состояние в санитарном отношении домов кн. Вяземского в Петербурге в марте 1871 г. // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1871. Кн. 2. Отд. 3. С. 45–78.
- Bolitho W.* Cancer of Empire. L.: Putnam, 1924. 60 p.
- Fritsch Th.* Die Stadt der Zukunft: Gartenstadt. 2 Titel-Ausg. Leipzig: Hammer, 1912. 32 s. (1 Titel-Ausg. Leipzig, 1896).

- Hall E.T.* Flats — British and Foreign // F.T. Verity, E.T. Hall, G.C. Horsley, W. h. Sparrow. Flats, Urban Houses and Cottage Homes: A Companion Volume to "The British Home of To-Day". L.: Hodder and Stoughton, 1907. P. 81–103.
- Howard E.* To-Morrow: A Peaceful Path to Real Reform. L.: Swan Sonnenschein and Co, 1898. 176 p.
- Howard E.* Garden Cities of To-Morrow. 2nd ed. L.: Swan Sonnenschein and Co, 1902. 171 p.
- Sparrow W.Sh.* A Flat-Dweller's Point of View // F.T. Verity, E.T. Hall, G.C. Horsley, W.Sh. Sparrow. Flats, Urban Houses and Cottage Homes: A Companion Volume to "The British Home of To-Day". L.: Hodder and Stoughton, 1907. P. 15–80.
- Verity F.T., Hall E.T., Horsley G.C., Sparrow W.Sh.* Flats, Urban Houses and Cottage Homes: A Companion Volume to "The British Home of To-Day". L.: Hodder and Stoughton, 1907. 168, VIII p.

Библиография

- Басс В.* Петербургская неоклассическая архитектура 1900–1910-х годов в зеркале конкурсов: слово и форма. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. 486 с.
- Борисова Е.А., Каждан Т.П.* Русская архитектура конца XIX — начала XX века. М.: Наука, 1971. 240 с.
- Брухман А., Пясковский Ю.* История городских дворов // Декоративное искусство. 1985. № 1. С. 20–26.
- Головина С.Г.* Конструкции и архитектурная форма объектов жилой исторической застройки (с учетом реконструкции Санкт-Петербурга): Автореф. дис. ... канд. архитектуры / СПбГАСУ. СПб., 2008. 24 с.
- Гольденберг П., Гольденберг Б.* Планировка жилого квартала Москвы XVII, XVIII и XIX вв. М.; Л.: ОНТИ, Гл. ред. строит. лит., 1935. 181 с.
- Грaбарь И.Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб.: Лениздат, 1994. 384 с.
- Гуляницкий Н.Ф.* Основание и градостроительное развитие новой столицы // Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII — первой половины XIX века / Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1995. С. 159–269.
- Гусаров А.* Петербургские дворы: необычные дворы, курдонеры, дворы-колодцы, проходные дворы. М.: Центрполиграф, 2015. 383 с.
- Демидович Д.М.* Арендные и субарендные отношения в петербургских доходных домах конца XIX — начала XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014 а. Т. 4: История. № 4. С. 26–33.
- Демидович Д.М.* Взаимодействие домовладельцев петербургских доходных домов с полицейскими чинами // Научное мнение. 2014 б. № 9-3. С. 83–88.

- Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870 — начало XX века): Дис. ... к.и.н. / Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб., 2017.
- Евсина Н.А.* Воззрения современников на проблемы градостроительства в России // Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII — первой половины XIX века / Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1995. С. 53–87.
- Каганов Г.З.* Санкт-Петербург: образы пространства. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. 232 с.
- Кириков Б.М.* Архитектура петербургского модерна: Особняки и доходные дома. 4-е изд., с измен. СПб.: Коло, 2012. 576 с.
- Кириков Б.М., Кирикова Л.А., Петрова О.В.* Невский проспект: дом за домом. 2-е изд., испр. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 379 с.
- Кириченко Е.И.* Доходные жилые дома Москвы и Петербурга (1770–1830 гг.) // Архитектурное наследство. 1962. № 14. С. 135–158.
- Кириченко Е.И.* О некоторых особенностях эволюции городских многоквартирных домов второй половины XIX — начала XX в. (от отдельного дома к комплексу) // Архитектурное наследство. 1963. № 15. С. 153–170.
- Кириченко Е.И.* История развития многоквартирного жилого дома с последней трети XVIII по начало XX века (Москва, Петербург): Автореф. дис. ... канд. архитектуры / НИИ теории, истории и персп. проблем сов. архитектуры. М., 1964. 24 с.
- Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. М.: Искусство, 1978. 399 с.
- Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: ОГИ, 2004. 486 с.
- Крашенинникова Н., Шилков В.* Проекты образцовых загородных домов Д. Трезини и застройка берегов Фонтанки // Архитектурное наследство. 1955. № 7. С. 5–12.
- Кружнов Ю.Н.* История квартирного вопроса в России, или Коммуналка навсегда. Записки квартирного маклера. СПб.: Серебряный век, 2014. 692 с.
- Лисовский В.Г.* Петербург: 1900–1910-е годы // Градостроительство России середины XIX — начала XX века / Под общ. ред. Е.И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2010. Кн. 3. С. 81–100.
- Лотман Ю.М.* Город и время // Метафизика Петербурга. СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993. (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры, вып. 1). С. 84–92.
- Лукомский Г.К.* Современный Петербург: Очерк истории возникновения и классического строительства (1900–1915 гг.) / Послел. и коммент. Б.М. Кирикова. 2-е изд., исправ. и дополн. СПб.: Коло, 2003. 144 с. (1-е изд.: Современный Петроград ... Пг.: Свобод. искусство, 1916).

- Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга, 1860–1914. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб, 2013. 335 с.
- Меерович М.Г. Рождение и смерть советского города-сада // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 117–165.
- Михайлова М.Б. Принципы формирования, методы и организация проектирования русских городов // Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII — первой половины XIX века / Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1995. С. 91–155.
- Нильсен Ф.С. Глаз бури / Пер. с норв. А. Ливановой, Е. Прохоровой. СПб.: Алетейя, 2004. 348 с.
- Новиченко И.Ю. Изучение английской кооперации в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Отечественное англоведение XIX — первой четверти XX в. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 116–142.
- Пироговская М.М. Ольфакторный код и воспитание чувствительности в русской городской культуре 1860–1910-х годов: Дис. ... к.и.н. / МАЭ РАН. СПб., 2016. 296 с.
- Пунин А.Л. Доходные дома // Пунин А.Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. Л.: Лениздат, 1990. С. 250–277.
- Рубл Б. Заброшенные соседи: Петербургские дворы и вашингтонские проулки // Вестник Института Кеннана в России. 2002. Вып. 2. С. 53–66.
- Ружже В. Градостроительные взгляды архитектора Л.Н. Бенуа // Архитектурное наследство. 1955. № 7. С. 67–86.
- Святловский В.В. Жилищный вопрос с экономической точки зрения. СПб.: Тип. Мин. путей сообщения, 1902. Вып. 1: Жилищный вопрос на Западе (Общая постановка). IV, LIV. 253 с.; Вып. 4: Жилищный вопрос в России (Очерк жилищных условий). IV, XXII. 334 с.; 1904. Вып. 2: Город и государство. 247 с.
- Степанов А.В. Феноменология архитектуры Петербурга. СПб.: Арка, 2016. 396 с.
- Столянский П.Н. Старый Петербург: Адмиралтейский остров: Сад Трудящихся: Историко-художественный очерк. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 192 с.
- Тиц А.А. Русское каменное жилое зодчество XVII века. М.: Наука, 1966. 356 с.
- Тульчинский Г.Л. Город — испытание // Метафизика Петербурга. СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993. (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры, вып. 1). С. 146–156.
- Шерстнева Е.В. Благоустройство городов и санитарный надзор в России в конце XIX — начале XX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 23 (2). С. 52–56.
- Юхнёва Е.Д. Жилище как элемент бытовой культуры городского населения (на материалах Петербурга конца XIX века): Дис. ... к.и.н. / Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб., 2004. 267 с.

- Юхнёва Е.Д. Петербургские доходные дома: Очерки из истории быта. М.: Центр-полиграф, 2007. 362 с.
- Яницкий О.Н. Экологическая перспектива города. М.: Мысль, 1987. 278 с.
- Abbott E. The Tenements of Chicago, 1908–1935. N.Y.: Arno Press; The New York Times, 1970. 505 p.
- Abercrombie P. Berlin: Its Growth and Present State // The Town Planning Review. 1913. Vol. 4. No. 3. P. 219–233.
- Barrows R.G. Beyond the Tenement: Patterns of American Urban Housing, 1870–1930 // Journal of Urban History. 1983. Vol. 9. No. 4. P. 395–420.
- Bater J.H. St Petersburg: Industrialization and Change. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1976. XXIII, 474 p.
- Bowmaker E. The Housing of the Working Classes. L.: Methuen, 1895. 186, 32 p.
- Bremner R.H. The Big Flat: History of a New York Tenement House // The American Historical Review. 1958. Vol. 64. No. 1. P. 54–62.
- Clark H., Carnegie E. She Was Aye Workin': Memories of Tenement Women in Edinburgh and Glasgow. Oxford: White Cockade Publishing, 2003. 192 p.
- Clarke J.J. The Housing Problem: Its History, Growth, Legislation and Procedure. L.: Issac Pitman, 1920. 544, 8 p.
- Dewsnup E.R. The Housing Problem in England: Its Statistics, Legislation and Policy. Manchester: University of Manchester Press, 1907. VIII, 328 p.
- Ellger Ch. Berlin: Legacies of Division and Problems of Unification // The Geographical Journal. 1992. Vol. 158. No. 1. P. 40–46.
- Englander D. Landlord and Tenant in Urban Britain, 1838–1918. Oxford: Clarendon Press, 1983. 348 p.
- Faley J. Up Oor Close: Memories of Domestic Life in Glasgow Tenements, 1910–1945. Wendlebury, Oxon: White Cockade; Springburn Museum Trust, 1990. 176 p.
- Firley E., Stahl C. The Urban Housing Handbook. Chichester, UK: Wiley, 2009. 328 p.
- Fishman W.J. The Streets of East London / With photographs by N. Breach. L.: Duckworth, 1979. 139 p., ill.
- Horsfall T.C. Dwellings in Berlin: The King of Prussia's "Great Refusal" // The Town Planning Review. 1915. Vol. 6. No. 1. P. 10–19.
- Jackson A. A Place Called Home: A History of Low-Cost Housing in Manhattan. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1976. VII+359 p.
- Kearns K.C. Dublin Tenement Life: An Oral History. Dublin: Gill; Macmillan, 1994. 237 p.
- Klahr D.M. Luxury Apartments with a Tenement Heart: The Kurfürstendamm and the Berliner Zimmer // Journal of the Society of Architectural Historians. 2011. Vol. 70. No. 3. P. 290–307.

- Lubove R.* The Progressives and the Slums: Tenement House Reform in New York City, 1890–1917. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1974. 284 p.
- Montgomery M.R.* Keeping the Tenants Down: Height Restrictions and Manhattan's Tenement House System, 1885–1930 // *Cato Journal*. 2003. Vol. 24. No. 3. P. 495–509.
- Ruble B.A.* St Petersburg's Courtyards and Washington's Alleys: Officialdom's Neglected Neighbors. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2003. (Kennan Institute Occasional Paper Series. No. 285). [23] p. <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/op285_st_petersburgs_courtyards_washingtons_alleys_ruble_2003.pdf>. First publ.: *Ruble B.A.* St Petersburg's Courtyards and Washington's Alleys: Officialdom's Neglected Neighbors // P. Subirós (ed.). *Ciutat Real, Ciutat Ideal: Significat i Funció a l'espai Urbà Modern*. Barcelona: Centre de Cultura Contemporània de Barcelona, 1998. P. 12–27.
- Sonne W.* Dwelling in the Metropolis: Reformed Urban Blocks 1890–1940 as a Model for the Sustainable Compact City // *Progress in Planning*. 2009. No. 72. P. 53–149.
- Urban F.* Designing the Past in East Berlin before and after the German Reunification // *Progress in Planning*. 2007. Vol. 68. P. 1–55.
- White J.* Rothschild Buildings: Life in an East End Tenement Block, 1887–1920. L.: Routledge; Kegan Paul, 1980. XVII, 301 p.
- White J.* London in the Nineteenth Century: A Human Awful Wonder of God. L.: Vintage Book, 2008. 624 p.
- Worsdall F.* The Tenement: A Way of Life: A Social, Historical and Architectural Study of Housing in Glasgow. Edinburgh: W. and R. Chambers, 1979. 165 p.

Сокращения

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

СЗРИ — Свод законов Российской империи

СРЯ — Словарь русского языка

Ч.Э. Сымонович

**ДЕТИ ВОЙНЫ
О КУЛЬТУРЕ И БЫТЕ
В ЛЕНИНГРАДЕ И РЕГИОНАХ СССР
В 1940–1950-е ГОДЫ:
К ИСТОЛКОВАНИЮ ВОСПОМИНАНИЙ**

В статье предпринята попытка рассмотреть отрывки воспоминаний с точек зрения обществоведов разных специальностей, прежде всего — историков и этнографов (антропологов). Их подходы к материалу более или менее близки. Но стоит попытаться вступить в сферу методов социальной и возрастной исторической психологии, как становится ясно, что только сами психологи могут делать заключения о значении личностных источников, в данном случае — воспоминаний детей Войны о первых послевоенных годах.

Ключевые слова: «ровесники Войны», СССР в 1946–1953 гг., воспоминания взрослых как источник сведений об их детстве, культура и быт, устная история, выборочные отредактированные публикации воспоминаний.

Ch.E. Symonovich

**WAR CHILDREN REFLECTING
ON CULTURE AND WAY
OF LIFE IN THE REGIONS
OF THE USSR IN THE 1940S — 1950S:
A VIEW FROM ST. PETERSBURG 70 YEARS AFTER.**

Subject of the paper — exploration of the memoirs from the point of view of different branches of social science, first of all — historical, ethnographical & anthropological which share similar approach to the material. In addition the methods of social and age historical psychology are also considered, as only psychologists can draw conclusions about the meaning of personal sources, in this case the memoirs of the War Children about the first post-war years.

Keywords: «peers of the war», The USSR in 1946–53, Memoirs of adults as a source of information about their childhood, Culture and way of life, Oral history, selective edited publication of memoirs.

Просторы представлений и знаний о человеке и обществе не разделены межами наподобие земельных угодий. Участки, освоенные беллетристикой, публицистами, наукой, накладываются друг на друга так, что сквозь кальку одной дисциплины видны черты лежащих ниже. И каждый из нас держит кальку своей области знания сверху, вглядываясь сквозь нее в иные.

Моя многолетняя тема — история поколения-когорты **ровесников Войны (РВ)**, т.е. российских людей, рожденных в 1941–1945 гг. С уходом из жизни фронтовиков и тружеников тыла, затем — «шестидесятников», «дети Войны», в том числе ее ровесники, стали последними свидетелями и военных бед, и трудностей послевоенного восстановления и развития. Государство и общественные организации обратили недавно на них благосклонное внимание, хотя собственных заслуг у детей 1940-х годов не было. Они играли роль скорее страдательную. Но впитав вкус, вид и запах времени детства, они что-то смогли передать своим детям. Не в этом ли их главная роль на ленте времени... Основательно судить об этом смогут исследователи, когда вполне сыграют свою роль рожденные в 1960-е — 1970-е годы наши дети. В частности, окончательно прояснится, что из народной и высокой культуры сумели освоить и передать детям мы, РВ, и что — дети наши внукам.

Материалом для суждений на этот счет были и будут в значительной мере тексты, рассказывающие о жизнедеятельности людей, общества, впечатления, воспоминания самих этих людей. В данном случае — детей Войны, а не только ее ровесников. По обстоятельствам моей жизни и работы не могу оперировать массовым источниковым материалом, собранным самостоятельно в «поле» или в архивах. По необходимости иду вглубь немногих источников. Но для понимания процессов социализации нужны ведь оба метода.

В частности, опираюсь на воспоминания ровесницы Войны Н.М. Иконниковой. Это объемная автобиография из собрания Социологического института РАН. Во времена увлечения количественными методами можно было сказать вслед за поэтом: *«Голос единицы — тоньше писка, // Кто его услышит...?»* Но гуманизация общественных наук, начавшаяся задолго до Перестройки, испод-

воль, с отрицания «простоты» и заменимости советского человека, возвысила ценность документальных свидетельств личного происхождения.

Тексты, говорящие о культуре, быте, бывают не только исходными, первичными, но и подготовленными, т.н. прошедшими отбор, редактирование. На нашей памяти в связи с усилением интереса к устной истории в формирование таких источников включились писатели. Они собирали или записывали сами прежде всего солдатские мемуары, затем — воспоминания о Войне ее последних свидетелей. Очередь дошла до свидетельств нынешних пожилых людей о первых послевоенных годах.

Таков главный источник для данной статьи — опубликованные Л. Улицкой отрывки автобиографий «детей Войны» о восьми послевоенных годах [Улицкая 2013].

Эти тексты не меняют наше традиционное представление о первых послевоенных годах как о трудном и во многом горьком времени, освещенном, однако, радостью от того, что еще более страшное время Войны закончилось. В основном авторы воспоминаний рассказывают о жизни послевоенной деревни и небольших городов.

Достоинство сборника Л. Улицкой — группировка фрагментов воспоминаний по темам. Недостаток неизбежный, связанный с достоинством, — трудность или невозможность представить себе личность вспоминающего, его весь жизненный путь, т.е. обусловленность субъективную его мнений, суждений.

Приводя и комментируя отрывки из воспоминаний, не стараюсь разделять описанные мемуаристами события, рассуждения на те, которые составляют строительный материал истории культуры как части общероссийской истории, и на те, которые в большей степени могут заинтересовать этнографа, регионоведа. Рассматривая недавнюю жизнь, и историк, и этнограф сталкиваются с общим в жизни народов, с особенным для группы этносов и единичным, обусловленным спецификой исторической ситуации данной нации [Бромлей, Токарев 1988: 26] Говоря об общем для европейских воевавших стран, достаточно увидеть то, что сближало сирот — героев романа Генриха Бёлля «Дом без хозяина» с положением,

с постижением окружающего малого мира советскими детьми без отцов в начале 1950-х. Особенности же проистекали из неодинаковости порядков в странах Запада и Востока Европы. Единичность, неповторимость положения каждого народа была и есть очевидна, и не требует пояснений.

Идя от содержания текстов, вижу, что большая часть событий и связанных с ними переживаний связана не с особенностями регионов, а с характерными чертами исторического этапа (1946–1953). Ибо трудности послевоенного времени были общими для страны, и меры по их преодолению осуществлялись по централизованным единым для всего СССР планам.

Как историку страны в ее XX веке, мне небезразличны отмеченные в воспоминаниях явления, имеющие корни в дореволюционной *традиционной культуре* и нажитые в советском периоде нашей истории. Пользуюсь этим понятием ради удобства, пусть примитивно: то, что передается из поколения в поколение, и есть культура, ставшая (становящаяся) традиционной.

В основном речь в статье идет об отрывках воспоминаний русских людей. Об этнических особенностях других народов они упоминали редко. Из социально-классовых различий наиболее заметно выступают в текстах расселенческие и отчасти — связанные со спецификой колхозной жизни. В ряде случаев отмечены мемуаристами различия между семьями по уровню жизни.

Пересказывать содержание сотен отрывков нет ни места, ни смысла. Ввиду неясности во многих случаях таких характеристик, как социальное происхождение, место жительства или проживания, точный возраст мемуаристов, вслед за составителем сборника группирую отрывки воспоминаний по темам: *семья и ее способы выживания, еда, одежда и обувь, дом (или иное жилье семьи) и хозяйство (если таковое было), мытье (основательное, не умывание), игры, школа и другие детские учреждения (пионерлагерь), переезды дальние, особенности природы и быта разных регионов, восприятие перепадов-поворотов биографии в связи с переездами и переменами в жизни родителей, обычаи и приметы, предметы культурного быта-обихода, воспитание чувств...*

Как видим, люди помнят и рассказывают о многом. Итак...

Семья и способы ее существования

Война разрушала семьи, не только убивая отца, мать, но и перетасовывая брачные и сожительские пары, на фронте и особенно в тылу. Это продолжалось и после Войны [Улицкая 2013: 334]. Бывали и семьи вовсе без родителей. Кормильцем была несовершеннолетняя Ольга Мельник, на руках которой осталось трое детей — семи, четырех и двух лет. Последние двое были ровесниками Войны. Возвращаясь с колхозного покоса, в укусах, в нищенской одежде, Ольга и ее подруга слышат обращение к ним чужих детей: «Тётенки!» Подруга заплакала... Дома детям приходилось говорить: «Ложитесь пораньше спать, с ложкой под подушкой, каша приснится». В Москве покупали по коммерческим ценам килограмм соли, пять коробок спичек, сколько-то масла и меняли это по деревням на картошку [Улицкая 2013: 306]. Так девочка сохранила жизнь братьям и сестрам. Год описываемого положения не указан. Названо Подмосковье, которое, выходит, не пользовалось преимуществами в распределении, в соцобеспечении сирот.

Следует отметить сравнительно редкое упоминание о болезнях и смерти ребят — ровесников и сверстников авторов воспоминаний [Улицкая 2013: 155].

У каждого времени для них свои опасности. Выбор в критической ситуации между сохранением жизни одного или другого ребенка — это по чьему ведомству? Этики? Исторической психологии? Ровесница Войны Т. Гриценко родилась на пути в эвакуацию, в телеге, на лесной дороге. Мать ее ехала туда, будучи уже на сносях, да еще с маленьким сыном. Возчик сказал: *«Спасай сына, дурёха, <...> девчонка не жилец. Брось ее в сугроб за елку. Я никому не скажу»*. Мать не послушала. И сын, действительно, почти сразу по приезде умер от голода и холода. Дочка выжила, но от голода и болезней ходить начала с трех лет. В голоде, лишениях прошли отчасти и школьные годы, уже в Яхrome. Но и о них сказано: *они были самыми светлыми, мы всё делали сами, одни*. Далее замечательное не лозунговое обобщение о связи поколений советских людей: *«Нас хорошо воспитали старшие, которых*

ВОСПИТЫВАЛИ ПОЛНЫЕ ДОВОЕННЫЕ СЕМЬИ» [Улицкая 2013: 495–502].

Цитируемый сборник переполнен, как и описываемое время, тяжелейшими чертами быта. На этом фоне контрастно выглядит заголовок текста Людмилы Куц — *«Я запомнила только веселые сцены»*.

О еде

О ней вспоминают в подробностях, если ее не было, не хватало или она была не вполне пригодной по меркам неголодного времени. И даже вполне непригодной. Но о голоде в нашей стране за ее историю столько написано, что неловко приводить дополнительные детали, тем более что упоминаются «продукты питания», незнакомые большинству читателей (что такое «снуть», «паслён»?). Ограничусь несколькими выдержками.

А. Сальникова помнит, на сколько детей в семье приходилось делить пол-литра молока, как обрабатывали тошнотворную требуху. *«Сытно бывало только на поминках»* [Улицкая 2013: 34].

Н. Белков, 1942 г.р., из пос. МоГЭС приводит запомнившуюся норму муки — 3 кг на человека в месяц до введения свободной торговли в 1949 г.

Когда А. Компаниец пишет о том, что после перевода отца из элитной в/ч в обычную ему стали выдавать на сладкое не торты, а сахарную свёклу, это лишь забавно. Но вот другая картинка из тех же воспоминаний: пятилетний Толя целыми днями один за дувалом во двореке ашхабадского дома, пока взрослые на работе. Нашел луковицу, ел медленно, смаковал. Игрушки ни одной, ходил целый день по замкнутому двору. Такое поневоле запоминается на всю жизнь [Улицкая 2013: 43].

Характерно удивление взрослого мемуариста по поводу жизни семьи на рубеже 1940–1950-х годов. Впроголодь, хотя отец семейства был руководителем районной кооперации и, вероятно, мог использовать служебное положение. Но, из честности ли, из страха ли — не воровал [Улицкая 2013: 240]. Так что хозяйство было скудным.

Одежда и обувь

Здесь отвлечемся от описаний самих вещей. Не менее важны переживания по их поводу. Ибо довольно долго в сознании ребенка, а затем подростка продолжается преклонение перед формой явлений. Обстоятельства и люди, повинные в отсутствии у подростка вожделенной одежды и «причиндалов» к ней, могли вызывать и вызывали даже ненависть, хорошо, если бессильную. Известный некогда писатель-моралист цитировал с возмущением письмо Ирины А. в «Комсомольскую правду», опубликованное весной 1964 г.: *«Я ненавижу свою мать! <...> Она <...> учит всю жизнь, воображает, что умнее ее нет никого <...> Ссылается на то, что не может делать дорогие покупки. А книг накупила <...> Музыку мы можем слушать только классическую. <...> Всю жизнь я как в тисках <...> Другие без высшего образования, без такого сверхусердного труда зарабатывают на модную обувь, на красивую мебель. <...> Не могу простить матери то, что от нас ушел отец. Она вечно занята, всегда немодно одета»* [Медынский 1964: 12–13].

Это — весточка из середины 1960-х годов. Видимо, тяготы всей предшествующей детской и подростковой жизни Ирины (вероятно, ровесницы Войны) выплеснулись через край не случайно именно к это время. Тогда уже достаточно заметным стал слой молодежи — детей обеспеченных родителей, а также фарцовщиков, умевших зарабатывать на перепродаже заграничных вещей. В рассматриваемое же в статье время, до середины 1950-х годов, Ирина А. такое письмо в газету бы не прислала, хотя что-то похожее на описанные в нем переживания испытывать могла. Ибо единицы из нас, детей Войны, происходили из богатых семей и одевали их на зависть прочим. Не с этим ли было отчасти связано введение школьной формы для мальчиков, совпавшее, опять-таки не случайно, с соединением мужских и женских школ в городах. Но ведь и это не замазывало различия в материальном достатке. Одним покупали хлопчатобумажные гимнастерки и брюки, другим — полушерстяные. Соответственно, и пионерские галстуки были либо шелковые, либо висели на шеях хлопчатобумажными тряпками.

Надставленные из обрезков рукава школьной гимнастерки мне не забыть и теперь, через 60 лет. Как и перелицовки, комбинирование разных кусков при шитье курток-«москвичек», как лыжные байковые костюмы, носимые не только и не столько на лыжных прогулках, а «за всё» [Улицкая 2013: 119], и не только мальчиками.

Градаций в материалах и фасонах школьной формы для девочек было, помнится, до десятка. Одни различия между гладкими и кружевными воротничками и манжетами чего стоили — в прямом и в переносном смысле. Потому-то важны были эти переживания для особ женского пола. Иначе как объяснить, что в воспоминаниях некоторых женщин в возрасте от 50 лет, написанных в начале 1990-х годов, не только названы, но и подробно описаны способы приобретения материи, переговоры с портнихами, покрой, материал, цены за шитье и многое другое. Причем не только для одежды своей — детской, подростковой, но и родственниц, подруг матери, соседок. То же относится к сумочкам, поясам и пр. [Иконникова 1990: 60] Дело еще и в восприимчивости детского, подросткового взгляда.

Различия между одеждой сельских и городских людей запомнились и автору сих строк по впечатлениям рубежа 1940–1950-х годов даже не глубинки, а недалеких поселков от г. Ломоносова Ленинградской обл. И это подтверждает наблюдение историка традиционной культуры [Журавлева 2005].

Дом (или иное жилье семьи) и хозяйство (если таковое было)

В описываемом сборнике встречается воспроизведение воспоминаний из вторых рук. О. Рыженкова пишет о младенчестве — детстве своей бабушки (1946 г.р.), которая провела первые месяцы жизни в люльке в деревенском доме в Белгородской обл., потом в кроватке. Бабушка (бабушки) пела ей потешки. Зимой играла с козлятами в горнице, где жили. Хлеб с маслом и сахар ели только по праздникам, хотя родители работали в детском доме (значит, не воровали). На каникулах вырастили кроликов, и плача, сдали

государству. Девяти лет от роду бабушка научилась шить на швейной машинке, и жить стало легче. А до того бедность вокруг была всеобщей, кроме семей офицеров [Улицкая 2013: 430–434].

Не встречал пока работ об особенностях быта и культуры в военных городках дальних гарнизонов. Но источники на этот счет есть. Дети, жены военнослужащих-профессионалов, да и сами они характеризуют нелегкое своеобразие этих условий. Прежде всего — неуютность быта молодых неженатых офицеров в общежитиях, тесноту, коммунальность буквальную и повышенную зависимость молодых семейных офицеров и их семей от воли, расположения командира; бедность впечатлений для жен офицеров, часто не имевших работы. Не потому ли среди них было распространено вышивание, помогающее украсить быт? Но быт украшают и другими вещами, почти забытыми ныне. Таковы бархатные кружевные накидки на патефоны. Желанный перерыв обыденности — праздник, в частности семейный.

И это напоминает о теме дарений, обширной и важной на определенной стадии жизни человека, и шире — на ранних стадиях общественных изменений. В одних и тех же воспоминаниях о разных этапах жизни послевоенной девочки, ровесницы Войны, говорили о том, как стыдно было идти на день рождения к подружке с копеечным подарком, явно той ненужным, лишь бы не «с пустыми руками». Но вот уж после Войны, когда отец пришел живой, и служба его налажена, и семья рядом, подарок сама воспоминательница получает другой, тоже по-своему незабываемый — туалетный набор: одеколон, духи, зубная щетка и зубной порошок [Иконникова 1990: 38].

С благодарностью отмечено, что отцы-офицеры, младшие по званиям, были способны объединиться вокруг хорошего для детей дела. Построили качели, «гигантские шаги». Сквозь пальцы смотрели даже на детские игры на полигоне вне часов занятий с солдатами.

Следующая тема, отраженная в воспоминаниях и в беллетристике, но не частая в работах обществоведов, — жизнь советских закрытых населенных пунктов. О Капустином Яре — поселке при ракетном полигоне в Поволжье — вспоминает А. Кабаков. Причем описывает не роскошества избранного контингента спецов и их се-

мей. С 1946 г. семья рядового инженера живет в подвале деревянного дома, потом им дают половину хаты. Ложась, укрываются с головой, ибо с потолка падают мокрицы. Паек отца был, конечно, но хлеба не хватало. Немудрено — в 1946 засушливом году.

Вскользь А. Кабаков упоминает об отдыхе в Крыму летом 1953 г., и это наводит на мысль о не только летних отпусках, каникулах, но в целом о гораздо более массовых и не от хорошей жизни, и не по своей воле движениях многомиллионных волн населения в военные и первые послевоенные годы, с их «побочным продуктом» — близким знакомством русских людей (и «русскоязычных») с языками, бытом, культурой других народов СССР, среди коих размещали эвакуированных, ссыльных, отдыхающих и т.д. [Улицкая 2013: 453].

Вот опять, деталь из воспоминаний Н.М. Иконниковой о доме выселенных чеченцев, где разместили семью ее отца — «военкоматчика». Пол в зале дома был застелен клетчатой шерстяной материей. И купание было не в тихой заводи, а в горной реке!

Возвращаясь непосредственно к теме **дом, хозяйство**, замечаем особое восприятие сельских условий жизни со стороны городских детей. В 1953 г. младшая школьница-горожанка принимает овец за собак особой породы, теряется, когда надо есть из общей миски. Это — одна эпоха. Через десятилетия наступает другая: она и сверстники бродят по вымершим деревням. *«Избы не разоренные, с утварью и иконами, только дворы заросли и огороды одичали»* [Улицкая 2013: 298].

Воспитанные в советских традициях выпячивания социально-классовых противоречий, мы всегда смотрели сквозь пальцы на противоречия «социально-культурные». А они были не только различиями, но и выливались в явные или скрытые антагонизмы. Об этом напоминает признание А. Кабакова: *«Деревенских мы так называли презрительно — плохо одетых, переростков, второгородников, шпану»* [Улицкая 2013: 457].

Еще один горожанин, чья исповедь — в Биографическом фонде СИ РАН, осваивает негородскую, природную среду не в ранние годы, а став самостоятельным. И нет для него лучшего, естественного времяпрепровождения. [Булкин 1990: 2–5]. К чему ближе сей

феномен — к упоению традиционной культурой или к некоторой психической аномалии данного горожанина — не охотника, не грибника, а мрачно-страстного любителя негородской среды? Возможно, начиналось это увлечение, как и у множества молодых людей, с конца 1950-х годов, когда рост трудовых доходов позволил молодежи устремиться за городские черты под маркой «дикого туризма». Фактически это было для многих местом свиданий под кущами и на берегах. Ведь голос плоти ревел, а для плотских утех планета СССР была «плохо оборудована». Потом большинство людей вступили в брак и осели в своих комнатах и квартирах. Но какая-то часть пристрастилась к общению с природой, уподобившись отчасти пионерам, следопытам и другим положительным героям.

Вспоминая своих коллег, рабочих-строителей начала 1970-х годов, думаю, что некоторых из них гнала за город тоска общежитского быта, казенного и довольно бесперспективного для не вступивших в брак. Большинство из них были выходцами из деревень и поселков, так и не принявшими к культуре городской в лучшем смысле слова.

Когда я говорю о воспоминаниях как источнике по традиционной культуре, то вижу их неравную ценность. Ясно, что чем обширнее текст, тем подробнее и ярче могут быть описания. Н.М. Иконникова посвящает родному селу Усть-Абакан десятки страниц. И мы как бы видим внутренность избы, русскую печь. Вот только как горит кизяк — не видим и не чуем. Не в музейной постановке, а в реальном жилье 1940-х годов вертит ее бабушка жернов ручной мельницы. На памяти автора этих строк, как и Н.М. Иконниковой, угольные (паровые?) утюги, «скалки» для проглаживания белья. Но не все слова понятны. «Вихотка» — это мочалка? И лишь когда возвратная дикость быта военных лет позади, читать и понимать текст данных воспоминаний становится легче. Ибо отец Н.М. Иконниковой — сотрудник военкомата. Где бы он ни был, в каждом небольшом населенном пункте обзаводится домом, садом, скотом и птицей, ульями. [Иконникова 1990: 6 об., 11, 13, 18, 19 об., 69 об.]. Он ведь и сам, и жена его — из села. И традиционные занятия, культура для них — не экзотика, а родное дело. Да и нужное, чтобы жить по-людски.

Война и послевоенные трудности, беды, трагедии сблизили людей разных слоев, классов, даже регионов. Мариам Власко вспоминает без классовой ненависти о жизни в эвакуации в доме бывшего кулака, оставшегося крестьянином-единоличником, сумевшим, благодаря разделу хозяйства, вести хозяйство большее, чем разрешалось по Уставу сельхозартели. Мариам, видимо, будучи ещё подростком, научилась здесь обращению с лошадьми [Н.М. Иконникова: 313].

Мытье (основательное, не умывание)

И об этом помнят. Что неудивительно, ибо действие обновляющее большого мытья чувствовали и дети. Не все понесли потом в жизнь добрую привычку к русской бане, но помнят, особенно по деревенским впечатлениям, поселковым тоже. *«Коллективные помывки у бабушкиного племянника превращались в небольшой праздник. Шли семьями, с дровами и закуской. Тут же стригли детей под ноль, и девочек»* [Улицкая 2013: 107]. А в Москве Ольгу Вельчинскую, примерно 1947 г.р., «дочиста-докрасна» оттирала в ванне няня, домработница.

И опять напоминаю не о взаимопроникновении культур, благодаря их встречам в лице домработниц и городских хозяев, ибо воздействие было чаще всего односторонним. Деревенские девы не становились вполне городскими, а свои слова-понятия и представления в воспитываемых деток горожан, хотя бы на время, внедряли [Улицкая 2013: 478, 485].

Игры

Если на шкале запоминаемости расположить темы, сюжеты рассматриваемых воспоминаний, то игры будут на одном из первых мест, особенно для тех детей, которые имели какое-то время на игры, не занятое заботой о малышах, о быте семьи. Запоминалось разное: огромные игрушки-слоны в детском саду, «море волнуется», «12 палочек», «штандер», «замри», игра в пристенок на деньги. А вот как играли в «садовника» — не помню. Наверно, так же, как

в «цветы», когда называли цветок, в который играющий «влюблен». Глухо упоминается в воспоминаниях о возможности прикосновения к особам противоположного пола. И в целом о протополовых играх, вроде «докторов», в рассматриваемых источниках целомудренно не упоминают.

Не всегда поясняют, в чем заключалась игра. А по названию — не понять. Вот «лямочку» называющий поясняет, это — подбрасывание «баночкой» стопы предмета в ткани на счет — кто больше, не уронив. Пишут о коньках-«снегурках», привязываемых к валенкам веревками с закруткой на палочки, а я с запоздалой горечью вспоминаю, что подаренные долгожданные «снегурки» так и пролежали у меня, ибо не на что было их привязать, да и не умел [Улицкая 2013: 134, 152].

Не забыты игрушки: фигурные флаконы из-под духов, корпуса фотоаппаратов, часов. Истинный кладезь ценных деталей, Н.М. Иконникова вспоминает, как детсадовцы устраивали «бега за саранчой на привязи» (!), не поясняя очевидное для нее: дети ли бежали за насекомыми или гоняли насекомых на привязи [Иконникова 1990: 31, 36]. Перечислять можно бесконечно. Поэтому остановлюсь только на необычном, имеющем отношение к национальной памяти. Н.М. Иконникова: *«Играем на старом чеченском кладбище. Пачкаем пальцы в охре надписей <...> Обустраиваем роднички срубами. А чеченские дети ломают наши и делают свои, лучшие»* [Иконникова 1990: 22].

Не выделяю по причине редкости сюжет работы детей в чужих домах с оплатой необычной. В данном случае — с имеющей отношение к игре. Анна Сальникова: *«Помоешь пол у соседей — дадут поддержать куклу, большую, гуттаперчевую. А у нас была кукла, смотанная из полотенца и повязанная носовым платком»* [Улицкая 2013: 35].

Школа и другие детские учреждения (пионерлагерь)

Главной послевоенной задачей ВКП(б), государства и общественности в сфере народного образования было обеспечение в полуголодной и плохо одетой стране **всеобща**. Фонд средств на

это дело формировался в основном из ресурсов государства и колхозов, а распределялся с участием комиссий при РОНО и школьных родительских комитетов. Сельская девочка помнит, что после первого класса ее наградили отрезом ситца на платье. Сохранившиеся и восстановленные школы были переполнены. Один из вспоминающих сообщает, что его первый класс шел под литерой «Д», т.е. их было пять в приеме того года. А в классе учились дети и подростки в возрасте от 7 до 11 лет. Ясно, что первые страдали от старших. Важная черта: детей погибших на фронте не исключали, даже хулиганистых [Улицкая 2013: 128].

Более полно даю воспоминания матери С. Кайсаровой из дер. Мокрово Псковской обл. *«Школа была серьезным делом, — пишет она со слов мамы. — Били там за многое, даже за цыпки на руках, а как их было избежать, если белье полоскали в ледяной воде».* Обувь зимней у этой девочки (1943 г.р.) не было, и она осталась в четвертом классе на второй год. А ведь это уже середина 1950-х годов, т.е. время подъема села после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Но область-то Псковская, одна из самых пострадавших. На Новый год у некоторых появились обновки — черные сатиновые рубахи. Зинка, которой *«сшили из полотенец розовое “требушастое” платье, плакала за печкой»* [Улицкая 2013: 319].

Дед А. Огарёва, 1940 г.р., работал по дому, смотрел за сестренкой, в разрушенную школу не ходил. Его учила мать! И все же, пишет внук, *«Дед сказал: “Это было мое как нельзя хорошее детство”. Тут дед заплакал»* [Улицкая 2013: 64].

Дм. Виноградов, мой ровесник, в 1951 г., после первого класса, т.е. в возрасте октябренька (впрочем, институт октябрятства не был повсеместным в школах), отличник, награждается направлением в пионерлагерь (один из четырех первых классов, т.е. из не менее чем 120 ребят). Ему запомнилось, как каждое утро отправляемые вшестером по очереди в пекарню мальчишки получали там на лагерь 13 буханок теплого, одуряющее духовитого хлеба и съедали по дороге 13-ю буханку, которую, оказывается, выпекали «нелегально», понимая, что иначе мучением станет для ребят это задание [Улицкая 2013: 55].

Переезды дальние

Дорога в эвакуацию и обратно запоминалась продолжительностью, пересадками, другими тяготами военных и послевоенных лет. Но дети не все понимали и не все ощущали так остро, как взрослые. Послевоенные переезды постепенно становились легче, более упорядоченными, доступными, судя по тому что массы людей так или иначе передвигались по просторам СССР. Подчас они (переезды) становились интересными для детей. Н.М. Иконникова, лет шести-семи, читает в вагоне стихи военным по дороге из Сибири в обезлюдившую после высылки коренного населения Чечню [Иконникова 1990].

Особенности природы и быта разных регионов

Раздел небольшой, из-за многозначности эпизодов, деталей, обрывков воспоминаний, которые в сборнике Л. Улицкой прошли уже редакторский отбор и сокращение. А в случае Н.М. Иконниковой видим иное — последовательное изложение многолетней жизни перебивают всплывающие рассуждения, возвраты в ранние годы, рассуждения из сего дня о прошлом.

Так что здесь, говоря об особенностях быта, привожу только для примера наблюдение мемуариста — ребенка военных лет — о давнем порядке в казачьей близ Омска станице, когда в центре селились казаки, а по окраинам — иногородние [Улицкая 2013: 399].

Восприятие перепадов-поворотов биографии в связи с переездами и переменами в жизни родителей

Такую тему надо было выделить хотя бы для рассказа о перепадах судьбы Л. Чичко. Из эвакуации, из Ферганы, его привезли в 1944 г. в Москву дистрофиком. В детсаду Литфонда вылечили от куриной слепоты. И вдруг перемещение в сытую немецкую жизнь отца — сотрудника армейской газеты, в 2-этажный особняк! В войну дети там играли, используя настоящее оружие. Устраивали набег на немецкие сады. Встреча с традиционной отечественной культурой произошла на пути в СССР, под Оршей, при остановке

поезда. Оборванные грязные дети обступили едущего из Германии мальчика и осторожно касались его чистой новой заграничной одежды. Просили есть, и потом дрались, деля принесенное. Третий поворот случился к нормальной жизни, не оккупационной. Отец служил до демобилизации в Риге [Улицкая 2013: 514–522].

Знакомясь с воспоминаниями детей офицеров и сверхсрочников-старшин, испытываешь особую заинтересованность тайнами жизни за КПП.

Из военного Крыма — в Ташкент, в эвакуацию, а далее — в Брест перемещается семья офицера-караима. На вокзале в Бресте — ярчайшая деталь пограничной станции — высятся кучи брошенного «барахла», которое нельзя было провезти на родину, в том числе рояли, пианино. Горы детских колясок. Фарфоровые статуэтки. Но самые умные везли в разрешенных чемоданах иглы, швейные и для патефонов.

Вот и Брест позади. Дочку караима в подмосковной школе дразнят жидовкой, предательницей. Она отбивается. Из еды запомнились селедочные головы, принесенные мамой подруги из солдатской столовой, вобла. В праздник «ситро» — напиток, требующий теперь пояснений. Странную радость узнавания знакомого материала испытываешь при упоминании мемуаристкой В. Лис авиационного парад над Тушино, уже вспомненного в автобиографической прозе 1970-х годов [Житинский 1991]. Но самыми большими праздниками для В. Лис стала елка в Москве и участие в концерте в театре Советской Армии. И, конечно, подарки! [Улицкая 2013: 446–450].

Обычаи и приметы

Дома ли, на привычном месте или на новых местах, дети были свидетелями, а то и участниками различных обрядов, эпизодов и манер поведения, основанных на поверьях, обычаях народов. Отражены в воспоминаниях туркменская, чеченская свадьба, похороны в Хакасии [Иконникова 1990: 17, 25, 42]. В других случаях нынешние взрослые и пожилые лишь передают сведения, слухи об обычаях, поверьях, приметах своего или иного народа, среди коего довелось жить.

Бывало, дети механически повторяли магические действия, приземлив их до игры, хотя в основе лежало давно забытое поверье. На нас, ровесников Войны, юных (в первой половине 1950-х годов) читателей книжки «Белеет парус одинокий», сильное впечатление производил эпизод, когда Гаврик, борясь с искушением рассказать Пете о матросе-потёмкинце, говорит: *«Слышь... Ешь землю, что не скажешь!»* И Петя старательно, хоть и с отвращением, жует щепотку довольно чистой земли... [Катаев 1968: 115]. Откуда нам было знать, что *«силой доказательства обладал обычай целовать землю и съедать комок земли <...> перед мирским судом»*.

Или, как отмечает исследователь мифов, расхожие сокрушения или напротив — горделивость по поводу «брака», заключенного не в церкви, а «вокруг куста» — тоже имели глубокие традиционные корни и в старообрядчестве, и в довольно «нигилистической» песне «Нас венчали не в церкви». Из тех же корней — приписывание аисту помощи в воспроизводстве населения, осине — свойства вернейшего средства против вставания из могил ведьм, юго-востоку — направления поиска праведной земли — Беловодья, Рахманского царства [Левкиевская 2005: 63, 120, 148, 159]. К действительной жизни это имеет отношение, когда мемуарист повествует о том, как семья прадеда не признает бабушку, родившую раньше девяти месяцев после свадьбы, вдовой деда, погибшего на фронте [Улицкая 2013: 400]. Не о такой ли России воздыхают любители величественной высоконравственной старины, описанной в «Грозе» А.Н. Островским?

Малому ребенку это было непонятно. Он весь — вера в то, что говорят взрослые. А они каких только примет не высыпают на детское сознание: *«Снялся ботинок. Не бегай в одном башмаке, а то кто-то из родителей умрет<...>. Кричи в открытую печь “Папа, приезжай (с фронта), я тебя жду” — и отец придет»* [Иконникова 1990: 14, 20].

Предметы культурного быта-обихода

Вряд ли стоило выделять раздел ради двух деталей воспоминаний, касающихся появления в семье предметов культурного

обихода. Но, вероятно, только в рассматриваемых текстах этот сюжет столь редок. Н.М. Иконникова отмечает, что на барахолке (видимо, в 1950-е годы) купили «Вальс цветов» из «Щелкунчика» Чайковского и другую пластинку — с песней «Эх, дороги». Другое упоминание о предметах, носителях искусства слова, встречаем у той же Н.М. Иконниковой с немаловажным замечанием. А именно: книги, которые она брала когда-то в детской библиотеке (Сказки, Короленко, Гаврош), она перечитывает и в свои 50 лет, и они ее волнуют [Иконникова 1990: 40–41]. Что это? Запоздалое детское сочувствие к литературным героям или следствие не весьма большой начитанности? Как бы то ни было, мы с большим доверием после этого признания относимся и к другим местам воспоминаний Н.М. Иконниковой. Ибо она — живой, чувствующий человек. Короче говоря, текст характеризует и культурно-бытовую среду, и тип авторской личности, чувствующей, а не только размышляющей.

Воспитание чувств

Начавшись в детстве, военном и послевоенном, воспитание чувств продолжалось у людей описываемого поколения до середины жизни, а у иных и дольше. Проблема истолкования текста особенно трудна, когда речь идет не о вещах, местах, обычаях, но о поступках окружающих и их возможных оценках в разное время. Ю. Хилова на страницах подборки пишет, что ее крестили во время блокады, трехлетней. И слава бы Богу, как говорится. Но дальше убийственная деталь: священник взял за это таинство все месячные карточки семьи. Мы не знаем, каково было семейное положение того священника, сколько голодных ртов ждало его дома. Но ясно, что горький осадок по отношению к православию у мемуаристки мог остаться, просто она в это не углубляется.

Другая ситуация не столь драматична: О. Хилова была изгнана из класса, посмеив сказать, что ей нравится Наполеон [Улицкая 2013: 460, 463] Что она могла испытывать тогда, в начале 1950-х, и по отношению к кому — к учителю? К школе, или к системе, не при-

знающей «отсебятины», как это называли тогда, «путанных, чуждых нам взглядов»? Наверно, понимание того, что учитель был лишь винтиком идеологической машины, пришло позже.

Одних Война и послевоенные беды ожесточали, других сплавляли добротой не только к ближним, но и к дальним, даже очень дальним. Многократно, и не только в подборке Л. Улицкой, встречаются упоминания о том, как дети подкармливают пленных — немцев, итальянцев, румын, японцев, проявляя естественное сострадание к голодающим [Улицкая 2013: 374–380]. Почему? Наверно, испытав или еще испытывая голод сами. Было ли подобное в Германии по отношению к нашим пленным со стороны немецких детей?

Об иной жалости — по отношению двух советских поколений друг к другу — непреодолимой по ее сути, как грани времен, эпох, есть цитата в книге Л. Улицкой. Старая бабушка, 1932 г.р., говорит: *«Жалко мне вас. Мы любили город, улицу, а вы выйти даже боитесь. Людей боитесь. Мы-то — только собак. <...> И вы же нас еще жалете»* [Улицкая 2013: 476]. Сей отрывок — попытка использовать опыт социолого-поэтического освоения нарративов [Готлиб, Лехциер 2015: 24], думается, пригодный здесь из-за масштабности темы противоречивости связи поколений.

И последнее — о чувстве, противоположном жалости, о гневе. О родительском, выражавшемся в битье детей, о детском. Его проявления сплошь и рядом можно видеть в стычках детей и подростков, не заглядывая в сборники нарративов. Перевертыш старинной фразы о битье мужем жены («Бьет — значит любит») звучал издевательски по отношению к ребенку: *«Папа бьет, значит любит»*. А вот в оговорке о том, что за послушание детей сажали на цепь, открывается нам еще одна черта послевоенного сурового времени, но не удивляет сегодня, ибо постоянно видим в СМИ известия о родительском садизме [Улицкая 2013: 410].

Не благостно было бы закончить статью последним словом предыдущей фразы. Поэтому добавлю лишь одно имя — «Серезжа» — как название повести В. Пановой о тех самых годах, о мальчике — ровеснике Войны, о его счастливой по сравнению с персонажами данной статьи жизни.

* * *

Что же в итоге?

То, что научные публикации воспоминаний удобнее и содержательнее для исследователя, чем писательские подборки отрывков из личных документов, — это было ясно заведомо. И все же я препарировал сборник высказываний детей Войны о послевоенном восьмилетии, ибо мнения этой когорты до сих пор не встречались в таком количестве и тематическом разнообразии.

Что прибавило это знакомство к научному представлению о четвертой пятилетке и о начале пятой? Как об историческом этапе в жизни страны — ничего. Слишком хорошо известны выявленные начиная с 1960-х годов и особенно за последние 20–25 лет невероятные тяготы восстановления для полуразрушенной страны, потерявшей чуть ли не шестую часть населения.

Значит, такого рода коллекции обрывков (отрывков) воспоминаний могут понадобиться скорее собирателям деталей, подробностей. Писателю, относящему действие в те годы? Историческому психологу, выстраивающему концепцию изменений типов личности в условиях разного воздействия на нее общества и государства? Этнографам? Но большая часть содержания, события и их восприятие обусловлены были не этническими и не региональными чертами, а положением страны в целом. Социологам? Но для них, как и для историков, главным недостатком сборника Л. Улицкой является неполнота социальных характеристик семей, мозаичность фрагментов судеб. Нет представления о каждой из них в целом, от начала до сего дня (если мемуарист жив). Или — до его конца, позволяющего судить о значении рассказанного в его тексте для последующего пути. Свидетельство тому, по контрасту, — обширные воспоминания Н.М. Иконниковой, из коих здесь были приведены лишь небольшие детали.

Важнейшее преимущество больших, разнообразных по содержанию воспоминаний — возможность узнать, почувствовать личность мемуариста, чтобы относиться к исследуемому тексту с оправданной мерой доверия.

Но в условиях, когда первичные крупные тексты жизнеописаний ровесников Войны еще только откладываются в архивах и лишь

отчасти представлены в печатном виде, пренебрегать и такими подборками, как описанная, не следует.

Возможно, в ближайшие десятилетия главным ресурсом текстов жизнеописаний людей разных возрастов и положений станет (уже становится) Интернет в таких его ресурсах, как Макспарк — Гайдпарк и т.д. Здесь уже видны такие свойства биографических материалов, как откровенность, особенно при использовании псевдонимов. Затруднит работу с такими источниками отсутствие или вымышленность «паспортички» автора высказываний о себе. Но что-то из личных данных восстановимо по косвенным признакам из текста воспоминаний. Или при личном обращении. Так что возможно привлечение десятков и сотен, если не тысяч, биографий, «без бумаги и расстояний», с перспективой для исследователя уточнять подробности, проводить опросы групп мемуаристов. Время покажет, даст ли это качественно новый уровень знаний о человеке и обществе.

Библиография

- Бромлей Ю.В., Токарев С.А. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988.
- Булкин С. Воспоминания // Биографический фонд Социологического ин-та РАН.
- Готлиб А., Лехциер В. Собственным голосом: опыт социолого-поэтического освоения нарративов // Телескоп: ЖСМИ. 2015. № 6. С. 24–32.
- Жигулева В.М. Русская традиционная культура конца XIX — начала XX в. (По материалам крестьянской одежды Пензенской и Тамбовской губерний). Пенза, 2005 // disser Cat <http://www.dissercat.com/content/russkaya-traditsionnaya-kultura-kontsa-xix-nachala-xx-vv-po-materialam-krestyanskoi-odezhdy-#ixzz3wlePSpoA>.
- Житинский А. Типичный представитель // Звезда. 1991. № 4.
- Иконникова (Шестоярова) Н.М. Воспоминания // Биографический фонд Социологического ин-та РАН в СПб. Ед. хр. 14. Папка I.
- Катаев В. Белеет парус одинокий. Хуторок в степи. М.: Известия, 1968. 592 с.
- Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, АСТ, 2005. 478 с.
- Медынский Г. Трудная книга. Судьбы, письма, размышления. М.: Политиздат, 1964. 536 с.
- Улицкая Л. Детство 45–53, а завтра будет счастье. М.: АСТ, 2013. 168 с.

Т.М. Яковлева

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУХНИ В ЛЕНИНГРАДЕ

Статья, основанная на полевых материалах разных лет и собственном опыте автора, обобщает кулинарные практики людей, приехавших в Ленинград в 1970–1980 годах из разных уголков СССР и других стран. Большинство из них были вынуждены приспосабливать свои пищевые привычки к новым условиям. О том, как этот процесс происходил, рассказывается в статье, где приводится множество примеров из жизни в Ленинграде и в других регионах большой страны.

Ключевые слова: национальные кухни, кулинарные практики, пищевые привычки.

T. Yakovleva

NATIONAL CUISINE IN LENINGRAD

Article T. Yakovleva, based on field materials from different years and the author's own experience, summarizes the culinary practices of people who came to Leningrad in 1970–1980 from different parts of the USSR and other countries. Most of them were forced to adapt their eating habits to new conditions. How this process took place is described in the article, which gives many examples from life in Leningrad and other regions of a large country.

Keywords: national cuisine, culinary practices, food habits.

Что бывает по-ленинградски? Когда-то в российской провинции так называли что-либо перенятое от приезжих из Ленинграда или приобретенное во время пребывания в этом городе: речь, манеру одеваться, прическу. Моя мама, вернувшаяся на родину в Костромскую область после длительного пребывания в Ленинграде, долгое время в глазах соседей говорила, одевалась и готовила «по-ленинградски». Иногда это «по-ленинградски» означало то же, что «по-городски», не так, как обычно принято.

В Тверской деревне можно было услышать: «*Я вам щей сегодня наготовила по-ленинградски*» (т.е. в кастрюле и на газовой плите, а не в русской печке) [ПМА 1982]. Когда я задавала этот вопрос в разговорах и социальных сетях, он воспринимался субъективно и просто «уводил» в сравнение Ленинграда — Петербурга с Москвой или Ленинграда с Петербургом, либо досоветским, либо постсоветским.

Советская символика (крейсер «Аврора»), блокада и блокадники, черты характера (достоинство, интеллигентность), белые ночи и мосты, речь и лексика, отличающаяся от московской («поребрик» и «парадная»), погода (в отличие от всех регионов, и даже от современной питерской), культурные ценности, места неформального общения («Сайгон», «Академичка», «Гастрит», Рок клуб)... Это не полный перечень ответов тех людей, которые в достаточно зрелом возрасте застали город, когда он еще был Ленинградом.

Люди младше 35 лет затруднялись ответить. Те же, кто воспринимал вопрос конкретно, вспоминая о чем-либо особенном, истинно ленинградском, чаще всего называли корюшку и рассольник [ПМА 2015].

Это почти совпадает с результатами поиска в Интернете. «По-ленинградски», в основном, бывают рыба, рассольник и (как ни странно) чебуреки. Насчет рыбы удивляться не приходится. Незабываемые весенние дни, когда на улицах стоял запах свежих огурцов (так пахнет корюшка), а жители всех возрастов выстраивались в очереди к лоткам с рыбкой, когда на кухнях общежитий, коммуналок и квартир одинаково ворчали сковородки, а в больших тарелках вырастали золотистые ароматные горки, памятливы многим жителям северной столицы. Корюшка объединяла, давала ощущение

ние родства, маленького ленинградского заговора, участие в котором являлось неким маркером ленинградской идентичности, принадлежности к единой среде обитания. Ленинградские хозяйки заготавливали корюшку впрок: обжаривали, затем заливали маринадом с луком и морковью. Впрочем, рецепт рыбы по-ленинградски именно к корюшке не относится, это любая рыба с пассерованным луком, приправленным мукой.

Другое дело чебурек. Здесь «по-ленинградски» означает особый способ приготовления известного блюда тюркско-монгольской национальной кухни. Само слово было заимствовано в советский период из языка крымских татар (буквально означает «сырой пирожок»). Традиционно начинкой чебуреков являлось мелко нарезанное мясо с приправами, его обжаривали в растопленном бараньем жире. В современной кулинарии стали использовать начинку из фарша любого мяса, капусты, картошки, сыра или яиц, а обжаривать во фритюре на растительном масле.

Рецепт знаменитого чебурека по-ленинградски также отличался от традиционного, был приспособлен к местным условиям и вкусам. Он был изобретен в 1962 г. в популярной чебуречной на пр. Майорова (ныне Вознесенский пр.), в течение нескольких десятилетий она славилась блюдами азиатской и кавказской кухни. Зал занимал довольно большую площадь, цены были демократичными, еда вкусной. Все это делало «чебуречную на Майорова» популярной среди ленинградцев и приезжих из других регионов.

Если проявить упорство в поиске в Сети, выясняется, что еще «по-ленинградски» бывают преступления (которые, впрочем, могли быть совершены в любом другом городе). «По-ленинградски» якобы похоронили Эдуарда Хиля, потому что моросил дождик, а собравшиеся вели себя интеллигентно. Можно подумать, что на похоронах в Москве люди танцуют и буянят. Но это редкие исключения. Дальше опять идут гастрономия и кулинария: капуста, колбаса, мясо, пирожное.

При этом в 1990-х годах, когда о ленинградском, петербургском стиле много писали, особенно в свете межнациональных отношений (тогда шли споры о переименовании города, официально регистрировались общественные организации), националь-

ные кухни как часть самобытной народной культуры в полиэтническом мегаполисе как-то обходили стороной. Не до них было. Между тем они всегда существовали в Ленинграде — Петербурге, а за последнее тридцатилетие претерпели значительные изменения, как в количественном, так и в качественном отношениях.

Эти заметки — попытка обобщить мои воспоминания о национальных кухнях последнего десятилетия советского Ленинграда, куда я приехала в 1979 г. В том же году состоялась очередная всесоюзная перепись населения, которая зафиксировала в Ленинграде 4,5 млн жителей, из них 490 тыс. были нерусскими. В 1989 г. численность ленинградцев достигла почти 5 млн, из которых 550 тыс. не были русскими, т.е. прирост нерусского населения составил 60 тыс. При этом численность некоторых национальностей уменьшилась (евреев, финнов и др.), а других возросла в разы [Смирнова 2002].

Увеличение численности горожан было достигнуто не только за счет естественного прироста. В конце 1970-х годов Ленинград нуждался в притоке рабочей силы. Предприятия увеличивали мощности, вводили в строй новые общежития. На вредных и трудоемких производствах, где не хотели работать местные жители, трудились приехавшие со всех концов страны «лимитчики», «лимита» — люди, которым предоставляли временную (лимитную) прописку. Отработав на одном предприятии 10 лет по рабочей специальности, человек имел право получить постоянную прописку и встать на очередь для получения комнаты или кооперативной квартиры. Потом этот срок сократили до пяти, и на некоторых предприятиях до трех лет. Это были многочисленные ЖБИ (заводы железобетонных изделий) и АБЗ (асфальтно-бетонные заводы), стройки, химические, кожевенные, обувные предприятия («Скорород» и «Красный треугольник») и др.

В техникумы и ПТУ на высокотехнологичные или престижные отделения не принимали молодых людей, не имеющих постоянной прописки. Работодатели шли порой на нарушение: принимая иногороднего сотрудника на работу в управленческий аппарат, его оформляли как подсобного рабочего.

Однажды мне самой довелось присутствовать на вербовке. Группа из пяти человек (кадровики и кассир) встречала прилетев-

шие ночью в аэропорт Пулково самолеты, которые доставляли с мест службы демобилизованных солдат. В зале прилета разрешено было поставить столы. Вербовщики останавливали ребят и предлагали заключить договор о работе в организации, в случае согласия сразу выдавали подъемные — 25 руб., с обязательством через три месяца приехать на работу. Понятно, что для демобилизованного солдата это были большие деньги, многие соглашались.

В рабочем общежитии строительной организации рядом со мной жили украинцы, белорусы, армянка, татары, узбек, казах и, конечно, русские почти из всех республик и областей СССР. Более пеструю карту национальностей представляло наше студенческое сообщество: будущие врачи, инженеры, художники, журналисты из Индии, Афганистана, Вьетнама, Монголии, многих африканских стран, из Грузии и Армении, Тувы и Бурятии, Эстонии и Литвы. Некоторые после учебы оставались в Ленинграде.

Настоящие кулинарные шедевры всех стран и народов рождались на общих кухнях рабочих и студенческих общежитий, в коммунальных и отдельных квартирах. Рецепты привычной с детства кухни видоизменялись в городских условиях, где, с одной стороны, был гораздо больший выбор гастрономических продуктов, чем во многих регионах СССР, а с другой стороны, наблюдались однообразие и дефицит. Часто «усовершенствования» были вызваны необходимостью экономии. *«Русская из Ферганы (Узбекистан): “Манты здесь немного по-другому делаю. Во-первых, начинка со свиной. Немного сала добавляю, так сочнее. И картошки — примерно половину всего объема, — так дешевле”»* [ПМА 1982].

Настоящим событием были посылки с родины или приезд земляков с дарами. Мясные деликатесы из Литвы, сало из Украины, вяленая и копченая рыба с Дальнего Востока, кальмары из Крыма, грибы из российской глубинки и Белоруссии, приправы с Кавказа, конина из Казахстана, кофемолки и турки для кофе из Армении являлись поводом для встречи друзей, дегустации и приготовления национальных блюд.

Основным источником формирования гастрономических предпочтений являлась семья. Оторвавшись от родного дома,

девушки и юноши готовили, как научили мама, бабушка, а кто не успел научиться — методом эксперимента и по памяти показывали стремление добиться вкуса «как у мамы». Как правило, старшая женщина в доме являлась хранителем кулинарного знания, любимого семейного рецепта.

Мою знакомую грузинку (приехала в Ленинград в 1930-е годы, ей было уже за 70, когда мы жили рядом), готовить учила бабушка. Для нее даже в преклонные лета бабушка оставалась самым главным авторитетом (как в иерархии жизненных ценностей, так и в ведении домашнего хозяйства).

«Вспоминается такой случай. Доктора (даргинца по национальности) решили отблагодарить родители удачно прооперированной девочки. Зная, что доктор не возьмет деньги, они преподнесли подарок, от которого тот не мог отказаться, — свежего барашка. Небольшая компания была приглашена на шашлыки. Не припомню, пробовала ли я с тех пор что-либо подобное. Конечно, начались расспросы о маринаде и т.п., на что был ответ: “Это семейный рецепт, передается от бабушки. Только мужчины нашей семьи могут готовить такой шашлык”. Тогда никто не заметил противоречия: готовят шашлык мужчины, а передает знание (и, возможно, принимает участие в подготовительной работе) бабушка [ПМА 1982].

Семья играла главную роль в приобретении навыков приготовления пищи, формировании представлений о вкусной и правильной еде. При этом имели значение уровень материальной обеспеченности и, в большей степени, существование семейных традиций.

В 1980-х годах рядом со мной жили две девушки (обе татарки), приехавшие из соседних районов Татарстана. Одна из них происходила из крепкой семьи. Она частенько готовила пирожки с картошкой или с мясным фаршем и угощала всех, кто находился на кухне. *«Это наши, татарские. Дома часто делаем. Просто, бы-*

стро, дешево, все есть — мука да картошка. Масло, конечно. Странно, что вы не знаете этот рецепт». Другая девушка была родом из бедной многодетной семьи, ее мама часто оставляла детей без присмотра. Они питались, где придется. С национальной кухней девушка была не знакома, вернее, не отличала татарскую еду от любой другой. В общепитии она постепенно осваивала технологию приготовления общепринятых блюд и не стремилась пробовать что-то татарское [ПМА 1982].

Понятия о том, что вкусно, а что нет, субъективны, особенно если были приобретены во времена дефицита. Удовольствие, однажды испытанное от еды, надолго фиксирует в памяти блюдо, которое позволило организму насытиться. Взрослый человек, живущий в благополучное время, может вдруг захотеть окрошку с консервированной килькой в томате или омлет из яичного порошка — блюда из голодного детства. И если желание удовлетворяется, с удивлением открывает для себя, что вкус изменился.

В условиях возможности выбора и определенной стабильности формировались представления о полезности той или иной еды. Аргумент «полезности» вступал в действие, когда дома, в детском саду или в школьной столовой в ребенка старались «загрузить» индивидуально непереносимый им продукт. Таким образом «полезность» порой приобретала негативную окраску в оценочной шкале вкусовых пристрастий: *«Почему-то все невкусное полезно!»* Для взрослой аудитории «полезность» продуктов декларировалась как достижение советского хозяйства (в отличие от заграничного капиталистического изобилия, где много всего разного, но не натурального, а значит, бесполезного).

К «страшилкам» капитализма относились истории о том, что маргарин ТАМ делают из нефти, колбасу — из туалетной бумаги (которая тоже, кстати, была в большом дефиците в СССР), клубнику зимой — из нитратов, и в пору нам их пожалеть, а не завидовать. Аргумент «полезности» использовался, но не особенно работал в распространении и продвижении продуктов, традиционных для отдельных регионов, на все советское пространство. Консервы из кальмаров (продукта, совершенно не укладывающегося в пищевые

стереотипы жителей средней полосы России), приходилось «спасать», стимулируя продажи другими способами.

«В начале 1970-х в телевизионной передаче было объявлено, что в одной из банок с кальмарами, которыми были затоварены магазины, находится бриллиант. Многие брали по две банки. Открыв и посмотрев, так и ставили в мусорное ведро» [ПМА 1982].

Позднее эту оплошность исправили, публикуя в СМИ рецепты блюд из кальмаров, сельди «иваси» или других новых или нетипичных для региона продуктов, которые периодически в большом количестве появлялись на прилавках магазинов.

Кулинарный опыт семьи, конечно, не ограничивался традиционными бабушкиными рецептами. Некоторое представление об основных кулинарных правилах давала школа, в программу которой входили, начиная с 4-го класса, уроки домоводства. На этих уроках девочки получали элементарные знания по технологии приготовления пищи.

Принудительная миграция, оседлость в иноэтническом окружении, трудовые вахты на севере или отдых на южных курортах, поездки в большие города — все это позволяло как экспортировать «свои» блюда в новую среду, так и познакомиться с «чужой» едой, полюбить ее и включить в свой рацион питания. Украинский борщ, белорусские беляши, драники распространились во многих регионах России и не воспринимались как «чужая» еда (возможно, из-за схожести вкусов, технологии приготовления, используемых ингредиентов, их доступности).

Расширению кругозора домохозяек способствовали книги по кулинарии и ведению домашнего хозяйства. С 1952 г. несколько переизданий выдержала «Книга о вкусной и здоровой пище» — своеобразная «библия» каждой уважающей себя советской женщины [Книга о вкусной и здоровой пище 1952]. В ней содержались основы правильного питания, технология обработки разных продуктов, их пищевая ценность, гигиенические требования к помещению кухни и организации рабочего места, назначение различ-

ной утвари для приготовления еды, основы сервировки стола, а главное — множество рецептов самых популярных и распространенных в Советском Союзе блюд. Ленинградские хозяйки, устраивая званый обед для небольшого числа гостей, ставили на стол красивую супницу с солянкой в полном соответствии с рекомендациями книги. В Москве суп просто разливали в тарелки на кухне (хотя, может быть, в Москве я ходила не к тем людям). В фильме «Москва слезам не верит» есть похожий эпизод, когда героиня знакомится с мамой своего возлюбленного, которая думает, что гостя — дочь профессора Тихомирова.

Во время поездок в союзные республики была возможность приобрести кулинарные брошюры местных республиканских издательств, куда входили традиционные для данного региона рецепты. С кухнями мира можно было познакомиться, читая популярные ежемесячные женские журналы («Работница», «Крестьянка»), а также отрывные календари. Издавались также наборы открыток с рецептами национальных кухонь республик СССР и небольшие буклеты. На заре Перестройки, когда продукты покупали по карточкам, в газете «Час Пик» вели рубрику «Духом окрепнем в борьбе», где публиковались не столько кулинарные рецепты, сколько полезные советы, как выживать в трудных условиях. Советовали, например, не снимать накипь при варке мяса, а топить ложкой, потому что в ней сохраняется белок, необходимый для жизни.

Ленинград, куда приезжали люди со всех уголков Советского Союза и из-за рубежа, — каждый со своим «багажом» пищевых привычек, стереотипов и навыков, — был настоящим «университетом» кулинарных знаний для тех, кто был вынужден или просто имел желание эти знания получить.

Самым тяжелым и мучительным процесс привыкания к новым условиям был для представителей из азиатских и африканских стран, для которых вся местная пища являлась экзотической, непонятной. Проблема организации питания для них осложнялась почти полным отсутствием привычных продуктов. Тому, что было на полках магазинов, приходилось искать объяснения: «Что это? Это можно есть? Как это едят?» Кроме этого, им приходилось

сталкиваться с враждебностью и неприятием окружающими их пищевых привычек.

Комендант студенческого общежития:

«Я на камне во дворе кровь увидел, думал, курицу раздывали. Решил проверить. Пришел на кухню, а они (студенты. — Т.Я.) с тайваньцем этим, лягушек готовят. Он показал, как это делается, и, представь, уже есть собрались. Я им выдал по первое число! Сказал, если еще увижу — всех выгоню из общаги! И ректору напишу».

Китайка (бежала из Китая в СССР через границу во время культурной революции), вспоминает:

«В конце концов, нас, около 20-ти голодных и изможденных китайских детей, в обычный интернат привезли. Языка не знаем, всего боимся. А тут дождь прошел — и на асфальт черви выползли. Для нас, китайцев, все, что летает и ползает, съедобно. Ну, мы набрали, довольные, удивились, что никто кроме нас на этих червей не претендует, никто не отнимает! Как русские на нас смотрели! Хорошо, не били, тоже, видно, боялись» [ПМА 1996].

Китайцам, которые приезжали в Ленинград в 1980-х годах, приходилось нелегко. Это были тренеры ушу, специалисты по иглоукалыванию и массажу, в 1990-е годы к ним добавились рыночные торговцы. Тогда же популярный ресторан «Баку» на Садовой улице переименовали в «Шанхай», это был в то время единственный ресторан с национальной китайской кухней, но питаться там было очень дорого. Часть продуктов ресторан закупал на месте. Житель Ленинградской области 50-ти лет рассказывал:

«Я на днях хорошо заработал, сдал листья папоротника в китайский ресторан. Надо знать, где соби-

рать, какой и когда, потом сушить. Не скажу, как и что, мне конкуренция не нужна» [ПМА 1996].

Впрочем, не только экзотические гастрономические привычки вызывали непонимание и, по меньшей мере, удивление окружающих. Часто такое неприятие наблюдалось в смешанных семьях. Даже блюда любившейся ленинградцам кавказской кухни не все и не всегда приветствовались, как и блюда близкой по духу белорусской кухни.

Пожилая грузинка:

«Вы, русские, очень расточительны. У нас все в ход идет, любая трава. А Саша, муж, часто меня ругал: “Опять ботвы наготовила”».

Белоруска из Гомеля, замужем за русским:

«Приготовила суп грибной, как у нас: с перловкой, с мясом. Наваристый. Мужу не понравилось — говорит, в мясном бульоне потерялся грибной вкус. Что это за манера, одни грибы? Что там есть?» [ПМА 1996].

Похожая картина наблюдалась в семье ингерманландских финнов, проживающей в Ленинграде:

«Бабушка приготовила овсянку со свиными шкварками, мои одноклассники, которые в гости пришли, не стали есть. То же самое со сладким брусничным соусом к мясу, — это для всех гостей было непривычно, а нам было вкусно и странно, что они не понимают!» [ПМА 2015].

Условия, казалось бы, одинаковые — климат, набор продуктов, а традиции приготовления разные. В настоящее время неприятие блюд народной кулинарии обусловлено ассимиляцией, возможностью выбора среди большого многообразия предложений, модой,

унификацией пищевого поведения (многочисленные фастфуды). В советское время оно определялось различием привычных «своих» и неприемлемых «чужих» вкусовых сочетаний.

Приверженность к «своей» кухне и необходимость воспроизвести ее в других условиях имела разную степень актуализации и разные мотивации. Физиологическая мотивация была продиктована необходимостью выживания в чужеродной среде. Достичь приемлемого результата можно было, изменив пищевое поведение либо приспособив имеющуюся гастрономическую корзину к своим вкусам. Изменение пищевого поведения для одних людей — трудновыполнимая задача, для других она легко разрешается. Есть люди, которые по своим психофизическим данным легко «переключаются» на чужую систему питания и быстро меняют гастрономические привычки. Особенно если адаптация происходит к более высокой, разнообразной и развитой кухне. Мои знакомые, уехавшие из Ленинграда в Германию и Францию, не скучали по гречневой каше, быстро забыли о драниках и борще. В Ленинграде знакомая девушка-киргизка из Фрунзе ни разу не вспомнила о национальной кухне, она хотела быть «как все».

Представители этносов, чья традиционная система питания совершенно не вписывалась в новые условия, искали похожие местные продукты, заменители. Вместо кунжутного масла использовали подсолнечное, в которое добавляли кунжутные семечки. Вместо рисовой водки брали херес, вместо серого перца — смесь душистого и черного. Выходцы из азиатских и африканских стран приспособливали имеющуюся гастрономическую корзину к своим вкусам, используя свои приемы приготовления.

Так возникла в свое время кухня «корё сарам» — этнических корейцев, проживающих в Советском Союзе. Корейцы, бежавшие во время русско-японской войны на Дальний Восток, в 1937 г. выдержали еще одно переселение — в Казахстан и Узбекистан. В новых условиях возникла кухня, которая с традиционной корейской почти ничего общего не имеет, поскольку приготавливается из других продуктов, но при этом отличается самобытностью. Интересно, что кухня корё сарам, сама являясь продуктом адаптации, вынуждена была вновь «приспосабливаться», уже к ленинградским

условиям. Моя подруга Оксана с украинскими корнями, выросшая в Узбекистане на улице, где жили корейцы, привозила нам по заказу специальные терки для моркови. Рецепт-основу ее мама взяла у соседей в Джизаке, а мы дальше могли экспериментировать с приправами, исходя из ассортимента, который имелся в наличии в Ленинграде. В семье Оксаны в Джизаке гостей угощали корейским хе (из сырой рыбы), долмой и пловом. Борщ был повседневным блюдом. С родины в Ленинград помимо специальной терки она привезла казан (в ленинградских магазинах они не продавались), периодически ей присылали из дома засоленные виноградные листья для долмы (в литровых банках); барбарис, горох нут и рис особого сорта для плова.

В то время я с удивлением узнала, что узбекский плов очень мало общего имеет с той рисовой кашей с мясом, луком и морковью, которую подавали в ленинградских столовых. А также с тем блюдом, которое ленинградские хозяйки готовили в продолговатых чугунных латках «гусятницах», в полном соответствии с рекомендациями, изложенными в вышеупомянутой «Книге о вкусной и здоровой пище». Выяснилось, что даже «шавлей» (азиатской рисовой кашей) эти кушанья нельзя было назвать.

Поскольку Оксана имела соответствующую посуду (для равномерного припека дно толстостенной кастрюли должно быть закругленным), приправы и опыт, плов у нее всегда получался отменным. Она готовила его по праздникам и однажды объяснила, почему:

«Это самый простой способ накормить большое количество гостей одним горячим блюдом, и все будут довольны. К плову достаточно подать один салат — помидоры, огурцы, лук, немного уксуса и перца, — вот и все!» [ПМА 1982].

Такое застолье, действительно, было экономным, вкусным и праздничным, по сравнению с общепринятым, когда на стол выставляли множество разных блюд: салаты, маринады, нарезки, горячее, пироги и торт. Друзей, владеющих навыком приготовления плова, призывали на помощь, когда надо было срочно накормить

иностранных коллег и не ударить в грязь лицом. В то же время сам факт приготовления плова являлся поводом для сбора гостей, праздника.

Казах, который остался на постоянное жительство в Ленинграде, у себя на родине плов готовил только однажды, в основном видел, как это делается. Как правило, мужчины в азиатских республиках готовили праздничную еду, а повседневную готовили женщины. Его небольшой опыт был приобретен в сельских условиях, когда казан подвешен над очагом с открытым огнем. Мужчина очень скучал по настоящему плову и поставил себе задачу научиться делать блюдо из тех продуктов, которые можно купить в любом ленинградском магазине. Он рассказал, как долго, методом проб и ошибок, добивался нужного результата. В конце концов, он выработал рецептуру и технику приготовления, которая почти никогда не давала осечек. Свои инструкции казах передал киргизу, который, как выяснилось, тоже мечтал о домашнем плове.

Для приготовления ленинградского варианта плова вместо казана, который было не достать, использовали туристический или «рыбацкий» котелок. Курдючное сало или жир не использовались. Баранину предпочитали не брать по нескольким причинам: мяса нужного качества часто не было в продаже, стоило оно дороже, чем говядина. К тому же бараний жир очень быстро застывает, и плов при долгом застолье приходится часто разогревать.

Перед приготовлением «зирвака» (мясо-овощной основы плова) нужно долго прокалывать растительное масло, которое в Ленинграде продавали только одного сорта — подсолнечное нерафинированное. При нагревании масло чадило и могло вспыхнуть, поэтому соблюдались меры предосторожности (исключалась одежда из синтетики, под рукой была крышка, чтобы быстро накрыть кастрюлю). Для нейтрализации вредных веществ в масло клали кость или хлебную корочку, а чтобы проверить готовность, бросали немного крупной соли: если она сильно отстреливает, масло готово. В прокаленное масло закладывали нарезанную размером примерно со спичечный коробок говядину, обжаривали до полуготовности, затем вводили нарезанную вдоль волокон длинными очень тонкими брусками морковь, нарезанный полукольцами реп-

чатый лук (всего брали много, примерно в одинаковом объеме). Когда лук «разойдется» на отдельные пластинки, добавляли приправы (как минимум, соль и красный перец), немного убавляли огонь и осторожно, чтобы не смешался с зирваком, закладывали рис. Предварительно, перед началом приготовления плова, рис перебирали, промывали не меньше чем в пяти водах и замачивали. Разровняв поверхность, так же аккуратно (из чайника или по ножу) заливали водой, чтобы ее уровень был выше риса на 2 пальца (примерно 3–4 см). Далее следили, чтобы не было сильного бурления: вода должна полностью выпариться постепенно. Чтобы это проверить, рис протыкали в нескольких местах длинным стержнем (это могла быть ручка ножа, ложки), и, когда в отверстиях не оставалось воды, вставляли пару неочищенных головок чеснока. Убавляли огонь до минимально возможного уровня и плотно закрывали котелок крышкой и оставляли на 20 минут. Готовый плов не перемешивали, перевернув казан, вываливали на большое блюдо или поднос, который ставили в центр стола. Каждый брал себе на тарелку ложкой снизу — рис и мясо [ПМА 1982].

Вариантов приготовления узбекского плова существует огромное количество: по разным случаям, в разных местностях и локальных группах, уже не говоря о пловах других народов, которые порой так же сильно отличаются друг от друга, как один народ от другого. Плов бухарских евреев, куда все продукты закладываются одновременно, а не последовательно, кроме риса, практически ничего не роднит с узбекским пловом [Емельяненко 2012]. В арабские пловы никогда не вводится морковь. В то же время «узбекский плов» («палов ош») — тоже условное название, изобретение такого сложного блюда заняло много столетий и не могло принадлежать одному народу.

Мы убедились, что один и тот же вариант приготовления узбекского плова «по-ленинградски» подошел и казаху, и киргизу, и украинке из Узбекистана. Она, кстати, готовила плов примерно по той же рецептуре. Приведенный выше вариант — это классика, по легенде завещанная Абу Али ибн Синой (Авиценной). В книге кандидата философских наук Карима Махмудова, который 30 лет посвятил изучению узбекской кухни, приводится одно из преда-

ний, связанное с именем Ибн Сины, где объясняется название блюда. «Ош палов» или «Палов ош». Это аббревиатура из начальных букв семи ингредиентов, которые входят в его состав. П — пиез — лук, А — аез — морковь, Л — лахм — мясо, О — олио — жир, В — веет — соль, О — об — вода, Ш — шалы — рис [Махмудов 1979].

Недавно в Финляндии меня угостил пловом финн, уроженец Казахстана. В блюдо входили все вышеуказанные ингредиенты, только вместо говядины или баранины он взял свинину. Надо сказать, один раз в Ленинграде мы пробовали приготовить плов со свининой по отработанной технологии, результат не понравился. Узбекский плов «по-фински» готовился в немного измененной технике (некоторые виды плова, приведенные в книге К. Махмудова, так и делаются), почерпнутой в Казахстане: сначала в прокаленном масле обжариваются куски свинины, вынимаются шумовкой на тарелку. Далее все как обычно. Перед накрытием в рисе делается лунка, туда закладывается обжаренное мясо. Рис горкой стягивается на середину. Этот «казахско-финский узбекский плов» удалось попробовать в г. Тампере [ПМА 2015].

Еще надо отметить, что в большинстве рецептов, приведенных К. Махмудовым, зирвак некоторое время до закладки риса тушится с водой. В ленинградских условиях этот способ был не хорош (возможно, из-за неподходящего сорта риса, в советском Ленинграде можно было купить только круглый краснодарский). Если до риса в зирвак добавляли воду, получалась вязкая рисовая каша, а не рассыпчатый рис, в котором каждое зернышко отделяется друг от друга. Тогда говорили: «Получилась шавля какая-то». Это означало, плов не удался.

Помимо домашней кухни в советском Ленинграде довольно большой ассортимент национальной кулинарии предоставляли предприятия общественного питания.

Первые 15 трактиров при постоянных дворах были открыты в Петербурге по указу Петра I в 1724 г. С этого времени их количество росло. С начала XIX в. стали выделяться рестораны, трактиры (заведения с самоваром и русской кухней для разных сословий), чайные, кухмейстерские (прообразы столовых), кондитерские, театральные и привокзальные буфеты. Среди них были француз-

ские, немецкие, польские, греческие, заведения. Славился своими вафлями павильон голландки Гебгардт, известной как одна из первых женщин-предпринимательниц. Он был открыт в 1845 г., располагался в сквере перед Александрийским театром. Хозяйка в национальном костюме сама стояла за прилавком, а позднее открыла зверинец с рестораном, буфетом и дегустацией натуральных свежих продуктов из Голландии. Владельцами нескольких ресторанов и железнодорожных буфетов были татары (они же были самыми востребованными, честными официантами) [Демиденко 2011].

В конце 1950-х годов сеть общественного питания в Ленинграде восстановилась после военной разрухи. В 1980-х годах в ней была представлена в основном кухня народов СССР, которая на самом деле обобщала кулинарную специфику отдельных регионов.

Формирование региональных кухонь в разных странах имеют свои предпосылки. Во Франции, к примеру, региональными считаются блюда народной кухни, приготовленные из местных продуктов, адаптированные к вкусам рафинированных слоев населения [Кабакова 2012]. Часто целью продвижения и развития региональной кухни является популяризация среди населения полезных продуктов питания в противовес фастфудам, а также повышение туристической привлекательности региона. Датчане даже посчитали, что если ярко выраженной региональной кухни нет, ее надо придумать, и провели конкурс на лучшие блюда, победители теперь позиционируются как лучшие образцы датской национальной кулинарии.

В ленинградской системе общественного питания под региональной кухней подразумевалось нечто другое. Это были обобщенные и адаптированные к местным условиям варианты народной кухни, чаще всего своими корнями относящейся к определенной территории СССР — кавказской, тюркской, азиатской, прибалтийской, славянской. Распространение региональных блюд в системе общепита было ограничено дефицитом продуктов. К примеру, голубцы из виноградных листьев — долму — не готовили, а голубцы из свежей белокочанной капусты были обычным явлением. Часто в меню одного и того же заведения могли соседствовать солянка, борщ, рыба по-польски, чахохбили и цыплята табака.

Очень немногие рестораны специализировались на какой-то одной кухне — «Баку», «Кавказский» (старожилы рассказывают, что в этом ресторане питались криминальные авторитеты, и в выходные рано утром его специально открывали, чтобы подать похмельный «Хаш»). Более определенным было меню кафе-шашлычных, чебуречных и «чанашных». Их было довольно много не только в центре, но и в спальных районах, в зданиях, где располагались большие гастрономы или универсамы. Предлагали шашлыки, харчо, чанахи, лаваш, хачапури, реже — манты и хинкали. *«Порой мы ходили в такое кафе на улице Дыбенко с 3-х литровым бидоном для молока и покупали с собой на вынос несколько порций сытного мясного супа “чанахи”, это было дешевле, чем есть в заведении»* [ПИМА 2015].

Кавказская кухня была очень популярной у ленинградцев, многие из которых проводили отпуск в южных республиках у моря, она была вкусной, сытной, не очень дорогой и вносила долю экзотики и разнообразия в общем-то не особенно широкий повседневный рацион жителя северной столицы. Фабрики-кухни и кулинарии предлагали полуфабрикаты — очень жирные купаты и люля кебаб. При желании их можно было усовершенствовать и довести до такого состояния, что они даже годились в пищу. Еще можно выделить магазин «Восточные сладости» на Невском проспекте, практически единственное в городе место, где можно было купить рахат-лукум, нугу, пахлаву и где всегда была очередь.

Оставив в стороне собственно кулинарную часть, необходимо отметить еще один важный мотив для воспроизведения традиционного блюда в новых условиях. Для нашего друга киргиза плов был не только ностальгическим блюдом из детства, но предметом национальной гордости: *«Это наше, это у нас так принято готовить!»* Для того чтобы блюдо принадлежало к традиционной национальной кухне, имеет значение не только соблюдение рецептуры приготовления. Важно то, кем приготовлена еда, когда приготовлена, по какому случаю, как подается и кому — т.е. ее национальная, этническая идентификация проявляется в контексте других условий и представлений (не собственно кулинарных) [Гуляева 2012].

Разговор с осетинкой, моей ровесницей:

— У нас в Питере продают осетинские пироги в замороженном виде. И на дом доставляют, как пиццу.

— Не может быть! Это не осетинские пироги. Даже я не могу приготовить настоящий осетинский пирог. Не получается.

— Здесь в кафе (в Кисловодске. — Т.Я.) я пробовала. Мне сказали, это правильные пироги. Со свекольной ботвой и с осетинским сыром. Такие с дыркой. Очень вкусные.

— Значит, у них повар осетин. Их готовят и подают в особенных случаях. Очень важно, как подать. Обязательно три штуки надо печь. Это очень серьезное сакральное значение. Много всего...

Через некоторое время разговор в Петербурге с русскими подругами:

— Я пыталась по всем правилам приготовить осетинские пироги. Три штуки. У меня не получились.

— Я помню, было вкусно.

— Да, но это не были осетинские пироги! Вышли пышные, скорее русские.

— Перестань. Было очень вкусно. Много [ПМА 2015].

То есть для русских даже кулинарные особенности осетинского пирога не были важны, «правильность» пирогов определялась только по одному критерию: если было вкусно, значит, все получилось. Для осетинки этих критериев «правильности», подлинности было несколько, и она даже с некоторой ревностью отмечала необходимость их соблюдения: пирог готовил осетин, мужчина, следовательно, они были правильной формы и т.д.

Исследования психологов показали, что формирование этнической идентичности начинается в раннем детстве, примерно в три

года, и заканчивается в подростковом возрасте, далее речь идет о ее поддержании и сохранении. В настоящее время само по себе приготовление и употребление в пищу традиционных национальных блюд не является обязательным признаком этнической самоидентификации. В исследовании самосознания петербургских эстонцев прослеживается значимость традиционной народной кухни для людей старшего поколения и потеря интереса к ней у молодежи, особенно в смешанных семьях [Махтина 2006]. Среди факторов, влияющих на самоидентификацию с еврейским народом (опрос проводился в 2002 г.), национальную кухню отметили только 9,3 % молодежи от 16 до 29 лет. Самый большой процент отметивших (28,7) — респонденты в возрасте 40–49 лет [Шапиро, др. 2003].

На самом деле это очень показательно: в 1990-х годах этим людям было немногим за 30, самый продуктивный возраст, когда уже определяются с профессией, вступают в брак, заводят детей и думают об их воспитании. Это время совпало со снятием запретов, легализацией национально-культурных обществ. Евреи, как и представители других национальностей, получили возможность открыто отмечать свои народные и религиозные праздники, использовать все механизмы, направленные на формирование и поддержание еврейской идентичности. Все, что могло хоть в какой-то мере этому способствовать, приобретало особую значимость.

С начала 1990-х годов в Петербурге национальная кухня стала выступать как часть презентации этнической группы. Тогда и выяснилось, что африканцы, армяне, абхазы, азербайджанцы, буряты и многие другие давно научились делать свои лучшие блюда из того, что имели, даже во времена тяжелого дефицита. Блюда национальной кухни так же, как и народные костюмы, танцы, песни, игра на музыкальных инструментах, и сейчас являются неотъемлемым атрибутом праздников, организаторами которых выступают национальные общественные организации и землячества Петербурга и на которые приглашаются представители всех национальных диаспор, а иногда — все петербуржцы. Тогда же стало возможным открывать частные заведения общепита. Владельцы и повара разных национальностей стали приближать к подлинным, традици-

онным блюдам ранее унифицированные и «осовремененные» рецепты. Тогда проявилась вариативность национальных кухонь, они стали развиваться и вширь, и вглубь. И ассортимент предлагаемых блюд, и представительство народов на петербургском гастрономическом рынке расширились.

Для своей диаспоры многие рестораны стали играть роль клуба, где встречаются земляки и проводятся национальные и семейные праздники. Некоторые рестораны не выдержали конкуренции и закрылись, оказавшись невостребованными петербургской публикой, как, например, африканские. Только кус-кус оказался более-менее понятен петербуржцам, остальные блюда не прижились. Многие из тех ресторанов, которые выжили в конкурентной борьбе, позиционируют себя как места, где можно приобщиться к самобытной национальной культуре, частью которой является традиционная кулинария. В некоторые украинские рестораны посетители приносят свои предложения, повара даже ездили в экспедиции в села и деревни, чтобы восстановить утраченные народные рецепты. Рекламный слоган сети ресторанов корейской кухни «Кореана» звучит так: «Немного больше, чем просто кухня. Немного больше, чем просто пища. Пища для вашей души». И, за подписью основателя Евгения Кима, добавлено: «Самый простой способ прикоснуться к чужой культуре — ощутить ее национальный вкус».

Так появилась и новая мотивация для сохранения и развития традиционных национальных кухонь — презентационная, брендовая. Проявилась еще одна цель кулинарной адаптации, уже почти не связанная с дефицитом редких для региона продуктов или чего-либо необходимого для приготовления пищи (особенной посуды, печей и т.д.). Национальные кухни стали приспосабливать к вкусам большинства населения, процесс пошел в сторону создания новых вариантов известных блюд, в результате часто оказывающихся весьма далекими от оригинала. Но это уже новый век и новая история.

В настоящее время национальная кухня выступает маркером этнической самоидентификации только в определенном контексте — когда сравнивается с кухнями других этносов или локальных групп, или в совокупности с другими факторами идентичности

(языком, костюмом, обычаем). Мотивация воспроизведения в этнической среде традиционной национальной кухни, ее сохранение в наиболее «чистом» виде возрастает, если группа или отдельные представители этноса заинтересованы в поддержании своей этнической идентичности и намерены использовать для этого все возможные механизмы.

Приложение

Рестораны и кафе Санкт-Петербурга с национальной кухней (данные 2015 года):

1. Кухни народов СССР:

Грузинская — 273.

Узбекская — 159.

Азербайджанская — 130.

Армянская — 54.

Украинская — 34.

Осетинская — 5 ресторанов — доставка осетинских пирогов.

Татарская — 3.

Бурятская — 2 и 3 закрыты. Манты готовят в кафе при буддийском храме.

Литовская — 1 Gintaras (Янтарь) Средний пр. ВО, 5. Шеф-повар родом из Литвы, часть продуктов, из которых готовятся составляющие меню, также привозятся оттуда.

«Олень» — охотничья, русская, сибирская, скандинавская, финская, шведская, эстонская.

Казахская — 1.

1 — микс пахлава — среднеазиатской и восточной кухни. Проект русского ресторатора.

Латвийская (1 ливония — закрыт).

Молдавская (было 2 заведения, они закрыты).

2. Европейская кухня:

Итальянская — 103.

Немецкая — 41 (пивные).

Испанская — 29 (в т.ч. кубинская, мексиканская).

Французская — 22 (плюс французские кондитерские, булочные).

3. Кухни другие стран:

Китайская — 276.

Мексиканская — 78.

Японская — 62.

Индийская — 35.

Корейская — 2.

Кубинская — 2.

Латиноамериканская — 1.

Еврейская — 1.

Ресторан «Лехаим» — единственный кошерный ресторан в Санкт-Петербурге. В меню представлены традиционные блюда европейской и еврейской кухни. Ресторан располагает тремя залами на 30, 100 и 200 человек. И еще семь заведений со смешанной кухней.

Вопросы кашрута курирует лично главный раввин Санкт-Петербурга М.М. Певзнер.

Ресторан открыт для всех, вне зависимости от вероисповедания и национальности.

Ресторан «Лехаим» — некоммерческое предприятие, и все доходы от деятельности ресторана идут на благотворительные цели.

Источники

ПМА 1982, 1996, 2002, 2015 — Полевые исследования автора в Тверской и Костромской обл. и Ленинграде в 1982 г., в Санкт-Петербурге в 1996, 2002, 2015 гг.

Библиография

Гуляева Е.Ю. Кулинарные практики и этничность // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 24–40.

Демиденко Ю.Б. Рестораны, трактиры, чайные... Из истории общественного питания в Петербурге XVIII — начала XX века. М.: Центрполиграф, 2011. 288 с.

- Емельяненко Т.Г.* Плов в традиционной ритуальной кухне бухарских евреев // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 84.
- Кабакова Г.И.* Французская наука о еде // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 6.
- Книга о вкусной и здоровой пище. М.: Пищепромиздат, 1952. 400 с.
- Махмудов К.* Узбекский плов. Самарканд: изд-во «Узбекистан», 1979. 112 с.
- Махтина В.* Петербургские эстонцы. Идентичность и использование СМИ: Магистерская работа // Тарту. 2006. www.ut.ee/ABVKeskus/sisu/publikatsioonid/2006/pdf/MahtinaMa.pdf.
- Смирнова Т.М.* Национальность — питерские. СПб.: Сударыня, 2002. 584 с.
- Шапиро В., Герасимова М., Низовцева И., Сьянова Н.* Евреи Санкт-Петербурга: этническая самоидентификация и участие в общинной жизни // Диаспоры. 2003. № 3. С. 95–149.

О.И. Конькова

**ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
КАК ЭТНИЧЕСКИЙ ИДЕНТИФИКАТОР**

Статья посвящена малоизученному вопросу этнографии Северо-Запада России — традиционной пище коренных малочисленных народов Ленинградской области. В ней представлены краткие обзоры традиционных продуктов питания и блюд вепсов, води и ижор. Особое внимание уделено рецептам блюд, которые представители коренных народов сами считают этнически определяющими признаками. Материалы собраны в результате полевых исследований автора на территории Ленинградской области в 1979–2017 гг.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, вепсы, водь, ижоры, традиционная пища.

O. Konkova

**TRADITIONAL FOOD
OF INDIGENOUS SMALL PEOPLES
OF THE LENINGRAD REGION
AS AN ETHNIC IDENTIFIER**

The article is devoted to poorly studied issues of Ethnography of the North-West of Russia — the traditional food of indigenous peoples of the Leningrad region. It presents brief surveys of traditional foods and dishes of Veps, VOD, and Izhora. Special attention is given to recipes that indigenous peoples perceive themselves to be ethnic-defining signs. Materials collected as a result of field researches of the author on the territory of Leningrad region in 1979–2017.

Keywords: indigenous people, Veps, VOD, Izhora, traditional food.

Ленинградская область — место проживания, в числе прочих народов, вепсов, води, ижор. В настоящее время эти народы признаны малочисленными: по материалам последней переписи населения 2010 г. вепсов осталось 5936 чел., ижор — 266, а води — 74. Традиционная культура вепсов, води и ижор исследована достаточно широко. Но одной из почти неизвестных сторон их жизни является традиционная кухня. В научных обзорах ей уделено незначительное место с приведением основных исходных продуктов питания и перечислением нескольких главных блюд.

Традиционная пища вепсов кратко рассматривалась в научных и научно-популярных изданиях, но без рецептурных комментариев [Строгальщикова 2014: 133–135]) или зачастую без привлечения собственно вепсской терминологии [Королькова 2013: 173–188]. Отдельные вепские блюда описывались в популярных изданиях среди рецептов финской и карельской кухни [Никольская 2001], размещались рецепты и в профильных интернет-сообществах.

Общие сведения и краткие описания отдельных блюд традиционной кухни води приводились в монографиях финских, эстонских и российских исследователей [Ariste 1974; Ariste 1970; Ränk 1960: 115–125; Talve 1981: 118–119; Конькова 2009: 93–99]. Некоторые рецепты блюд современных ижор собраны в работе финской исследовательницы Куронен [Kuronen 2002].

При подборе материалов для данной статьи основной целью было не приведение перечня и всех рецептов традиционной кухни вепсов, води и ижор. Задачей была выборка только тех блюд, которые сами информанты признавали как «национальные», «свои», подчеркивая их уникальность и статус «национальных особенностей». Одновременно ставилась задача по возможности детального описания приготовления отдельных блюд, что имеет не только самостоятельное значение, но может в дальнейшем служить материалом для сравнения рецептуры приготовления схожих блюд в различных регионах и у разных этнических групп.

Материалы собраны в результате полевых исследований автора в Бокситогорском, Всеволожском, Гатчинском, Кингисеппском, Лодейнопольском, Ломоносовском и Подпорожском районах Ленинградской области в 1979–2017 гг.

Традиционная вепсская пища

Главной едой вепсы считали хлеб, без которого не обходилась ни одна трапеза. Поэтому вепсы и говорили: «*Liibätaiisaeläda*» («Без хлеба не проживёшь») [Строгальщикова 2014: 133]. Хлеб *liib*, *leib* (*лииб*, *лейб*) пекли из ржаной муки в виде круглых высоких караваев. Именно из ржаной муки издавна готовили вепсы самые любимые ими калитки, сканцы, рыбники.

В наши дни ни один праздник не обходится без *skancad* — сканцев, политых топленым маслом или начиненных пшенной кашей и маслом. На основе ржаных сканцев вепсы готовят и закрытые пироги. В качестве начинки в них кладут густую кашу из толокна со сметаной, рассыпчатую пшеничную кашу или жареную капусту.

Особой едой вепсы считают *magedpirgad* — «пироги для зятя», которые можно было быстро приготовить, пока гости еще толпятся в дверях. Свое название эти сладкие пироги получили из-за того, что вепсские хозяйки издавна жарили их сразу при входе в дом сватов. Именно такими сладкими пирогами теща угощала зятя при его первом посещении дома жены после свадьбы.

Также в качестве «настоящего вепсского» блюда вепсы называют *kolobad* — колобы, открытые пирожки с толокном и брусникой: их пекли целыми противнями к приезду гостей и к праздникам.

Из овсяной муки пекли блины *kirzad*. Их ели с солеными волнушками, творогом, брусникой с сахаром. Вепсы пекли также особые лепешки из гороховой муки: ее взбивали со снегом и быстро ставили в печь. Из овсяной, ячневой, пшенной круп варили каши на молоке. Кашу из перловой крупы на воде ели с луком и сметаной.

Вепсские озера и реки давали много рыбы. В неурожайные года именно рыба спасала вепсов от голода. Из свежей рыбы варили уху, ее вялили, сушили в печах. В каждой вепсской деревне из рыбы готовили рыбники *kalakurnik*. Вепсы чаще всего сушили мелкую рыбу, которую обычно не чистили и перед сушкой держали в соленой воде. Некоторые рыбаки заготавливали для семьи до 5–6 пудов сушеной рыбы. Уху из такого сущика ели зимой, добавляя к рыбе картофель и лук. У вепсов существовала даже пословица:

«*Kala — pen', a keitmene — maged*» («Рыба мелка, да уха сладка») [Строгальщикова 2014: 134].

Мясо на столах вепсов было довольно редкой едой. Поздней осенью скот забивали, большую часть мяса солили в бочках. Долгое время у вепсов сохранялось и вяление мяса, для чего соленое мясо, завернутое в старые сети, вывешивали в начале весны на специальные крюки на фронтоне избы. Летом его перевешивали на чердак, где оно хранилось до двух лет. Из вяленого мяса варили супы и холодцы во время тяжелых работ летом на подсеке, сенокосе, сплаве, зимой на лесозаготовках. Как и рыбу, мясо запекали в ржаной лепешке.

Вепсы держали коров. Молоко пили в каждой семье, просто-кваша и сметана уходили в пироги. Хозяйки заготавливали творог в бочках, творог ели как отдельную еду, клали в ватрушки и пироги, а из творожной закваски *sagivezi* делали летом холодные супы. Из сливок сбивали масло — его добавляли в начинку пирогов, каши, картофельные блюда.

Особое место в вепсской кухне занимала репа. Не случайно знаменитый исследователь вепсов В.Н. Майнов писал: «За все те овощи, которые частью Бог не дал, а частью невзлюбил Чудин сам по себе, отдувается репа — ананас русский» [Майнов 1977: 14–15]. Из репы вепсы варили квас. Репу вялили, сушили и парили в печах, замазывая заслонку печи глиной на сутки. Из репы и ржаной муки варили репную кашу. Без сушеной репы не обходилась ни одна молодежная деревенская вечеринка, она была и любимым лакомством всех вепсских детей.

Из семян льна и конопли выжимали на специальных станках льняное и конопляное масло. Оно применялось во время постов для жарки и как добавка в разные блюда.

Особое место в традиционной кулинарии вепсов занимали ягоды и грибы. Летом ягоды ели и просто так, и готовили особые холодные супы — например, из черники, хлеба и лука. Малину, чернику и рябину сушили «от болезней». Бруснику замачивают, клюкву хранят, ссыпав в ведра и бочки. Брусника шла и в пироги, и в колобы, с ней готовили ржаную кашу.

Значительную часть вепсского рациона составляли грибы, которые часто собирали и привозили домой целыми возами. Грибы

сушили и солили. Засолка у вепсов была своеобразна: после вымачивания пластинчатые грибы мелко крошили и только потом солили в кадушках или бочках под гнетом. Такие соленые крошеные грибы вепсы называют «сенюшка». Ели их и с хлебом, и с луком, и с картофелем, пекли пироги с солеными грибами, особенно с рыжиками.

Мы приведем некоторые рецепты традиционных блюд, признаваемые самими вепсами «вепскими», собранные в местах проживания вепсов в Бокситогорском, Лодейнопольском и Подпорожском районах Ленинградской области в 2009–2017 гг.

Skancad (сканчад) — сканцы
(см. цветную вклейку, рис. 1)

Самое распространенное название этого блюда — *skancad*. Часто их также называют коростами (*korostad*) или сульчнями (*sul'čnäd*). Сканец — основа всех вепских калиток, капустников и сканцев с кашей. Мы приводим три рецепта, так как сейчас в разных деревнях их делают по-разному.

Первый рецепт: 50 г масла сливочного растапливают и смешивают со стаканом молока, добавляют немного соли и всыпают ржаную муку так, чтобы тесто получилось чуть мягче, чем для пельменей. Тесто хорошо замешивают и делают небольшие «лепёшечки», из которых раскатывают сканцы. Толщина сканца — чем тоньше, тем лучше, но не больше 3 мм. Потом сканцы обжаривают на сухой сковороде (или добавляя совсем немного растительного масла) с двух сторон. Готовые сканцы смазывают сливочным маслом.

Второй рецепт: смешивают стакан кефира, соль, одно яйцо, одну часть ржаной и одну часть пшеничной муки, немного топленого масла, можно и мелко порезанный маргарин, смешанный с мукой. Раскатывают тесто в виде колбаски, режут на кусочки и ладонью скатывают шарики на столе, посыпанном мукой. Затем из шарика скалкой раскатывают сканец. Чтобы сканец вышел ровным, его часть «подрезают» блюдцем.

Третий рецепт: для приготовления теста в миску наливают простоквашу (ее можно заменить свежим молоком), добавляют сметану, соль, хорошо размешивают. Затем всыпают пшеничную

муку, замешивают густое тесто. Тесто выкладывают из миски на доску, посыпанную ржаной мукой, и продолжают месить до тех пор, пока оно не перестанет приставать к рукам и доске. Тесто скатывают в «колбаску», отрезают от нее одинакового размера кусочки, делают шарики и из них раскатывают очень тонкие лепешки.

Вепсы говорили, что правильный сканец, если подуешь, должен подняться над столом. Раньше сканцы пекли на углях перед устьем печи, в наши дни — на сухой сковородке. Готовые сканцы смазывают с одной стороны растопленным сливочным маслом и складывают стопкой. Начиняют их сваренной на молоке кашей или толокном со сметаной. Не смазанную маслом сторону покрывают начинкой, затем сворачивают по краям, и еще раз — пополам. Получается подобие трубочки, которую обильно смазывают маслом.

Чаще всего сканцы едят именно с кашей: готовят густую пшеничную кашу на молоке, выкладывают кашу на сканец и заворачивают сразу с двух сторон. Порой их при еде обмакивают в растопленное сливочное масло или сметану.

Kalitkad (калиткад) — калитки
(см. цветную вклейку, рис. 2, 3)

В наши дни калитки стали, пожалуй, самым известным вепским традиционным блюдом. Более того, при просьбе назвать «самое вепское блюдо», информанты сразу вспоминают именно их. Калитки готовят и на праздники, и перед выходными днями, и перед приходом гостей.

Для приготовления теста требуется ржаная мука, вода (простокваша, молоко), масло, сметана, соль. Стакан простокваши (в наши дни берут и кефир) солят по вкусу и обязательно добавляют две столовых ложки растительного масла — тогда тесто получится лучше. Замешивают густое тесто из ржаной муки примерно как для пельменей. Хозяйки советуют добавлять немного манной крупы, чтобы корочка калиток была более хрустящей. Хорошо разминают тесто руками на столе, посыпанном белой пшеничной мукой. Затем тесту дают «подышать» (8–10 мин.) и придают ему продолговатую форму колбаски, которую затем режут на кружочки толщиной 12–14 мм, срезы которых посыпают мукой. Крутя между

ладонями, кружок приминают сверху, делают его более тонким и формируют округлую лепешку. Затем раскатывают ее скалкой до очень тонкого коржа — «сканца» толщиной 0,2 см и около 15 см в диаметре. Сканцы складывают стопкой друг на друга, чтобы они не пересохли, и слегка пересыпая мукой, чтобы они не слиплись.

Начинку готовят заранее. Для начинки калиток используют толокно или гороховую муку, разведенную молоком до состояния густой каши, или ячменную крупу, размоченную в простокваше. Сейчас чаще начинкой является пшенная молочная каша, картофельное пюре, иногда творог. Чтобы приготовить картофельную начинку, варят картофель (1–1,5 кг), сливают воду, толкут, добавляют горячее молоко, два яйца, сливочное масло по вкусу, солят и хорошо размешивают. Пюре должно быть не густым, но и не жидким, теплым, но не горячим. Противень для калиток не смазывают, а слегка «припудривают» его ржаной мукой и раскладывают на них сканцы. На них кладут пюре и разравнивают, отступив от краев 1,5–2 см. Толщина пюре доходит до 1,5 см, при этом в центре делают небольшое углубление, чтобы не стекала сметана. Края сканца заворачивают наверх на полтора-два сантиметра и защипывают по кругу, придавая калитке округлую (в Подпорожском и Лодейнопольском районах) или прямоугольную (в Бокситогорском районе) форму. Верх пюре смазывают сметаной, добавив в нее желток свежего яйца, иначе сметана может не зарумяниться. Выпекают калитки в печи, где их ставят в первый жар. Можно выпекать калитки и в нагретой духовке при температуре до 240 градусов, пока дно калитки не станет твердым. Когда калитки испекутся, нельзя оставлять их на противне, чтобы их дно не размякло. Сразу после снятия из печи калитки раньше окунали в масло, теперь обильно смазывают сливочным или топленным маслом. Калитки едят горячими с ухой, супом, молоком или с чаем.

Kolobad (колобад) — колобы

Колобами вепсы называют открытые пирожки с самой разной начинкой. Обычно в колобы добавляли только толокно, но с лета до весны делали начинку, смешивая толокно и бруснику, готовят и картофельную начинку. Сначала готовят дрожжевое тесто на

теплом молоке из пшеничной муки с добавлением соли, сахара и растительного масла. Для теста берут пшеничную муку — 1 кг, молоко — 0,5 л, дрожжи сухие — 10 г, соль — 1 ч.л., сахар — 1 ст.л., растительное масло — 2 ст.л. Тщательно вымесив, тесто ставят на два-три часа в теплое место.

Для начинки разводят в сметане толокно (овсяную муку), добавляют сахар, растопленное сливочное масло, яйцо, немного соли, можно добавить и сливки, особенно если начинка получилась слишком густой. Затем добавляют бруснику (свежую или моченую) и все перемешивают. Из теста делают круглые лепешки и выкладывают их на противень, смазанный растительным маслом. Сверху кладут начинку, смазывая ее сметаной, а края — взбитым яйцом. Для начинки берут толокно — 250 г, сметану — 1 стакан, сливочное масло — 150 г, яйцо — 1 шт., бруснику — 2 стакана, сахар — 1 ст.л., соль — 1 ч.л.

Готовят и просто толокенную начинку, добавляя в толокно простоквашу, масло, сметану, яйца и соль.

Для картофельной начинки разминают горячий отварной картофель (сваренный в мундире), добавляют горячее молоко, соль, а когда остынет — яйцо.

Выпекают в печи до готовности, а в духовке около 40 мин. при температуре 180 градусов. Готовые колобы смазывают растопленным сливочным маслом.

Kirzad (кирзад) — тонкие блины

Чтобы приготовить тонкие блины *кирзад*, смешивают 1,5 стакана свежего молока, 1,5 стакана воды, 2 яйца, соль, 1,5 ст.л. подсолнечного масла и 1,5 стакана муки так, чтобы получилось жидкое тесто. Тесто выливают на сковороду, сливая остатки. Вепсы едят *кирзад* с такими разнообразными начинками, что каждый раз делает их вкус неповторимым: можно есть их с молочной яичницей, с картофельным пюре (приготовленным как для калиток), со смесью кислого молока, сметаны и творога, с солеными грибами с луком репчатым и растительным маслом. Иногда *кирзад* посыпают толокном, сворачивают «рулетиком» и обжаривают.

***Maged pirgad / Pirgad vāvule (магедпиргад / пиргадвявуле) —
сладкие пироги / «пироги для зятя»***
(см. цветную вклейку, рис. 4)

Сладкие пироги, или «пироги для зятя» — традиционное обрядовое блюдо вепсов. Подавали эти пироги, когда в дом приходили сваты. Угощали ими и зятя, когда он приезжал в гости к теще первый раз после свадьбы. Для приготовления пресного теста берут одно яйцо, две столовые ложки сметаны, сливки или молоко, воду, щепотку сахарного песка и соли, немного растопленного сливочного масла, муку. Замешивают густое тесто и дают ему постоять 10–15 минут. Тесту придают форму «колбаски», нарезают на кусочки и раскатывают тонкие сканцы. Половину каждого сканца посыпают сахарным песком и закрывают второй половиной, аккуратно защипывая края. Жарят на хорошо разогретой сковородке в растительном масле.

Kapustnik (капустник) — капустник

Изготовление сканцев для капустников совпадает с вышеприведенным описанием. Капусту сечкой рубят очень мелко, а затем перетирают с солью и очень сильно отжимают сок. Обжаривают отжатую капусту на сливочном масле. В начинку яйца не кладут, но иногда добавляют столовую ложку густой сметаны. Начинку кладут на половинку сканца, второй половиной ее закрывают и блюдечком обрезают край, тем самым защипывая пирожок. Жарят на растительном масле с двух сторон или запекают в духовке. Вынутые из духовки пироги смазывают маслом.

Kalakurnik (калакурник) — рыбник, курник

Рыбник сами вепсы признают «украшением» вепского праздника. Для праздничного стола старались приготовить рыбники из самой лучшей пойманной ими рыбы. С щукой, лещом, сигом, плотвой, окунем — разнообразие рыбников огромное. Рыбник соединил в себе два древнейших продукта, знакомых вепсам — хлеб и рыбу, этот закрытый пирог — старинное обрядовое блюдо, которое готовили и для свадебного стола, и для поминального.

Для настоящего рыбника готовят кислое ржаное тесто, в наши дни хозяйки для праздников замешивают дрожжевое пшеничное тесто. Использовать пресное тесто для рыбников не следует: оно ломается, и сок может вытечь. Тесто разделявают на лепешки толщиной около 1 см. При этом многие вепские хозяйки разделявают тесто не в муке, а налив на стол растительного масла и смазав им руки. На середину кладут вычищенную подсоленную рыбу и добавляют масло. Зачастую пирог своим видом повторяет форму завернутой в него рыбы. Если поймана большая рыба, то и рыбник получится продолговатым. Если рыба попалась средняя или мелкая, то укладывают ее целиком и рыбник приобретает круглую форму. В таком круглом рыбнике в центре может проделываться отверстие. Защищают края и ставят рыбник в печь или духовку. Тесто внутри при запекании пропитывается соком начинки. Готовность рыбника проверяли так: доставали пирог из печи и встряхивали, если рыба в нем «ходила» — значит, рыбник готов. Затем рыбник смазывали водой или квасом. Раньше верхнюю корку ржаного рыбника срезали, и она служила хлебом.

Bounišnik (боунушник) — пирог с грибами

Пироги с грибами готовят и в наши дни. Для этого старинного вепского пирога замешивают дрожжевое ржаное или пшеничное тесто. 400 г соленых грибов (лучше — рыжиков) вымачивают в воде, иногда добавляют также вымоченные и уже отваренные сухие грибы (100 г). Грибы мелко рубят, добавляют порезанный обжаренный лук (2–3 шт.), иногда — 3–4 вареных рубленых яйца или 300 г сваренной на молоке перловой каши и 50 г сливочного масла. Начинку хорошо перемешивают. Тесто делят на 2 части и раскатывают в пласты толщиной до 1 см. На один пласт раскладывают начинку и закрывают ее вторым пластом, защищая края. Часто таким же образом делали вепсы маленькие пирожки, но в начинку тогда шли только соленые грибы (и опять лучше рыжики).

Imel' kaš (имель каш) — толокняная каша

Для этой древней каши сначала готовили само толокно: обращивали рожь до тех пор, пока зерна не образовывали с трудом

разрываемый «ковер», затем его разделяли на мелкие части, сушили на противне в печке и мололи муку. Просеянную муку всыпали в кипяток, добавляли сахарный песок по вкусу и замешивали негустую кашу. Часто солодовую кашу вепсы ели, размешав с брусникой, растертой с сахаром.

Rehtikirz (рехтикирз) — «сковородная лепешка»

Ячневую крупу замачивают в простокваше, добавляя немного сметаны, и оставляют на ночь для набухания. Утром добавляют яйцо, масло, соль и хорошо размешивают до средней густоты. Сковороду смазывают маслом, выкладывают смесь на нее, сверху обмазывают сметаной и яйцом и ставят в печь или в духовку.

Huttu (хутту) — загуста

Такое блюдо всегда готовили «на скорую руку». В 1 л кипящей воды насыпали 1,5 стакана ржаной муки, реже — овсяной или ячменной и немного солили. Загусту все время перемешивали, чтобы она не подгорела. Каша была готова, если она «вспенится» три раза, при этом каждый раз ее снимали с огня и хорошо размешивали, чтобы не остались «сырая» мука. Готовую горячую загусту раскладывали в тарелки, делая в середине углубление: туда добавляли сметану или растопленное масло, подслащенную воду или моченую бруснику. Иногда ложку с кашей опускали в миску с простоквашей или брусникой.

Valedutred'k (валедутредьк) — холодный суп из редьки

По воспоминаниям жителей д. Мягозеро, для холодного супа из редьки прежде всего брали клюкву и разминали ее толкушкой. Черную редьку натирали на мелкой терке и добавляли к клюкве. Туда же клали мелко порезанный репчатый лук и отварной картофель, все это заливали водой и немного солили. Некоторые хозяйки добавляли еще немного сахарного песка. Такой холодный «суп» ели во время поста вместе с черным хлебом. У вепсов деревни Мягозера его применяли при похмелье после долгих праздников.

Kagrankisel' (кагран кисель) — овсяный кисель

Сейчас такой кисель делают из покупного крупного «Геркулеса». Его заливают холодной водой и держат в тепле 1–2 дня, чтобы он прокис. Затем сливают воду через сито, жмых отжимают и немного промывают. После этого стекшей «воде» дают отстояться, и на дне посуды образуется густой крахмал, из которого и варят кисель. Едят овсяный кисель по-разному: поливают постным маслом, посыпают песком или окунают ложку с киселем в сладкую воду.

Jaredassurmaspeikaš (яредассурмаспей каш) — перловая каша

Для приготовления вепсской перловой каши 100 г перловой крупы промывают и оставляют в воде для разбухания на 12 часов. Затем воду сливают и отваривают в 1 л новой воды или молока до готовности, добавив 1 ч.л. соли. Такую кашу варят 2–4 часа. Каша не должна получиться густой. Готовность каши проверяется по светло-коричневому цвету с красноватым оттенком. Перед едой в кашу добавляют растительное масло, иногда $\frac{1}{2}$ стакана сливок и 50 г сливочного масла. В холодную кашу иногда добавляют мелко порезанный репчатый лук (1 шт.), а когда нет поста, добавляют еще и $\frac{1}{2}$ стакана сметаны.

Bolan kaš (болан каш) — брусничная каша

Эта каша, любимая многими вепсами еще с детства, готовится быстро. Бруснику пропаривают в воде так, чтобы не оставалось целых ягод. В эту горячую смесь постепенно всыпают ржаную муку, непрерывно крутя мутовкой, чтобы не было комков. Затем добавляют песок и соль по вкусу. Хозяйки советуют не переваривать кашу, а то она станет слишком жидкой.

Суп из «заветренного» мяса

Чтобы сохранить засоленное мясо, вепсы клали его весной в сети и вывешивали сначала на фасад дома, а затем под стреху на чердаке. Так оно обветривалось, но не портилось. Такое мясо замачивали на ночь, утром хорошо промывали, добавляли перловую крупу, картофель и лук, а затем ставили в печь томиться на 2–3 часа. У такого супа получается особый терпкий вкус.

Maimkiitos (маймкиитос) — суп из сущика

Для такого супа берут мелкую сушеную рыбу (ее сушат на поду печи, положив на солому), которую иногда предварительно замачивают. Иногда сущик заливают крутым кипятком. Рыбу кипятят, затем добавляют нарезанный картофель (чаще всего его режут «на весу», чтобы у ломтиков был тонкий край, который затем разваривается), соль, лук и ячневую крупу. Специи в такой суп раньше не клали.

Lohkoi (лохкой) — репа пареная и сушеная

Пареная репа — одно из самых сладких вепских блюд. Очищенную репу резали на довольно крупные куски, плотно укладывали в чугунок, наливали воды по самые «плечики» и насыпали сахар. Туда же иногда добавляли морковь или брюкву. Не закрывая крышкой, горшок ставили в печь, где репа стояла, пока вода почти полностью не выпаривалась. Только тогда репа становилась очень сладкой. Из подготовленной таким образом репы можно было приготовить и сушеную репу. Для этого пропаренную репу нарезали на тонкие пласты, укладывали на противень и просушивали в печи. Куски репы становились коричневыми и сладкими и потом долго жевались. Это было старинным лакомством всех вепских детей.

***Maidtomicunke (майдтомичунке) —
топленое молоко с черемухой***

Многие вепсы вспоминают это старинное блюдо. Для его приготовления в соцветиях черемухи обрывали ножку до первого цветка, а затем промывали. Использовали и сушеную черемуху. В зависимости от количества положенных соцветий получался более сильный или слабый запах продукта. Соцветия клали в глиняный горшок, заливали молоком и ставили в печку томиться. Такое «черемуховое» молоко пили обычно с сахаром вприкуску или добавляли в чай.

Холодная похлебка

Зеленый лук с солью разминали толкушкой, нарезали вареный картофель и сваренное вкрутую яйцо, затем заливали либо квасом

repoi, либо творожной закваской *saguvezi*, либо хлебной закваской *taiginvezi*. Если же их не было, то использовали и простую воду с небольшим количеством сметаны. Эту похлебку ели с черным хлебом.

Холодная похлебка с черникой

Собранную свежую чернику разминали с луком и солью, добавляли немного сахара и заливали водой. Эту похлёбку ели с чёрным хлебом.

Традиционная пища води

Основной водской крестьянской едой были хлеб, похлебки и каши, а с середины XIX в. к ним добавился картофель. Ржаной хлеб пекли на закваске в русской печи. Обычно водские хозяйки выпекали столько хлеба, чтобы его хватило на всю неделю. Караваи были круглые или овальные, большие, иногда весом в 4–4,8 г. За один раз выпекали 4–5 хлебов, которых хватало на много дней. Когда зерно заканчивалось, в муку добавляли мох или растертую заболонь (белый слой коры). Из ржаной муки пекли в печке открытые пироги *ватрушкад* (*vatruškad*) и большие закрытые пироги *пиирагад* (*piiragad*) с капустой, творогом, рыбой, грибами, картошкой [Конькова 2009: 93–5].

На сковородах выпекали небольшие ржаные лепешки — *чамэль-какко* (*sammelkakko*), которые в деревне Мати (Маттия) называли «рождественским хлебом». Из ржаной муки в водских деревнях готовили и другие древние праздничные угощения. Так, особый «крестовый» хлеб *рисселейпя* или *ристикакко* (*rissileipä, ristikakko*) с изображением креста пекли в «лошадиный праздник» *Хлаари* (день Св. Флора и Лавра), укладывая поверх и запекая яйцо. Хлеб с таким же названием, но уже без яйца, выпекали и перед праздником *Ряштога* (Рождество). *Рисселейпя* считали настолько магическим, что его сразу не ели, а хранили до «кризисных» ситуаций — до дня первого весеннего выгона скота на пастбище в праздник *Юрчи* (Юрьев день), до первой пахоты, до отправки в дальнюю опасную дорогу [RänkG. 1960: 116–117].

Приготавливали на основе ржаного теста и свадебные караваи *курси* (*kursi*). И в доме жениха, и в доме невесты выпекали сразу по три хлеба: один меньше другого, с отпечатками ключей и с рисунками в виде кругов (в XX в. их делали кольцами, копейками и рюмками). В верхнем, самом маленьком *курси* заранее делали углубление, для чего при выпечке оставляли в его середине серебряный рубль, а позднее ставили туда солонку. Приготовление этого хлеба сохранило следы древнейших культов плодородия: печь его могли лишь замужние женщины, родившие много детей [Ränk 1960: 117].

Из ржи делали и постные блюда. В среднюю неделю Великого поста *Пюхя* выпекали хлеб *сээмэнкакко* (*seemenkakko*) на основе конопляного масла или с добавлением толченых конопляных семян. Рожь использовали и для древнего блюда кулаги *мяхчя* (*mähcä*). В ржаное тесто вмешивали загустевший гороховый суп и ставили томиться в печь на полдня и ночь. Затем добавляли моченую бруснику (а летом — смородину) и снова ставили в жаркую печь еще часа на три. Когда *мяхчя* была готова, ее ели ложками. В Йыгыпэря (Краколье) лишь кулагу без ягод называли *мяхчя*, а с ягодами — *марикаш* (*marikaš*). Готовили кулагу в любое время, но все же она считалась постным, а по некоторым рассказам — пасхальным блюдом, но теперь уже никто не помнит этот рецепт.

Ели раньше и толокно *талкунад* (*talkunad, tolokno*), оно тоже было обычной едой в период постов. Овсяную муку для толокна делали старательно и долго. Сначала варили без соли и высушивали в печи зерна овса. А некоторые хозяйки складывали их в горшок, закрывали «крышкой» из ржаного теста и держали целые сутки в горячей печи так, чтобы пар не выходил наружу, а потом еще просушивали зерна в печи. Затем эти зерна мололи на ручной мельнице и просеивали муку, чтобы избавиться от шелухи. Само же приготовление толокна было невероятно простым: нужно было насыпать в миску такую муку и размешать с холодной или горячей водой. Для вкуса добавляли соль, простоквашу или бруснику. В деревне Суур-Рудья (Большое Руддилово) толокно делали и из ячменя.

Из ячменя же варили кашу на воде *рооппа* (*rooppa*), ее долго запаривали в печи и ели раньше каждый день как главную еду.

Была в обиходе и каша *вэлли* (*velli*) или *кашумса* (*kašitsa*) из ячменной крупы на молоке. Из ячменной муки пекли и лепешки *иивакко* (от *iiva* — «дрожжи»). Именно из ячменя готовили лепешку *ызрикко* (*õzrikko*), которую часто ели, обмакивая куски в соус *касты* (*kastõ*).

Если за столом хлеб делил отец или кто-либо из старших мужчин, то суп разливала хозяйка дома. Вожане варили щи из свежей и кислой капусты *рока* (*rokka, karussuppi*). Часто появлялась на столе уха *каласуппи* (*kalasuppi*), по праздникам ее варили из налима. Рыбы ели много: ее сушили и солили «по-быстрому» и впрок, вялили, жарили, варили, тушили на воде и в молоке. В Луге водилась минога, и она тоже была желанным блюдом.

Картофель с начала XIX в. стал настолько «ингерманландским» блюдом, что порой его с утра варили на завтрак и оставляли в печи на обед и ужин. Иногда готовили из него пюре *оменнойс* (*omennois*) или *трачена* (*tracena* < рус. *драчена*) — варили и чистили картофель, смешивали с молоком и яйцами и ставили запекаться в печку. *Оменнойс* ели чаще всего с конопляным или льняным маслом.

Мясо ели редко, обычно по воскресеньям и праздникам или перед тяжелой работой. С осени его засаливали в бочках, весной куски солонины подвешивали для сушки на длинной жерди под застрехой крыши, а потом их опять складывали в чистые бочки. В праздники было принято варить холодец *стюдени* (*styydeni*) из свиных и говяжьих ножек и голов. В отличие от эстонцев и финнов вожане не употребляли в пищу кровь животных, и, делая свои домашние колбасы *калбасса*, *калбысси* или *галбысси* (*kalbassa, kalbõssi, galbõssi*), они набивали кишки животных ячменной кашей с жареным соленым салом, а потом такие колбаски поджаривали.

Свежее молоко пили только дети, взрослые же ели снятую простоквашу *лянтю* (*lānty*). Из простокваши готовили творог *рахк* или *творога* (*rahk, tvoroga*) и домашний сыр *сыр* (*sõr*). Для этого в творог добавляли яйца, масло, тмин и клали эту массу под пресс. Масло *вый* (*või*) готовили сами, сбивая сливки мутовкой из тонкого ствола дерева с развилкой из обрубленных сучьев или в ручной маслобойке. А во время православных постов, когда было запре-

щено употреблять мясо и молоко, вожане толкли в ступе и заливали водой жареные семена конопли, получая «конопляное масло» *канивавый* или *канивапиимья* (*kanivavōi*, *kanivapiimä*).

Кроме простокваши, в водских деревнях пили травяной чай, в том числе и из листьев «иван-чая» (*Epilobium angustifolium*). Вожане и само растение, и чай из него называли *ирвиэйня*, или *ирвээ-эйня* (*irvieinä*, *irvee-einä* — *лосиное сено*). Этот чай и в Петербурге, и за границей получил название «капорского чая», потому что именно в окрестностях Кабрио (Копорья) его стали собирать и сушить взамен дорогого привозного китайского чая. Капорский чай стал так популярен, что в XIX в. его десятками тысяч пудов везли из России в Данию и Англию, хотя последняя страна владела огромными чайными плантациями в Индии. В Пруссию и Францию такой чай шел контрабандой.

В конце XIX в. промышленный сбор и продажи капорского чая прекратились из-за конкурентной борьбы Ост-Индской компании, но в водских деревнях хозяйки, научившись, продолжали его готовить. Молодые листья иван-чая собирали, начиная с *Куполё* (Иванова дня). Их слегка подвяливали в течение суток, но не на солнце, а чаще всего на проветриваемом чердаке. Затем подвяленные, но не сухие листья скручивали между ладоней до их потемнения, складывали в чугушки или горшки, закрыв мокрой тряпкой, и выдерживали в тепле полдня. В конце листья резали и сушили в печке. У чая получался нежный, слегка фруктовый вкус.

В XX в. вожане полюбили пить чай «по-русски»: из чашек и блюдце с сахаром вприкуску, но еще в середине XIX в. чай был явлением новым, его пили ложками из миски. А главным праздничным напитком у води издавна было пиво *ылум* (*ölut*). Оно с давних пор служило и ритуальным напитком, сопровождавшим многие старинные обряды, прежде всего водские общинные празднества *вакковы* (*vakkovō*). Для приготовления пива зерна ячменя, овса или ржи проращивали около двух недель, затем сушили в печи, заливали горячей водой и ставили в печь, потом добавляли хмель, дрожжи и оставляли бродить. После процеживания на оставшейся барде готовили квас *таари* (*taari*), который всегда брали с собой на покосы и жатву [Ränk 1960: 130–132].

Приведем некоторые рецепты традиционной водской кухни, которые сейчас воспроизводят в качестве «настоящей водской еды» жители деревень Лужицы и Краколье, где проживают вожане и которые признаются сейчас последними водскими деревнями, а также потомки води из окрестностей Копорья и Котлов. Часть рецептов собрана в экспедициях в Кингисеппском и Ломоносовском районах Ленинградской области в 1979–1983 гг., часть материалов была опубликована в краеведческой литературе [Водская национальная кухня 2004: 108] (см. цветную вклейку, рис. 5).

Özrikko (ызрикко) — ячменная лепешка

Ячменную лепешку *ызрикко* вожане готовили по воскресеньям. Для ее приготовления брали пол-литра молока, три яйца, по половине чайной ложки соды и соли. Все размешивали и добавляли муку (лучше ячменную, ее можно изготовить, перемолов перловую крупу) до густоты сметаны. Затем жидкое тесто выливали в глубокую сковороду и ставили в печь до получения коричневой корочки. Готовое *ызрикко* разрезали на куски и ели, обмакивая в соус *касты* (*kastõ*).

Kastõ (касты) — сливочно-масляный соус

Такое блюдо подавали как соус к *озрикко*. Для его приготовления смешивали в глиняном горшочке два яйца, пол-литра сливок, 150 г сливочного масла, чуть-чуть соли. Затем ставили в печь ненадолго до запекания (см. цветную вклейку, рис. 6).

Selänkka (сэлянка) — омлет

Чтобы приготовить это блюдо, обжаривали на сковороде кусочки соленого сала, добавляли пол-литра молока, три яйца, три столовые ложки муки, соль по вкусу. Все перемешивали и ставили в печь на небольшой жар на долгое время.

Suurimikko (сууримикко) — крупяная каша

Кашу *сууримикко* вожане часто готовили на ужин. Для ее приготовления в горшок клали чашку перловой крупы, четыре чашки воды, кусочек сливочного масла и соль по вкусу. Горшок ставили

в печь на небольшой жар на долгое время. Ели такую кашу с теплым молоком.

Kagrakiisseli (кагракииссэли) — овсяный кисель

Для приготовления овсяного киселя брали 500 г крупных овсяных хлопьев и замачивали в двух литрах холодной воды. Ставили в теплое место примерно на сутки (пока не скиснет), затем пропускали через сито и давали отстояться. Воду сливали, а полученный осадок еще раз заливали двумя литрами холодной воды. После отстоя воду опять сливали, ее кипятили, добавляли осадок вместе с небольшим количеством соли. Овсяный кисель можно было пить горячим с молоком, с сахарным песком и сливочным маслом, а можно было есть холодным с сахарным песком или вареньем.

Mähcä (мяхчя) — кулага

Для приготовления этого древнего водского блюда сначала готовили ржаное тесто и гороховый суп. Затем в ржаное тесто вмешивали загустевший гороховый суп и ставили томиться в печь на полдня и ночь. Часто в *мяхчя* добавляли моченую бруснику (летом — смородину) и снова ставили в жаркую печь еще часа на три. Готовую кулагу *мяхчя* ели ложками обычно в постные дни и особенно на Пасху.

Sör (сыр) — сыр

Для изготовления водского домашнего сыра существовало два рецепта. Первый из них — «старинный рецепт», он более сложный, но и сыр получался более вкусным, особенно если его готовили из домашних яиц и свежего молока. Зато сыр по второму рецепту делался быстрее.

1) Брали пять свежих яиц и отделяли белки от желтков. Белки тщательно перемешивали с тремя стаканами простокваши. Кипятили три литра свежего молока и вливали в него смесь из белков и простокваши. Всё это кипятили не более минуты, чтобы молоко свернулось в «клубок». Створоженную массу клали в большую миску и ложкой отминали ее, чтобы вышла сыворотка, а затем добавляли желтки с солью и тмин по вкусу и продолжали всё перемешивать

и отминать. Потом клали массу в марлю или тонкую полотняную ткань, раскладывали ровным слоем на «сырную» рамку (квадратную раму с натянутой сеткой), клали сверху гнет и давали стечь.

2) Готовили творог, давали ему стечь, а затем в него добавляли яйца, масло, тмин и клали эту массу под пресс (см. цветную вклейку, рис. 7).

Silmu-rokka (сильму-рокка) — суп из миноги

Для приготовления этого блюда, столь любимого жоанами деревень Нижней Луги, сначала отваривали нарезанный картофель и морковь, добавляя соль и репчатый лук. Когда овощи были готовы, а вода немного выкипела, в суп добавляли разрезанные на крупные куски миноги и продолжали варить, чтобы почти вся вода в чугуне выпарилась. Добавив масло, суп разливали по тарелкам.

ТРАДИЦИОННАЯ ИЖОРСКАЯ ПИЩА

Главной старинной едой были каши из ячменя и ржаной хлеб. Раз в неделю ижоры выпекали хлеб *leibä* (лейбя) — большие высокие караваи из кислого ржаного теста. Хлеб ели с каждой едой. Часто крошили хлеб, добавляя к нему подсолнечное или льняное мало, соль и резанный лук. Любили дети и пожилые люди покрошить уже черствый ржаной хлеб и в размятую вместе с молоком чернику.

Кроме обычного ржаного хлеба, ижоры выпекали особые обрядовые хлеба: свадебный каравай *kirpeelileibä* (куппээлилейбя — «купельный хлеб») в виде высокого караваея, который непременно украшали узорами — «кружками» и «ямками». А древний ржаной хлеб *ristileibä* (пустилейбя — «крестовый хлеб») готовили в особые дни перед Пасхой. На такой круглый хлеб иконой, взятой из «святого» угла дома, наносили изображение креста, и только потом ставили в печь. Им угощались в праздник *Эйяпяйвя* (Пасха Христова), а часть берегли до праздника *Юрги* (Юрьев день) и скармливали скоту, чтобы животные были здоровы и уцелели летом.

Хозяйки в весенний День жаворонков выпекали небольшие хлебцы *kiuruleibä* (киурулейбя — «жавороночный хлеб») из ржаной муки на дрожжах и постном масле. В его состав должно входить

было 12 компонентов («как в Святой дюжине»): кроме воды, муки и соли — святая вода, куски золы и т.д. На такие круглые хлебцы обязательно наносили узоры — «кресты». Особые хлебцы *satula* (*самула* — «седло») с целым яйцом пекли к «лошадиному» празднику *Лаари* — Дню Св. Флора и Лавра, угощая ими лошадей. Было свое угощение *lammazleipä* (*ламмазлейбя* — овечий хлеб) и для «овечьего» праздника *Настосья* — Дня Св. Анастасии.

Своего выращенного хлеба обычно хватало лишь до Рождества. Уже в декабрьские дни ижоры на телегах с замороженной салакой появлялись в самых отдаленных деревнях Петербургской губернии, обменивая рыбу на ржаную, ячменную и пшеничную муку. Только в начале XIX в. в ижорских деревнях появился картофель, который ижоры прозвали *tinat* («яйца») или *таатинат* («земляные яйца»). И спустя немного времени все ижоры говорили: «Картофель важнее хлеба! Без него не прожить!» Каждое утро хозяйка варила в большом чугуне неочищенный картофель, его ели утром и изготавливали из него разные блюда в течение дня: *tinahohki* (*муналохку* — «картофельный кусок») — картофель, запеченный со сметаной, картофельное пюре *tinavelli* (*мунавэлли* — «картофельная каша»), картофель с сухими грибами *havvottumina* (*хаввоттумуна* — «запеченный картофель»).

Ижоры — рыбаки, поэтому рыба всегда была на их столе: салака и корюшка, окунь и щука, минога и налим, сырть и плотва. Не случайно соседи ижор — вожане и ингерманландские финны — часто в шутку называли сойкинских ижор «душителями рыбы». Рыбу сушили, солили, из нее варили уху, делали пироги. В каждом доме хозяйки варили *ribakankala* (*рибакан кала* — «рыба порыбацки»): салаку брюшками вверх плотно клали на сковороду, наполовину залив водой и добавив соль и зеленый лук, и «парили» ее в печи или на плите. А самый быстрый способ приготовления салаки — *kalapaissikkaat* (*калапайссиккаат* — «рыбные поджарки»), или «салака на кочерге»: салаку просто укладывали на край кочерги и жарили, держа кочергу на открытом огне в печи. Также быстро ижоры готовили салаку и «на полене».

По праздникам и при тяжелой работе готовили еду с мясом. Тогда на столах появлялось и самое сытное ижорское блюдо —

запеченный в горшочке соус *voikaste* (*войкастэ* — «масляный соус») из яиц, масла и сливок или сметаны. В такой соус обмакивали куски хлеба, поэтому позднее такой соус получил «русское» название «маканье». Вкусной молочной едой, которую ижоры ели только раз в году, было приготовленное из молозива *kokkoimaido* (*коккой-майдо* — «костровое молоко»), запеченное в печи в молочном глиняном горшке.

Обычной едой были ржаные пироги *piirakat* (*пииракат*) с капустой, грибами, поджаренным салом. Когда готовили тесто для хлеба, тут же часть его оставляли на пироги. На праздниках не обходились без закрытых пшеничных пирогов с разнообразной начинкой, ягодных и творожных круглых открытых ватрушек *vatruskat* (*ватрускат*). Были в ижорских деревнях и свои непривычные для других мест вкусные пироги с тушеной кислой капустой и с двухслойной начинкой из капусты и жареной салаки.

Из капусты варили постные и мясные щи, ее тушили в свежем и квашеном виде. В каждом ижорском доме были блюда из свежих и соленых грибов, часто заваривали толокно. Непременно готовили и блюда из яиц. Кроме уже оговоренного соуса *войта кастэ* любили ижоры готовить и *pekkireehtila* (*пэккирээхтила* — «шпиковая сковорода») — яичницу с обжаренным соленым салом. Иногда ломтики сала томили в латке в печи и ели, окуная в жир хлеб или блины.

Собирали и заготавливали клюкву, малину, бруснику, чернику. Чернику ижоры сушили на печке, а потом добавляли в чай, клали в пироги. Вместе с ней варили и манную кашу и заливали ее уже в тарелке молоком — блюдо *mustikkapidru* (*мустиккапидру* — «черничная каша») получалось очень красивым.

Приведем рецепты самых распространенных ижорских блюд, которые ижоры Сойкинского полуострова и деревень Нижней Луги (территории Вистинского, Усть-Лужского и Больше-Куземкинского сельских поселений Кингисеппского района Ленинградской области) признают самыми «ижорскими». Материалы по ижорской традиционной кулинарии были собраны в экспедициях 1976–2016 гг. в Кингисеппском и Ломоносовском районах Ленинградской области.

Ribakankala/Saarensuppi (рибакан кала (саарэнсуппи) — «рыбацкая рыба» / «островной суп»
(см. цветную вклейку, рис. 8)

Для такого блюда брали салаку или корюшку (10–15 штук), мыли, но никогда не чистили. Затем на сковороде рыбу плотно укладывали рядами брюшком вверх (иногда двумя слоями), солили и сверху клали нарезанный кружочками репчатый лук (количество — по вкусу). Затем заливали стаканом воды так, чтобы рыба была покрыта ею. Такой суп варили или на плите или в устье печи на небольшом жару, чтобы вода выкипала, при необходимости воду подливали. В конце иногда добавляли 1 ст.л. растительного масла и кипятили еще немного. В «островном супе» нет картофеля и почти нет самого бульона. Такой суп порой называли «рыбацкой рыбой» потому, что именно его готовили рыбаки на море при проживании во время зимнего лова в деревянных «будках» на льду и на островах. Дома такую еду готовили чаще всего в печке и в конце часто вместе с маслом добавляли ½ стакана сливок или молока, иногда и резанный зеленый лук. Могли в такую еду добавить и картофель: его резали на куски и укладывали нижним и верхним слоем, при этом добавка молока или сливок обязательна. Рыбу из такого супа ели руками — «по-рыбацки».

Kalapaissikkaat (калапайссиккаат) — «рыбные поджарки»

По-русски это блюдо называлось «салака на кочерге» и признавалось самым быстро приготавливаемым ижорским рыбным блюдом. Когда рыбаки возвращались домой с моря, хозяйка, стремясь как можно быстрее накормить их, обмывала принесенную салаку и, быстро положив около 10 штук рядом на кочергу, просто жарила перед углями натопленной печи по 3–4 минуты с каждой стороны. С рыбой, поджаренной на кочерге, пекли и пирог *калапииракка* (см. цветную вклейку, рис. 9).

Kalapaissikkaat (калапайссиккаат) — «рыбные поджарки»

По-русски это блюдо называлось «салака на полене». Готовили это блюдо также быстро, как и салаку на кочерге, но рыбу клали

перед углями в печи уже на ольховое или березовое полено. Такую салаку готовили на полене и когда нет спешки — поджарив, можно было положить готовую рыбу на тарелку с вареным картофелем, посыпанным зеленым луком. С таким образом приготовленной рыбой также пекли пирог *калпииракка*.

Munaloḥki (муналохку) — «картофельный кусок»

Это блюдо делали из сваренного утром картофеля. В латку клали крупно нарезанные дольки десяти картофелин, нарезанные кольцами две головки лука и соль. Поверх можно было положить и 100 г поджаренного соленого свиного сала. Потом наливали около 50 г подсолнечного масла и, наконец, заливали 200 г сметаны. Затем всё запекали в печи.

***Munavelli / Karttulivelli*
(мунавэлли /карттуливэлли) — картофельная каша**

Для приготовления «каши» десять вареных очищенных картофелин толкли прямо в глиняной латке, добавляли два яйца, стакан молока, соль по вкусу и 50 сливочного масла. Все перемешивали и запекали в печи до образования румяной корочки. Готовая *мунавэлли* была особенно вкусна, если ее ели, запивая холодным молоком.

Havvottu muna (хаввоттумуна) — запеченный картофель

Такое блюдо из картофеля и сухих грибов ижоры готовили чаще всего во время поста и в будние дни. На дно глиняного горшка клали десять нарезанных кружками или кусками картофелин. Затем укладывали слой из 50 г сухих грибов и нарезанную дольками луковичу, добавляли соль по вкусу и два-три лавровых листа, наливали воду так, чтобы всё было покрыто водой, и добавляли 3 ст.л. растительного масла. Готовили в печи и ели вместе с ржаным хлебом.

***Pekkireehtila / Pekkirihtila*
(пэккирээхтила / пэккирихтила) — «шпиковая сковорода»**

Для приготовления ижорского омлета со шпиком сначала на огне печи на сковороде подрумянивали 150 г нарезанного ломтика-

ми соленого шпика. Затем четыре яйца размешивали в 50 г воды, добавляли 100 г молока и смесь выливали на горячую сковороду со шпиком. Через две минуты жарки *пэскирээхтила* была готова.

Pekkilaatka (пэкилаатка) — «шпиковая латка»

Чтобы приготовить *пэкилатка*, брали 300 г тонко нарезанного соленого сала или жирной соленой свинины, выкладывали в глиняную латку и поджаривали в печи до коричневого цвета. Такое блюдо ели с белым хлебом или блинами, окуная их в теплый растопленный жир.

Kabustarokka (кабустарокка) — капустаные щи

Щи готовили со свежей или квашеной капустой и картофелем. В праздники и во время тяжелой работы щи варили с мясом, в обычное время и в дни поста — без мяса, но с добавлением ячневой крупы и муки. В чугунок клали 500 г мяса, нарубленный небольшой кочан свежей капусты или 0,5 л промытой и отжатой квашеной капусты, пять картофелин, две луковицы, соль, перец горошком и лавровый лист по вкусу. Плотно закрыв крышкой, щи варили в печи 1,5–2 часа. Если щи готовили без мяса, то сразу добавляли ячневую крупу и немного муки «для густоты».

Habankabusta (hapankabusta) — кислая капуста

2 кг квашеной капусты промывали, добавляли чаще всего 0,5 кг домашней «тушёнки», реже — просоленное или свежее мясо. Соль обычно в такую еду не добавляли. В чугунке или латке капусту с мясом тушили в печи до готовности. Это блюдо ели вместе с вареным картофелем.

Voikaste / Kaste (войкастэ / кастэ) — масляный соус / соус

Такой соус (в последние годы его чаще называют по-русски «маканье») готовили как праздничное блюдо ко многим церковным и народным праздникам, а также на свадьбу и по воскресеньям. *Войкастэ* признается самым сытным блюдом на ижорском столе. В маленьком глиняном горшке смешивали от четырех до

шесть яиц, стакан сливок (или сметаны) и соль по вкусу. Сверху клали 150–200 г масла, порезанного кусками. Горшочек с соусом ставили в растопленную печь на 30–40 минут до появления коричневатой корочки сверху. Горшочек ставили посредине и все макали в него куски мягкого хлеба.

Kokkoimaido (коккоймайдо) — «костровое» молоко

Этот вариант домашнего сыра из молозива готовили один раз в году на третий день после отела коровы, когда молоко было особенно жирным. Поэтому его иногда и называли «сыром трехдневной дойки». Такое молоко наливали в горшок, а когда оно становилось простоквашей, запекали в молочном горшке *майтопайда* в печи. Перед этим на поверхность простокваши обязательно опускали взятый из печки горячий уголек, что должно было охранить телят в будущем. Вероятно, именно поэтому такой сыр называли «костровым», ведь по-ижорски *коккой* означает ритуальный костер, который зажигали ижоры в ночь на Иванов день и который должен был защитить деревню от бед и болезней. Легкий уголек оставался на поверхности молока и был виден после запекания сыра. Также перед запеканием в горшок клали медную копейку, которая, разумеется, опускалась на дно. Кому она доставалась во время угощения сыром *коккоймайдо*, тот «будет счастливым», т.к. считалось, что деньги приносят счастье.

Перед тем как начать есть *коккоймайдо*, хозяйки из ижорской деревни Логове (Логии Кингисеппского района) клали под горшок ржаную солому или «круг» из сена. А в деревне Вэнаконтса (совр. Пахомовка Кингисеппского района) на стол под молочный горшок клали капустный лист или клочок сена. Глубоко верующая хозяйка могла положить под горшок на стол 10-ти или 20-копеечные монеты — за эту стоимость покупали в церкви восковые свечи в честь Св. Георгия: «Это на благо корове, чтобы Св. Георгий дал бы корове здоровья и покоя».

Перед тем как начать есть *коккоймайдо*, ижоры обязательно крестились. А во время еды этого сыра хозяйка давала детям ложкой по голове, «чтобы теленок был здоровым». Если рождалась телочка, то щелкали ложкой мальчика по лбу и говорили: «Бычки

в голову, телочке расти!» При рождении бычка уже девочке делали щелчок ложкой по лбу и говорили: «Телочки в голову, бычку расти!» Такое блюдо ели и теплым с маслом, и холодным.

Mustikkapudru (мустиккапудру) — черничная каша

Это была любимая еда детей: они сами ходили в лес и собирали чернику. Для ее приготовления стакан манной или овсяной крупы засыпали литром горячей воды, заранее положив по вкусу соль (можно и сахар, но «в прежние времена» сахар не клали), всё варили минуты три, постоянно перемешивая, пока каша не загустеет. Не снимая с огня, добавляли пару стакан черники. Если каша готовилась осенью, зимой или весной, то в нее клали предварительно размоченную сушеную чернику. Когда каша немного остывала, ее выкладывали в миску или глубокую тарелку и заливали молоком. Такую кашу ели и холодной с парным молоком.

Ruistaikina (руистайкина) — ржаное тесто

Опарное тесто для хлеба и будничных пирогов готовили одинаково. В ижорских домах тесто всегда готовили на закваске. Мы приводим рецепт приготовления ржаного дрожжевого теста в ижорских деревнях в наши дни — на его основе готовят все ржаные пироги.

15 г сухих дрожжей разводят в $\frac{1}{2}$ стакана воды, дают им полностью раствориться и подняться. Затем вливают еще 200 мл воды, добавляют 1,5 ч.л. соли, 1,5 ст. л. сахара (по желанию), 50 г ржаной муки. После перемешивания должна получиться опара как жидкая сметана, ее оставляют «подходить» около 20 минут. Когда опара поднимется, добавляют 2 ст.л. растительного масла и понемногу 350 г ржаной муки. Тесто замешивают и оставляют «подходить» в теплом месте минут 30–40. После первого подъема тесто обминают и оставляют еще на 40 минут. В конце формируют необходимую форму хлеба или раскатывают тесто.

Kalapiirakka (калapiиpакка) — рыбный пирог

Рыбный пирог готовили обычно из кислого ржаного теста — когда пекли хлеб, делали заодно и пироги. Лишь по праздникам

использовали пшеничную муку. Начинкой будничных пирогов была салака или корюшка. Рыбу для пирогов сначала готовили особым традиционным способом: 10–12 штук жарили в устье печи на полене или на кочерге (см. рецепты выше). Вместе с рыбой в пирог обязательно клали 500 г квашеной или свежей капусты или вареного картофеля. Сначала свежую или квашеную капусту обжаривали на сковороде, добавив $\frac{1}{2}$ стакана растительного масла. Если делали пирог с картофелем, то картофель сначала варили, потом нарезали или толкли, иногда добавляя в конце жареный лук (1–2 порезанные луковицы), а в наши дни и черный молотый перец. Затем на раскатанное тесто (около 600 г) сначала ровным слоем раскладывали тушеную капусту или картофель с луком, а затем сверху выкладывали жаренную на полене или кочерге рыбу целиком плотными рядами. В наши дни рыбу кладут уже чищенную и без головы. Пирог закрывали свободными краями пласта теста, клали на противень и выпекали в печи до появления румяной корочки.

Pekkipiirakka (пэккипииракка) — шпиковый пирог

Такой пирог был очень сытным, чаще всего его готовили рыбакам перед выходом в море и перед тяжелыми работами. Для его приготовления готовили 600 г ржаного теста, а начинкой служили 500 г нарезанной кусочками соленой жирной свинины или соленого свиного сала, предварительно слегка обжаренного вместе с порезанной луковицей. Часто нижним слоем выкладывали сваренный и размятый картофель с луком (6–8 картофелин), поверх которого клали обжаренное сало. Перед выпечкой поверхность пирога увлажняли водой, а после вынимания из печи — растительным маслом, сливочным маслом или водой (см. цветную вклейку, рис. 10).

Kuppeelileibä (куппээлилейбя) — «купельный» хлеб

Такой хлеб выпекали ижоры перед свадьбой и в доме жениха, и в доме невесты. Это был большой круглый каравай из ржаного кислого теста диаметром до 40 см. Он украшался по всей поверхности концентрическими кругами при помощи стаканов и рюмок, а в центре его часто делали углубление. Таким караваем родители

благословляли молодых. За день-два до свадьбы в доме невесты устраивали вечеринку, куда приходили только замужние женщины, принося с собой хлеб, масло и другие продукты для свадебного стола. При этом принесенные деньги складывали в отмеченное углубление на «купельном хлебе». После свадьбы «купельный» хлеб делился между всеми родственниками.

***Ristileibä / Jurinleibä (ристилейбя / юринлейня) —
«крестовый хлеб» / «юрьев хлеб»***

Древний ржаной хлеб *ристилейбя* выпекали в особые дни — чаще всего в среду четвертой недели Великого поста. Для выпечки брали обычное ржаное кислое тесто, которое готовили на опаре. На круглый хлеб диаметром до 20 см и высотой «в четыре пальца» иконой, взятой из «святого» угла дома, перед выпечкой наносили изображение равноконечного креста, а потом ставили в печь. Иногда в центре размещали яйцо. Таким хлебом угощались в праздник *Эйя-няйвя* (Пасха Христова). А часть «крестового» хлеба берегли до праздника *Юрги* (Юрьев день), который праздновали 6 мая (23 апреля по старому стилю). Этот день был одним из самых главных в праздничной культуре ижор: именно в *Юрги* хозяйки первый раз в новом году ранним утром выгоняли скотину на пастбище, совершая при этом древние магические обряды, которые должны были защитить домашних животных от лесных зверей и сглазу до осени. Если *Юрги* был холодным днем или весна была поздней, коров все равно хоть на час выгоняли из хлева. По возвращении им скармливали часть припасенного *ристилейбя*, чтобы животные были здоровы и всегда возвращались домой, и при этом проговаривали: «Это тебе, <имя коровы>, твой хлебушек!» (см. цветную вклейку, рис. 11).

Kiuruleibä (киурулейбя) — «жавороночный хлеб»

Киурумняйвя («день жаворонка») был особым весенним праздником у ижор на Сойкинском полуострове и в нижнелужских деревнях. Мы не знаем, имел ли он в прежние времена четкую дату: пожилые ижорки относят этот праздник то ко времени выпечки особого хлеба, то ко дню, когда этот хлеб скармливали птицам на полях. Кое-где праздник *Киурумняйвя* отмечали посередине пред-

пасхального поста. В некоторых деревнях этот день выпадал на церковный праздник 40 великомучеников 22 марта (9 марта по старому стилю). Другие вспоминают, что его праздновали на Благовещенье пресвятой Богородицы 7 апреля (25 марта по старому стилю). День Благовещения был в крестьянской традиции народов Северо-Запада днем начала весны, днем «открытия земли», пробуждения ее ото сна, выхода из земли змей, лягушек и насекомых, пора пробуждения пчел и медведей и, главное, прилета птиц.

Хозяйки в день *Киурумпняйвя* выпекали в печи особые небольшие хлебцы из ржаной муки на дрожжах и постном масле. В деревне Савимяги (Глинки) на Сойкинском полуострове отмечали, что в состав такого хлеба должно входить 12 компонентов («как в Святой дюжине»): кроме воды, муки и соли — святая вода, куски золы и т.д. Позднее в тесто стали добавлять и дрожжи. Если хлебец был диаметром 10–15 см, то его называли *киурулейбя*, а если совсем тонкий и небольшой, то *киурукакку* («жаворонков хлебец»).

На такие круглые хлебцы обязательно наносили узоры. Чаше всего это было просто изображение креста, сделанное ножом. Реже среднюю часть круглого хлеба вытягивали вверх — получался «клюв». Еще реже хозяйка делала *киурулейбя* из двух перекрещенных полосок теста, пальцем оставляя в месте их пересечения углубление.

Такие хлебцы сохраняли в «святом» углу дома, на полочке с иконой, вынося на поля в день первого прилета жаворонков. Иногда хлеб разламывали и насыпали мелкие кусочки на камни, чтобы птицы поели, набрались сил и «красиво запели». Только тогда «снег растает и все расти будет». Порой *киурулейбя* делили на три части: одну разламывали на мелкие кусочки и раскидывали на ветру («эта часть — Богу»), другую бросали на землю («чтобы земля растила хлеб») и лишь третью часть оставляли на камнях жаворонкам.

К началу XX в. этот день постепенно стал «детским» праздником: рано утром матери выпекали маленькие хлебцы, иногда уже в форме птичек. Дети шли в поля кормить птиц, подзывая их песнями. Тогда, считалось, хлеба станут хорошо расти. Этот хлеб выпекали из обычного ржаного теста.

Satula (самула) — «седло»

Хлеб с таким названием был связан с особо почитаемым у ижор «конским» праздником *Лаари*, который праздновался в день Св. Флора и Лавра 18 августа (31 августа по старому стилю). Днем этого праздничного дня из ржаной муки выпекался особый небольшой хлебец *самула* с рисунком креста и со вставленным в середину яйцом. Лошадь гладили им по спине, чтобы она была гладкой и круглой, как яйцо. Затем сжатые снопы и сам хлеб давали лошади, а яйцо съедал тот, кто ухаживал за ней. Лошадей в день *Лаари* на работе не использовали, давали им отдохнуть. *Самула* выпекали из обычного ржаного теста.

Lammazleibä (ламмазлейбя) — «овечий хлеб»

Обрядовый хлеб *ламмазлейбя* православные ижоры Сойкинского полуострова и Нижней Луги готовили на праздник *Настосья* (день Св. Анастасии) — 11 ноября (29 октября по старому стилю). Это был женский праздник, ведь Св. Анастасия считалась покровительницей овец, а именно хозяйкам приходилось о них заботиться. К этому дню варили пиво, а в домах зажиточных крестьян резали специально выращенную к этому дню овцу. Для овец пекли особый ржаной хлеб с изображением креста, но уже без яйца (как для лошадей в день *Лаари*). *Ламмазлейбя* выпекали из обычного ржаного теста.

Библиография

- Водская национальная кухня // Inkerinuutiset. Соседи. 2004. С. 108.
- Конькова О.И. Традиционная кухня // Водь. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. С. 93–99.
- Конькова О.И. Орнаменты и обрядовая еда // Орнаменты ижор и финнов Западной Ингерманландии. СПб., 2010. С. 64–66.
- Королькова Л.В. Народная пища // Люди леса. СПб., 2013. С. 173–188.
- Майнов В.Н. Приютская чужь. (Весь-Вепсы) // Древняя и новая Россия. СПб., 1977. № 56. Отд. оттиск.
- Никольская Р.Ф. Карельская и финская кухня. Петрозаводск: Карелия, 2001. 336 с.
- Строгальщикова З.И. Народная кухня // Вепсы. Очерки истории и культуры. СПб., 2014. С. 133–135.

- Ariste P.* Vадja rahvaluule võlus // Saaremaast Sajaanideni ja kaugemalegi. Tallinn, 1970. Lk. 89–99.
- Ariste P.* Vадjalane kätkest kalmuni // Emakeele Seltsi Toimetised. 1974. 10. 188 lk.
- Kuronen A.* Inkerin keittiö- ja ruokaperinnettä ja -ohjeita. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 862. Helsinki, 2002. 166 lk.
- Ränk G.* Vатjalaiset. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 267. Helsinki, 1960. Lk. 115–125.
- Talve I.* Vатjalaista kansankulttuuria // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 179. Helsinki, 1981. 142 lk.

А.А. Чувьюров

ПРОЗВИЩА В ДИСКУРСЕ ФОЛЬКЛОРА СУБКУЛЬТУР СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО МЕГАПОЛИСА (ЛЕНИНГРАД — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

В статье анализируется функционирование прозвищ в субкультуре современного городского мегаполиса. Приводимый автором материал (полевые исследования автора, сведения из литературы и материал из различных спортивных сайтов Интернета) показывает, что прозвища достаточно широко распространены в современной городской среде — среди учащихся школ и студентов; футбольных и хоккейных болельщиков (фанатов), а также среди рок-музыкантов и их поклонников.

Ключевые слова: прозвища, городской фольклор, субкультура, футбольные и хоккейные болельщики, фанатские группировки, рок-музыканты.

A. Chuvjurov

NICKNAMES IN THE SUBCULTURE OF THE MODERN CITY OF LENINGRAD — ST. PETERSBURG.

The article analyzes how nicknames function in the subculture of a modern city. On the basis of the field materials collected by the author himself as well as published papers and data from the Internet sports websites, the author shows that nicknames are quite widespread in the modern urban environment among pupils and students, football and hockey fans, as well as among rock musicians and their fans.

Keywords: nicknames, urban folklore, subculture, football and hockey fans, fan groups, rock musicians.

В последние десятилетия городской фольклор вызывает значительный интерес среди отечественных исследователей (фольклористов, антропологов, культурологов) [Неклюдов 2003: 16–20].

Прозвища являются неотъемлемой частью фольклора городских субкультур и подобно другим жанрам современного городского фольклора видоизменяются и впитывают различные образы и клише масс медиа и кинематографа.

В криминальной субкультуре начала 2000-х годов частенько приводились прозвища некоторых криминальных авторитетов Петербурга: *Костя-Могила*, *Миша Хохол*, *Боб-инкассатор*, *Бармалей* и др. [Легенды и мифы... 2003].

В подростковой среде прозвища также достаточно широко распространены, являясь, по сути, органической частью субкультуры учащихся школ и студентов средних специальных и высших учебных заведений.

Часто прозвища являются производными от фамилий:

«В классе у нас был Бочаров, мы его звали Боца, у другого прозвище было Коптяй — Коптяев, был Глот — Глотов, а был в классе Мамонтов, так его звали Хобот, а потом кто-то на английский манер переименовал — Транк» (ПМА-1).

Иногда прозвища обыгрывают антропологические особенности:

«У меня в школе прозвище было кучерявый — тогда у меня шевелюра была такая, пышная; разные в школе были прозвища — одного звали Кот, — морда как у кота, сам тупой как валенок, пьяница, хулиган; Батон — длинный, рыжий, батон на ногах; Пельмень — морда круглая, уши прижаты, вылитый пельмень» (ПМА-1).

Иногда прозвища характеризуют те или иные увлечения:

«Парня у нас в классе звали Гитара — ходил все время по вечерам с гитарой, играл; а был еще Лобзик —

ходил в какой-то кружок, что-то там пилил, строгал, вот и прозвали — Лобзик» (ПМА–1).

Иногда прозвища характеризуют особенности социального поведения:

«Парня у нас в классе звали — Бешеный. Он по жизни был такой неадекватный, без башни. А был еще Синий, он был старше нас, брат одного нашего одноклассника. Был на зоне, сидел, весь в наколках, так его и звали Синий. Но так, за глаза. В лицо-то ему такого, конечно, никто не говорил. Биологичку у нас звали — Митохондрия. Она знала про свое прозвище и как-то нам сказала: а мне не обидно за свое прозвище» (ПМА–2).

Порой прозвищем становится национальность того или иного человека:

«У нас в классе был татарин, так мы его так и звали — татарин. Не в лицо, конечно, а так, за глаза. Была Пыжик — Пыжова, Фифня — Фефилактова, Фима — Ефимова. В институте у нас в группе была Кузя — маленькая, как кузнечик скакала, везде нос сует. Преподавателя Злобина ласково называли Злобушка. К нему на самом деле хорошо относились» (ПМА–3).

Информанты отмечают, что прозвища в значительной степени были характерны для ребят, а среди девушек они были распространены значительно меньше или же вовсе отсутствовали:

«Это больше в пацанской среде бытовало. Мы, девочки, даже были не в курсе всех их прозвищ. Я даже не могу припомнить, чтобы у нас, среди девочек, были какие-то прозвища. А вот среди пацанов разные были прозвища. У папы, например, у одноклассника было прозвище Гитлер. Он был из шпаны и среди шпаны он

пользовался авторитетом. Как-то у папы хулиганы отобрали кепку, так папа пожаловался Гитлеру. Через несколько дней ему вернули кепку. Сказали, что ты сразу не сказал, что ты знаком с Гитлером. У другого прозвище было Павлин. Он был — 1953 г.г. У нас в классе был Козлов — его обзывали козлом. Он и впрямь, по своим манерам был как козел. У другого было прозвище — Кабан: был крупный, пухлый, как кабанчик. Фамилия у него была Кон-в. Преподавателей чаще называли по инициалам: например, Галина Петровна — звали просто ГП, иногда могли по именам. Если имя было такое замысловатое — например, была у нас Эра Зиновьевна — так ее просто звали Эра, а другую — Майю Ильиничну — Майя. Был у нас в классе Васильев — так его просто звали Вася, хотя по имени он Павел» (ПМА-4).

Достаточно распространены в подростковой среде прозвища *Очкарик* — ходил в очках, *Серый* — производное от имени Сергей.

Безусловно, культурная среда той или иной эпохи накладывает отпечаток на конструирование прозвища. В 1970-е годы после выхода в прокат фильма режиссера Александра Серого «Джентльмены удачи» некоторые прозвища персонажей проникли и в школьную среду: особенно популярным стало прозвище *Доцент*, встречалось и прозвище *Хмырь*. Сюжет фильма обыгрывался и в песенном фольклоре. Так, в школьной среде распевали песню на музыку к фильму «Джентльмены удачи»:

*«Один московский кент,
по прозвищу Доцент.
Узнал об исторической находке.
С собою взял друзей — Косого и Хмыря,
отправился за шлемом Македонским.
Вот они втроем, — Косой идет пешком,
а Хмырь с Доцентом едут на верблюде...» (ПМА-2).*

В среде современных школьников источником многих прозвищ становятся персонажи популярных комиксов и фильмов: *Бетмэн, Робин* и др.

В подростковой субкультуре школьников прозвища имеют не только сверстники и ребята из ближайшего окружения, но учителя (например, в приводимом нами примере с прозвищем преподавателя биологии — *Метахондрия*). Как и в случае с прозвищами школьников, прозвища преподавателей часто являются производными от их фамилий: *Баран* — Баранов; *Козел* — Козлов, в некоторых случаях обыгрываются индивидуальные физические или поведенческие особенности, присущие этому преподавателю:

«Был у нас препод, мы его звали Крендель. У него в детстве вроде травма какая-то была, и из-за этого у него лицо время от времени перекашивало, — лицо искажалось, появлялась какая-то жуткая гримаса, как в ужастиках, рот искривлялся, как калач, вот и прозвали — Крендель. Противный был мужик» (ПМА-5).

Прозвища также являются частью субкультуры футбольных болельщиков. Во многом они образуются по сходному с уличными и школьными прозвищами сценарию, зачастую являются производными от фамилий футболистов. Так, среди болельщиков «Зенита» бытовали такие прозвища футболистов питерского клуба: Аршавин — *Шава*¹, Кержаков — *Керж*. Среди болельщиков московских клубов в отношении этих игроков бытовали другие прозвища: так, Кержакова обзывали *Воробьев* — «*бьет по воробьям*», обыгрывая прикрепленный болельщиками к Александру Кержакову футбольный девиз — «бил, бью и буду бить».

Порой в кругах футбольных фанатов переименовываются фамилии футболистов в соответствии с традиционным для того или иного региона звучанием: так, в интернет-сообществе футболиста

¹ В определенной мере данная конструкция прозвища Аршавина в болельщических кругах выстраивалась по аналогии с прозвищем известного игрока сборной Украины Андрея Шевченко — *Шева*.

Жиркова (экс-игрок «ЦСКА», «Челси») после его перехода из лондонского «Челси» в махачкалинский «Анжи» (2011 г.) на порталах спортивных сайтов стали обзывать — *Жириинбеков*, а другого футболиста «Анжи» — известного камерунского футболиста Самюэля Это'о, отыгравшего в «Анжи» два сезона (2011–2013) — обзывали *Самуэль Этоев*.

Следует отметить, что в интернет-сообществе футбольных фанатов прозвища закреплены не только за отечественными футболистами, но и за зарубежными. Так, Кристиана Роналду российские футбольные болельщики, симпатизирующие ФК «Барселона», называют — *Кристинка* (из-за гламурности его внешнего вида), *дайвер* (из-за провокационных падений (*ныряний*) в штрафной соперников, провоцирующих судьей на назначение пенальти).

Прозвища закреплены не только за отдельными футболистами, но и за целыми футбольными сообществами. Так, в отношении спортивного «Динамо» из-за их ведомственной принадлежности бытовало прозвище — *менты, мусора, мусорня*; ЦСКА — *кони, конюшня*. На одном из интернет-порталов дается следующее объяснение данному прозвищу:

«По одной из версий, в 1920-е годы будущие армейцы начали играть в футбол на поляне, где до революции был манеж кирасирского полка. По другой — спортивный армейский клуб базировался на опытно-показательной площадке Всеобуча, в хозяйстве которого были и лошади. Наконец, самые романтически настроенные болельщики армейцев верят, что прозвище ЦСКА ведет историю от конармии Буденного. Особенно актуальной “лошадиная фамилия” стала, когда в конце 1990-х годов красно-синие начали проповедовать не слишком техничный, но очень силовой и атлетичный футбол. Символичным выглядела и обоюдная усатость командарма конармии Семёна Михайловича Буденного и тренера ЦСКА 2000-х Валерия Георгиевича Газзаева» [Шумаков Прозвища].

Некогда многочисленные филиалы спортобщества ЦСКА, которые в прошлом имелись в различных регионах (например, ФК СКА Ростов-на-Дону), именовались скромнее — «пони» [Шумаков А. Прозвища]. Некоторые из прозвищ имеют кратковременный период бытования и связаны с какими-то определенными событиями футбольной жизни команды. Так, одно время в отношении ФК ЦСКА в фанатских кругах бытовало прозвище — *карасевцы* (по фамилии футбольного арбитра Сергея Карасёва, который, с точки зрения некоторых болельщиков, назначил в ворота соперников ЦСКА ряд сомнительных пенальти).

Футбольный клуб «Спартак» и его болельщиков оппоненты из противоборствующих группировок фанатов обзывают — *мясо, пиццевик, хрюшки, свиньи, свинина, бефстроганов, бестрофейный пиццевик*. В последнем из этих перечисленных дразнилок (*бестрофейный пиццевик*) обыгрываются два известных прозвища *пиццевик* и *бефстроганов*, которое по созвучию переиначивается в прилагательное *бестрофейный*, тем самым намекая на затянувшийся период без серьезных спортивных достижений в новейшей истории «Спартака» (*бестрофейный* — без трофеев). Прозвище *Пиццевик*, *мясо* и производные от них *хрюшки, свиньи* восходят к 1920-м годам, когда московский клуб находился под патронажем кооператива мясников и носил название — «Пиццевик» [Шумаков А. Прозвища]. Новый импульс в бытовании прозвища *мясо* связано с поступком бывшего нападающего московского «Спартака» Дмитрия Сычева, когда он во время одного из матчей весеннего цикла сезона 2001–2002 гг., после забитого спартаковцами гола, сорвал игровую футболку, и все увидели надпись: «Кто мы? Мясо!», нанесенную на белую майку [Шумаков А. Прозвища]. Фанаты других команд после этого поступка переиначили прозвище *мясо* и стали обзывать спартаковцев и их фанов *свиньи*. Изобретательные спартаковские болельщики пошли по пути самоиронии и чтобы снизить градус оскорбительности нового прозвища стали приносить на матчи куклы в виде хрюшек [Шумаков А. Прозвища].

Среди дразнилок самого титулованного клуба страны бытует также прозвище «рабы». По мнению некоторых журналистов, эта дразнилка намекает на социальное положение руководителя

восстания рабов, чье имя носит популярный клуб. По одной из версий, распространенной в болельщических кругах поклонников московского клуба, своим современным названием клуб обязан Николаю Петровичу Старостину, одному из отцов-основателей ФК «Спартак».

«При обсуждении смены старого названия клуба (Пищевик), — гласит данная легенда, — руководители долго не могли прийти к единому мнению. И тут взгляд Старостина случайно упал на лежащую на столе книгу итальянца Рафаэлло Джованьоли «Спартак», популярную в 1930-е годы в СССР, и предложил именем предводителя восстания рабов назвать клуб. Его предложение было единогласно принято, — ибо, с одной стороны, отдавало античной героикой, а с другой — было вполне идеологически выдержанным в духе того времени» [Сайт болельщиков Спартака «Redwhite; Прозвища футбольных клубов】.

Прозвища футболистов из закавказских и среднеазиатских республик, принимавших участие в союзном чемпионате в 1980-е годы, обыгрывали некоторые события исторического прошлого периода этих регионов Гражданской войны: «Басмачи спустились с гор — это команда Пахтакор» (ПАХТАКОР); «С гор спустились басмачи — Арарат, Кайрат, Нефтчи» (ПАХТАКОР). В последнем случае команды объединены по созвучию, для рифмы. В другой футбольной кричалке вместо Арарата и Кайрата назывались Пахтакор и Памир: «С гор спустились басмачи — Пахтакор, Памир, Нефтчи». Включение в этот ряд команды Нефтчи, полагаем, выбрано тоже из-за рифмы.

За футболистами «Зенита» и их болельщиками в кругах болельщиков противоборствующих клубов закрепилось прозвище *бомжи, мешки* [Шумаков А. Прозвища]. В одной из статей, посвященных прозвищам футбольных клубов, дается следующее объяснение появления прозвища «*мешки*»:

«В 1984 г. “Зенит” впервые выиграл чемпионат СССР, и местная легкая промышленность по случаю этой исторической победы огромным тиражом выпустила полиэтиленовые сумки-пакеты с соответствующими надписями. Эти сумки-пакеты на какое-то время стали частью футбольного антуража болельщиков “Зенита”, а для фанатов противоборствующих клубов это стало поводом для насмешек — болельщиков “Зенита”, ходивших с одинаковыми сумками-пакетами (с годами, вследствие частых стирок, заметно с потускневшими надписями) стали обзывать “мешки» [Шумаков А. Прозвища].

Приведенный текст, разъясняющий происхождение прозвища «мешки», имеет конструктивные параллели в деревенском фольклоре. Подобная взаимосвязь характерна для так называемых ситуативных прозвищ, когда в основе лежит некая единичная ситуация или событие [Воронцова 2003: 3] или же происходит вторичное переосмысление этимологии прозвища, которое развернуто в анекдотичную историю. Собственно, подобную ситуацию мы видим в основе фольклорных текстов, разъясняющих происхождение прозвища *бомжи*: по одной из версий происхождение прозвища связано с тем, что в *«Питере много бомжей и там, мол, они страшнее и злее, чем в других населенных пунктах нашей страны»*. По другой версии, *«питерские фанаты первыми стали брать в поездки на выездные матчи привезенные из Швеции и Финляндии рюкзаки и выглядели как люди, которые ушли из дома»*. Еще по одной версии, происхождение прозвища связано с тем, что *«команда (“Зенит”) на рубеже 1980–1990-х выступала крайне неудачно, — команда не имела постоянной прописки, болтаясь между высшей и первой лигами»* [Шумаков А. Прозвища].

Практически за каждым клубом премьер-лиги закреплено прозвище, в котором обыгрываются историческое прошлое этого клуба, его ведомственная принадлежность или же некоторые стереотипы восприятия того или иного региона в массовом сознании и устоявшие ассоциации с названием клуба: «Локомотив» — *паро-*

возы; ныне несуществующий клуб «Москва» — *кепки* (намекая на традиционный головной убор тогдашнего московского градоначальника Лужкова); другой ныне несуществующий клуб «Сатурн» в болельщицких кругах носил название — *инопланетяне*; «Ростов» — *сельмаши* (ассоциация с прежним названием клуба Ростсельмаш); «Томь» — *валенки* и т.д. [Шумаков А. Прозвища].

Часто по ассоциации с прозвищами выстраиваются и названия группировок футбольных болельщиков [Русские фанаты]. Так, названия некоторых из фанатских объединений московского «Спартак» и «ЦСКА» вызывают невольную ассоциацию с бытующими в болельщицких кругах прозвищами этих клубов (*мясо, рабы, кони*): Спартак — *Fratria, Mad butchers* («Безумные мясники»), *Gladiators* («Гладиаторы»); ЦСКА — *Gallant steeds* («Галантные жеребцы») [Русские фанаты]. Как и в случае с личными прозвищами, иногда группировки фанатов заимствуют названия популярных кинофильмов. Так, одно из фанатских объединений ФК «Зенит» носит название *Gremlins firm* («Группировка гремлинов») [Русские фанаты].

Противостояние различных кланов футбольных болельщиков включает широкий круг фольклорных явлений. Помимо собственно дразнилок, это и различные кричалки и переделки популярных в подростковой среде в 1970-е годы «саdistских» стихов:

— На каждом заборе, на каждом суку, висит об-
явление «п<...>ц Спартаку!»

— Маленький мальчик пошел на футбол, Крикнул
на матче «Спартак-чемпион». Долго пинали кровавое
тело. Никто не вступился — ведь умер за дело.

— Мальчик. Трибуны. Большой стадион. Громко он
крикнул «Зенит-чемпион». Сломаны череп и два по-
звонка. Много болельщиков у СПАРТАКА!

Столь же широко распространены прозвища и среди хоккейных болельщиков: за питерским «СКА» закрепилось прозвище СосиСКА (в основе дразнилки аббревиатура названия клуба). Московские «Спартак» и «ЦСКА» имеют сходные с футбольными

клубами прозвища — *свиньи, кони*. Прозвища других хоккейных клубов обыгрывают название или эмблему клуба или же выстраиваются по ассоциации: «Витязь» — *Витьки*; «Северсталь» — *Сева*; «Атлант» — *холодильники*; «Авангард» — *птицы*. Прозвища хоккеистов, как и у футболистов, являются производными от фамилий или же создаются по ассоциации с какой-нибудь известной маркой вооружения (автомат, самолет, танк): Дарюс Каспарайтис — *Каспар* (*Каспар* — недружелюбное привидение); Антон Курьянов — *Кури*; Александр Свитов — *Свит*; Александр Фомичев — *Фома*; Максим Сушинский — *СУ-33*; Владимир Тарасенко — *Т-90*; Алексей Ковалев — *АК-27*; Максим Якуценя — *ЯК-28* (как и в случае с А. Ковалевым, цифра в прозвище означает номер, под которым выступал игрок). В некоторых случаях прозвище хоккеиста связано с каким-нибудь брендовым названием того или иного региона. Так, хоккеиста омского «Авангарда» Алексея Черепанова болельщики называли «Сибирский Экспресс».

Прозвища также являются частью системной субкультуры (хиппи). Так, в 1980-е годы среди хиппи встречались такие экзотичные прозвища, как *Кришна*. Происхождение этого прозвища было связано с тем, что его носитель весьма иронично относился к кришнаитам [Щепанская 1993: 225].

Прозвища также широко распространены среди рок-музыкантов и их поклонников. Как и в случае с прозвищами, бытовавшими в среде учащихся, часто они являются производными от фамилий или же это сокращение от инициалов музыкантов: Гребенщиков — *БГ*, Гребень; Алексей Рыбин (экс «ПИЛИГРИМ», «АБЗАЦ», «КИНО») — *Рыба*; Сергей Шнуров (гр. «ЛЕНИНГРАД») — *Шнур*; Сергей Чиграков — *Чиж*; Михаил Горшенёв («КОРОЛЬ и ШУТ») — *Горшок*; Александр Балун (экс «КОРОЛЬ и ШУТ») — *Балу*; Андрей Князев (экс «КОРОЛЬ и ШУТ») — *Князь*; Евгений Левин (АЛИСА, экс НЭП и ДУБЫ-КОЛДУНЫ) — *Лева*; Александр Башлачев — *СашБаш*; Виктор Бондарик (АУКЦЫОН) — *Бонд* [Бурлака 2007; 18, 35, 76, 114, 134–135].

Имена музыкантов в субкультуре поклонников рок-музыки часто переименовываются на английский манер: Борис (Гребенщиков) — *Боб*; Михаил (Науменко) — *Майк* и др.

Эпатажные прозвища бытовали среди музыкантов панк-групп (в соответствии с общей музыкально-идеологической стилистикой данного музыкального направления). Так, у музыкантов популярной среди питерских панков в 1980-е годы группы «АВТОМАТИЧЕСКИЕ УДОВЛЕТВОРИТЕЛИ» были следующие прозвища: Андрей Панов — *Свин, Свинья*; Игорь Гудков — *Монозуб, Панкер*; Александр Строгачев — *Алекс Бешеный, Алекс Оголтелый*; Игорь Покровский — *Пиночет*. У других участников группы были не менее экзотические прозвища — *Хуа Го-фэн, Крыса, Осел* [Бурлака 2007: 37].

Среди рабочих промышленных предприятий и строительно-монтажных участков также продолжают бытовать личные прозвища. Зачастую, как в других сообществах, эти прозвища являются производными от фамилий: *Сокол — Соколов; Боча — Бочаров*. В некоторых случаях они указывают на регион, откуда приехал тот или иной человек: *«Саню Тих-ва у нас в СМУ обзывают Скобарь — родился на Псковщине; Витя Тер-в — Армян, — приехал из Армении, сам русский; Саня Заб-а — Калмык, родом из Калмыкии, а у Кости прозвище Пингвин — работал когда-то монтажником на Антарктиде»* (ПМА-6). Часто прозвища характеризуют какие-то индивидуальные черты того или иного человека: *«Завхоз — всякий хлам подбирает на помойках; колдун — подрабатывает в бане, парит, делает массаж»* (ПМА-1).

В некоторых случаях прозвища выстраиваются по ассоциации с фамилией какого-то известного исторического персонажа или по внешнему сходству с кем-то из известных личностей: *«Понтифик — борода как у понтифика; Каплан — убийца Ленина; Луноход — он с детства переболел полиомиелитом, поэтому ходит, — переваливается с ноги на ногу, вот и прозвали его Луноход»* (ПМА-5).

* * *

Итак, характеризуя бытование прозвищ в городской среде, следует отметить, что во многом они выстраиваются по схожим с деревенскими прозвищами лекалам [Дранникова 1999: 59–69].

В основе прозвища зачастую лежит фамилия того или иного персонажа, или же прозвище подчеркивает какие-то индивидуаль-

ные особенности человека. Безусловно, есть гендерные особенности бытования прозвищ. В значительной степени они распространены среди различных городских субкультур (футбольные и хоккейные фанаты, рок-музыканты и др.). При этом среди женщин и девушек прозвища распространены значительно меньше, чем среди мужчин и мальчиков-подростков.

Бытование прозвищ связано и с уровнем образования (это не относится к представителям отдельных субкультур — рок-музыка, различные системные сообщества). Прозвища отмечены в среде промышленных рабочих, но нам не удалось зафиксировать пока что ни одного прозвища среди работников научных учреждений, музейных работников и других специалистов в гуманитарной сфере. Можно отметить и особенности бытования прозвищ среди различных возрастных групп: наиболее распространены прозвища в подростковой среде и гораздо реже они встречаются среди лиц среднего и старшего поколения.

Источники

- ПМА–1 (Полевые материалы автора) — Информант, житель Санкт-Петербурга, 1952 г.р. Запись 2015 г.
- ПМА–2 (Полевые материалы автора) — Информант, житель г. Гатчина, 1965 г.р. Запись 2015 г.
- ПМА–3 (Полевые материалы автора) — Информант, житель Санкт-Петербурга, 1984 г.р. Запись 2015 г.
- ПМА–4 (Полевые материалы автора) — Информант, житель Санкт-Петербурга, 1969 г.р. Запись 2015 г.
- ПМА–5 (Полевые материалы автора) — Информант, житель Санкт-Петербурга, 1961 г.р. Запись 2008 г.
- ПМА–6 (Полевые материалы автора) — Информант, житель Санкт-Петербурга, 1969 г.р. Запись 200 г.

Библиография

- Бурлака А. Рок-энциклопедия. Популярная музыка в Ленинграде — Петербурге. 1965–2005. Т. 1. СПб.: Амфора, 2007. 414 с., ил.
- Воронцова Ю.Б. Народные коллективные прозвища и присловья (на материале говоров Русского Севера) // Живая старина. 2003. № 3. С. 2–5.

Дранникова Н.В. Присловья-прозвища в северно-русском фольклоре // Русская народная культура и ее этнические истоки. М., 1999. С. 59–69.

Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М., 2003, С. 16–20.

Щепанская Т.Б. Превращения символа // Этнографическая наука и этнокультурные процессы. Способы взаимодействия. СПб., 1993. С. 213–228.

Электронные ресурсы

Легенды и мифы бандитского Петербурга // Ленинградская правда от 26.05.2003 — Доступный ресурс: <http://www.lenpravda.ru/today/251389.html>.

ПАХТАКОР — «Кто помнит такую команду ПАХТАКОР». Доступный ресурс: <http://www.allrussian.info/thread.php?threadid=83070>.

Прозвища футбольных клубов — Доступный ресурс: <http://alldayplus.ru/society/sport/1068-prozvishha-futbolnyx-klubov-rossii-otkuda-i-pochemu-11-klubov.html>.

Русские фанаты — кто они? // Труд — Доступный ресурс: http://www.trud.ru/article/06-08-2010/247888_rossijskie_fanaty_kto_oni.html.

Сайт болельщиков Спартака «Redwhite» — Доступный ресурс: <http://www.redwhite.ru/historyy.html>.

Шумаков А. Прозвища. Почему «Спартак» — «мясо», а «Зенит» — «бомжи»? — Доступный ресурс: <http://spb.sovsport.ru/gazeta/article-item/369201>.

Петербургская идентичность

Чистяков А.Ю.
Капитонова А.И.

А.Ю. Чистяков

СИМВОЛЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОРОДСКОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ СОВРЕМЕННОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В статье исследуется история создания гербов Санкт-Петербурга и муниципальных образований в его составе. Учитываются как зарегистрированные в официальном порядке, так и не зарегистрированные геральдические символы. Показано, какие группы символических изображений выбирают создатели гербов для отражения характеристик территории-владельца (памятники архитектуры, тема мореплавания, военно-историческая символика и т.п.). Гербы рассматриваются как своеобразные территориальные бренды и элементы локальной идентичности населения Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, территориальная геральдика, муниципалитеты, символы, брендинг территорий.

A. Chistiakov

SYMBOLS OF THE TERRITORIAL IDENTITY IN URBAN AND MUNICIPAL HERALDRY OF THE MODERN ST. PETERSBURG

This article explores the history of the creation of the coats of arms of St. Petersburg and the inner city municipalities. Both officially registered and not registered heraldic symbols are considered. It is shown which groups of symbolic images are chosen by the makers of coats of arms to reflect the characteristics of the territory (monuments of architecture, the topic of navigation, military history symbolism, etc.). Coats of arms are considered as territorial brands and elements of the local identity of the population of St. Petersburg.

Keywords: St. Petersburg, territorial heraldry, municipalities, symbols, place branding.

Территориальная геральдика в современной России активно развивается: ежегодно официальную регистрацию, которую осуществляет Геральдический совет при Президенте Российской Федерации, получают несколько сотен новых гербов и флагов. В XIX в. гербы имели губернии, области и города. В Советском Союзе безусловно доминировала общегосударственная символика (союзная или республиканская). Традиции же территориальной геральдики в советский период были преданы забвению, общественный интерес к ним возродился только в 1960-е годы.

В результате до распада СССР были созданы около 250 городских гербов [Мельцин 2006: 48]. В наши дни не только регионы (субъекты федерации), но и все виды муниципальных образований (в т.ч. сельские поселения) имеют возможность учреждать официальные символы — гербы и флаги. В соответствии с федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации» (№ 131-ФЗ от 6 октября 2003 г.), символы муниципальных образований устанавливаются нормативными актами, которые принимают представительные органы самих муниципальных образований. После этой процедуры символ рассматривается Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации (далее — Геральдический совет) и в случае положительного решения вносится в Государственный геральдический регистр Российской Федерации с присвоением порядкового номера. Положение о Государственном геральдическом регистре Российской Федерации было утверждено Указом Президента РФ № 403 от 21 марта 1996 г. (в редакции Указа № 1273 от 25 сентября 1999 г.) [Вилинбахов 2005: 6].

Геральдическая экспертиза исходит из того, что герб является особым типом эмблемы. Он должен соответствовать исторически сложившимся правилам и создаваться с расчетом на использование на протяжении длительного времени. К правилам геральдики относятся, в частности, использование ограниченного набора цветов, принципы их сочетания, примат словесного описания герба над его изобразительным решением (герб в отличие от эмблемы или логотипа не имеет изобразительного эталона, его дизайн может изменяться). Эти и другие правила отражены в разработанных

Геральдическим советом методических рекомендациях, учитывающих традиции российской и европейской геральдики. Эти же указания определяют герб как главный официальный символ муниципального образования, который служит основным средством его визуальной идентификации: названия, административного статуса, прав и органов самоуправления [Методические рекомендации б.г.: 3, 10].

При утверждении флагов муниципальных образований Геральдический совет отстаивает принцип создания их на основе герба. Обычно флаг представляет собой перенос на полотнище изображения с гербового щита, что обеспечивает единство территориальной эмблематики. Флаг муниципального образования, таким образом, вторичен по отношению к гербу.

Следует отметить, что в России используется значительное количество территориальных гербов и эмблем, не внесенных в Государственный геральдический регистр. В случае с муниципальными образованиями это является нарушением закона «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации», которое на практике обычно не пресекается. Что касается символов регионов (субъектов федерации), то федеральное законодательство не предусматривает их обязательного внесения в Государственный геральдический регистр. Экспертиза гербов и флагов регионов проводится по желанию субъектов федерации.

В современных условиях территориальные символы используются в официальной сфере (изображения гербов помещают на бланках и вывесках местных органов власти), оформлении населенных пунктов (рекламные щиты, здания), сувенирной продукции. Гербы становятся своеобразными территориальными брендами. В маркетинговых исследованиях используют термин «брендинг территорий», под которым понимают инструмент удержания и привлечения жителей, посетителей и инвесторов, необходимый в условиях конкуренции за ресурсы, когда появляется осознание «взаимосвязи между имиджем и репутацией города и его привлекательностью с точки зрения туризма, жизни и инвестирования» [Динни 2013: 10]. Герб и флаг преследуют цель создания позитивного имиджа и в этом отношении подобны брендам компаний или товаров,

играя роль в формировании идентичностей локальных сообществ. Не случайно отечественные этнологи, изучая «историко-культурный брендинг» территорий, обращают внимание и на место в нем геральдических символов [Малькова, Тишков 2012: 45–47].

Как правило, создатели гербов на местах стремятся найти такие визуальные символы, которые, с их точки зрения, наилучшим образом представляют оригинальную историю, хозяйственные и культурно-бытовые особенности территории-владельца. С этой же позиции рассматривает гербы и ст. 9 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления Российской Федерации», где разрешается муниципальному образованию устанавливать официальные символы, «отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности».

На местах создание гербов и флагов часто сопровождается дискуссиями. Их характер показывает, что заинтересованные стороны склонны приписывать символам некий изначальный смысл. Отсюда возникают стремление бороться против «неправильных» символов и вера в возможность нахождения настоящего «правильного» символа, который обладает более значимыми характеристиками (более древний, изначально связан с данной территорией или же соответствует эстетическим воззрениям сообщества) и в полной мере отражает сущность владельца. Такой бытовой взгляд на гербы противоречит научной геральдике, поскольку для профессионала герб — всего лишь опознавательное изображение, значение символов вторично и со временем может измениться.

Известны различные варианты отношения территориальных сообществ к собственным гербам. Символ может приниматься как «свой», может восприниматься индифферентно, но может вызывать и открытое неприятие. В любом случае изображения гербов присутствуют на различных мероприятиях, сведения о значении символов транслируются через местную прессу, разъясняются на специальных занятиях в учебных заведениях. Тем самым герб включается в региональную или локальную культуру и способен выполнять роль идентификационного символа.

Нынешний герб Санкт-Петербурга — региона Российской Федерации, имеющего статус города федерального значения, — был принят 6 сентября 1991 г. и переутвержден региональным законом № 16523 от 13 мая 2003 г. Геральдическое описание герба Санкт-Петербурга гласит: «В червленом (красном) поле золотой российский скипетр поверх двух опрокинутых серебряных якорей морского и речного, о четырех зубцах, накрест. Щит увенчан российской императорской короной и положен поверх двух российских скипетров натурального цвета, соединенных лентой Святого Андрея Первозванного».

Закон допускает использование «сокращенных версий» герба. Первая — «без императорской короны над щитом, без лазоревых лент, выходящих из императорской короны, без двух российских скипетров, соединенных андреевской лазоревой лентой» (эта версия называется также малым гербом Санкт-Петербурга). Вторая — «в виде золотого скипетра с двуглавым орлом и двух серебряных якорей — морского и речного, положенных накрест, вне поля щита» [Башкиров, Штейнбах 2008: 47]. Приложения к закону включают изобразительные эталоны герба.

Принятие герба рассматривалось инициаторами закона как восстановление исторической символики. Не случайно в ст. 3 закона 2003 г. герб назван «старейшим и основным официальным символом Санкт-Петербурга». Особо перечислены основные этапы истории герба: «Утвержден в 1730 г., подтвержден в 1780 г., дополнен в 1857 г., никогда не отменявшийся и вновь введенный в употребление в 1991 г.» [Закон Санкт-Петербурга «О детальном описании...»].

Данный герб действительно известен с конца 1720-х годов. Ему предшествовала эмблема, использовавшаяся на знаменах Санкт-Петербургских пехотного и драгунского полков — красных полотнищ «с изображением, в верхнем углу, у древка, золотого, пылающего сердца, под золотою же короною и серебряною княжескою мантиею». Изображение «коронованного сердца» была заимствована из герба А.Д. Меншикова (шефа полков), пожалованного ему в 1707 г. вместе с титулом светлейшего князя Ижорского. Для начала XVIII столетия неразделенность территориальной и армей-

ской эмблематики была вполне естественна, ведь создание городских гербов при Петре I было связано с необходимостью создания символики для русских полков, формировавшихся на соответствующей территории и получавших соответствующее наименование [Мельцин 2006: 48].

Создателем композиции герба со скипетром и якорями считают товарища герольдмейстера Ф. Санти. Скипетр указывал на то, что город является столицей Российской империи, а якоря характеризовали его как морской и речной порт. Этот герб вошел в гербовник Миниха, в котором были представлены свыше 80 гербов «для малевания на знамёнах», и описывался следующим образом: «Скипетр желтый, над ним герб государственный, около его два якоря серебряные, поле красное, вверху корона императорская» [Лакиер 1990: 184]. Впоследствии функции данного герба вышли за рамки знаменной эмблемы. В 1757 г. изображение городского герба было помещено на пробной пятикопеечной монете, в 1740–1750-х годах — на пробирном клейме Санкт-Петербургской «пробировальной палатки» для клеймения изделий из драгоценных металлов, в 1762 г. — в композиции заставки газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Наконец, в 1780 г. последовал указ императрицы Екатерины II об официальном пожаловании герба Санкт-Петербургу [Башкиров, Штейнбах 2008: 33–36].

В середине XIX в. описание герба было уточнено, появились дополнительные элементы, указывающие на статус Санкт-Петербурга: императорская корона; золотые скипетры, положенные накрест за щитом; лента ордена Андрея Первозванного, обрамляющая щит. Новое описание было составлено в 1859 г. управляющим гербовым отделом Департамента Герольдии бароном Б.В. Кёне и соответствовало высочайше утвержденным Правилам оформления земельных гербов 1857 г. [Башкиров, Штейнбах 2008: 38–39].

В советский период герб Санкт-Петербурга не использовался. Ленинград (как, впрочем, и другие города СССР) официально не имел собственной символики. Попытки создать герб Ленинграда предпринимались в 1965 г., но они не повлекли за собой официаль-

ных решений. Включение старого петербургского герба в символику Ленинграда препятствовало присутствию в нем элемента, неприемлемого с точки зрения советской эмблематики — скипетра с двуглавым орлом, воспринимавшегося как символ поверженной монархии.

С 1970-х годов в качестве городских символов использовали изображение знаковых объектов: кораблик со шпилья Адмиралтейства, силуэт крейсера «Аврора». Участники конкурса проектов городского герба, проведенного в 1989 г., тоже пытались избежать использования монархических символов при сохранении морской тематики (якорей). В числе предложений была композиция, объединявшая якоря с силуэтом крейсера «Аврора» или же заменявшая скипетр на шпиль Адмиралтейства с навершием-корабликом. Тем не менее по итогам конкурса жюри рекомендовало Исполкому Ленсовета сохранить старый герб города, исключив дополнительный элемент — корону [Башкиров, Штейнбах 2008: 42–44].

Герб Санкт-Петербурга (в отличие от флага) по сей день не внесен в Государственный геральдический регистр. Причиной этого является неудовлетворительное качество закона 2003 г., в текст которого по непонятной причине одновременно включены два описания герба. Одно из них названо геральдическим описанием (в настоящей статье цитировалось выше), а второе представляет собой некий негеральдический текст. Кроме того, в число элементов оформления входит лента ордена Андрея Первозванного, которая использовалась в отечественной территориальной геральдике XIX в. В советский период появилась и широко распространилась практика награждения орденами населенных пунктов. Поэтому в современных гербах орденские ленты в оформлении щита указывают на наличие у владельца определенной награды. Санкт-Петербург же никогда не удостоивался чести быть награжденным орденом Андрея Первозванного. Автор не располагает данными о попытках Администрации Санкт-Петербурга после 2003 г. внести герб в Государственный геральдический регистр. Во всяком случае, в архивном собрании Геральдического совета переписка по этому вопросу не выявлена.

Отсутствие официальной регистрации у герба Санкт-Петербурга не является препятствием для его использования. Мы можем видеть изображение городского герба на вывесках зданий, занимаемых региональными органами власти (в 2006 г. герб был установлен на фасаде Мариинского дворца, где заседает Законодательное собрание Санкт-Петербурга), на официальных бланках данных организаций, на сувенирной продукции, в праздничном убранстве города. Гербовая композиция транслируется и через флаги (например, на отделах полиции).

Территориальное и муниципальное устройство Санкт-Петербурга определяется региональным законом от 25 июля 2005 г. № 411–68 «О территориальном устройстве Санкт-Петербурга». Согласно закону в Санкт-Петербурге существуют административно-территориальные единицы — районы, которых насчитывается 18. В границах районов осуществляют свою деятельность исполнительные органы государственной власти Санкт-Петербурга. Кроме того насчитывается 111 муниципальных образований, имеющих статус «внутригородской территории города федерального значения» (синоним этого термина — в городе федерального значения»). 81 муниципальное образование Санкт-Петербурга носит название муниципальный округ, 9 — город и 21 — поселок. Закон устанавливает границы муниципальных образований, а также указывает, что территория муниципального образования не должна находиться в нескольких районах [Закон Санкт-Петербурга «О территориальном устройстве...»]. Каждому муниципальному образованию был присвоен номер. За прошедшие десять лет большинство муниципалитетов приняли названия, однако некоторые по сей день используют только номера (например, муниципальный округ № 7 в Василеостровском районе).

На 1 июля 2015 г. в Государственный геральдический регистр были внесены гербы 87 муниципальных образований Санкт-Петербурга, т.е. 78 % от общего числа муниципалитетов. В табл. 1 представлено распределение по районам муниципалитетов, имеющих и не имеющих официально зарегистрированных гербов.

Санкт-Петербург нельзя отнести к регионам, где муниципальная символика занимает существенное место в обществен-

Таблица 1

**Распределение муниципальных гербов по районам Санкт-Петербурга
на 1 июля 2015 г.**

Район Санкт-Петербурга	Количество муниципальных образований на территории района	Муниципальные образования, имеющие официально зарегистрированную символику	Муниципалитеты, не имеющие официально зарегистрированной символики
Адмиралтейский	6	2	4
Василеостровский	5	5	0
Выборгский	8	6	2
Калининский	7	4	3
Кировский	7	4	3
Колпинский	6	5	1
Красногвардейский	5	3	2
Красносельский	7	7	0
Кронштадский	1	1	0
Курортный	11	11	0
Московский	5	3	2
Невский	9	6	3
Петроградский	6	6	0
Петродворцовый	3	3	0
Приморский	8	6	2
Пушкинский	5	5	0
Фрунзенский	6	4	2
Центральный	6	6	0
ИТОГО:	111	87	24

ном сознании. Автор не проводил специальных исследований, но, будучи жителем Санкт-Петербурга, осмелится утверждать, что многим жителям неизвестно название своего муниципального округа, не говоря уже о его гербе. Система деления на админи-

стративные районы сохранилась в основных чертах с советского времени. В районах действуют органы социального обеспечения, налоговые органы, военные комиссариаты и т.д. Таким образом, связь гражданина с административным районом оказывается более функциональной, нежели с муниципальным округом. Административные районы Санкт-Петербурга, как правило, не имеют гербов или эмблем, используя при необходимости городскую символику.

Общественные дискуссии по проблеме выбора геральдических символов мало характерны для муниципалитетов: проекты иницируются и обсуждаются администрацией. В качестве исключительных примеров можно привести два случая. Оба они относятся к пригородным муниципальным образованиям, входящих в так называемый большой Петербург. Пригородные округа, как правило, образованы в границах исторически сформировавшихся населенных пунктов (Сестрорецк, Зеленогорск, Пушкин, Сапёрное, Молодежное и т.п.).

В начале 2015 г. автор беседовал с представителем местной администрации муниципального округа Горелово. Инициативная группа выступила с критикой действующего герба (принят и зарегистрирован в 2008 г., когда муниципалитет носил название муниципальный округ № 42), представляющего собой черное поле с золотыми боковиками, в котором помещены один под другим три золотых леопарда (леопардом в геральдике называют изображение шествующего льва, голова которого повернута к зрителю). Критикующая сторона поставила под сомнение уместность использования фигур геральдических леопардов, повторяющих композицию герба Таллина и государственного герба Эстонии в ином цветовом решении.

В условиях конфронтации России и Запада подобную реплику, с точки зрения критикующей стороны, следовало рассматривать как вражеские символы. Горелово расположено в Красносельском районе города на Таллиннском шоссе. Вероятно, герб Талина вдохновил геральдистов, увидевших возможность указания оригинальными изобразительными средствами на главную транспортную артерию муниципалитета. Обоснование символики не содержит

упоминаний о Таллине, предлагая видеть в леопардах только символы силы, мужества, храбрости и отваги, напоминание об ожесточенных боях, происходивших близ Урицка в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, три леопарда соответствуют трем населенным пунктам, составившим муниципальное образование — Горелово, Старо-Паново и Торики. Насколько известно автору, дискуссия о гербе Горелово не имела последствий и не вышла за рамки муниципалитета.

Летом 2015 г. в Геральдический совет при Президенте Российской Федерации поступило обращение Общественного совета жителей муниципального образования поселок Александровская. Герб и флаг этого муниципального образования были зарегистрированы в 2010 г. В нынешних условиях Общественный совет усмотрел крамолу в гербовой композиции: «Так называемые “два пылающих полена” имеют вид неестественного (сатанинского) изображения дерева (ствол не может расти одновременно одинаково в противоположных направлениях). Сноп огня из четырех торцов головешек символизирует не “утопающий в зелени поселок”, а четыре факела бандеровско-фашистских шествий <...>/ Два нижних кострища вопреки всем законам физики горят по направлению к центру земли (так будет гореть огонь, когда дьявол захватит мир». Кроме того, ветви липы автор письма рассматривает как символ бедности (ведь из липы делались лапти — обувь бедных крестьян), напоминание «о рабстве народа в крепостном праве» [Письмо В72-2-501 2015: 1]. Разумеется, никаких изменений символика муниципалитета не претерпела, но само появление подобного письма демонстрирует, каким может быть отношение к символам в среде городских обывателей.

Описанные случаи представляются исключительными для Санкт-Петербурга и связаны с радикализацией общественных настроений в условиях обострения международных отношений.

Тем не менее процесс разработки гербов на местах отражает представления если не большинства, то по крайней мере части в лице органа муниципального управления (муниципального совета) о том, какие символы надлежит выбрать для наилучшей презентации своего поселения. Отметим, что с точки зрения геральди-

стов отсутствие такого обсуждения вовсе не является недостатком, так как участие в процессе создания герба лиц, незнакомых с правилами геральдики и оценивающих герб как красивую картинку, только затрудняет дело и приводит к излишним спорам по базовым вопросам геральдики. Многие территориальные гербы, создаваемые в современной России, не обладают оригинальностью и несут явный отпечаток советского эмблематического наследия. В них многократно повторяются изображения колосьев (развитое сельское хозяйство), волн и лазоревых полос (нахождение муниципалитета на берегу реки или озера), паровозных колес (наличие железнодорожной станции, играющей значимую роль в хозяйственной жизни).

Незарегистрированные гербы (т.е. не прошедшие геральдической экспертизы) интересны для исследователя идентичности тем, что они не подверглись редактированию специалистами в области геральдики и поэтому отражают в наиболее чистом виде предпочтения местной власти в сфере символической презентации управляемой территории.

Общедоступным источником по выявлению незарегистрированных символов являются интернет-сайты соответствующих муниципальных образований. На главной странице сайта его посетитель часто может видеть эмблему или логотип, которые символически представляют муниципалитет. Незарегистрированные символы муниципалитетов Санкт-Петербурга в большинстве случаев могут быть классифицированы как эмблемы, поскольку не имеют обязательного элемента герба — щита, в котором помещаются геральдические фигуры. Наиболее часто создатели незарегистрированных муниципальных эмблем используют изображения архитектурных сооружений или памятников, находящихся на территории муниципалитета. Таковы, например, изображение Собора Святой Живоначальной Троицы Лейб-Гвардии Измайловского полка в эмблеме муниципального округа «Измайловское»; скульптура Прометея, установленная на проспекте Просвещения, в эмблеме муниципального округа «Прометей»; башенка Финляндского вокзала в эмблеме Финляндского муниципального округа. Наиболее оригинален логотип муниципального округа № 54 (на-

ходится в Невском районе), который включает сразу весь план муниципалитета.

Следует отметить, что правила геральдики не допускают точного изображения архитектурных сооружений, поэтому в случае регистрации подобные эмблемы претерпевают существенные изменения. Любая фигура герба описывается словесно, и, как уже отмечалось выше, описание доминирует над изобразительным решением. Поэтому изображение стены Петропавловской крепости и колокольни Петропавловского собора в зарегистрированном гербе муниципального округа Кронверкское не называется таковым, а описывается геральдическим языком как «скошенная золотая стена без зубцов, из-за которой возникает башня в барочном стиле, три этажа которой видимы, с малым куполом и высоким шпилем».

Естественно, что художник, не знакомый с реальным объектом, имеет полное право нарисовать стену и башню, ориентируясь на собственные предпочтения. Такой подход часто не понятен человеку, не владеющему геральдическим знанием. Показательно, что сайт муниципального округа Кронверкское игнорирует утвержденное положением описание, заменив его безграмотным текстом, в котором перепутаны геральдические стороны щита (по традиции правая и левая стороны определяются с позиции стоящего за щитом, а не зрителя). В этом описании сообщается, что герб «представляет собой фрагмент Петропавловской крепости в левой части и идущий по волнам парусник в правой части» [Герб и флаг МО Кронверкское].

Символическими архитектурными объектами можно считать, например, зеленую арку в гербе Нарвского округа, напоминающую о Нарвских триумфальных воротах, и серебряную арку в гербовом щите муниципального образования Академическое, указывающую на оформление платформы одноименной станции метро. Главная же фигура герба МО Академическое — «восседающая золотая Минерва», опирающаяся на раскрытую книгу, — заимствована авторами герба с академического знака 1735 г. (вторично утвержден в 1908 г.) и призвана напоминать об учебных заведениях на территории округа.

Иногда работа, направленная на регистрацию символа муниципалитета, приводит к полному отказу от прежней эмблемы. Так округ № 78 использовал эмблему с изображением Казанского собора (вида со стороны колоннады). Когда этот вариант был категорически отклонен Геральдическим советом, новый герб, принятый решением муниципального совета № 39 от 10 декабря 2012 г., включал золотой кадуцей (жезл Меркурия) и золотой скипетр. Данные символы предложено считать напоминанием о том, что на территории муниципалитета в прошлом находились Городская дума и Дом губернских присутственных мест (скипетр); расположены известные ювелирные мастерские и торговые учреждения — Гостиный двор и Апраксин двор (кадуцей). Выбор лазоревого и зеленого цветов поля указывает на протекающие в округе канал Грибоедова, реки Мойка и Фонтанка, а также и многочисленные скверы. Следует отметить, что эмблема бытовала наряду с зарегистрированным гербом — ее мы видим на главной странице сайта муниципального округа № 78.

С архитектурным символом была связана долгая история переработки герба Дворцового округа. Первоначальный проект предполагал поместить на щит точное изображение скульптурной композиции с арки Главного штаба (так называемая Колесница славы), кроме того, он входит в число официальных символов Государственного Эрмитажа. Результатом длительных согласований стало принципиально новое решение. На щит помещен «столб из пурпурных знамен и орлиные головы». Эта композиция рассматривается как символическое указание на уникальный исторический облик округа, а также на здания, площади и памятники, связанные с доблестью русского воинства. Это Александровская колонна, здание Главного штаба с аркой, памятник А.В. Суворову, Марсово поле, здание бывшего штаба войск гвардии, здание бывших казарм Павловского лейб-гвардии полка. Именно этот герб и получил номер в Государственном геральдическом регистре.

Особенность официально зарегистрированной муниципальной геральдики Санкт-Петербурга — ее однородность. Практически все гербы создавались коллективом в составе

геральдистов К.С. Башкирова, С.Ю. Штейнбах и художницы В.В. Карпуниной. Подборку образцов зарегистрированных муниципальных гербов с их описаниями читатель может найти на сайте «Геральдика.ру» в разделе Санкт-Петербург [Санкт-Петербург — гербы и флаги].

В основном муниципальные гербы создавались «с нуля». Исключения представляют собой пять гербов, основанных на проектах эмблем городских частей (районов), разработанных в середине XVIII в. — Адмиралтейской, Васильевской (для этой части известны два проекта), Литейной, Санкт-Петербургской, Московской [Башкиров, Штейнбах 2008: 35–36]. Эти эмблемы были использованы при создании гербов округов, образованных на соответствующих территориях: Адмиралтейского округа (изображение парусника), Васильевского округа (три рыбы), Университетского округа (сферический глобус), Литейного (золотая пушка). Эмблема Московской части — «в желтом поле черный змей, пробитый копьем» — послужила основой для герба Георгиевского округа, на котором изображена сцена борьбы всадника Св. Георгия со змеем. Также к историческим относятся гербы ряда муниципалитетов на окраинах Санкт-Петербурга (Ломоносов, Кронштадт, Павловск, Пушкин), которые существовали до 1917 г. как гербы отдельных городов.

Геральдику Санкт-Петербурга отличает отсутствие элементов советской эмблематики (шестерней, химических реторт, силуэтов технических сооружений). К.С. Башкиров и его коллеги, следуя рекомендациям Геральдического совета, ориентируются на использование традиционных фигур даже при символическом изображении объектов или событий XX столетия. Так, герб муниципального округа Гагаринский включает летящую комету и античного атлета. Комета символизирует нахождение на территории округа улиц с названиями космической тематики (в их числе и главная транспортная артерия округа — проспект Юрия Гагарина), а атлет — спортивно-концертный комплекс.

Работа группы К.С. Башкирова начинается с краеведческого исследования, направленного на выявление интересных фактов из истории муниципалитета. В дальнейшем проекты согласуются

администрацией муниципального округа и утверждаются решением совета депутатов. Представители муниципальных образований могут предлагать собственные варианты символики. Однако их предложения чаще всего не соответствуют правилам геральдики и нуждаются в существенной доработке.

Например, в 2009 г. сразу 20 проектов были представлены администрацией муниципального округа № 60 (ныне муниципальный округ Посадский). В гербах присутствовали отсылки к петровской эпохе, морской тематике: это были изображения Петра I (в т.ч. памятника «Царь-плотник»), домика Петра (находится на территории округа), парусного корабля с тремя мачтами. Фигурировали изображение Екатерины, аллегория девы России, рога изобилия. Впоследствии группа К.С. Башкирова создала полностью отличающийся от первоначальных проектов вариант герба — это лаконичная композиция из развернутого свитка с фигурой орла.

В незарегистрированных эмблемах доминируют архитектурные объекты. В официально утвержденных гербах особенно популярна геральдическая символика, связанная с мореплаванием: изображения парусных кораблей и якорей. Таковы скипетр с морским и речным якорями в навершии в гербе муниципального округа № 78; два золотых якоря и двухмачтовый корабль в гербе Морского округа; лазоревый морской якорь, скрещенный с червлёным кадуцеем в гербе округа Морские ворота. К этой же группе символов могут быть отнесены и морской конь (с рыбьим хвостом), и ключ с ушком в виде трезубца (наподобие трезубца Нептуна) в гербе муниципального образования «Гавань».

Распространена в муниципальной геральдике и военно-историческая тематика — кивер и шпага в гербе муниципального образования Красное Село, скрещенные тесаки в гербе муниципального округа Дачное, пылающие пушечные ядра в гербе муниципального округа Морские Ворота, пушечный ствол — в гербе муниципального округа Обуховский. Эти символы напоминают о роли отдельных территорий Санкт-Петербурга в истории развития военного дела нашей страны.

При разработке гербов муниципалитетов окраин Санкт-Петербурга, которые не могут хвалиться известными историческими памятниками, группа Башкирова обращается, в частности, к фамильным гербам дворян, имевших земельные владения на соответствующей территории. Так, в поле гербового щита муниципального округа Полюстрово скошенное червленью (т.е. красным) и серебром символизирует земли Полюстровской и Муринской волостей; фигура орла указывает на владение Кушелевых-Безбородко (деревня Полюстрово), а лилия и геральдические розы — на мызу Воронцовых. Орел из герба Кушелевых-Безбородко также украсил герб муниципального округа Пискаревка, а стропило из герба Воронцовых — герб муниципального округа Гражданка. В гербе муниципального округа Коломяги изображены сабли и брошь со страусовыми перьями. Эта композиция заимствована из герба рода Орловых-Денисовых, чья усадьба находилась на территории муниципалитета.

Встречаются в гербах и указания на населенные пункты, находившиеся в прошлом в границах современного Санкт-Петербурга. Три креста в гербе муниципального округа Гражданка напоминают о трех деревнях — Русская Гражданка, колония Гражданка и Дорога в Гражданку; дубовый венок в гербе муниципального округа Невский округ — о деревнях Дубок и Круглое, известных еще в XVII в.

В настоящее время муниципальная геральдика Санкт-Петербурга создается в результате компромисса между проектами муниципалитетов и требованиями геральдики. Геральдическая работа продолжается. За второе полугодие 2015 г. еще два муниципальных образования — Ивановский и Княжево — официально зарегистрировали гербы и флаги.

Муниципальные гербы языком символов представляют Санкт-Петербург как город с богатым историческим наследием, морской центр и средоточие архитектурных памятников. Причем геральдика городских окраин и городского центра не имеет существенных различий. Процесс формирования геральдических символов Санкт-Петербурга еще не завершен, их воздействие на идентичность населения пока не представляется значительным. Скорее

можно говорить о символических трендах, создающих своеобразие современного Санкт-Петербурга и отличающих его от других регионов России.

Источники

- Герб и флаг МО Кронверкское // Официальный сайт внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга муниципальный округ Кронверкское [электронный ресурс]. URL: <http://kronverkskoe.ru/city/gerb.php> (30.12.2015).
- Закон Санкт-Петербурга (№ 165–23) «О детальном описании официальных символов Санкт-Петербурга и порядке их использования» (с изменениями на 6 декабря 2011 г.) // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [электронный ресурс]. URL: <http://gov.spb.ru/law?d&nd=8376805> (10.09.2015).
- Закон Санкт-Петербурга «О территориальном устройстве Санкт-Петербурга // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [электронный ресурс]. URL: <http://gov.spb.ru/law?d&nd=8414528&nh=1> (10.09.2015).
- Письмо № В72-2-501 (2015 г.). Общественный совет жителей муниципального образования поселка Александровская от 10 июня 2015 г. // Архивное собрание Геральдического совета при Президенте Российской Федерации. Л. 1–3. Санкт-Петербург — гербы и флаги // Геральдика.ру [электронный ресурс]. URL: <http://geraldika.ru/i/Санкт-Петербург> (30.12.2015).

Библиография

- Башкиров К.С., Штейнбах С.Ю. История и геральдика земли Ленинградской. СПб.: [Б.и.], 2008. 664 с.
- Вилинбахов Г.В. К истории возрождения геральдической службы России // Бюллетень Геральдического совета при Президенте Российской Федерации. М., 2005. Вып. 1. С. 5–10.
- Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2013. 336 с.
- Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. 402 с.
- Малькова В.К., Тишков В.А. Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов и мест // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. Ростов-на-Дону, 2012. С. 27–62.
- Мельцин М.О. Геральдика, сфрагистика, нумизматика, униформология. Вспомогательные исторические дисциплины. СПб.: Петербургский институт печати, 2006. 368 с.

Методические рекомендации по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований. Утверждены Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации 28 июня 2006 г. Б.м., Б.г.

Санкт-Петербург — гербы и флаги // Геральдика.ру [электронный ресурс]. URL: <http://geraldika.ru/i/Санкт-Петербург> (30.12.2015).

А.И. Капитонова

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ГРАДОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Статья посвящена анализу деятельности петербургской градозащитной организации «Живой город». Автор статьи, член этой организации, рассказывает о спасенных от разрушения исторических зданиях, а также о запрете строительства уродующих центр Петербурга современных зданий.

Ключевые слова: градозащитная организация, исторические и культурные памятники, идентичность.

A. Kapitonova

**REFLECTIONS
ON THE PETERSBURG IDENTITY
THROUGH THE PRISM
OF GRADUADING ACTIVITIES**

The article analyzes the activities of the St. Petersburg organizations for city protection “the Living city”. The author is a member of this organization talks about saved from the destruction of historic buildings, as well as banning the construction of disfiguring the Petersburg center of modern buildings.

Keywords: organization for the protection of the city, historical and cultural monuments, identity.

Движение Живой город зародилось и начало активную деятельность в 2006 г. Как говорила в интервью петербургскому корреспонденту одна из основательниц движения Юлия Минутина, *«в какой-то момент стало ясно: происходит чудовищное, и нужно что-то делать. Будем молчать, наш город разрушат»*. Одними из первых акций стали протесты против строительства башни Газпром-Сити. В результате длительной борьбы строительство было отменено.

Надо сказать, существование так называемых «градозащитных» организаций с некоторых пор является отличительной чертой нашего города. И это понятно в силу масштабности размеров городских территорий с сохранившейся исторической застройкой и обилия архитектурных памятников. На смену созданному в Петербурге в 1909 г. «Обществу защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» пришло советское «Общество охраны памятников». А движение «Живой город», которое стало первым среди подобных организаций в России, возникших с новой волной общественной мобилизации вокруг проблем культурного наследия, считает себя наследником группы «Спасение», защищавшей в 1986–1987 гг. от сноса дом Дельвига, гостиницу «Англетер» и др.

Сейчас защитой культурного наследия в городе занимаются несколько градозащитных организаций, конкретных результатов удастся добиться только при тесном сотрудничестве, поэтому о победах и поражениях отдельно нашего движения можно говорить лишь условно.

Почти одновременно с борьбой против Охта-центра проходили акции нашего движения у дома по улице Восстания 2, на месте которого позднее появится торговый центр Стокманн. Финская компания приступила к работам в октябре 2006 г. Ради строительства универмага были уничтожены два дома по Невскому проспекту и один по улице Восстания. Серьезно пострадали соседние дома, жалобы от жителей которых поступают и по сей день. Кроме того, стеклянная надстройка, которую позволил себе инвестор, изуродовала виды города. Очевидно, что в ходе работ финской компанией были грубо нарушены российские законы в области строительства, а правитель-

ством города были сделаны уступки в интересах застройщика, что привело к появлению «градостроительной ошибки».

Еще одним примером варварского обращения с наследием стала реконструкция дома Лобанова-Ростовского, ближайшего соседа Исаакиевского собора. Этот знаменитый «дом со львами», архитектором которого был Огюст Монферран, несколько лет принадлежал князю Александру Лобанову-Ростовскому, а позднее в нем разместилось военное ведомство. Дом официально был признан памятником архитектуры. В ходе работ, начавшихся в 2008 г., были уничтожены ценные интерьеры, художественная отделка помещений, снесен дворовый флигель, здание перепланировано, устроен мансардный этаж. При рассмотрении искового заявления, поданного градозащитниками, были выявлены нарушения закона как со стороны инвестора, так и со стороны ответственных ведомств (КГИОП, Росохранкультура). На данный момент в доме размещена гостиница класса де люкс, которую «украшает» стеклянная надстройка, никак не сопоставимая с подлинным историческим обликом здания.

Параллельно шла борьба против сноса казарм Преображенского полка по Виленскому переулку. До этого в 2005–2006 гг. были уничтожены здания казарм полка по Кирочной улице, таким образом, происходил снос одних из последних уцелевших построек казарменного городка старейшего императорского полка. Для строительства элитного жилого комплекса «Парадный квартал» в 2004 г. были лишены охранного статуса казармы и манеж Преображенского полка, и в апреле 2011 г. застройщик приступил к их демонтажу. По итогам служебных проверок, инициированных по требованиям градозащитников, были выявлены многочисленные нарушения, ведомства получили выговоры и замечания, заказчику и застройщику были выписаны штрафы. Тем не менее факт сноса был объявлен законным.

Одним из громких дел была борьба за дом Рогова. Этот характерный образец купеческого дома конца XVIII — начала XIX в. был одним из немногих сохранившихся зданий рядовой застройки пушкинского времени. Наряду с Владимирским собором, дом Рогова и его ровесник дом Дельвига оставались последними эле-

ментами первоначального классицистического ансамбля Владимирской площади. Дом никогда кардинально не перестраивался, сохранил основные габариты, объемно-пространственное решение, фасады. Таким в основных чертах, несомненно, видели его Александр Сергеевич Пушкин, живший в соседнем доме Антон Дельвиг и их современники.

История уничтожения дома началась с появлением первого инвестора, который заказал техническую экспертизу о состоянии здания, главной целью которой было объявить его подлежащим сносу. На месте дома застройщик намеревался возвести бизнес-центр. После вмешательства градозащитников независимые специалисты показали: вывод об аварийности здания весьма преувеличен. Вскоре председатель КГИОП распорядилась отозвать согласование на снос и обязать инвестора провести капитальный ремонт здания. Вместо этого застройщик методично доводил дом до разрушения, оставив его без кровли, отопления и охраны. Через год в КГИОП пришли к выводу, что здание уже не спасти и повторно сняли его с охраны, однако это решение ведомства удалось отменить в суде. Дом Рогова стал одним из первых «горячих адресов», обсуждавшихся на переговорах градозащитников с администрацией губернатора В. Матвиенко. Пока новая историко-культурная экспертиза, поданная защитниками наследия, находилась на рассмотрении, дом был снесен за один день.

Большинство из приведенных примеров нашей деятельности никак нельзя назвать успешными, даже несмотря на затраченные усилия. Однако за восемь лет существования «Живого города» у нас и всего градозащитного движения в целом есть и несомненные успехи, вот некоторые из них.

Совсем недавно успешно завершилась эпопея с Лопухинским садом. Участок сада на набережной Невы, в XVIII в. служивший аптекарским садом, ставший впоследствии местом расположения дачи министра юстиции князя Лопухина, а потом купца, главы Петербургской лесной Биржи Василия Громова. Здесь сохранены исторический особняк владельцев и система озёр. Это любимое место отдыха жителей Петроградской стороны планировалось отдать под строительство 9-ти этажной гостиницы. Под угрозой

был и деревянный особняк купца Громова, остававшийся в запустении, но сохранивший исторические интерьеры и внешний облик конца XIX в. Итогом длительной борьбы инициативной группы жителей и градозащитников стали возвращение участка в состав памятника по проведенной ВООПИК историко-культурной экспертизе и запрет на строительство многоэтажного отеля, а для дачи Громова найден хозяин, взявший на себя обязательства по ремонту особняка.

В 2008 г. был спасен от сноса дом на Таврической, 45, построенный в 1913–1914 гг. в стиле модерн. Красивый исторический дом был поврежден при возведении элитного жилого комплекса на соседнем участке по причине ненадлежащих защитных мероприятий компании-инвестора и целиком был предназначен под снос. При посредстве «Живого города» состоялась встреча жителей дома с главой администрации Центрального района, на котором они выразили протест против расселения дома, указали на множество несуразностей и нестыковок в техническом заключении об аварийности. В результате после повторного обследования дома было признано, что сносу он не подлежит.

Градозащитникам также удалось отстоять от сноса дом Абазы на Фонтанке 23. Этот дом, до революции принадлежавший министру финансов Александру Абазе и в 2012 г. признанный объектом культурного наследия регионального значения, дом, в музыкальном салоне которого впервые была исполнена опера Чайковского «Евгений Онегин», планировалось снести за исключением трех этажей фасадной стены и построить на его месте новое здание гостиницы с подземным паркингом, даже несмотря на то что потомки семьи Абазы обращались к губернатору с просьбой разрешить им отреставрировать дом за свой счет. Протесты градозащитников привели к пересмотру проекта с перспективой приспособления под гостиницу с реставрацией отдельных помещений. Проект находится сейчас в доработке.

Еще одной победой мы можем считать запрет на застройку территории Фарфоровского кладбища. Существование этого старейшего некрополя чиновники и застройщик долго не хотели признавать, хотя исторические источники указывают на появление

первых захоронений здесь начиная с 1720-х годов. Сначала здесь хоронили только рабочих Императорского фарфорового завода, а позднее и просто окрестных жителей и состоятельных петербуржцев. Известны могилы Татищевых, министра уделов Гагарина, историка Н.Н. Муравьева, отсюда на Литераторские мостки был перезахоронен прах литератора И.И. Панаева. Несмотря на обнаружение старинных надгробий во время работ по прокладке коммуникаций, на территории кладбища планировалось построить торгово-развлекательный центр с кинотеатром. В результате широкомасштабных акций инициативных групп, градозащитников, судебного решения, согласно которому суд удовлетворил жалобу петербуржца, чьи родственники были захоронены на кладбище, строительство удалось остановить, а территорию кладбища, согласно закону, признать пригодной только для зеленой зоны.

И напоследок хотелось бы рассказать о сегодняшних «горячих адресах». На самом деле, за последние годы нашей деятельности мы отмечаем рост интереса к проблемам наследия со стороны петербуржцев. Сейчас это одна из самых обсуждаемых тем в городе, что, на мой взгляд, можно отнести к особенностям петербургской идентичности.

Наиболее остро стоит сейчас проблема сохранения Никольского рынка и Конюшенного ведомства. Никольские ряды, миниатюра Гостиного двора, памятник архитектуры федерального значения, располагающийся в живописном месте вблизи Никольского морского собора, реконструируют по проекту, согласованному в обход петербургских экспертов. На данный момент идет снос внутренних конструкций, что может привести к уничтожению памятника.

В здании императорских конюшен — одним из известнейших памятников архитектуры города, с церковью Спаса нерукотворного образа, где отпевали А.С. Пушкина, началась реконструкция под апарт-отель. Проект предусматривает снос двух внутренних корпусов, внутреннюю перепланировку, разделение на номера, что приведет к гибели величественных широких манежей, спроектированных архитектором Стасовым. Под зданием устроят подземный паркинг. Такая реконструкция скроет от петербуржцев истинное

историческое предназначение здания и грозит уничтожением ценных интерьеров.

Нельзя оставить без внимания и Блокадную подстанцию, борьба за которую с переменным успехом велась на протяжении последних месяцев. Тяговую подстанцию № 11, находящуюся на набережной Фонтанки вблизи Инженерного замка, давшую ток ленинградскому трамваю во время блокадной зимы, давно ставшую мемориальным местом для блокадников и горожан, планировалось снести под строительство отеля. В результате длительных переговоров с правительством города удалось достичь соглашения о предании подстанции охранного статуса, однако он еще не присвоен окончательно и опасения за судьбу здания остаются актуальными.

Под угрозой находятся и исторические постройки Варшавского вокзала, до конца прошлого века связывавшего Петербург с Европой. С его платформ сходили герои произведений классиков русской литературы. Территория вокзала с красивейшими до-революционными пакгаузами и депо планируются под расчистку, строительство жилого комплекса и пробивку магистрали, что нанесет непоправимый ущерб панорамам южного берега Обводного канала и лишит нас возможности очутиться на несколько мгновений в XIX в.

*Культурное и музейное
пространство
Петербурга
и Ленинградской
области*

Илле М.Е.
Сутягина Л.Э.
Финченко А.Е.

М.Е. Илле

УЧАСТИЕ ЖИТЕЛЕЙ «КУЛЬТУРНОЙ СТОЛИЦЫ» В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРГА¹

В статье анализируется степень согласия петербуржцев с присвоенным городу статусом культурной столицы России и наличие в нормативном сознании петербуржцев представления о необходимости в непосредственном общении с произведениями искусства, чтобы соответствовать статусу жителя культурной столицы. Исследуется реальная включенность горожан в культурную жизнь города.

Ключевые слова: Петербург, культурная столица, поведенческий стереотип, приобщенность к культурной жизни города.

M. Ille

THE PARTICIPATION OF RESIDENTS “CULTURAL CAPITAL” IN CULTURAL LIFE OF PETERSBURG

The article examines the degree of agreement with notion “St Petersburg is a cultural capital of Russia” and normative social representations of Petersburgers about their needing in cultural involvement in order to correspond to the status of the inhabitant of the cultural capital. The real participation of Petersburgers in the cultural life of the city is investigated.

Keywords: St Petersburg, cultural capital, behavioral patterns, cultural involvement.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы фундаментальных исследований Президиума РАН (Постановление № 176 от 23.12. 2014 г.) «Историческая память и российская идентичность».

Петербург — культурная столица России. Эти слова стали штампом, который мы часто слышим, читаем об этом в средствах массовой информации, да и сами их повторяем, иногда всерьез, а иногда иронически, когда видим грязь на улицах или слышим, как общаются между собой юноши и девушки, легко и непринужденно вставляя в разговор матерные словечки. Наш город — шедевр архитектуры, у нас всемирно известные музеи, театральные и концертные коллективы, уникален вклад Петербурга в историю культуры России, все это не позволяет сомневаться в его особой роли в русской культуре. Но статус культурной столицы предполагает горожанина, знающего и любящего свой город, интересующегося его историей, пользующегося богатейшими возможностями общения с ценностями художественной культуры. Возникают вопросы. Является ли статус культурной столицы идентификационной моделью для жителей города? Существует ли такая идентичность — мы жители культурной столицы России? И если да, то накладывает ли она какие-либо обязательства на поведение горожан?

В предлагаемом вниманию читателей тексте будут затронуты следующие темы. Во-первых, в какой мере общественное мнение горожан согласно с декларируемым высоким статусом города? Во-вторых, если в массовом сознании жителей города такое согласие есть, то в какой мере в нормативном сознании петербуржцев представлена необходимость и потребность в непосредственном общении с произведениями искусства, чтобы соответствовать статусу жителя культурной столицы? И, наконец, какова реальная практика горожан в посещении учреждений культуры нашего города?

Статья основана на результатах инициативного исследования «Мониторинг приобщённости петербуржцев к культурной жизни города», проведенного социологическим научно-исследовательским центром (СНИЦ) в период с 1991 по 2000 гг., данных исследований, выполненных СНИЦ в 2005–2011 гг. по заказу государственного учреждения культуры и дополнительного образования «Институт культурных программ» и исследования 2011 г., проведенного по заказу комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Правительства Санкт-Петербурга. Во всех случаях сбор информации осуществлялся методом теле-

фонного репрезентативного опроса взрослого населения города (18+); объем выборки варьировался от 722 до 2000 чел.

Петербург — культурная столица?

Прежде всего, посмотрим, считают ли сами горожане Петербург культурной столицей. Рис. 1 показывает, что большинство петербуржцев согласны с тем, что наш город достоин звания культурной столицы, однако немало и тех, кто полагает, что это не так: город слишком запущен и поведение многих горожан в повседневной жизни не соответствует поведению жителя культурной столицы. Примерно каждый пятый респондент выбирает или первый, или второй отрицательный ответ.

Мы видим, что значительная часть горожан не склонна обольщаться присвоенным городу высоким статусом и отмечает реальные проблемы городской жизни. Многие респонденты отмечают такие проблемы повседневного поведения горожан, как использование ненормативной лексики в общественных местах, неуважительное отношение к пожилым людям со стороны молодежи, грязь на улицах, которую создают сами горожане, швыряя куда попало банки, окурки и т.д. При этом многие петербуржцы с этим уже не только смирились, но и считают, например, что использование нецензурной лексики в публичном пространстве стало уже устоявшейся нормой поведения (см. рис. 2).

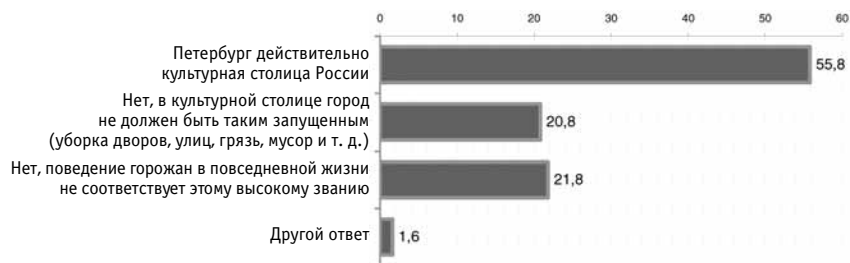

Рис. 1. Отношение к Петербургу как культурной столице (2011 г., %).
Формулировка вопроса: Петербург часто называют культурной столицей России. Как вы считаете, Петербург достоин этого звания? Если нет, то чего не хватает, чтобы соответствовать этому высокому званию?

Рис. 2. Отношение к нарушению норм бытового поведения (2011 г., %).
 Формулировка вопроса: Если вы являетесь свидетелем нарушений правил бытового поведения, например, использование ненормативной лексики в общественных местах, то как вы к этому относитесь?

Не будем подробно останавливаться на проблемах бытового поведения петербуржцев, это тема для отдельной статьи, в этом тексте сосредоточимся на анализе поведения горожан в сфере художественной культуры.

Поведенческий стереотип в сфере общения с произведениями искусства

Жители культурной столицы, имея прекрасную возможность постоянного общения с шедеврами мирового и отечественного искусства, казалось бы, должны этим пользоваться. По крайней мере, в нормативном сознании горожан должна быть зафиксирована необходимость участия петербуржцев в культурной жизни города.

Приведенные на рис. 3 данные показывают наличие такой нормы поведения в массовом сознании петербуржцев. Мы фиксируем устойчивость ответов горожан на поставленный вопрос: примерно 80 % респондентов на протяжении всего периода наблюдений заявляют о необходимости культурному человеку хотя бы несколько раз в год посещать театры, музеи и другие учреждения культуры. Таким образом, статус Петербурга как культурной столицы России находится в тесной связи с устойчивым стереотипом массового сознания, предписывающим петербуржцу как жителю культурной столицы посещать учреждения культуры.

Если посмотреть, как отвечают на этот вопрос различные группы петербуржцев, то мы видим, что во всех анализируемых

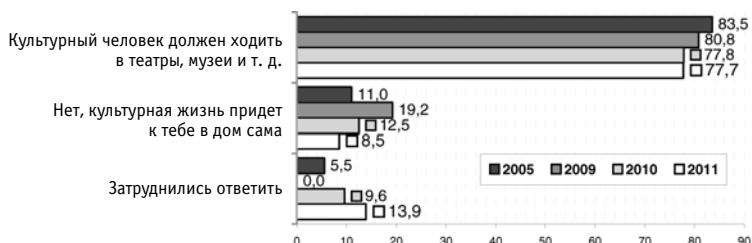

Рис. 3. Сейчас я назову Вам два суждения, а вы скажите, пожалуйста, с каким из них вы согласны. 1. Современный культурный человек должен хотя бы несколько раз в год побывать в театрах, музеях, на различных концертах. 2. При современном уровне развития телевидения, аудио, видеозаписи, интернета совершенно не обязательно ходить в театры, музеи и т.д. — культурная жизнь придет к тебе в дом сама. 3. Затруднение в ответе

группах большинство респондентов дает положительный ответ на поставленный вопрос. Среди женщин заметно больше положительных ответов, по сравнению с мужчинами, но и среди мужчин 70 % опрошенных согласны с тем, что культурный человек должен хотя бы иногда посещать театры, концертные залы, музеи (см. табл. 1). Сравнение ответов в возрастных группах показывает отсутствие значимых различий: положительный ответ варьируется в диапазоне от 75 до 80 %. Заметно влияние образования: меньше всего положительных ответов у людей с неполным средним образованием и окончивших ПТУ, больше всего — у респондентов с высшим или незаконченным высшим гуманитарным образованием. Существенен и социально-профессиональный статус респондентов: минимум положительных ответов мы наблюдаем у безработных и инвалидов (прочие неработающие), людей занятых неквалифицированным трудом (прочие работающие) и рабочих, максимум — у специалистов с высшим образованием (см. табл. 1).

Посещение культурных мероприятий

Обратимся теперь к выяснению реальной включенности горожан в культурную жизнь Петербурга. Анализ активности респондентов в сфере художественной культуры основан на их фактическом

Таблица 1

**Поведенческий стереотип в сфере потребления культуры
по группам респондентов, % по строке (2011 г.)**

Группы респондентов	Поведенческий стереотип		
	культурный человек должен ходить в театры	нет, культурная жизнь придет к тебе в дом сама	затруднились ответить
Пол			
Мужчины	70,3	14,0	15,7
Женщины	83,4	4,1	12,4
Возраст			
18–29 лет	77,6	13,0	9,4
30–39 лет	77,4	11,6	11,0
40–49 лет	79,7	9,0	11,3
50–59 лет	80,0	5,1	14,9
60 и старше	74,5	3,8	21,7
Образование			
Неполное среднее	58,1		41,9
Среднее (школа)	68,2	8,8	23,0
Среднее профессиональное (ПТУ)	62,2	15,7	22,0
Среднее специальное	77,2	9,5	13,3
Высшее или незаконченное высшее гуманитарное	88,1	3,8	8,1
Высшее или незаконченное высшее другое	84,3	6,5	9,2
Социально-профессиональный статус			
Рабочие	68,6	8,5	22,9
Работники сферы услуг	82,9	11,1	6,0
Служащие без высшего образования	80,3	7,1	12,6
Специалисты с высшим образованием	88,1	4,8	7,1
Руководители и предприниматели	83,9	6,9	9,2
Прочие работающие	62,0	26,0	12,0
Студенты	75,2	11,7	13,1
Пенсионеры	76,2	4,3	19,5
Домохозяйки	82,4	6,9	10,8
Прочие неработающие	57,2	15,9	26,9

посещении музеев, спектаклей и т.д. («Сколько раз за последние 12 месяцев Вы были ...»?).

В табл. 2 приведены средние данные о посещении различных учреждений культуры в расчете на одного человека. В среднем на одного петербуржца по данным 2011 г. приходится 7,7 посещений различных культурных мероприятий. Бесспорным лидером по посещаемости являются кинотеатры. После провала 1998 г., когда на одного горожанина в среднем приходилось лишь 0,3 посещения кинотеатра в год, этот показатель постоянно рос и в последние годы приблизился к показателю в три посещения в год на одного петербуржца. Также более посещаемыми учреждениями культуры являются музеи и драматические театры. Минимальную аудиторию за все годы наблюдений мы наблюдаем на концертах народной музыки.

Более активными участниками культурной жизни Петербурга являются женщины, на них в среднем приходится 8,2 посещений культурных мероприятий в течение года, а у мужчин этот показатель равен 6,4. Преобладание женщин в аудитории наиболее заметно на драматических спектаклях, где они бывают в два раза чаще мужчин. Существенно больше женщин среди посетителей музеев, выставок и концертов музыки академических жанров (см. табл. 2). Только на концерты популярной музыки (эстрада, рок, шансон и т.д.) и в кинотеатры мужчины в течение года бывают немного чаще, чем женщины.

Очевидно влияние возраста на включенность горожан в культурную жизнь города. Чаще всех бывает где-либо молодежь: в среднем на одного респондента в возрасте от 18 до 29 лет приходится 11,6 посещений различных культурных мероприятий в течение года. Частота посещений горожан в возрасте от 30 до 49 лет составляет 8,5 раз, в следующей возрастной группе она снижается до 6,6 посещений и среди самой возрастной категории населения падает до 3,4 посещений в год. Если сравнить две полярные возрастные группы, то молодежь бывает в различных учреждениях культуры чаще, чем пожилые горожане, в 3,5 раза. При сравнении среднего возраста людей, посещавших культурные мероприятия не менее двух раз в год, мы видим, что самая молодежная аудитория в кино-

Таблица 2

**Среднее количество посещений учреждений культуры в год
в расчете на одного человека по группам респондентов, 2011 год**

Социально-демографические группы	Учреждения культуры							Сумма посещений
	Драм. театр	Муз. театр	Музыка акад. жанра	Поп-музыка	Народ. музыка	Музеи, выставки	Кино-театры	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Пол								
Мужчины	0,7	0,4	0,4	0,8	0,1	1,5	2,9	6,4
Женщины	1,4	0,5	0,7	0,6	0,2	2,2	2,6	8,2
Возраст								
18–29 года	1,1	0,4	0,4	1,3	0,2	2,2	6,0	11,6
30–39 лет	1,1	0,5	0,4	0,7	0,1	2,2	3,5	8,5
40–49 лет	1,5	0,6	0,7	0,8	0,1	2,3	2,5	8,5
50–59 лет	1,3	0,5	0,9	0,3	0,2	2,0	1,4	6,6
60 лет и старше	,6	0,3	0,5	0,3	0,1	1,1	0,5	3,4
Средний возраст, два и более посещения	43	44	46	37	47	42	35	
Социально-профессиональный статус								
Пенсионеры	0,7	0,3	0,5	0,3	0,1	1,6	0,9	4,4
Студенты	1,6	0,5	0,5	1,5	0,1	3,2	7,2	14,6
Домохозяйки	1,2	0,5	0,5	0,8	0,2	0,8	3,2	7,2
Инвалиды, безработные	0,4	0,2	0,1	0,2	0,0	0,9	2,2	4,0
Рабочие	0,3	0,1	0,2	0,3	0,1	0,9	1,9	3,8
Специалисты без высшего образования	0,7	0,4	0,3	0,8	0,3	1,5	2,3	6,3
Специалист с высшим образованием гуманитарии	2,0	0,9	1,1	1,3	0,3	3,2	4,4	13,2
Специалист с высшим образованием в других сферах	1,6	0,5	1,0	0,7	0,1	2,8	4,0	10,7

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Руководители и предприниматели	2,1	0,9	0,8	1,1	0,0	2,6	3,7	11,2
Образование								
Неполное среднее	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,5	0,5	1,0
Среднее общее (школа)	0,7	0,3	0,3	0,4	0,1	1,6	2,8	6,2
Среднее профессиональное (ПТУ)	0,5	0,2	0,3	0,4	0,2	1,2	1,7	4,5
Среднее специальное	0,7	0,2	0,2	0,5	0,1	1,3	1,8	4,8
Высшее или незаконченное высшее гуманитарное	1,9	0,9	1,0	0,9	0,2	2,9	4,0	11,8
Высшее или незаконченное высшее другое	1,2	0,5	0,7	0,9	0,1	2,2	3,0	8,6
Душевой доход								
Трудно сказать	0,9	0,3	0,4	0,6	0,2	2,0	3,3	7,7
Отказ отвечать	1,3	0,6	0,7	0,7	0,2	1,9	3,7	9,1
До 7000 тыс. руб.	0,5	0,2	0,2	0,3	0,0	1,3	1,2	3,7
До 10000 тыс. руб.	0,8	0,2	0,5	0,3	0,1	1,6	1,7	5,2
До 15000 тыс. руб.	0,8	0,3	0,4	0,4	0,0	1,6	1,8	5,3
До 20000 руб.	1,6	0,7	0,7	0,8	0,2	2,3	2,9	9,2
До 28000 руб.	1,5	0,4	0,7	1,4	0,2	2,7	4,2	11,1
30000 и более	1,5	1,0	1,1	1,9	0,3	2,6	5,6	14,0
По всем опрошенным	1,1	0,5	0,6	0,7	0,1	1,9	2,8	7,7

театрах и на концертах популярной музыки, а самая возрастная аудитория — на концертах народной и академической музыки.

Следует отметить, что лидирующие позиции молодежи в общённости к культурной жизни во многом обеспечиваются за счет частоты посещения кинотеатров — шесть посещений в год. Уже среди людей в возрасте 30–39 лет этот показатель уменьшается до 3,5 посещений, т.е. почти в два раза, в каждой следующей воз-

растной группе он продолжает снижаться и достигает минимума среди респондентов 60 лет и старше — 0,5 посещений в год.

В других аудиториях можно наблюдать более разнообразную картину (хотя часто различия минимальны). В музеях, на драматических и музыкальных спектаклях чаще можно застать людей в возрасте 40–49 лет, на концертах «серьезной» музыки — респондентов 50–59 лет, в аудитории народной музыки их же и самых молодых слушателей, а на концертах поп-музыки снова несомненный лидер молодежь.

Наиболее активно включены в культурную жизнь города люди с высшим (незаконченным высшим) гуманитарным образованием, в среднем в год на них приходится 11,8 посещений различных мероприятий в сфере художественной культуры. Даже среди респондентов с высшим, но не гуманитарным образованием показатель посещаемости заметно ниже. Как бы мы ни ругали современное состояние и снижение уровня высшей школы, появление практически во всех вузах гуманитарных факультетов в свете полученных результатов следует считать явлением положительным. Чтение курсов по истории художественной культуры пробуждает интерес к общению с искусством и потому, что в результате молодые люди чувствуют себя более подготовленными и уже не боятся оказаться «белой вороной», войдя, например, в зал филармонии.

В наименьшей степени вовлечены в культурную жизнь города горожане с неполным средним образованием, но эта группа невелика, всего 2,6 % от всех опрошенных и, естественно, что почти 90 % среди них люди от 60 лет и старше. Отметим также, что респонденты со средним общим образованием чаще бывают в театрах, музеях и т.д. по сравнению с респондентами, закончившими ПТУ и другие средние специальные учебные учреждения.

Естественно, что возраст и уровень образования респондентов взаимосвязаны с их социально-демографическим и социально-профессиональным статусом. Табл. 2 показывает, что наиболее вовлечены в культурную жизнь города студенты и специалисты с высшим гуманитарным образованием. Несколько большее число посещений, приходящееся на студентов, обеспечивается за счет кинотеатров и концертов популярной музыки, в музеи и на вы-

ставки студенты и специалисты-гуманитарии ходят одинаково часто, на всех остальных культурных событиях специалисты бывают чаще. Минимальное суммарное количество посещений театров, музеев, концертов и т.д. приходится на рабочих (3,8 раз в течение года), неработающих граждан (это, в основном, инвалиды и безработные) и пенсионеров.

Очевидное влияние на приобщённость горожан к культурной жизни оказывает уровень дохода: чем выше этот показатель, тем больше число суммарных посещений учреждений культуры. Самые малообеспеченные горожане бывают где-либо почти в четыре раза реже, чем люди, имеющие доходы не менее 30 тыс. руб. в месяц (см. табл. 2). В то же время доходы горожан не оказывают решающего значения на их активность в сфере художественной культуры. Поясним это на примере сравнения средних доходов рабочих и специалистов-гуманитариев. У рабочих, по их самооценкам, средний доход составляет 16 003 руб. в месяц, у специалистов — 17 878 руб., разница невелика, при этом специалисты бывают где-либо в течение года в 3,5 раза чаще.

Интегральные характеристики приобщённости населения к культурной жизни

Наряду с анализом частоты посещений горожанами различных учреждений культуры мы фиксируем и интегральный показатель, который называется индексом приобщённости к культурной

Рис. 4. Динамика нулевого и высокого уровней приобщённости к культурной жизни (не учитывая посещение кинотеатров), % от всех опрошенных

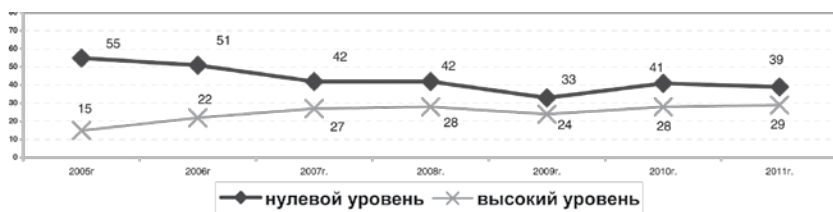

Рис. 5. Динамика приобщённости к культурной жизни (с учетом посещения кинотеатров), % от всех опрошенных

жизни. Индекс получен в результате суммирования посещения населением музеев, концертов академической, народной и популярной (эстрадной) музыки, драматических и музыкальных театров, кинотеатров¹.

Как показывает рис. 4, интегральные показатели приобщённости респондентов к культурной жизни города (без учета посещения кинотеатров) достаточно устойчивы. Около 50 % взрослых петербуржцев практически не пользуются возможностями проживания в культурной столице России. Примерно 15 % горожан составляют группу активных участников культурной жизни.

Включение в индекс приобщённости к культурной жизни посещение кинотеатров, естественно, заметно увеличивают долю респондентов с высоким уровнем приобщённости и уменьшают долю людей с нулевым уровнем (см. рис. 5).

Структурные характеристики интегрального показателя включенности в культурную жизнь города практически не отличаются от характеристик, которые мы описывали, анализируя показатели, представленные в табл. 2. Более включены в культурную жизнь

¹ В индексе выделяются четыре группы респондентов по критерию приобщённости: к культурной жизни города: 1) нулевой уровень — респонденты, которые не были ни разу или были только один раз в течение года в театрах, на различных концертах и выставках; 2) низкий уровень — респонденты, побывавшие в течение года где-либо от двух до четырех раз в сумме; 3) средний уровень — от пяти до девяти посещений в сумме; 4) высокий уровень — респонденты, побывавшие в течение года где-либо десять и более раз. До 2000 г. при расчете индекса не учитывалось посещение кинотеатров, поэтому для правильного понимания динамики происходящих изменений приводятся и данные, не учитывающие посещение кинотеатров.

женщины, люди с высшим образованием, студенты, специалисты, респонденты с относительно высоким уровнем доходов, руководители разного уровня и предприниматели. Наиболее исключенными являются пожилые люди, малообеспеченные горожане, рабочие, инвалиды и безработные.

Необходимо еще раз отметить, что такая характеристика, как возраст, существенно сказывается на индексе приобщённости к культурной жизни только тогда, когда учитывается посещение кинотеатров. Без их учета в группе респондентов с высоким уровнем приобщённости практически одинаково представлены люди от 18 до 59 лет. И только среди респондентов самой старшей возрастной группы доля людей, посещающих культурные мероприятия не менее 10 раз в течение года, заметно уменьшается.

Однако весьма показательным является сравнение респондентов, входящих в группы с нулевым и высоким уровнем приобщённости к культурной жизни Петербурга (без учета посещения кинотеатров) среди различных групп респондентов. Мы обнаруживаем любопытный факт: во всех группах за исключением студентов и специалистов с высшим образованием доля людей с нулевым уровнем больше тех, у кого высокий уровень приобщённости к культурной жизни города. Да и у специалистов доля тех, кто относительно часто бывает в театрах, музеях, на концертах, лишь немногим больше доли тех, кто нигде не бывает. Таким образом, ни высшее образование, ни возраст, ни доходы не являются гарантиями того, что у человека будет развита потребность в общении с искусством. Только в случае учета посещения кинотеатров мы наблюдаем влияние некоторых социально-демографических характеристик респондентов. Покажем это еще раз на результатах факторного анализа.

Табл. 3 демонстрирует связанность выбора петербуржцев в посещении культурных мероприятий. Первый фактор объединяет любителей концертов музыки академических жанров, музыкального и драматического театра. С меньшим значением коэффициента в эту группу входят и любители изобразительного искусства. Второй фактор объединяет посетителей кинотеатров и концертов популярной музыки.

Таблица 3

**Результаты факторного анализа
показателей посещаемости культурных
мероприятий и учреждений культуры
(2011 г., N — 1000 чел.)**

Переменные	Факторы	
	1	2
Кинотеатры		0,841
Концерты популярной музыки		0,780
Концерты музыки академических жанров	0,801	
Музыкальные театры	0,780	
Драматические театры	0,727	
Музеи и выставки	0,591	
Информативность фактора, %	36,1	27,7

Extraction Method: Principal Component Analysis. Rotation Method: Varimax with Kaiser Normalization (представлены значения с коэффициентом выше 0,5)

Таблица 4

**Результаты факторного анализа показателей
посещаемости культурных мероприятий и учреждений культуры
при включении социально-демографических
характеристик респондентов
(2011 г., N — 1000 чел.)**

Переменные	Факторы	
	1	2
Кинотеатр		,802
Драматический театр	,727	
Музыкальный театр	,690	
Концерты музыки академических жанров	,734	
Концерты популярной музыки		,566
Концерты народной музыки		
Музеи	,603	
Пол		
Возраст респондентов		-,759
Образование респондентов		
Душевой доход респондентов		,598
Информативность фактора, %	22,7	21,4

Extraction Method: Principal Component Analysis. Rotation Method: Varimax with Kaiser Normalization (представлены значения с коэффициентом выше 0,5)

В табл. 4 представлены результаты анализа после включения в факторную матрицу социально-демографических характеристик респондентов. Как мы видим, посетители концертов популярной музыки и кинотеатров — это преимущественно молодежь с относительно высоким уровнем душевых доходов, ориентированная при посещении учреждений культуры в большей степени на развлечение. А вот среди людей, ожидающих от искусства чего-то большего, чем просто развлечение, ни возраст, ни образование, ни доходы решающего значения не имеют. Здесь дополнительно работают какие-то другие факторы, влияющие на их поведение в сфере художественной культуры. Это и условия социализации, и среда общения. Это и школа, и средства массовой информации и, наверное, еще многое другое, чему у нас нет подтверждений, поскольку множество факторов не учитывалось в проводимых исследованиях. Но один такой фактор мы зафиксировали. По данным исследования 2007 г. существенное влияние на включенность в культурную жизнь оказывает уровень образования родителей.

Таблица 5

Среднее количество посещений респондентами в расчете на 1 человека в год культурных мероприятий в зависимости от уровня образования родителей, 2007 г.

Образование родителей	Учреждения культуры							
	Драм. театр	Муз. театр	Музыка АЖ	Поп-музыка	Народ. музыка	Музеи выставки	Кинотеатры	Сумма посещений
Оба родителя без высшего образования	0,64	0,31	0,24	0,47	0,08	1,13	1,63	4,5
Один — среднее, другой — высшее	1,20	0,56	0,37	0,80	,17	1,71	3,34	8,2
Оба имеют высшее образование	1,52	0,79	0,56	0,99	,18	2,46	3,79	10,3

Как мы видим из данных табл. 5, по каждому из анализируемых видов и жанров искусства среднее количество посещений растет вместе с ростом уровня образования родителей. Суммарное посещение среди респондентов, чьи родители не имеют высшего образования, и среди тех, у кого оба родителя с высшим образованием, различается более чем в два раза. Аналогичный результат мы видим, сравнивая индексы приобщённости к культурной жизни города (см. табл. 6).

Таблица 6

**Уровень приобщенности жителей к культурной жизни города
в зависимости от образования родителей респондентов,
2007 г., % по строке**

Образование родителей	Индекс приобщенности к культурной жизни							
	С учетом кино				Без кино			
	нуле- вой	низ- кий	сред- ний	высо- кий	нуле- вой	низ- кий	сред- ний	высо- кий
Оба родителя без высшего образования	54,9	15,0	11,7	18,4	63,5	17,2	9,4	9,9
Один — сред- нее, другой — высшее	31,4	16,5	19,9	32,2	42,6	20,8	21,4	15,2
Оба имеют высшее образование	21,7	14,4	18,5	45,5	34,2	21,2	19,7	24,9

Так, среди респондентов, чьи родители не имеют высшего образования, только 10 % имеют высокий уровень приобщённости, в противоположной группе 25 % (без учета кино). Среди горожан, выросших в малообразованных семьях, 55 % никуда не ходили в течение года, включая даже посещение кинотеатров, а среди тех, у кого родители с высшим образованием, таковых «только» 22 %.

Таким образом, традиционным и, пожалуй, самым эффективным институтом развития потребности в общении с искусством остается образованная семья, в которой родители стремятся не только дать детям высшее образование, но и хотят видеть их культурными людьми. И для достижения этой цели читают им в детстве книги, ходят с ними в музеи, театры.

Во многом отсутствие базового культурного капитала (высокого уровня образования родителей) объясняет, почему рабочие являются одним из самых отчужденных от культурной жизни слоев населения (наряду с пенсионерами, но здесь определяющим фактором является возраст и низкий уровень доходов): у 69 % респондентов, идентифицирующих себя как рабочих, родители не имеют высшего образования. Среди рабочих в возрасте 18–29 лет у 47 % родители не имеют высшего образования. Для сравнения: у специалистов с высшим образованием в этом же возрасте, занятых в гуманитарной сфере, только у 8 % родители не имеют высшего образования; у студентов — 21 %.

Завершая анализ и возвращаясь к поставленным в начале текста вопросам, можно сказать следующее. В обыденном сознании культура воспринимается, во-первых, как художественная культура (это так и на языке бюрократии — в ведении Министерства культуры находятся исключительно учреждения, задачами которых является распространение литературы и искусства) и, во-вторых, как культура повседневного бытового поведения.

Признавая роль Петербурга как признанного центра русской и даже мировой художественной культуры, большинство горожан считают его культурной столицей России, хотя немалая доля населения отказывает городу в этом статусе, фиксируя внимание на бытовых городских проблемах.

Более единодушно общественное мнение в предписывании жителю культурной столицы обязательность посещения театров, музеев, концертных залов. К сожалению, этот норматив массового сознания не реализуется в полной мере практически: примерно половина взрослого населения Петербурга вообще не посещает учреждений культуры.

Таким образом, региональная идентичность населения как жителей культурной столицы, задающая определенное поведение, даже некоторым образом стиль жизни, если и существует, то распространяется далеко не на всех горожан.

Л.Э. Сутягина

**РЕСУРСЫ СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ:
ВОЕННО-ПОЛЕВАЯ ЭТНОГРАФИЯ¹**

В статье затрагиваются проблемы военно-полевой этнографии, исторической памяти и вопросы сохранения военных мемориалов на рубежах обороны Ленинграда.

Ключевые слова: военно-полевая этнография, историческая память, идентичность, воинский мемориал, ратные поля, военные ландшафты, артефакт.

L.E. Sutiagina

**RESOURCES TO PRESERVE
THE HISTORICAL MEMORY OF THE WAR:
«MILITARY-FIELD ETHNOGRAPHY»**

The article addresses the problems of the military field of ethnography, historical memory and conservation of war memorials on the lines of defense of Leningrad.

Keywords: military field ethnography, historical memory, identity, war memorial, military field, military landscapes, artifact.

¹ Программа гранта фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (Постановление № 176 от 23 декабря 2014 г.) по проекту МАЭ РАН: «Современная петербургская идентичность: ресурсы сохранения и изменения» (научный руководитель проекта В.Г. Узунова).

Один из объектов современной науки — феномен войны. Военная амуниция, вооружение, символика, традиционные представления народов о вооруженных конфликтах, мифология, в том числе и современная, религия и политика дают представление о жизни человечества. Вторая мировая война, став глобальным этнополитическим конфликтом, подтолкнула интерес ученых к изучению культурной идентичности народов, причин их обособленности. Ведущим методом этнографии является непосредственное наблюдение быта и нравов народов, не только их расселение, но и культурно-исторические взаимоотношения, с последующим анализом [БСЭ: 1995].

Военные конфликты — одна из трагических сторон жизнедеятельности людей. Военные историки, археологи и этнографы в ходе изучения боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны находят и идентифицируют предметы военного быта 40-х годов XX столетия. Эти артефакты характеризуют эпоху Второй мировой войны (1939–1945) и интересны исследователям не только России и Германии, но и других стран — участников военного конфликта. Полевой материал военной повседневности является не только источником, но и ресурсом сохранения исторической памяти. Артефакты военного времени хранятся в государственных, краеведческих, школьных, частных музеях и коллекциях.

Предметы военного быта в контексте научного междисциплинарного исследования (археологического, исторического, этнографического, политического) характеризуют военный конфликт и дают целостное представление о его истории, а также позволяют искать методы и подходы к проблемам решения деструктивных геополитических конфликтов. Конкретный военно-полевой материал в контексте аутентичного пространства предоставляет разные возможности изучения прошлого, в том числе и реконструкции исторической эпохи.

В современной терминологии визуально-эмоциональное восприятие исторического пространства часто называют *genius loci* — дух, покровитель того или иного конкретного места¹. Атмосфера

¹ Nullus enim locus sine genio est (лат.) — ибо нет места без духа.

места, бережно сохраняемая человеком, передает этот дух. Каждый из объектов исторического наследия рубежей обороны Ленинграда до сих пор хранит не только артефакты суровой войны (окопы, траншеи, блиндажи, фрагменты техники, снарядов, останки бойцов), но и то самое ощущение времени и пространства, которое погружает в прошлое.

Места сражений на линии Ленинградского и Волховского фронтов являются объектами музеефикации, так как сохранили все аутентичные признаки военно-исторического ландшафта — *материальные, природные и ментальные*. В зоны охраны памятников входят не все территории, но часть земель Ленинградской области, где происходили военные операции по прорыву и полному освобождению Ленинграда от блокады, являются мемориальными зонами с особым режимом охраняемых территорий и градостроительной деятельности [ФЗ РФ, 2002].

Проблема сохранения ландшафтов, исторических территорий и памятников остается одной из главных задач современной культурной среды. Для каждой территории определяются специфические ограничения ее использования. Ратные поля выполняют своеобразную идентификационную функцию памяти о Великой Отечественной войне; они важны не только как объекты исторического наследия, научного исследования, но и для сохранения исторической традиции [Сутягина 2010].

Военные памятники, мемориалы, братские воинские захоронения, скромные солдатские пирамидки в Приневье и Приладожье, по сути, *genius loci* блокадной эпопеи и Ленинградской битвы (1941–1944). По мнению военного историка Е.В. Ильина, значительная часть современного Кировского района Ленинградской области в годы войны превратилась в арену жесточайших боев за Ленинград. Плотность безвозвратных потерь Красной Армии в пике боев достигла здесь 340–670 чел. на кв. м [Ильин 2015: 302–304]. Из пяти попыток прорыва сухопутной блокады Ленинграда, предпринятых с 1941 по 1943 гг., четыре приходятся на Синявинско-Шлиссельбургский выступ.

В 1990 г. на базе музея-диорамы «Прорыв блокады Ленинграда», мемориальных комплексов «Невский пятачок», «Синявинские

высоты» и других охранных территорий на местах ожесточенных боев советских войск в 1941–1944 гг. в Кировском районе был создан музей-заповедник «Прорыв блокады Ленинграда». В его состав вошли 38 братских воинских захоронений [Суходымцев 2011: 33–39]. Однако музей на ландшафтных территориях не в полной мере отражает все грани героической Ленинградской битвы, так как на передовых рубежах обороны Волховского фронта до сих пор нет целостного историко-мемориального комплекса.

Мемориализация передовых рубежей Волховского фронта началась в 1973 г. силами общественных организаций ветеранов, военных историков и государственных учреждений. Итогом работ стала установка целого ряда временных памятных знаков на линии военных операций с 1941 по 1944 г. в районе Тортолово — Двор охраны, Гайтолово, Вороново, Апраксин и Келколово — Путилово. Позднее некоторые из них были заменены на постоянные памятные знаки [Суходымцев 2011].

В девяностые годы в поселке Новая Малукса, в районе железнодорожной станции Погостье, было обустроено братское воинское захоронение и мемориальный комплекс. Инициатором создания памятника стал маршал Д.В. Язов, участник боев на Волховском фронте.

Все эти годы в ходе деятельности не только историков и военных археологов, но и поисковиков было обнаружено огромное количество артефактов военного времени. Часть предметов военного быта Советского Союза и Германии передавалась в музеи, что-то оставалось в местных школьных и краеведческих музеях, что-то оседало в частных коллекциях, но многие артефакты канули в Лету. В работе полевого военного исследователя очень важен профессионализм, внимательность, честность и понимание того, что за найденным красноармейским медальоном «смертника», комсомольским или партийным билетом бойца кроется судьба человека, его имя, память, весточка родным.

К сожалению, среди поисковиков много и так называемых «черных» поисковиков, которые преследуют коммерческий интерес — восстановление вооружения и техники, продажа немецких солдатских жетонов родственникам в Германию, а зачастую азарт

поиска без желания увековечить память бойцов. Если неправильно вскрыть красноармейский медальон — небольшую капсулу, где на клочке бумаги боец писал порой химическим карандашом свои данные, то влага может навсегда уничтожить эту информацию. И родственники так и не узнают правду о бойце. Одна из главных задач поискового движения, профессиональных военных историков, археологов и этнографов заключается в том, чтобы сохранить не только историческую память о войне, но и имя солдата.

По мнению директора Центра по изучению военной истории и командира поискового студенческого отряда «Ингрия» Е.В. Ильина, память о погибших за Отечество забвению не подлежит [Ильин 2015]. Предметы военной эпохи, личные вещи красноармейцев хранятся в небольшом музее поискового студенческого отряда «Ингрия» СПбГУ. Каждый артефакт — целая история. Фрагменты униформы, амуниции, фрагменты вооружения, личные вещи, листовки, полевая почта, медицинские предметы, звездочки, православные крестики, артефакты вооружения и униформы противника не только бережно хранятся, но и наглядно повествуют о военной истории. Полевая этнография дает возможность исследователям на практике разобраться в военно-исторических событиях. Студенческий поисковый отряд «Ингрия» под руководством опытных военных историков с 2005 г. провел 28 полевых экспедиций. За эти годы были обнаружены останки 2769 погибших защитников Отечества, из них 84 имени удалось вернуть из забвения [Ильин 2015: 248, 402].

С 2000 г. усилиями поисковиков, военных историков, энтузиастов, общественных организаций и государственных структур устанавливаются памятные знаки, обелиски в районе ожесточенных боев на линии Волховского фронта. В настоящее время на бывшей передовой Волховского фронта (Тортолово — Роща Круглая) установлен целый ряд памятных знаков, а также несколько часовен. Эта работа ведется благодаря подвижнической деятельности поисковых отрядов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, поисковиков из разных регионов России.

Много сил, знаний и энергии приложили для создания мемориальной зоны Волховского фронта ветеран и исследователь

Б. Нериновский, директор Военно-исторического центра СПбГУ Е. Ильин, командир поискового отряда «Надежда» М. Кусаинов, заведующий кафедрой регионоведения Института истории СПбГУ Ю.В. Кривошеев и многие другие исследователи военной истории Отечества. Работы по созданию мемориальной зоны протяженностью 22–24 километра от озера Барское до рощи «Круглой» продолжаются; это будет лучшей памятью защитникам Ленинграда [Ильин 2015].

К созданию мемориальных зон, сохранению полевого материала подключилась Русская Православная Церковь. 20 октября 2014 г. в поселке Апраксин состоялось открытие храмового комплекса в честь Св. благоверного князя Александра Невского. Храм стал своеобразным мемориалом защитникам Отечества. Решение о строительстве храма в пос. Апраксин было принято группой жертвователей во главе с А.Б. Миллером, детство которого прошло в окрестностях Апраксина и Мги. Благословение на строительство храма было получено у Благодинного Кировского района Ленинградской области протоиерея Вячеслава (Харинова). В 2013 г. приходу был передан в безвозмездное срочное пользование земельный участок. В том же году началось строительство храма по проекту архитектора Р.М. Даянова. Координатором проекта стал «Благотворительный фонд содействия строительству Храма во имя святого благоверного князя Александра Невского в поселке Апраксин».

Александро-Невский храм стал своеобразным памятником воинской славы. На стенах собора прикреплены памятные доски с фамилиями погибших красноармейцев. Вблизи храма устроено братское воинское захоронение, где с воинскими, гражданскими и церковными почестями были торжественно погребены останки 129 воинов РККА, найденных в непосредственной близости от церкви в результате поисковых работ. Рядом с храмом установлен памятник новгородскому князю Александру Невскому, есть мемориальные плиты с барельефами сцен блокадной жизни и информацией об операциях по деблокаде Ленинграда. В состав комплекса входит причтовый дом с небольшим военным музеем, где хранятся предметы военного быта, вооружения как Советской (Красной)

армии, так и подразделений группы армий «Север» (1941–1944 гг.) [URL: 2015]. Приход организовал лекторий, библиотеку, летнюю детскую школу, а также стал своеобразным хранителем той самой исторической памяти, без которой невозможно двигаться в будущее.

Железнодорожная станция Апраксин расположена на полпути между Санкт-Петербургом и Волховстроем. В годы Великой Отечественной войны на этом участке Волховского фронта находилось острое атак Синявинских наступательных операций по прорыву блокады Ленинграда. На этом участке фронта протяженностью пятнадцать километров нацисты овладели высотами. Бойцы Волховского фронта, наступая из заболоченных, торфяных низин, называли себя «болотными солдатами». Вся война здесь сводилась к захвату или освобождению той или иной высоты, того или иного населенного пункта — Тортолово, Вороново, Гайтолово, Гонтовая Липка, разъезд Апраксин. С конца 1941 г. и до января 1944 г. в этих лесах и болотах происходили непрерывные сражения. Потери Красной армии были очень велики. После войны еще долго на поверхности земли белели кости погибших солдат. Поисковые отряды находят здесь многочисленные останки воинов РККА. Как правило — безымянных, «без вести пропавших» [URL: 2013]. По официальным данным Управления Министерства обороны Российской Федерации по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества, свыше 1 млн 160 тыс. бойцов и командиров Красной армии так и не вышли из своего последнего боя [Ильин 2015: 324].

Для молодого поколения исторический опыт востребован в социальной практике формирования ценностных приоритетов. К примеру, в Вахте Памяти, которая ежегодно проходит в апреле и мае на местах ратных полей, участвуют не только профессиональные военные и исследователи, но и молодежь из разных городов и регионов России. В поисковом движении участвуют студенты, курсанты, любители военной исторической реконструкции и отечественной истории. Именно неподдельный интерес к истории Великой Отечественной войны объединяет молодежное движение.

С середины 60-х годов XX в. часть территорий Кировского района Ленинградской области стала осваиваться как садоводче-

ские хозяйства, и к началу XXI столетия на ратных полях Ленинградской битвы сложился обширный дачно-садоводческий массив. Многие из дачников — потомки тех ленинградцев, на долю которых выпала блокада. Военные артефакты, найденные на даче, там, где в годы войны шли бои, современники берегут как память и реликвию, сохраняя историю для потомков.

В начале XXI в. тема исторической памяти приобрела новые акценты; научный дискурс продолжается. Следует учитывать и тот фактор, что на Ленинградском и Волховском фронтах воевали бойцы разных национальностей. Братские воинские захоронения хранят память о многонациональном Советском Союзе и его солдатах. Полевики находят не только артефакты войны, но и личные вещи бойцов, характеризующие этническую и религиозную принадлежность, хотя многие из красноармейцев были комсомольцами или коммунистами. Встречаются крестики, иконки, личные вещи с инициалами бойцов, артефакты, характеризующие повседневный военный быт красноармейцев. До сих пор родственники ищут своих близких, без вести пропавших; среди них много выходцев из Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Армении, Грузии, из Республики Коми и других регионов. Чтить память павших за Родину в Великой Отечественной войне и помнить свою историю — собственно в этом и заключается один из смыслов сохранения преемственности поколений, культурных традиций и национально-гражданской идентичности.

Феномен «Бессмертного полка» — народная инициатива, которая сегодня стала своеобразным заделом на будущее. Военно-полевые исследования, архивные изыскания, нарративные источники, монументальная традиция — те ресурсы сохранения исторической памяти, которые способствуют целостному восприятию сложных геополитических процессов.

Источники

Военно-полевые материалы студенческих экспедиций поискового отряда «Ин-грия», СПбГУ // Музей Центра по изучению военной истории СПбГУ.

Документальный и художественный архив музея-заповедника «Прорыв блокады Ленинграда».

Федеральный Закон РФ № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2002).

Библиография

Ганишин В., Сердобольский О. Кольцо памяти, кольцо славы. Л.: Лениздат, 1988. 173 с.

Ильин Е.В. REVERSIO: записки историка. СПб.: Библиополис, 2015. 416 с.

Нериновский Б.В. От Гонтовой Липки до Вороново // Синявино, осенние бои 1941–1942 гг.: Сб. воспоминаний участников синявинских сражений. СПб., 2008. С. 467–471.

Новиченко С.Л., Стоян И.Н., Сулягина Л.Э. Здесь вся земля — музей... СПб.: [Б.и.], 2015. 112 с.

Суходымцев О.А. Кировск. Мгновения истории. СПб.: Галарт, 2011. 160 с.

Этнография // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. М., 1955. Т. 49. С. 249–255.

Электронные ресурсы

URL: <http://www.blockade.ru/about> (дата обращения 15.10.2016).

URL: https://vk.com/hram_apraksin; <https://vk.com/club67933884>.

Сулягина Л.Э. Военный музей XXI в. [Электронный ресурс] // Музей-заповедник «Прорыв блокады Ленинграда». 2010.

А.Е. Финченко

**МУЗЕЙ ВЕПСКОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА
«ВЕПССКАЯ ИЗБА» («VEPSOIDEN PERT`»)
ИМ. Т.В. СТАНЮКОВИЧ**

Статья посвящена музею традиционной культуры оятских вепсов, расположенному в деревне Ладва (Васильевская) Подпорожского района Ленинградской области, основателем и организатором которого является А. Финченко. В ней описана история создания музей, его экспозиция, анализируются его коллекции.

Ключевые слова: музей традиционной культуры, оятские вепсы, коллекции.

A. Finchenko

**THE MUSEUM OF VEPSIAN CULTURE AND WAY
OF LIFE “VEPS HUT” (“VEPSOIDEN PER”),
NAMED AFTER T.V. STANYUKOVICH.**

The article is devoted to the Museum of traditional culture oatsih Veps located in the village Ladva (Vasilievsky) Podporozhsky district of Leningrad region, the founder and organizer of which is A. Finchenko It describes the history of the Museum, its exhibits, its collection.

Keywords: Museum of traditional culture, Veps oatsie, collection.

Место нахождения — деревня Ладва (Васильевская) Подпорожского района Ленинградской области, 50 км от центра волости — села Винницы, 400 км от Санкт-Петербурга. Современная численность жителей д. Ладва сегодня составляет 53 чел.

Дата открытия — 28 июля 2008 г.

Юридический статус — частное собрание. Музей развивается и поддерживается на средства частных лиц. Музей не имеет постоянного штата сотрудников.

Посещаемость — посещение организуется по предварительной договоренности. Ежегодно музей посещает более 700 чел., среди которых основную часть составляют туристы и местные жители окрестных деревень и поселков; регулярно в музее организуются экскурсии для школьников.

Коллекция — музей сформирован на основе частной коллекции кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника отдела этнографии восточных славян и народов европейской России МАЭ РАН А.Е. Финченко. Активный сбор коллекции проводился в конце 1980 — начале 2000 годов. Основу собрания составляют более 3000 экспонатов, собранных у оятских вепсов на территории Подпорожского района Ленинградской области. Се-

годня коллекция пополняется как за счет целенаправленных сборов, так и за счет подарков местных жителей.

Собрание музея представляет полный предметный диапазон традиционной культуры оятских вепсов второй половины XVII — середины XX в.: комплекс обстановки жилого дома и хозяйственных построек, мебель, одежда, обувь, вышивка и ткачество, утварь, бытовые профессиональные инструменты, музыкальные инструменты, предметы религиозной и магической практики, а также вышивной, тканый, обувной, бондарный, плотницкий, столярный, рыболовный, охотничий, банный, пищевой предметные комплексы. Важной частью собрания является коллекция документов и фотоматериалов по истории района и биографиям её жителей.

Достоинством коллекции является комплексность и полнота.

В собрании имеются предметы, уникальные по своей культурно-исторической значимости и не встречающиеся в собраниях этнографических музеев. К числу таких безусловных шедевров относятся свадебный стул невесты второй половины XVIII в., свадебная, вязаная крючком нижняя рубаша невесты второй половины XIX в., женский праздничный костюм второй половины XIX в., свадебные вышитые полотенца с антропоморфными и зооморфными сюжетами, братина из капа второй половины XVII в., предметы вепсского колдовства, фотопортреты оятских вепсов конца XIX — начала XX в.

Среди последних значительных приобретений выделяется охотничье-рыболовный комплекс предметов второй половины XIX в.

Экспозиция музея занимает деревянный дом площадью 113 кв. м постройки 1924 г., два амбара постройки первой трети XX в., охотничье-рыболовное зимовье постройки начала XX в. Часть экспозиции размещена под открытым небом. Создавая музей, его организатор стремился воссоздать на экспозиции внутреннюю обстановку дома семьи оятских вепсов и особенности устройства крестьянского двора. У посетителей складывается впечатление, что они пришли в гости в живой дом. Это полностью интерактивная экспозиция, где можно посидеть за праздничным столом, накрытым к свадьбе, примерить костюмы под звуки патефона, попробовать ткать на ткацком станке, покачать люльки и подержать кухонную утварь и любые другие предметы.

Значение коллекции: единственный музей, наиболее полно демонстрирующий быт и культуру оятских вепсов в их же среде. Самый большой и самый известный музей в Подпорожском районе Ленинградской области. Собрание музея экспонировалось на временных выставках в музеях Санкт-Петербурга (2009), на его основе была создана выставка «Вепсы» для Музейного Центра Ваприикки (Тампере, Финляндия, 2006). На основе музея были сняты документальные фильмы «Древо жизни» (Кинокомпания Этнос, 2004 г.), «Межозерье» (Леннаучфильм, 2007 г.), «Вепсский завет» (АТК-студио, 2009 г.), а также репортажи НТВ, ТВЦ, Пятого канала, канала 100. На базе музея проводятся учебные практики студентов различных вузов Санкт-Петербурга, Москвы и Петрозаводска.

Музей представляет памятники традиционной культуры вепсов в среде их собственного происхождения и бытования, а не изолируя от этой среды, как обычно происходит с музейными коллекциями. Коллекции музея образуют единый комплекс вместе с окружающей природной и культурной средой и воспринимаются как своеобразная часть современной культуры вепсов. Такое контекстное представление коллекции на экспозиции, а музея в деревне Ладва позволяют сформировать у посетителя представление о культуре вепсов как живой части современности. Музей вепсской культуры и быта «Вепсская изба», расположенный в одной из самых отдаленных и малочисленных деревень Ленинградской области, способствует самим фактом своего существования сохранению не только материального, но и нематериального культурного наследия местного населения, формированию и развитию его национального самосознания. Это особенно актуально в современных условиях, когда закрываются и перестают финансироваться культурные центры и организации, занимавшиеся различными аспектами сохранения вепсской культуры в районных центрах.

Самое ценное в этом музее — его посетители. Они главные хранители музея. Сюда приезжают и специалисты и экспедиции, приходят школьники и туристы, но главное, что самые частые гости здесь — местные жители. Ведь музей рассказывает об их жизни и судьбе, поэтому с годами он стал своеобразным воплощением коллективной памяти и воспринимается местным населением лич-

ностно и одухотворенно — как семейный альбом. История этого музея часто рассказывается как судьба человека.

Музей, соединяющий людей и культуры сквозь пропасть времен, оберегает от забвения имени, судьбы, события. В нем соединяется воедино то, что было утеряно и ушло безвозвратно, что рассыпалось фрагментами в памяти людей и забытых вещах. Именно в музее все это удастся охватить мыслью, памятью живущих рядом людей и передать в будущее. А это и есть сохранение культуры.

Перспективы развития музея связаны с двумя проектами, которые планируется осуществить в 2016–2017 гг.

1. Проект строительства кузницы и мельницы с соответствующими им комплексами памятников традиционной культуры.

2. Проект озвучивания экспозиции музея с помощью звуков и шумов, характерных для данного вида интерьеров и помеще-

Александр Финченко —
собиратель и основатель музея. 2005 г.

ний, которые могут стать полноценными экспонатами музея наряду с предметами, а также создание аудио- и видеосопровождения для экспозиции музея, поясняющее посетителям назначение экспонатов и их комплексов.

Данные проекты помогут не только расширить тематику музея, но и усилить его эмоциональную и интерпретационную составляющую.

Намечены также планы по документации и оцифровке коллекций с перспективой создания электронной базы данных, обсуждаются возможности создания музейного сайта на русском, вепсском и английском языках.

Виды экспозиции музея под открытым небом

Колодец

Рыболовные снасти

Уличный интерьер

Уличный интерьер

Амбар

Вид экспозиции в амбаре

Охотничье зимовье

Вид экспозиции в охотничьем зимовье

Виды экспозиции в жилом доме

Вид экспозиции в жилом доме. Свадебный стол

Вид экспозиции в жилом доме

Вид экспозиции в жилом доме

Вид экспозиции в жилом доме

Фотографии и документы

Вид экспозиции в жилом доме. Ткацкий станок, прялки

Комплекс инструментов

Комплекс инструментов

Интерьер коридора в доме

Туалет

Стена кухни

Кухонная утварь

**Уникальные экспонаты
из собрания музея**

Свадебный стул невесты,
вторая половина XVIII в.

Свадебная рубаша невесты,
вторая половина XIX в.

Братина пивная из капа

Ковш из капа, первая треть XIX в.

Набор колдуньи в «красном» углу («черный» крест, камни),
первая половина XX в.

Мифологическое пространство Петербурга

Н.Е. Мазалова
Т.Б. Щепанская
А.А. Соколова

Н.Е. Мазалова

**«ТЫ В ЦЕНТРЕ ПЕТЕРБУРГА — В ЦЕНТРЕ МИРА»:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ
О ЦЕНТРЕ ГОРОДА**

В статье проводится анализ семантики представлений горожан о центре Петербурга. Особенность этих представлений заключается в том, что центром города петербуржцы считают не единый локус, а множество. Выделение водных объектов — Невы, рек, каналов — в качестве центра города можно рассматривать как уникальную особенность петербургской мифологии.

Ключевые слова: символическое пространство города, семантика центра, доминанта центра, архитектурные объекты, природные объекты, петербургская мифология.

N.E. Mazalova

**“YOU’RE IN THE CENTER OF ST. PETERSBURG
IN THE CENTER OF THE WORLD”:
THE VIEWS OF CITIZENS ON THE CITY CENTER**

The article analyzes the semantics of the views of citizens on the city center. A feature of these views is that the city centre of St. Petersburg not consider a single locus, but many. Allocation of water objects — Petersburg mythology.

Keywords: symbolic space of the city, the semantics of the centre, the dominant centre, architectural objects, natural objects, of the St. Petersburg mythology.

Большая часть городов мира обладает единым, выделенным центром: в Москве — Кремль, в Лондоне — Тауэр и т.д. Многие старые города мира относятся к городам с концентрической структурой (термин Ю. Лотмана) [Лотман 1993]. Петербург входит в число городов с эксцентрической структурой, которые находятся не в центре своей земли, а стремятся к новому пространству, в котором они станут центром [Лотман 1992: 9]. Представляется, что у эксцентрического города, по крайней мере — у Петербурга, нет единого центра, в разные исторические периоды им становились разные локусы.

В статье предпринята попытка проанализировать представления горожан о центре Петербурга, его локализации, семантике. Для этого необходимо исследование следующих вопросов: представления о центре города как специфическом пространственном феномене; визуальная выделенность некоего локуса, воспринимаемого как центр; семантика этого пространства, исторические и литературные аллюзии, связанные с ним.

Искусствоведы и архитекторы, анализирующие архитектурно-градостроительную морфологию, городской центр рассматривают в виде целостного явления, имеющего топологическую локализацию, структуру своего текста и семантику, которая проявляется в рефлексии наблюдателей [Гашенко 2016].

Материалом для статьи послужили многочисленные опросы петербуржцев, которые можно рассматривать как нарративы городской мифологии [ПМА 2013, 2014, 2015, 2016].

Городские мифы — это часть современной мифологии, которая существует в виде разрозненных сюжетов и образов. Прежде всего, она сконцентрирована в современной литературе и представлениях горожан о городе. Р. Кайуа пишет о процессе мифологизации Парижа: «Существует некое представление о большом городе, столь сильно действующее на воображение, что практически никогда не ставится вопрос о его достоверности, представление, созданное из разнообразных книжных материалов, но настолько широко распространенное, что ныне оно составляет часть психологической атмосферы коллектива и потому обладает известной принудительной силой. Здесь уже узнаются черты мифических

представлений» [Кайуа 2003: 122]. Представляется, что сходные мифологические представления характерны и для Петербурга.

Образ Петербурга как единого целого не раз привлекал внимание исследователей [Анциферов 1922; Лотман 1993; Топоров 2009]. В.Н. Топоров, который ввел в науку понятие «петербургский текст литературы», блестяще проанализировал образ Петербурга и его составляющие.

Образ Петербурга и его центра в рассказах современных горожан включает элементы исторических, градостроительных сведений, мотивы петербургской мифологии и художественной литературы, авторское начало. Представляется, что можно применительно к этим рассказам говорить о некой «реплике» петербургского текста.

В центре города воплощены особенности всего города, главное мифологическое свойство центра города — способность представлять весь город. Центр противопоставлен периферии. Центр города сакрален, в мифологии центр — средоточие магической силы. Творение мира и города начиналось именно из этого мифического центра. Для петербуржцев центр города — это центр Вселенной. Не случайно в названии статьи цитата из стихотворения современного петербургского поэта Ильина: «Ты в центре Петербурга — в центре мира» [Ильин 2013: 156]. Центр города — место сосредоточения всех основных архитектурных символов, значимых административных и культурных учреждений. Это лицо города [Горнова 2006].

В представлениях петербуржцев, центр имеет несколько значений. Во-первых, центр — это историческая застройка Петербурга в границах конца XIX — начала XX в., от Обводного канала до Большой Невки. В широком смысле к центральным относятся, кроме Центрального, Адмиралтейский, Василеостровский и Петроградский районы. Это так называемые районы исторической застройки.

«Центр Петербурга для меня начинается от набережной Обводного канала до ВО и конца Петроградки. Т.е. те районы, где преобладают дома XIX в.» [ПМА 2016].

Во-вторых, в качестве центра Петербурга горожане выделяют несколько визуально выделенных локусов городского пространства, которые совпадают с исторически сложившимися в разное время комплексами центра: Петропавловской крепостью, Стрелкой Васильевского острова, Дворцовой площадью, Невским проспектом и др. Кроме того, выделяются доминанты центра: шпиль, собор, дворец и т.д. Эти архитектурные сооружения можно сравнить с «центральной осью», обладающей сакральной сущностью, которая выступала медиатором, соединяющим сакральный мир неба и профанный мир земли [Щербинина 2011: 42]. Представления горожан о центре Петербурга, с одной стороны, сакральны, с другой — историчны.

Центр Петербурга — понятие философское и одновременно эмоциональное; центр Петербурга, как и сам Петербург, его жители «переживают». Переживание города — есть особая форма культурного освоения, в которой осуществляется процесс перехода во внутренний мир человека объективированных форм проявления сущности города, представленных, в частности, урбанистическими идеалами, мифами и метафорами [Горнова 2006]. Петербург для его жителей — это не только малая Родина, воплощение России, а также близкий родственник, часть души.

«Петербург — это родина, это моя страна, the город, the метрополия, моя земля, сантименты и пафос, гирлянды фатерлянды, сопли всех цветов радуги, ура патриотизм в невиннейшем и либеральнейшем смысле... вот моя почва, мой воздух; всё то, из чего я сделан, и из чего я рад быть сделан».

«Питер — то, что хочется показать друзьям, здесь не бывшим [«поделиться своим»], а гадости в адрес Питера я принимаю так, будто это сказано на мой личный счет и на счет моих близких)» [ПМА 2016].

По сути, центр Петербурга — это сама идея города, его переживание связано с личным началом, при этом центр города осмысливается не как единое целое, а как разрозненные части и даже анкла-

вы: «Центр — очень относительная штука. В мире моих ощущений всё пространство “внутри Обводного” и даже Нарвские ворота или Каменный остров — это самый настоящий центр по сравнению с (например) Полюстровским или Добровольцами, даже с Кораблестроителями. Отчасти это связано с тем, доводилось ли мне переживать эмоции / впечатления, связанные преимущественно с центром-центром, применительно к тем или иным кускам города, например, по архитектурным причинам. Вместе с тем, похоже, у меня есть некоторое очень условное и спонтанное представление о “собственно центре”. К нему принадлежит почти вся Петроградская сторона до Карповки и Каменноостровского, Васильевский примерно до 19 линии и Малого, а равно Невский до уровня Московского вокзала с ломтями по бокам — с одной стороны граница по Неве до Литейного, а дальше по Шпалерной; с другой стороны граница зыбкая: до памятника Пушкину на Пушкинской, до единоверческой церкви и Владимирской (ныне собора), дальше граница по Гороховой (включая обе стороны), потом ломоть еще раз расширяется то ли по Казанской, то ли по Мойке и захватывает Сенат с Синодом. Галерная начинается в центре и кончается за его пределами. Финбан — несомненно, вне центра, домик Петра и дворец Кшесинской — принадлежат к центру, но стоят прямо на границе. Несмотря на это, я — со своим Прачечным — чувствую себя живущим все-таки в центре. Правда, очень подвижна и зыбка граница центра с Коломной и Песками, это очень ощутимо. Театральная площадь и даже Никольский собор ощущаются мной скорее как анклавы центра» [ПМА 2016]. Центр Петербурга выявляется на основе его противопоставления периферии — окраинам Петербурга.

Представление о центре центра Петербурга также включает эстетические критерии: «Центр Петербурга для меня понятие скорее эстетико-эмоциональное с легким оттенком историзма. Определить трудно, т.к. в зависимости от эстетико-эмоционального состояния его границы варьируют. В качестве усредненного варианта можно набросать примерно следующий контур: от площади Александра Невского, весь Невский проспект и далее до Биржевого моста. На север от Невского — до самой Невы, на юг — до Обводного канала, на юго-запад до Коломны (не далее Калинкина

моста и пл. Репина), на северо-запад — до Невы. Т.е. весь Правый берег, включая большую часть Васильевского начиная от 1-й линии, Петроградскую, Выборгскую сторону в понятие “центр” не входит... Каких-то особых ощущений нет. Бывает красиво, бывает раздражает. В зависимости, например, от освещения. Вообще я гораздо больше люблю окраины и новостройки, вообще то, что называется “индустриальными пейзажами» [ПМА 2016].

Переживание центра города связано с определенными эмоциями — прежде всего сопричастностью Петербургу, эстетическим наслаждением, гордостью, восторгом от его красоты, мощи: «Центр Петербурга — от Московского вокзала до Адмиралтейства, слева граница — по Неве, справа — по линии Сенной (если вести параллель Невскому). Наслаждение от вида, чувство причастности к рукотворной северной красоте и гордость за город. Ощущения антипрагматичны и далеки от повседневных задач» [ПМА 2015].

Нередко чувства гордости соединяются с более сложными эмоциями: ощущение красоты, за которой кроется тлен: «Центр — промежуток Невского от Площади Восстания до Гостиного двора (+ Галерея). Большое количество людей, толпа, отсутствие достаточного количества солнечного света → стресс. Так как я жила в центре в жуткой коммуналке с окнами в глухой двор (на Марата) — достоевщина со всей серостью и запахом сырости. Но на самом деле смешанные чувства: не то что гордость, но пафос, ощущение мощи. И в то же время: красота, за которой скрывается плесень и сырость, красивые фасады с разваливающимися внутренностями (но это мой личный болезненный опыт)» [ПМА 2015]. В последнем тексте наличествуют характерные особенности петербургского текста: недостаток света, сырость, замкнутое пространство, ассоциации с пушкинскими строками «город пышный, город бедный».

Именно Петербург и его центр осмысляются горожанами как непреходящие ценности, из-за которых его жители не эмигрировали из России: «Центр Петербурга ограничен Обводным каналом внизу и Невой с остальных сторон. Центр центра — это овал между Фонтанкой и Невой. Эмоции — это то, почему мы не уехали из страны. Особые ощущения на Сенатской, у Казанского и в других местах, где делалась история» [ПМА 2013].

Многие горожане воспринимают центр города как связанный с ощущением сопричастности к истории и культуре Петербурга и России; центральные районы города ассоциируются у них с имперским, дворянским прошлым: «Несколько центральных районов, которые сохранили свой исторический вид и которые находятся поблизости к “самому центру”: Дворцовая, Невский, Адмиралтейство, площадь Искусств — вся эта территория. Ощущения: империя, дореволюционное прошлое, дворянская честь, утонченность. Прогулки по этим местам дают ощущение глубокой причастности к событиям истории и культуры» [ПМА 2014].

Интересно отметить, что в мифологическом сознании петербуржцев не отложились представления о центре Ленинграда советского периода — Смольном, также не считаются центром и места пребывание власти и в наши дни. Петербуржцы разделяют понятия «историко-культурный центр» и «политический», представления которым ленинградцам навязывали в советское время: «Центр СПб — это центр СПб, а не Ленинграда! Самый центр СПб, пожалуй, Дворцовая площадь и Зимний дворец. С оговорками о том, что архитектура — одно, политика — другое, и т.д. Центры политические и архитектурные не совпадают. Кто мог искать в советское время иной политический центр Ленинграда, чем Смольный. Но культурным-то был отрезок от ЛГУ до площади Искусств. А если с театрами, то круг с центром опять-таки у Гордумы... Эмоций с центром не связано никаких. Если настроение размягченное, то — радость от красоты и от того, что в центре ее есть, в частности ЛГУ, Кунсткамера, ГЭ и пр. А в них много хороших и умных людей» [ПМА 2016].

Петербургцы разделяют «народные» центры и официальные, причем они не совпадают: «У Питера нет центра. Все официальные центры (Смольный, Исаакиевская пл.) фактически таковыми не являются. Для народа — Невский пр. от Адмиралтейства и до Московского вокзала и, конечно, Дворцовая пл. Но у каждого района, кроме того, есть свои центры. Для Василеостровского района это площадь у метро ВО и “Арбат” (пешеходная зона между 6 и 7 линиями). В историческом смысле (для экскурсий) центрами можно назвать Стрелку ВО и Петропавловскую крепость. Я изложил народное представление о Центре в Питере» [ПМА 2016].

И все-таки для большинства петербуржцев центр Петербурга — Невский проспект, один из лучей, исходящих от Адмиралтейства. Проект «трезубца» — три луча (Невский, Гороховая и Вознесенский), возникший на основе знаменитого «трехлучия» Рима, был создан в 1737 г. [Буровский 2015: 63]. В этом плане проявляются западно-европейские представления об идеальном городе с регулярной планировкой и прямыми улицами. По плану идеальных городов от центральной площади лучами расходятся улицы. По замыслу Петра I Петербург строился «как идеальный искусственный город, создаваемый как реализация рационалистической утопии» [Лотман 1992: 16].

Искусственный характер планировки Петербурга противопоставляется естественной планировке Москвы (противопоставление Петербурга и Москвы — одна из составляющих «петербургского текста»). Особенности планировки центра Петербурга, его «анатомического» строения и его отличия от Москвы прослеживаются в представлениях горожан: «В Москве есть лишь общая идея: в центре всего — Царь-батюшка в Кремле, от которого расходятся кольца степени значимости (“анастомозы”) и лучи-“артерии”. В остальном она не имеет четкой планировки. Она богата на памятники, но они как бы разрозненны... Петербург же, наоборот, рационален: прямые улицы-“перспективы”, ансамбли, четкая планировка... Проспекты В.О., П.С. и Центра напоминают извилины (вообще, Петербург — это мозг, самый главный, неотъемлемый орган нашей страны): верхняя — средняя — нижняя / большой — средний — малый / Невский — Гороховая — Вознесенский» [ПМА 2016].

Невский — главный проспект города. Еще Н. Гоголь писал: «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере, в Петербурге: для него он составляет все» [Гоголь 1959: 7]. Для В.Н. Топорова Невский проспект — воплощение образа всего Петербурга: «Петербург — город проспектов и, более того, город проспекта, <...> потому что Невский проспект — своего рода идеальный образ города, его идея, взятая в момент ее высшего торжества воплощения. Собственно, подобная идея равным образом отсылает и к городу, и к проспекту и обнаруживает дважды свою мотивировку и укорне-

ненность» [Топоров 2009: 654]. В этом представлении «Петербург — город одного проспекта» проявляется одно из основных черт «петербургского текста», петербургской мифологии и быденного сознания — искусственность города. Отметим, что не весь Невский считается центром города: по представлениям большинства горожан, только часть проспекта от Адмиралтейства до Московского вокзала, или — от Мойки до Фонтанки.

С одной стороны, Невский проспект сравнивают с природным компонентом — Невой, с ее рукавом, вторым руслом, этот образ встречается в произведениях современных писателей. «Когда я выхожу из вокзала ранним утром на пустой, привольный и прохладный Невский, то словно опускаюсь в медленную широкую реку, которая несет меня к далекому золотому шпилью в конце проспекта» [Попов 2014: 18]. Так же воспринимают Невский и некоторые горожане: «Невский проспект — средоточие всех потоков, от Невы до Невы» [ПМА 2013]. По мифологическим представлениям современных горожан, Нева — главная градообразующая водная артерия тела города (в традиционной мифологии река — артерия земли); Невский проспект — сухопутное ее продолжение: «Градообразующая артерия города, его кровеносная система — Нева. Невский, Невская перспектива, как продолжение Невы, — артерия, он реальный, живой, кипит, был живым даже в самые страшные годы существования города — блокаду» [ПМА 2013]. С другой стороны, Невский проспект — главное проявление «искусственности» города.

Невский проспект связан с представлениями о движении. Он был задуман Петром I как главная транспортная артерия, эта функция сохраняется и в наши дни: «Невский проспект люблю, но чаще всего воспринимаю как главную артерию города» [ПМА 2013], для многих петербуржцев Невский — «это транзит», «транспортная артерия»: «Невский — транзитная артерия и туристический центр... Когда случается там быть — чувствую гордость за свою принадлежность к Питеру на фоне приезжих» [ПМА 2013].

Большинство петербуржцев воспринимают Петербург как живой организм, как тело [Мазалова 2015]. В соответствии с представлениями мифологической анатомии, петербуржцы выделяют

важнейший элемент тела города — сердце; по мнению большинства, сердце (центр) Петербурга — Невский. «Невский — скорее, сердце, то есть орган, перекачивающий массы крови по всему организму. И в этом смысле — и транспортная артерия» [ПМА 2013]. «Сердце Петербурга для меня — Невский проспект, потому что, когда бы я ни выходил в город, рано или поздно я оказываюсь там. Мне представляется, что душа Петербурга как бы «наросла» на Невский проспект, он позвоночник. Сворачивая в улочки, ощущаешь Петербург. Хочется отметить, что Петроградская сторона представляется совершенно иным Петербургом, как бы другой город. Мрачнее и таинственнее» [ПМА 2015].

Невский проспект — это не только сердце, в нем локализуется душа города, его идея, например, у современной поэтессы: «главный самый проспект души и главный жизни лот» [Потапова 2012: 62].

Невский проспект манифестирует идею дороги; дорога — символ жизненного пути, особенно значимый в переходных ритуалах: «Невский — не только артерия, но еще и главная жилка Петербурга, с него невозможно заблудиться, если ты на Невском — все, дорога открыта, иди куда хочешь» [ПМА 2013]. Невский — дорога, где проявляется судьба, доля, удача человека при его встречах с людьми. Невский также осознается людьми старшего и среднего поколения как «дорога в Европу».

Центральный локус Невского проспекта, по мнению многих петербуржцев, заключен в пространстве между тремя водными артериями: Мойкой, Каналом Грибоедова и Фонтанкой, может быть, чуть дальше — до Литейного пр. Таким образом, центр Невского прежде всего связан с с природным элементом — водой.

По результатам исследований Э.Л. Файбусовича, которые он сделал на основе опросов петербургских студентов, центр города расположен на пересечении транспортных потоков — наземных и метро, от канала Грибоедова до Думы на Невском, у Гостиного двора [Файбусович 2000]. Следует отметить, что именно в этом месте на протяжении многих лет происходят молодежные «тусовки». Указанный локус — «молодежный» центр Петербурга, «особый мир», его освоение означает освоение Петербурга: «Я думаю,

для меня и для моих ровесников эти тусовки на Невском и вокруг него были своеобразной формой освоения всего города — и географически, и исторически, и социально. <...> Историческая составляющая заключалась в том, что для подростков, выросших в новостройках, архитектура Невского и вообще центра города была невероятно интересна» [ПМА 2014].

Именно с этим локусом Невского проспекта многие горожане связывают период своего взросления: «Тусовки на Невском — в какой-то момент — это была для меня какая-то грань, которую ты переступаешь и становишься “взрослым”. Часто идешь в такие места, когда нечего больше терять и хочется чего-то нового, что никак не связано с твоей жизнью» [ПМА 2015].

Невский для петербургской молодежи — центр, в который происходит движение с периферии; именно здесь наличествует противопоставление центра и периферии, и Невский представляется особым миром: «Я начала тусоваться в Сайгоне, наверное, классе в восьмом, мне тогда было лет 15. Я помню, что Невский проспект казался просто другим миром по сравнению с моей родной Гражданкой. <...> Невский очень четко ощущался как центр, куда ведут все пути, где пересекаются люди» [ПМА 2013].

Движение молодежи на Невском — это основной способ коммуникации. На Невском происходят встречи; слова «тусовка» означает встреча, в 1970-е годы использовалось слово сейшн (session в значении meeting — встреча); по традиционным представлениям, встреча является проявлением судьбы, встреча в пути может «повлиять на дальнейшие события в жизни человека» [Плотникова 1995: 452]. Встречи на Невском проспекте являются важным элементом социализации молодежи: «Моментально расширялся круг общения, включал в себя самых разных людей: и ровесников, и старших товарищей, всякую богемную публику и т.п. Т.е. из мира школы, одноклассников человек сразу попадал в совершенно другой мир, гораздо более разнообразный и интересный» [ПМА 2013].

На Невском проспекте происходит взросление, молодежь получает какие-либо ценности, в частности, сведения о жизни, городе: «Там получаешь жизненный опыт, узнаешь что-то новое» [ПМА 2013]; «Я думаю, для меня и для моих ровесников эти тусовки на

Невском и вокруг него были своеобразной формой освоения всего города — и географически, и исторически, и социально».

Центр Невского (между Мойкой и Фонтанкой) осознается некоторыми горожанами как сакральное место; по словам петербуржанки, закончившей Петри-школе (Невский пр., 24) в 30-е годы XX в., в этой школе «училось много знаменитых людей, потому что она расположена в святом месте Петербурга, где расположено семь церквей» [ПМА 2013]. В действительности в центральном локусе Невского проспекта расположено восемь церквей: Казанский собор, Спас на крови, Костел Св. Екатерины, Армянская церковь, шведская, финская, немецкая, голландская церкви, а также музеи, театры, Публичная библиотека, Дом книги, кинотеатры и др.

Для некоторых петербуржцев доминанта Невского проспекта — Казанский собор: «Для меня центр Невского — Казанский собор, потому что сейчас это главный собор города» [ПМА 2015]; «Казанский собор — центр Невского, там хранится икона Казанской божьей матери, которая спасала город» [ПМА 2013]; «Казанский собор — центр Невского и всего города. Когда смотришь на это удивительное, совершенное по архитектуре здание, кажется, что ты в античном городе» [ПМА 2016]. Казанский собор — смысловой центр не только Казанской площади, но и всего Невского проспекта; он является одной из важнейших вертикалей проспекта. По мнению П.Я. Канна, «торжественное величие архитектурных форм было созвучно идее государственного могущества России. Крупные здания воздвигались как доминанты ансамблей, формирующих городскую среду» [Канн 1988: 29].

Осознание особой магической силы, заключенной в центре Невского и, соответственно, всего Петербурга проявляется в высказываниях петербуржцев: «Казанский собор как магнит (по форме колоннады), тянет к себе» [ПМА].

Невский проспект является центром духовной жизни Петербурга, на нем или в непосредственной близости от него расположены театры, музеи, выставки художников, играют музыканты: «Невский веселится, торгует, с крыш Невского видна вся его жизнь сверху. Двор собора Святой Екатерины, перед которой своими работами торгуют Питерские художники, являет собой источник

(генератор) молодежной творческой материи, звучащая на улице классическая музыка, выставки современной живописи, концерты молодых музыкантов, поэтов, простота и непритязательность, чистота и чувство меры» [ПМА 2013]; «Центр Невского и всего Петербурга — отрезок от Аничкова моста до Думы — сосредоточие искусства, театра, литературы и музыки. Невский в этой части вбирает разнообразные архитектурные ансамбли — набережная Фонтанки, Александринский театр и ул. Зодчего Росси, Публичная библиотека, Елисеевский магазин и театр Комедии, Площадь искусств. Невский — Бульвар, в юности ассоциировался со свободой парижских бульваров. Для меня душа Петербурга в соединении пространства и поэзии. Она открывается в разных местах» [ПМА 2015]. Писатель В. Попов называет Невский проспект — «зоной риска, зоной творчества» [Попов 2014: 20].

Невский проспект обладает еще одной семантикой — горожане считают его своеобразной социально-топографической зоной свободы [Вышенков 2013]. Например, расположенный на Невском «Сайгон» в 1970-е годы был «символом пространства негативной свободы, — свободы от давления советских социальных институтов» [Здравомыслова 2009]. И в наши дни молодежь отмечает эту особенность Невского проспекта: «Так, это было ощущение свободы. Огромная разница между обязательной школьной формой и неформальными прикидами, фенечками, хайратниками и т.д. Было ощущение, что в этой дружелюбной среде можно самовыражаться» [ПМА 2013].

Невский проспект также остается центром различных общественных движений: анархических, националистических, протестных и др.: «Невский есть место наибольшей концентрации Питера, непохожее на остальной Питер. Здесь, например, молодежь проводила акции протеста против 400-метрового пениса сатаны, который Газпром рвался положить на наш город» [ПМА 2013].

Невский проспект особенно привлекателен для горожан ночью, именно по ночам там в полной мере проявляется загадочность и мистичность Петербурга — основных особенностей петербургской мифологии: «Невский стараюсь днем избегать, слишком много информации, давит, гулять можно только ночью» [ПМА 2013];

«Признаю молчаливо-величественную красоту Невского ночью в отсутствие людей» [ПМА 2013].

Эта же мысль встречается и у Гоголя, и в русской поэзии:

*Скажите мне, что может быть
Прекрасной Невской перспективы,
Когда огней вечерних нить
Начнет размеренно чертить
В тумане красные извивы?! [Агнивцев 1923].*

Исследование современных мифологических представлений о Невском проспекте показывает, что главный проспект нашего города продолжает оставаться живым, движущимся организмом — центром города.

Радиальные проспекты — Невский, улица Гороховая, Вознесенский — ориентированы на шпиль Адмиралтейства, таким образом в плане города подчеркивалась морская значимость города — «окна в Европу». В наши дни эта часть города называется «петербургским трезубцем». Возможно, это название связано со следующим сюжетом: над входной аркой центральной башни Адмиралтейства со шпилем расположен рельеф — «Заведение флота в России», на котором изображен бог морей Нептун, вручающий Петру I трезубец — символ власти над морем. В трелучии (Невский, Гороховая, Вознесенский) проявляется демонстрация мощи Петербурга как морского города, столицы морской державы.

По мнению некоторых горожан, центр города — три луча, исходящие из Адмиралтейства, а доминанта центра — Адмиралтейство, иногда — пространство от Адмиралтейства до Исаакиевского собора: «Адмиралтейство — это центральная точка “Петербургского трезубца”. Это безумно красиво. До 30 лет моя жизнь протекала в этом самом “центре Центра”, дом родителей расположен по середине Гороховой (центральной линией “трезубца”) между Фонтанкой и Садовой. С 2009 г. я живу не в Центре. <...> Сейчас пошла ломка по архитектурному окружению. Когда случается бывать на Адмиралтейской стороне (работаю я на Петроградской, и там как бы не так все сильно ощущается, потому что бываю часто), чув-

ствую себя наркоманом, дорвавшимся до дозы. Меня реально штырит от вида домов, гранитных набережных, темных вод рек и каналов. Ощущение, отчасти похожее от пребывания в европейских городах» [ПМА 2013]; «Центр для меня смещен от Дворцовой влево — к Адмиралтейству и Исаакию. Александровский — в нем сейчас ст. метро “Адмиралтейская” — и если б не метро, жила бы там по сию пору. У меня хватает личных эмоций: от фразы милиционера “Здесь, на Невском, люди не живут!” и невозможности дойти до дома во время государственных мероприятий — до возможности гулять в любимых местах в буквальном смысле в ЛЮБОЙ момент времени, хоть глубокой ночью, и всюду успевать пешком. Собственно, все мои предки жили в центре Петербурга — на Рубинштейна, на Марата, на Шпалерной, на В.О. Это моя “малая родина” в буквальном смысле. Сейчас мои дети потеряли возможность КАЖДОДНЕВНОГО эстетического “вброса” — они видят коробки новостроек» [ПМА 2015]; «Самый центр Петербурга — от Адмиралтейства до Исаакиевского собора. На набережной возле Адмиралтейства ощущение свободы и радость, что, наконец, вернулась домой» [ПМА 2014]. Эти высказывания еще раз подтверждают мысль о «переживании» центра города не только на духовном, эмоциональном, но и на физиологическом уровне.

Идея центра для некоторых горожан связана с бывшим главным храмом российской империи — Исаакиевским собором. Собор — высотная доминанта ансамбля двух площадей — Исаакиевской и Сенатской, еще одна «сакральная городская ось»: «Собор имеет ярко выраженный высотный центрический характер и играет организующую роль в архитектурном силуэте города» [Бутиков 1973: 3]. С ним ассоциируются представления о величии страны, гордость за нее, причастность к истории России: «Самый центр Петербурга — Исаакий. Эмоции — субъективно-интуитивные (из детства). Архитектурная доминанта. Самое красивое место в городе. Раньше, очевидно, и духовный центр» [ПМА]; «Исаакиевский Собор. Медный всадник. Ощущение причастности к истории и спокойствие: они на месте — все в порядке!!!» [ПМА 2014]; «Исаакиевский собор — помпезный, державный собор, воплощение российской государственности» [ПМА 2014]; «Центр города —

Исаакиевский Собор, площадь. Испытываю причастность к этой красоте (поскольку коренная ленинградка)» [ПМА 2014].

Для многих петербуржцев центр города — это Дворцовая площадь — главная площадь Санкт-Петербурга, архитектурный ансамбль которой сформировался во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Название площади дал Зимний дворец, южным фасадом выходящий на площадь. По плану 1769 г. уже не предусматривался единый центр Петербурга, точнее, он был достаточно расплывчатым: при разделении Невы на рукава у Стрелки Васильевского острова. Б.Ф. Растрелли предложил архитектурно организовать растекающуюся огромную территорию на левом берегу Невы — создать центральную площадь столицы, будущую Дворцовую. Проект площади получил замкнутый, обособленный характер. По замыслу архитектора, центральная ось площади (север — юг), прошедшая через главные ворота дворца, сохранена во всех последующих проектах.

Петербургжцы воспринимают Дворцовую площадь как «пуп земли», а пуп земли в мифологии — центр мира (города): «Центр центра города — это прежде всего Дворцовая площадь, “пуп земли”» [ПМА 2015].

Дворцовая площадь в представлениях горожан ассоциируется с идеей императорской (государственной) власти, организации, мощи императорской России: «Дворцовая площадь — центр города, здесь сконцентрирована энергия — государственная, патристическая» [ПМА 2014]. Как известно, Дворцовая площадь более двух веков была официальным центром столицы Российского государства; именно здесь находилась резиденция русских монархов.

С Дворцовой площадью как центром Петербурга у горожан связаны эстетические, возвышенные переживания, потому что именно здесь ощущается идея императорской власти: «Центральный локус города — Дворцовая площадь, потому что большая, красивая. Даже не Александровская колонна, а арка перед Зимним — идея власти, организации. Ощущения, связанные с этим местом, похожи на чувство, которое было в Мариинке лет двадцать назад — немного торжественные, немного мрачные... Центр — это что-то не бытовое. Когда жила на Невском, я его утратила. Когда

переехала на окраину, чувство центра возвратилось. Центр должен восприниматься эстетически, возвышенно» [ПМА 2014].

Доминанта Дворцовой площади — Александровская колонна, ассоциируется с осью, связывающей небесную и земную сферу: «Про Зимний дворец как доминанту можно, но это уж совсем неординарно. Дело в том, что Зимний дворец я как доминанту как раз и не воспринимаю. Доминанта Дворцовой площади для меня это Столп. Причем именно сам столп, массивный гранитный стержень, ось, так сказать» [ПМА 2015]; «Зимний дворец, Стрелка, Адмиралтейство. Самый центр — Александрийский столп. Эмоции — ГОРДОСТЬ!!!» [ПМА 2013] (см. цветную вклейку, рис. 1).

Эта же идея прослеживается в русской поэзии; так, у В. Брюсова:

*Гранит суровый, величавый,
Обломок довременных скал!
Как знак побед, как вестник славы,
Ты перед царским домом стал* [Брюсов 1988].

Здесь также прослеживается одна из основных идей «петербургского» текста — сочетание природных (гранит) и культурных (памятник) элементов, причем и в поэтическом контексте, и в высказываниях горожан прослеживается идея победы культуры над природой.

Александрийский столп — одна из основных городских вертикалей. Он «символически копирует колонну на форуме в Константинополе, на вершине которой была поставлена статуя божественного Константина (<...> в виде Гелиоса, солнечного божества, т.е. опять же символа оси)» [Вершинина 2011: 45]. Образ Петербурга повторяет прообраз — Константинополь, а в вертикали — Александровской колонне — заключен и политический смысл — образная репрезентация Второго Константина (Александра I): «Эта ось также является и «зримым» соединением всех социальных иерархий, в том числе и властной вертикали» [Щербинина 2011: 45].

Арка Главного штаба напоминает горожанам о воинской славе России: «Арка Главного штаба — величественная, масштабная и вместе с тем удивительно легкая — это выход к самому центру

города. Для меня она символизирует воинскую славу России, ее величие, и одновременно арка — удивительно современна: там играют уличные музыканты, тусуется петербургская молодежь» [ПМА 2013] (см. цветную вклейку, рис. 2).

Некоторые горожане считают центральной точкой Петербурга Эрмитаж; для большей части петербуржцев «Эрмитаж — это целый мир». По словам режиссера А. Сокурова, «Эрмитаж для меня всегда был самым главным местом в Петербурге. <...> Это как церковь намоленная, Эрмитаж жизнью намолен... Это жизнь, конечно; это какая-то квинтэссенция жизни, выражение такой цивилизационной жизни» [Сокуров 2012: 103].

И так думают многие петербуржцы, для них Эрмитаж — центр духовной жизни всей России: «Центр Петербурга — Эрмитаж и его окружение. Когда автобус поднимается со Стрелки Васильевского острова на Дворцовый мост, у меня замирает сердце: это центр духовной жизни России» [ПМА].

На Дворцовой площади — иное течение времени, человек оказывается в другом временном измерении — по крайней мере, в XIX в.: «Самый центр — это Дворцовая площадь и Эрмитаж. Когда я нахожусь в “центре центра”, меня охватывают чувства человека, который путешествует на Машине времени. Прикосновение к старине. Кажется, что сейчас из-за угла выкатит карета с дамой и пройдет дворник с метлой и в переднике» [ПМА 2016].

Район Дворцовой площади ассоциируется с тем, что связано с образом Петербурга — разведенными мостами, ночными прогулками белыми ночами, с ощущения радости и восторга перед необыкновенным городом: «Центр — Дворцовая площадь, набережная до Сенатской пл. Разведенные моста, долгие прогулки пешком, поэзия»; «Центр Петербурга — Дворцовая площадь. Люблю гулять очень рано утром... Когда еще нет толпы, и эти ощущения непередаваемы... Из головы уходят все заботы, остается только какое-то щемящее чувство радости от того, что я здесь» [ПМА 2016].

Именно Дворцовая площадь в значительной мере является воплощением всего Петербурга — сочетания его главной природной составляющей (Невы), ветров и архитектурной составляющей (дворцы): «Для меня “центр” Петербурга — это район Зимнего,

Дворцовой Площади и Набережной. Именно в этом месте я чувствую город повсюду (и вода, и ветер, и здания питерские рядом). Центральный локус — Дворцовый мост. Ощущения: Свобода, Тепло, Восторг» [ПМА 2016].

В мифологическом сознании горожан зафиксировались представления о Стрелке Васильевского острова как центре города — столицы великой морской державы, особенно это представление характерно для жителей В.О. Один из планов застройки города XVIII в. принадлежит Леблону — Трезини. По плану Д. Трезини, центр города должен был быть на Васильевском острове, а здание Двенадцати коллегий формировало бы западную границу главной площади города [Буровский 2015: 59].

Стрелка, рассекающая рукав Невы на два — Большую и Малую Неву, напоминает нос корабля: «Самый-самый центр центра — почему-то Стрелка (но я пристрастна). Ощущения — простор, свобода, “Громада двинулась и рассекает волны. Плывет. Куда ж нам плыть?” [ПМА 2014]. В этом высказывании цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Осень». Именно образ Стрелки В.О. воплощает образ Петербурга — морского города.

А вот высказывание жительницы В.О. о центре города — Стрелке, которое также основано на представлении о Петербурге как морском городе, городе моряков, восторга и страха перед Невой — главной природной стихии города, в нем любовь к городу, гордость за него: «Для меня центр Петербурга — это прямоугольник, охватывающий оба берега между мостами Дворцовым и Лейтенанта Шмидта: от Зимнего дворца (с Дворцовой площадью, аркой Главного штаба) до Сената и Синода на одной стороне и Стрелкой Васильевского острова и Сфинксами на другом берегу (конечно, с университетскими зданиями, Биржей, Менделеевской улицей и обязательно — с Соловьевским садиком). <...> Самый-самый центр, пожалуй, Стрелка Васильевского острова с Ростральными колоннами, включая Кунсткамеру и здание 12-ти коллегий... И еще набережная, особенно Лейтенанта Шмидта с памятником Крузенштерну — это моряки: красивые, молодые; всегда, с детства, ощущала гордость за наш морской флот, очарование морской формой, чеканным шагом, кусочком Кронштадта именно здесь, у Кру-

зенштерна. И еще — это незабываемые, даже романтические воспоминания о наводнениях и тех днях, когда еще шел по Неве настоящий, естественный лед. Обычно мы не пропускали подъемов воды и ледохода, непременно шли на Неву — мощь стихии, восторг и немного страшно, но и счастье от того, что это у нас, в нашем неповторимом городе» [ПМА 2015].

Так же, как Дворцовая площадь, Стрелка В.О. ассоциируется с имперской мощью России: «Дворцовая и Стрелка — официоз; строгий, стройный вид, центр империи, отсель грозить мы будем шведу» [ПМА 2015]. Горожане нередко используют пушкинские строки для передачи своего восприятия центра города.

Для некоторых петербуржцев центр Петербурга — Петропавловская крепость. Именно здесь начиналось строительство и история города. Петропавловская крепость — первый центр Петербурга. По первоначальному плану застройки Петербурга планировалось, что основная часть Петербурга будет на правом берегу Невы, за крепостью, а торговая часть города будет располагаться на Васильевском острове. Первоначальная застройка была похожа на Москву: Петропавловская крепость, как Кремль, — центр, от нее радиально расходятся главные улицы [Буровский 2015: 57].

И в наши дни Петропавловская крепость осмысливается частью горожан как центр города, его сердце, его душа: «Вся Петроградка вкупе с Петропавловской крепостью — это душа Петербурга» [ПМА 2014]; «Для меня душа и сердце города — Петропавловка, лицо — Зимний дворец» ([ПМА 2014]; «Я принадлежу к тем петербуржцам, для которых центр города — в его истоках, это Петропавловская крепость» [ПМА 2016]. Одно из лучших, а, может быть, и самое совершенное архитектурное сооружение Петербурга — Петропавловский собор, который, по мнению многих горожан, напоминает двухмачтовый корабль, готовящийся отплыть на запад. Он окружен стенами крепости, как гранитными скалами: «Петропавловская крепость для меня — это абсолютно совершенное строение, идеально вписанное в окружающее пространство. Гармония, строгость, идеальные пропорции. Глядя на крепость с любых ракурсов, я думаю, что создать что-либо совершеннее невозможно. Ничего лишнего. И строгость, и изящество. Легкость и четкость

линий. Огромный объем воздуха вокруг, ветер... Для меня именно Петропавловка — сердце города, его суть “без примесей” и наслоений. Глядя на нее — вдохнуть глубоко и дышать свободно. А ведь Петропавловка была тюрьмой... Вот такой парадокс» [ПМА 2015]. В этом высказывании противопоставление (двоевластие) природы (воздух, ветер) и культуры (Петропавловская крепость) — основных особенностей петербургского текста: «Петербург как великий город оказывается не результатом победы, полного торжества культуры над природой, а местом, где воплощается, разыгрывается, реализуется д в о е в л а с т и е природы и культуры (ср. идеи Н.П. Анциферова). Этот природно-культурный кондоминиум не внешняя черта Петербурга, а сама его суть, нечто имманентно присущее ему» [Топоров 2009: 674].

Район Петропавловской крепости петербуржцы описывают с помощью антитезы: противопоставления элементов природы (воздух, ветер, вода, болото) и культуры (шпиль, крепость), причем элемент культуры характеризуется признаком оформленности, устремленности вверх. Петропавловская крепость воплощает «правило чередования старых построек <...> сгущенной природы камня с разреженной природой — воздухом» [Хлебников 1987] (см. цветную вклейку, рис. 3).

Собор остается самым высоким зданием в историческом центре Петербурга: высота его 122,5 м. Флюгер в виде ангела, ухватившегося одной рукой за крест, другую же простирающего вперед и вверх, венчает шпиль и является наряду с корабликом Адмиралтейства и Медным всадником одной из главных городских эмблем. По легенде, это ангел-хранитель Петербурга.

Петропавловская крепость ассоциируется у горожан с важным историческим периодом в жизни страны, связанный с Петром I и его деятельностью, идеей собственной сопричастности истории: «Центр — Петропавловка. Застывшая история. Петр I. Зрелище и ощущение причастности» [ПМА 2015].

С Петропавловской крепостью у петербуржцев связаны различные эмоции — ощущения гордости, счастья, восторга: «Петропавловка — вид на панораму города с пляжа: мистическое состояние, блаженство, счастье [ПМА 2015]; «Самый “центр центра

Петербурга” для меня — Петропавловская крепость. Я бы даже переименовала станцию метро “Горьковская” в “Петропавловская крепость”. Эмоции, как ни странно, там романтические, несмотря на события в стенах крепости» [ПМА 2015].

Пожалуй, уникальность образа центра Петербурга — восприятие в качестве такового его водных артерий — рек, каналов, прежде всего Невы. В этом заключается отличительная особенность восприятия центра Петербурга горожанами. Для некоторых петербуржцев именно в водных артериях — основная концентрация Петербурга: «Нева + Фонтанка + Обводный канал = водные артерии воспринимаю как присущность города, даже Финский залив — более безразличен» [ПМА 2014].

Неву называют главным проспектом Петербурга. Эта особенность также была присуща и древнерусским городам, в которых река была центральной магистралью [Лихачев 1991: 392].

Выражение «Нева — главный проспект Петербурга» стало крылатым: природный объект наделяется свойствами культурного: «Центр Петербурга — акватория Невы между Петропавловкой и Дворцовой. Восторг. Изумление перед рукотворным совершенством. Ощущение присутствия высшего существа (Города?) Чувство, что ты “на месте”, дома» [ПМА 2015]. Именно у Невы город проявляет себя как некая высшая субстанция. Центр Петербурга осознается как соединение Невы и архитектурных сооружений: «Центр Петербурга — всё, что попадает в окоем между Дворцовым и Троицким мостами. Стрелка Васильевского острова, Эрмитаж, Петропавловка — в любом порядке, а еще Летний сад. Мне там хорошо, у меня там “душа на месте”» [ПМА 2015].

Как известно, вода в мифологии — одна из фундаментальных стихий мироздания, эквивалент хаоса, среда зачатия и порождения, а также аналог материнского лона и чрева [Аверинцев 1998: 240]. Подобные представления нашли отражение в нарративах горожан о водах как центре города, именно здесь создавался Город; а чувствуют себя петербуржцы у воды — Невы, рек, каналов, Финского залива как под защитой матери: «Центр — Петроградская сторона, Невский пр. и окрестности, Коломна, Пески, Васильевский остров. Границы размыты, ведь город не имеет единого центра.

Единого нет, но в эмоциональном плане вода — Нева, все малые реки Петербурга, гавань. В последние несколько лет я поняла, что сочетание воды и красоты зданий на ее берегах для меня жизненно важно, буквально физически не могу жить без этого. Мне остро необходимо, чтобы на сетчатке глаза отпечатывались созданные архитекторами, думающими об окружающем ландшафте и пространстве, здания и непременно рядом была вода — для отражения неба, для того чтобы чувствовать ветер, для отражения зданий, для того чтобы смывать и омыwać мои дни, мою жизнь. Понимание пришло после разных путешествий и встреч с другими прекрасными городами. Т.е. эмоции — это успокоение, спокойствие прежде всего, которое родственно тем чувствам, которые испытывает младенец к матери — чувство дома. И чувство защищенности — да, в бортах, да, на ветру, да, в дождь и т.д.» [ПМА 2014].

Вместе с тем в Петербурге бытует и эсхатологические представления о Неве, которая может поглотить город. Актуализировавшиеся в конце XX в. мифы о конце света (столкновение планет, опасные вирусы и др.) в Петербурге приобрели собственное содержание под влиянием основного петербургского мифа: город погибнет в результате потопа после землетрясения. Тема возможного затопления города встречается в стихотворениях современных поэтов:

*Что ожидает Петербург?..
Дворец и царские палаты?
Или воды смертельный круг
Увидит ангел мой крылатый? –
Вот, на Дворцовой взор слепой
Сокрыли вспененные воды
И устремились всей Невой
Сквозь Арки каменные воды
На Невский струями, реками
И бесконечными волнами [Магницкая 2012].*

Таким образом, представлении о Неве как центре Петербурга, с которого начинается город (миф творения), в петербургской

мифологии противопоставлены представлениям о главной реке как угрозе городу (эсхатологический миф).

У Невы горожане ощущают величие, красоту своего необыкновенного города, чувствуют себя патриотами города: «Кусок Невы между Троицким, Дворцовым и Биржевым мостами — это центр с не бытовой точки зрения. Ощущение величия и красоты (патриотизм города, ничего общего с патриотизмом страны не имеющий). Ну, скажем так, означенный кусок Невы — самое красивое место мира, помогающее смириться с мелочами нынешнего дня и ни в коем случае никуда отсюда не уезжать, потому что ничего такого прекрасного нигде нет. Я даже когда на автобусе еду, иногда делюсь с какими-нибудь случайными не местными своими горячими эмоциями по поводу этой красоты! При этом очень мало ходила на всякие салюты, парады и т.п., потому что людьми это величие снимается как ощущение» [ПМА 2015].

Следует отметить, что в статье рассмотрены наиболее распространенные представления о центрах Петербурга, горожане называли и другие центры — Коломна, Летний сад, кладбища и др., эти представления требуют особого рассмотрения.

Источники

ПМА 2013, 2015, 2016 — полевые материалы автора, собранные в Санкт-Петербурге в 2013–2016 гг.

Библиография

- Аверинцев С.С. Вода // Мифы народов мира. М.: Большая советская энциклопедия, 1998. Т. 1. 240–242.
- Агнивцев Н. Блистательный Санкт-Петербург: Сборник стихотворений. Берлин: изд-во Ладыженского, 1923. 50 с.
- Анциферов Н.П. Душа Петербурга. СПб.: Издательство «Брокгауз-Ефрон», 1922. 226 с.
- Буровский А. Санкт-Петербург как географический феномен. СПб.: Метропресс, 2015. 256 с.
- Брюсов В. Александрийский столп // Петербург в русской поэзии XVII — начала XX века. Поэтическая антология. ЛГУ, 1988. С. 238.

- Бутиков Г.Н. Государственный музей-памятник Исаакиевский собор. Л.: 1973. 72 с.
- Вышенков Е. Петербург наизнанку // [http:// www. fontanka.ru](http://www.fontanka.ru).
- Гашенко А.Е. Семантика целостности архитектурно-градостроительной морфологии городского центра // ПРАЙНМА. 2016. 2 (8). С. 82–96.
- Горнова Г.В. Переживание города // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». 2006. URL: www.omsk.edu.
- Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 5 т. М.: АН СССР, 1959. Т. 3. 503 с.
- Здравомыслова Е.А. Ленинградский «Сайгон» - пространство негативной свободы // НЛО. 2009. № 100. URL: magazines.russ.ru/nlo/2009/100/el47.htm.
- Ильин О. Высокомерия убийственны законы // Неизвестный Петербург. Поэзия. Т. 2. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, 2013. С. 156–157.
- Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
- Лихачев Д.С. Книга беспокойств. М.: Новости, 1991. 522 с.
- Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. II: Статьи по истории русской литературы первой половины XIX в. Ч I. Таллин: Александра, 1992. 496 с.
- Лотман Ю.М. Город и время // Метафизика Петербурга. СПб., 1993. С. 82–94.
- Магницкая С. Стихи // [http: svet-slova.ru](http://svet-slova.ru).
- Мазалова Н.Е. «Опальный принц в империи лотков»: чувствования горожан в современном Петербурге // Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях / О. Богатова, Н. Богатырь, М. Кожевникова, Н. Мазалова, И. Морозов, С. Соколовский, В. Шнирельман. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 122–138.
- Плотникова А.А. Встреча // Славянские древности. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 452–455.
- Попов В. Мой Петербург. СПб.: Метропресс, 2013. 376 с.
- Потапова Н.В. И женщина идет по январю. СПб.: Любавич, 2013. 224 с.
- Смоляк П. Думская // <http://shuum.ru/column/428>.
- [Сокуров 2012] Из интервью с А.Сокуровым // И.С.Иванова и др. Русский язык. СПб.: Златоуст, 2012. С. 103–106.
- Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
- Файбусович Э.Л. Где находится центр Санкт-Петербурга // Проблемы экологии и региональной политики Северо-Запада России и сопредельных территорий: Тез. докл. междунар. конф. Псков, 2000. С. 124–125.
- Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1987. 736 с.
- Щербинина Н.Г. Образ города как символический конструкт // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3 (15). С. 41–52. Сер. Философия. Социология. Политология.

Т.Б. Щепанская

**РЕЦЕПЦИЯ ПРОСТРАНСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ
(по материалам когнитивных карт 2014–2017 гг.)¹**

В основу положены результаты исследования представлений студенческой молодежи о пространстве Санкт-Петербурга методом картирования. Изображенное на когнитивных картах пространство города становится проекцией идентичности: индивидуальных траекторий перемещения, субъективных предпочтений, неформальной номинации наиболее значимых для автора карты городских районов и объектов. Рассматриваются некоторые особенности варьирования неформальных топонимов, а также контексты их использования, такие как самоидентификация с городским пространством и его освоение в процессе учебной миграции.

Ключевые слова: пространственные исследования, когнитивные карты, топонимика, вариативность, студенты, учебная миграция, петербургская идентичность, визуальные методы, картирование, городские исследования

T. Shchepanskaia

**RECEPTION OF SPACE
OF ST. PETERSBURG BY STUDENTS
(on the basis of cognitive maps of 2014–2017)**

Results of a research of sights of students on space of St. Petersburg by a mapping method are the basis for the message. The space of the city represented on cognitive maps becomes an identity projection: individual trajectories of movement, subjective preferences, the informal nomination of the most significant for the author of the map of urban areas and objects are the main practices of the city and local identity construction. Some features of a variation of informal toponyms, and also contexts of their use, such as self-identification with city space and its development in the course of educational migration are considered.

Keywords: space studies, cognitive maps, toponymics, variability, students, educational migration, St. Petersburg identity, visual methods, mapping, urban studies.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект «Региональная, профессиональная и этнокультурная идентичность в биографической памяти»).

В основу статьи положены результаты исследования представлений о Санкт-Петербурге методом картирования. Студенты СПбГУ (ф-т свободных искусств и наук) под руководством преподавателя (автора настоящей статьи) отмечали на стандартной карте Санкт-Петербурга свои обычные маршруты, значимые места города (привлекательные, неприятные, интересные, любимые / не-любимые, ориентиры), а также наносили на карту известные им неформальные названия районов и отдельных объектов. Основой служила черно-белая распечатка географической карты города размером А 4, с нанесенными названиями станций метрополитена, но очень мелким шрифтом, так что перед глазами студентов была скорее общая структура городского пространства.

Кроме того, часть студентов рисовали неформализованные ментальные (воображаемые) карты Санкт-Петербурга. Задание звучало так: «Изобразите Санкт-Петербург, как Вы его представляете, максимально свободно» — с минимальными инструкциями. Метод воображаемых карт относится к визуальным методам изучения репрезентаций городского пространства и рецепции его в индивидуальных представлениях горожан. Этот метод позволяет выявить наиболее значимые для информантов элементы городской среды, ориентиры и способы использования различных локусов (см.: [Семенова 2009; Сорокина 2009]).

На наш взгляд, это еще и способ визуального представления маркеров городской идентичности, т.к. важным элементом инструкций является просьба изобразить «свой» город, вообще вся методика ориентирована на выявление субъективного видения города. Представленное на такой карте городское пространство фактически становится проекцией идентичности автора. Характерно, что в комментариях участники исследования подчеркивали, то именно их индивидуальным видением, восприятием города определяются выбор изображенных объектов, членение городского пространства, соотнесение его элементов с собственными траекториями передвижения и индивидуальными предпочтениями. Выявлению форм идентификации с пространством способствовало предложение указать на карте места «любимые, интересные» и «не-любимые, неприятные».

Затем в ходе учебных курсов 2015–2017 гг. студенты сами апробировали метод картирования, обращаясь с просьбами заполнить аналогичные карты к своим знакомым из других вузов города: так в выборку попали отдельные студенты других факультетов СПбГУ (факультеты ПМ-ПУ, математико-механический, географический), а также других вузов Петербурга: ГУАП, СПбГВАМ, ВШЭ. Некоторые студенты из основной группы (СПбГУ) опросили и своих старших знакомых и родственников старшего поколения. Их карты мы будем использовать в качестве сравнительного материала.

Исследование ориентировано в основном на качественные методы анализа; количественные оценки пока возможны лишь в грубом приближении, носят, скорее, ориентировочный характер. По существу, выполнен пилотажный этап отработки методики исследования городского пространства с использованием визуальных техник картирования. Задачей настоящей публикации является подведение промежуточных итогов этой работы и формулирование на их основе некоторых гипотез.

Описание выборки

Всего получено 132 ответа (карты в комплекте с комментариями и / или неформализованными воображаемыми картами). Из них 17 от работающих (не учащихся), остальные 115 от студентов петербургских вузов. Нас в первую очередь интересуют представления студенческой молодежи, поэтому предметом анализа стали ответы студентов, в то время как другие привлекаются скорее в качестве дополняющего или сравнительного материала. 87 чел. из студенческой подвыборки указали женский пол, 26 — мужской, в двух случаях пол не был указан.

Из 115 студенческих карт 55, т.е. немногим менее половины (ок. 48 %), заполнены теми, кто приехал в Петербург на учебу и живет здесь от нескольких месяцев до нескольких (но не более шести) лет; остальные 60 чел. постоянно проживают в городе более шести лет, многие — с рождения.

Одна из процедур картирования была нацелена на выявление представлений о членении (структуре) городского пространства.

Участников исследования просили обозначить на стандартизированных картах известные им городские районы, написать известные им неформальные названия мест — районов или отдельных объектов.

Из студентов, **приехавших** в Петербург учиться, 15 чел. (27 %) не назвали ни одного неофициального топонима, 26 чел. (47 %) назвали от одного до трех. До трех топонимов отметили, т.е., 41 чел. из этой подвыборки, или 75 %. От четырех шести неформальных наименований в Петербурге назвали семь человек; столько же назвали от семи до 15 неформальных топонимов; пять из этих семи на момент опроса были старше 20 лет, т.е. учились в Санкт-Петербурге уже свыше двух лет. В группу, назвавшую свыше трех топонимов, таким образом, вошли только 25,5 % приехавши, и только менее 13 % назвали свыше семи.

Из 60 студентов, **постоянно проживающих** в Санкт-Петербурге, свыше семи (от семи до 18) топонимов отметили на своих картах 18 человек, т.е. 30 %. Ни одного не назвали 15 чел. (25 %), один–три топонима — 16 чел.. Т.е. всего до трех отметили 50 % постоянно проживающих.

Таким образом, практически не использовали или использовали единичные неофициальные топонимы (до трех, чаще всего самые тривиальные, такие как *Васька*, *Универ* или *Петроградка*) на своих картах 50 % постоянно проживающих в городе и 75 % приехавших в Санкт-Петербург учиться. Часто же используют неформальные топонимы свыше семи 30 % постоянных жителей и менее 13–12,7 % участников учебной миграции.

В этих результатах мало неожиданного, они лишь подтверждают роль неформальной топонимики как одного из показателей освоения городской среды. Совсем не использовали неофициальные топонимы около четверти студентов (зависимости от срока пребывания практически не зафиксировано), т.е. сам способ информализации отношений с городской средой через использование такого рода лексических маркеров большинство из них не отвергает. Однако большую информированность чаще демонстрируют, разумеется, те, кто проживает здесь постоянно.

Из комментариев к картам следует, что неофициальные топонимы, как правило, маркируют места учебы или проживания,

пеших прогулок или пересадок с одного вида транспорта на другой (например, с электрички на автобус). Причем среди топонимически отмеченных мест фигурируют как «любимые», так и «нелюбимые, неприятные» объекты и районы города.

Неформальная топонимика и конфигурации передвижения

Не все студенты использовали неформальные названия в равной степени: на одной карте отмечено от нуля до 18 топонимов. Самое распространенное — это название Васильевского острова — «Васька». Оно присутствует на 64 картах из 94, где есть хотя бы один топоним; интересно, что его грамматический род варьирует: дважды в комментариях фигурирует «Васька» женского рода, что заставляет предположить отрыв неформального топонима от своей основной формы (Васильевский остров).

Следует обратить внимание на топонимическую продуктивность **транспортной инфраструктуры**, в первую очередь, ядра системы общественного транспорта — метрополитена. Абсолютное большинство неформальных топонимов, отмеченных на картах из нашего массива, образованы от названий станций метрополитена; относятся они как к самим станциям, так и к расположенным поблизости районам или объектам. Топонимом, образованным от названия станции метрополитена, на карте обозначается весь район, например: *Комендань* (*Коменда*, *Ком*) — спальный район недалеко от ст.м. «Комендантский проспект», *Акадос*, *Акада*, *Академка* — район вокруг станции м. «Академическая» (см. приложение в конце статьи).

На картах неформальные топонимы концентрируются в центральной части города, включая Васильевский остров и Петроградскую сторону, а также вдоль линий метрополитена: красной, фиолетовой, зеленой и желтой.

Наряду со станциями метрополитена, объектами лексического освоения (неформально маркированными) оказываются и другие объекты транспортной инфраструктуры: *Финбан* (Финляндский вокзал), *Электрон* (место, где информанты пересаживаются с го-

родского транспорта на электричку). Тот же принцип, вероятно (что подтверждают и комментарии информантов), определяет популярность топонима *Балты / Болты* (Балтийский вокзал), где садятся на электричку студенты, проживающие в ПУНК (общежитиях СПбГУ, расположенных в Петергофе).

Еще ряд топонимов акцентирует **структуру передвижений** в городском пространстве. Характерно маркирование зон кругового движения на пл. Мужества (*Сковородка*) и пл. Восстания (*Шайба*), извилистой формы проезда от пл. Мужества в направлении Кантемировского моста (*Интеграл*) и столь же замысловатой конфигурации прохода с Васильевского острова через мосты в район Марсова поля (*Пьяная аллея*). Причем *Сковородка* и *Интеграл* отмечены информантами из поколения студентов конца XX в., а *Шайба* и *Пьяная аллея* — нынешними студентами из поколения их детей. Но те и другие отмечают однотипные объекты: круговое движение и извилистые траектории, т.е. воспроизводится принцип маркирования одних и тех же конфигураций движения.

Неформальные названия получают места пересадок, прогулок и встреч: главная магистраль Северной столицы — Невский проспект (*Бродвей*); Таврический Сад (*Тавра, Таврик*), Екатерининский сад (*Катькин садик*). Нынешним студентам, как и многим поколениям петербуржцев, знакомы *Пять углов* — площадь на пересечении Загородного пр., улиц Рубинштейна, Разъезжей и Ломоносова. С конфигурациями передвижения связаны и такие топонимы, как *Сократ* — проход, сокращающий путь от университетских общежитий в Петергофе к местам посадки на электричку или автобус.

К излюбленным местам прогулок следует отнести, судя по комментариям, и популярные торговые центры (*Галерон* — ТЦ «Галерея»), культурные объекты (*Эрмик* — Эрмитаж), кафе, рестораны быстрого питания, закусочные (*Карлан, Тепло, Шайба*¹), также получившие топонимические маркеры.

¹ Этот топоним соотносится с несколькими городскими объектами. В нашем массиве Шайба — 1. Студенческий культурно-развлекательный центр Санкт-Петербургского государственного университета в Петродворце; 2. Зона кругового движения на пл. Восстания. В других источниках упоминаются другие варианты: 3. Круглый хоккейный стадион у м. Спортивная» [Путятин 2014]; 4. «Название

Наконец, неформальной топонимикой отмечены места, непосредственно связанные с учебной деятельностью участников исследования: *Бобры* (Дворец Бобринских на Галерной улице, где расположено место учебы большинства заполнивших карту — факультет свободных искусств и наук СПбГУ); *Корабли* (ул. Кораблестроителей, где находятся корпуса общежития СПбГУ и некоторые университетские учреждения, например медицинский центр).

Неформальное как варьирующее

Неформальная топонимика нередко варьирует: один и тот же объект бывает представлен несколькими наименованиями. Появление неформального топонима само по себе проявление варьирования, стремление обозначить некоторые локусы иначе, чем они отмечены на официальных картах. Использование топонима, альтернативного общепринятому, — своеобразный знак присвоения. Если рассматривать именование как форму контроля, то переименование, нарочитая смена названия должна быть проявлением стремления уйти от него или перехватить контроль над пространством через перемену имени.

Но и среди неформальных топонимов заметно варьирование, причем неравномерное: некоторые активно порождают новые варианты, в то время как другие сохраняют стабильную форму. Вариативными оказались наименования таких объектов, как ст.м. Петроградская: *Петроградка*, *Петрога*, *Петра*, *Петрик*; ст.м. Комендантский проспект: *Комендань*, *Комендан*, *Коменда*, *Ком*; ст.м. Академическая: *Академка*, *Академ*, *Акадос*; ст.м. Новочеркасская: *Новочер*, *Новочера*, *Черка*; ст.м. Чернышевская: *Черныши*, *Чернуха*, *Черта*; ст.м. Черная речка: *Чеэр*, *Черта*; ст.м. Гражданский проспект: *Гражданка*, *Гражда*; ст.м. Пл. Мужества: *Площадь Замужества*, *Мужак*; ст.м. Кировский Завод: *КирЗа*, *Кирзачи*; ст.м. Приморская: *Примора*, *Прима*; ст.м. Купчино: *Купчага*, *Купчиха*; ст.м. Проспект Ветеранов: *Ветерки*, *Ветерашка*;

универсамов, расположенных в районе новостроек и имеющих в плане круглую форму» [Шашкина 2013].

ст.м. Международная: *Межда, Междик*; ст.м. Звенигородская: *Звенига, Звено*; ст.м. Адмиралтейская: *Адмирал, Адма*.

В этот ряд топонимического варьирования попали как центральные районы, так и дальние новостройки; как хорошо освоенные студентами излюбленные места прогулок и встреч — так и малоизвестные, отмеченные ими как отчужденные и пугающие, отдаленные спальные районы. Логика варьирования и стабилизации не вполне ясна.

В ряде случаев неформальное словообразование подчиняется логике укорочения — своеобразной «экономии», характерной для разговорной речи; в этих случаях топоним представлен только основой (*Маяк, Адмирал*) или вообще замещен другим, более коротким, но близким по звучанию словом: *Просвет, Пролёт* (ст.м. Пролетарская). Есть примеры топонимов, образованных как аббревиатура и затем получивших самостоятельное значение: *План* (ст.м. Площадь Александра Невского), *КирЗа — Кирзачи*.

Впрочем, словообразование идет как в сторону укорочения, так и, наоборот, за счет наращивания дополнительных формантов. Так, ст.м. Озерки именуют и укорочено — *Озера*, и удлинено — *Озерочки*.

Представляется, что в словообразовании конкурируют стратегии экономии (укорочения) и семантизации (поиска осмысленных форм, сохраняющих фонетическую, но не обязательно семантическую связь с официальным топонимом). Так, длинное наименование «Адмиралтейская» сокращается до основы — *Адмирал*, но на этом процесс не останавливается: слово далее укорачивается до *Адма*. Тот же путь проходит *Примора — Прима* и др.

По-видимому, топоним имеет шанс стабилизироваться, когда соединяются обе стратегии: топоним получается осмысленным и достаточно кратким. Так, на протяжении многих лет остаются неизменно популярными топонимы *Просвет* и *Маяк*. При этом новые названия тут же включаются в систему поиска неформальных эквивалентов. Так, 28 декабря 2012 г. была введена в строй ст.м. Международная Фрунзенско-Приморской (фиолетовой) ветки, а в начале 2017 г. студенты отмечают на картах два ее неформальных наименования: *Междик* и *Межда*. Заметен поиск корот-

кой формы, но, вероятно, он будет продолжаться до нахождения слова, имеющего сколько-нибудь осмысленное самостоятельное значение.

В некоторых случаях сама форма слова оказывается значимой и придает топониму дополнительную семантическую нагрузку.

Укороченные формы женского рода порой приобретают грубоватое звучание: *Пионера, Примора, Прима, Лажа, Новочера, Адма*. Топоним *Купчага* отсылает к разговорному «путяга» (так в советский период грубовато именовали ПТУ, где обучали рабочим специальностям), если учесть, что Купчино тогда считалась рабочим районом, да и теперь еще в комментариях к картам проскальзывают подобные ассоциации. *Петрога* — еще одно название, образованное, как кажется, по этому же образцу. *Старуха, Чернуха, Купчиха* — вероятно, воспроизводят как образец топоним «Старуха» (ст.м. Старая деревня), встречающийся чаще этих трех. Возможно, этот вариант словообразования используется одной компанией как лексический маркер — во всяком случае, в нашей выборке он встретился всего на двух картах.

Еще ряд топонимов, тоже в форме женского рода: *Академка, Уделка, Гражданка, Медвежка, Адмиралтейка, Ленинка* — имитируют «свойские» грубоватые имена людей (Валька, Светка); в том же ряду оказывается и Васька: в комментариях, как уже говорилось, это название дважды употреблялось в женском роде.

Иногда неформальные топонимы получают уменьшительно-ласкательные суффиксы: *Петрик, Таврик, Эрмик, Крестик, Ельник* (в том же ряду условно); в других случаях, наоборот — гиперболизирующие форманты: *Галерон, Электрон*. Систематически встречаются и топонимы, основанные на форме множественного числа: *Болты, Ветерки, Кирзачи, Корабли, Дыбы, Кресты*.

Варьирование — одна из характерных черт неформальных названий, не только в области топонимии. Изменение общепринятого названия в разговоре может быть знаком особой близости к называемому объекту — или призывом перейти на неформальный стиль общения; нарочито измененное именование служит как маркер «своей» среды или компании — или выражает отношение (насмешливое, высокомерное, уважительное, заинтересованное)

к району и тем, кто там живет, гуляет, просто собирается туда поехать.

Уменьшительно-ласкательное или грубоватое именование городских локусов, имитирующее формы коммуникации «посвойски» в неформальных сообществах, можно расценивать как одно из средств символического освоения пространства — может быть, самоидентификации с ним.

Структура городского пространства на ментальных картах

Можно заметить, что большая часть неформальных названий привязана к станциям метрополитена или районам поблизости от них. Так же город предстает и на картах: на стандартизированных картах студенты, как правило, активно размечали центральную часть города (с концентрацией отметок вокруг Гостиного двора, Летнего сада и ст.м. «Чернышевская», на Васильевском острове и Петроградской стороне) и островки вдоль, как правило, одной линии метро (тут возможны варианты: на большинстве карт «освоен» луч от центра на юг или север, реже — по всему диаметру).

Еще ярче подобное структурирование предстает на неформализованных — свободных картах. Инвариантной частью практически всех карт является акцент на изображение центральной части. Рассмотрим несколько чаще всего встречающихся типов структуры представлений о городском пространстве, отраженных на неформализованных картах.

(1) Карты, на которых изображают только центральную часть (а на стандартизированных картах — только ее маркируют различными отметками, в том числе и неформальными топонимами). Это тип встречающихся в нашей выборке ментальных (свободных) карт. Так, студентка (1997 г.р.) СПбГУ, приехавшая менее года назад, изобразила на своей карте компактный фрагмент города: *«Центр, Васька, Петроградская... Это самые известные места в Питере, и именно такой должна быть ассоциация с этим городом»* (ПМ: 1). Еще одна студентка, проживающая в Петергофе,

объясняя свое внимание к центральной части города, пишет: *«Я изобразила центральную часть города, потому что я ее лучше всего знаю, потому что я в ней каждый день обитаю, хожу, брожу по мостам, люблю гулять»* (ПМ: 2). Ее сокурсница, уроженка Санкт-Петербурга, ограничилась еще более узким фрагментом центра: на ее карте Невский проспект от пл. Восстания до Дворцовой пл. с пересекающими его реками, а также Галерная улица, где расположен ее факультет) и Мариинский театр (ПМ: 3). Школьник, тоже уроженец Санкт-Петербурга, нарисовал на своей карте только Гороховую ул., площади и набережные (Кронверкская, Университетская, Адмиралтейская, Дворцовая) центральной части города, хотя проживает он с родителями в Приморском районе: *«Я изобразил центр города на листке, потому что мне там больше нравится, чем в моем спальном районе. Там действительно красивые памятники архитектуры и театры. Я стараюсь как можно чаще ездить туда с мамой на каникулах»* (ПМ: 7). Эти пояснения свидетельствуют уже не столько о воображаемой структуре пространства, сколько о петербургской идентичности, проекцией которой эта структура, по-видимому, является.

(2) Второй тип карт изображает в целом пространство Петербурга с обозначением его границ (линия, лес, залив и т.п. изображения границы города и «природного» окружения) или выходов, соединяющих его с внешним миром (аэропорт, откуда «я летаю домой», вокзалы, дороги «на дачу» и т.п.). Так, на одной из карт изображены *Острова* (Елагин, Каменный, Васильевский), а внешней границей служит Нева, «холодное море»; изображены также выездные магистрали: Балтийский вокзал с направлениями дорог на Стрельну и Петергоф; площадь Восстания с направлением, обозначенным как «поезд домой», а также стрелочка в Купчино: «Говорят, что там гопники» (ПМ: 6).

(3) Чаще всего, пожалуй, встречаются карты, где изображены центральная часть города и плюс локус «дома» (местожительства информанта) — в виде двух островков, обрисованных по отдельности либо соединенных друг с другом изображениями транспортных путей: *«На карте подробнее всего у меня получилось изобразить север города (там дом, школа, дома друзей. — Т.Щ.)...* Еще я подробно на-

рисовала Центр, поскольку там бываю постоянно по учебе, иногда гуляю там. Юг города я практически не знаю» (ПМ: 4).

Студентка, проживающая в г. Пушкин, нарисовала карту в виде двух островков: центральная часть на Васильевском острове — и г. Пушкин: *«Для меня Питер — это центр. Васька, Смольный, Казанский, Исаакий. Вот тут я сажусь в метро (ст.м. Адмиралтейская), вот тут выхожу (Автово) и еду домой, в Пушкин. Для меня Пушкин — тоже Питер»* (ПМ: 9).

В других случаях число «островков» множится: добавляются места учебы или другие значимые локусы. Так, студентка, проживающая в районе пр. Ветеранов, изобразила центральную часть от Крестовского острова на севере до Марсова поля и Лиговки на юге; отдельными островками — Уделька, Ветерки (рядом с которыми обозначен дом), Германа, Доблести (дом родителей); стрелка указывает в сторону Девяткино — Сосново — Ладога («Электрон»): *«У меня в голове существует два образа Петербурга — Васька, Невский, Петра, Адма. И мой, спальный район. Я еще часто бываю за городом, ... вот тут станция Девяткино и до Сосново»* (ПМ: 5).

(4) Карты, на которых центр отсутствует, а изображен только спальный район, где локализуется «Дом» информанта, встречаются чрезвычайно редко. Так, студент ветеринарной академии (1995 г.р.) нарисовал четырехугольник, ограниченный улицами Планерной, Парашютной, Коломяжским и Богатырским проспектами: *«Потому что это мой микрорайон. К сожалению, в городе я не очень хорошо ориентируюсь»* (ПМ: 8).

Неформализованные воображаемые карты ярко показывают структурные варианты представлений городского пространства и их связь с идентичностью автора карты. На стандартизированных картах подобные структуры определяют способы размещения пометок, нанесенных информантами, в том числе и неформальной топонимики: топонимы тоже демонстрируют тенденцию к концентрации в центральной части (включая Васильевский остров, Петроградскую сторону, Неву и Невский проспект), в пределах района расположения «дома» и вдоль линии метро или иного соединяющего их транспорта.

Города, идентичности, карты

Связь идентичности с восприятием пространства становится интересным направлением в исследованиях города. Так, Андреас Глэйзер (Andreas Glaeser, Harvard University) утверждает, что «идентичности конструируются не только посредством взаимодействий между людьми, но также через “диалог” с материальной культурой и пространственные практики, <...> через пространство идентичности становятся осязаемыми» [Glaeser 1998: 7].

К изучению пространственных, как и иных материальных характеристик социальных взаимодействий, обращаются и отечественные социологи, указывая на ограниченность абстрактных представлений об обществе, оторванных от их реальных грубо материальных контекстов — в том числе пространственной локализации [Шмерлина 2003]. Обращение к материальным, непосредственно осязаемым аспектам социальной реальности делает актуальным использование этнографических методов.

В этом смысле показательно исследование Глэйзера. На базе одиннадцатимесячного этнографического исследования в Восточной Германии он выявляет четыре процесса конструирования идентичностей через связи «себя» с пространством: *прочтение* (означивание, интерпретацию, наделение значением) пространства, *вписывание* себя в локальные контексты, *помещение* себя в более широкие пространственные целостности (соседства, города, регионы) и *привязка* своей жизненной истории, как и случаев, озвученных в виде нарративов, к конкретному *хронотопу* [Glaeser 1998: 7]. Методики картирования также представляются информативной техникой для пространственных исследований. С помощью методики когнитивных (ментальных) карт мы могли наблюдать, по сути, те же процессы самоидентификации с городом, которые упоминает Глэйзер.

Соотнесение неформализованных свободных карт с данными, нанесенными на стандартизированные карты, показывает их взаимосвязь: информация, представленная с помощью разных методик картирования, в целом не противоречит друг другу, в некоторых случаях облегчая задачу автору карты и обогащая полученную

в итоге информацию. Так, схемы маршрутов, показанные на стандартизированных картах, становятся менее схематичными и более подробными, нежели на картах свободных; на стандартизированных картах отмечено больше топонимов, в том числе неформальных. В то же время свободные карты позволяют более отчетливо представить общую структуру представлений о городском пространстве — точнее, структуру пространственной схемы собственной локальной (в данном случае городской, петербургской) идентичности.

Приложение

Неформальные топонимы, образованные от названий станций петербургского метрополитена

Красная линия метро:

Гражданка	Ст.м. Гражданский проспект
Академка, Академ, Акадос	Ст.м. Академическая
Политех	Ст.м. Политехническая
Площадь Замужества, Мужак	Ст.м. Площадь Мужества
Лесопилка, Лестех	Ст. м. Лесная
Финбан	Финляндский вокзал, ст.м. Площадь Ленина
Черныши, Чернуха, Черта	Ст.м. Чернышевская
Техноложка	Ст.м. Технологический институт
Балты / Болты	Ст.м. Балтийский вокзал
Кирза (Кирзачи)	Ст.м. Кировский завод
Ветерки	Ст.м. Проспект Ветеранов
Ленинка	Ст.м. Ленинский проспект

Синяя линия метро:

Просвет	Ст.м. Проспект Просвещения
Озера, Озерочки	Ст.м. Озерки
Уделка	Ст.м. Удельная и рынок около нее
Чеэр, Черта	Ст.м. Черная Речка

Петроградка, Петрога, Петра, Петрик	Ст.м. Петроградская
Техноложка	Ст.м. Технологический институт
Купчага, Купчиха	Ст.м. Купчино

Фиолетовая линия метро:

Комендан, Комендант, Комендань, Коменда, Ком	Ст.м. Комендантский проспект
Старуха	Ст.м. Старая деревня
Кресты (Крестик)	Ст.м. Крестовский остров и район в окрестностях
Адмирал (Адма, Адмиралтейка)	Ст.м. Адмиралтейская
Звенига, Звено	Ст.м. Звенигородская
Обводка	Ст.м. Обводный канал
Межда, Междик	Ст.м. Международная

Зеленая ветка метро:

Прима (Примора)	Ст.м. Приморская
Васька	Ст.м. Василеострская и район около нее; реже — весь Васильевский остров
Гостинка	Ст.м. Гостиный двор
Маяк	Ст.м. Маяковская
ПЛАН	Пл. Александра Невского
Ельник	Ст.м. Елизаровская
Ломо	Ст.м. Ломоносовская
Пролёт	Ст.м. Пролетарская
Рыба	Ст.м. Рыбацкое

Желтая ветка метро:

Лиговка	Ст.м. Лиговский проспект и ее окрестности
Новочера (Черка)	Ст.м. Новочеркасская
Лажа	Ст.м. Ладжская
Дыбы	Ст.м. Ул. Дыбенко
Большевики	Ст.м. Проспект Большевиков

Сведения об информантах, процитированных в тексте статьи

ПМ — полевые материалы, собранные по заданию и программе автора студенткой СПбГУ А.В. Трофимовой в 2015 г. и хранящиеся в личном архиве автора: ментальные карты Санкт-Петербурга, 2014–2017 гг.

Студентка СПбГУ, 1997 г.р., проживает менее года в общежитии СПбГУ в Петергофе. Собиратель А.В. Трофимова (СПбГУ, 2015).

Студентка СПбГУ 1997 г.р., приехала учиться в Санкт-Петербург более года назад, первый год жила на В.О., теперь в общежитии в Петергофе. Собиратель А.В. Трофимова (СПбГУ, 2015).

Студентка СПбГУ 1997 г.р., родилась и жила в Петербурге до 6 лет, затем в США, после возвращения 11 лет живет в Санкт-Петербурге. Собиратель А.В. Трофимова (СПбГУ, 2015).

Студентка СПбГУ, 1996 г.р., проживает в районе м.Удельная с рождения. Собиратель А.В. Трофимова (СПбГУ, 2015).

Студентка СПбГУ. Учебная миграция из Белгорода, 4 года в СПб, в районе пр.Ветеранов. Собиратель А.В. Трофимова (СПбГУ, 2015).

Студентка СПбГУ, 1998 г.р., учебная миграция, в Санкт-Петербурге проживает менее года — 2,5 недели, ПУНК. Собиратель А.В. Трофимова (СПбГУ, 2015).

Учащийся (Средней школы), 2001 г.р., проживает в СПб с рождения, Приморский район. Собиратель А.В. Трофимова (СПбГУ, 2015).

Студент СПбГВАМ, 1995 г.р., СПб с рождения, Приморский район. Собиратель А.В. Трофимова (СПбГУ, 2015).

Студентка СПбГУ, 1997 г.р., проживает в г. Пушкин 15 лет. Собиратель А.В. Трофимова (СПбГУ, 2015).

Библиография

Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: Городские карты памяти / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 67 — 81.

Сорокина Н. Субъективные маршруты: когнитивные карты транспортных путей современных горожан // Визуальная антропология: Городские карты памяти / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 82–96.

Шмерлина И.А. Междисциплинарные ракурсы социологии пространства // Вестник РУДН. 2003. № 4–5. С. 65–78. Сер. Социология.

Glaeser A. PlacedSelves: The Spatial Hermeneutics of Self and Other in the Postunification Berlin Police // SocialIdentities. 1998. Vol. 4, N. 1. P. 7–32.

Электронные ресурсы

Путятин Антон Васильевич (пользователь pantv). Пост от 20.01.2014 г. Словарь неформальных названий Санкт-Петербурга. — <http://pantv.livejournal.com/93190.html>

Шашкина Юлия. Питерский фольклор. Неформальные названия мест в Санкт-Петербурге. — <https://vk.com/wall5392937>. Размещено 18.02.2013, зафиксировано 1.02.2016.

А.А. Соколова

**ГЕОПРОСТРАНСТВО
ЛЕНИНГРАДА — САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
В МИКРОТОПОНИИ И РАЗГОВОРНОЙ
РЕЧИ ГОРОЖАН (1970–1990 гг.)**

В статье рассмотрена микротопонимия Санкт-Петербурга советского времени. Выявлены особенности восприятия горожанами градостроительной среды. Выделено пять пространственных поясов, различающихся по составу и плотности топонимов.

Ключевые слова: микротопонимия, геопространство, социальная и культурная география, городская среда, морфотип застройки, вернакулярный район.

A. Sokolova

**GEOGRAPHICAL SPACE
OF THE LENINGRAD — ST. PETERSBURG
IN MICROTOPYNYM AND SPEAKING
OF THE TOWNSPEOPLE (1970–1990)**

In this paper we examine the toponymic system of Soviet St. Petersburg. The author reveals the peculiarities of perception of the residents of urban built environment and identified five spatial zones of different composition and density of microtoponyms.

Keywords: linguistic, geospace, social and cultural geography, urban environment, morphotype development, vernacularly district.

Геопространство в самом общем понимании — совокупность отношений между территориальными объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени. Город одновременно выступает и как целостная геопространственная система — городская (градостроительная) среда со своей морфологией и структурой, морфотипом застройки по А. Гутнову [Гутнов 1990], и как совокупность объектов, обладающих местоположением, формой, размерами и функциями, и как и субъективно воспринимаемая географическая реальность, «информационный слепок» геопространства, нашедший отражение в урбанонимах, микротопонимах, лексике разговорной речи.

К городским территориям, вовлеченным в процесс микротопонимизации, применимо понятие вернакулярного района как продукта пространственного восприятия *среднего* человека [Jordan 1978: 217]. В географии термин используется для обозначения самообразующихся территорий, жители которых составляют местное сообщество. Набор признаков, лежащих в основе сленговой номинации элементов и компонентов городского пространства (центр — периферия; концентрические зоны, радиали, оси и т. д.), близок к используемому в сельской микротопонимии [Соколова 2013: 25–26], поскольку современные города — наследники сельских поселений и на бытовом уровне могут восприниматься горожанами как большие деревни. Понятие «городские селяне» — *urbanvillagers*, использованное в 1962 г. Г. Гансом применительно к первым итальянским поколениям иммигрантов Бостона [Sucher 1995: 7], актуально для ряда российских городов постсоветского периода, испытывающих процесс рурализации. Он описан, в частности, в Улан-Удэ, где волна сельской молодежной миграции способствует распространению деревенской идентичности [Амологонова, Скрынникова 2009: 280–282]. Процесс социализации мигрантов включает приобщение к городскому образу жизни и овладение знаниями городской топографии и топонимии, которая формируется в разных слоях городского социума в результате языковой игры и используется при неформальном общении. По мнению Е.Л. Березович, сельская ойконимическая номинация повторяет на своем уровне более активную и разнообразно проявля-

ему тенденцию номинации урбонимической, благодаря которой в топонимии любого большого города создается как бы «параллельная Вселенная» [Березович 2005].

Модель «информационной Вселенной» Санкт-Петербурга советского времени, представленная в данной статье, создана на основе лексики разговорной речи и микротопонимии, бытовавшей 1970–1990 гг. в различных субкультурах — в среде молодежи, интеллигенции, горожан первого поколения, приехавших работать на предприятия, в уголовной среде. В качестве источников использованы словари В.Ф. Лурье, В.В. Химики (2004), Неформальная карта Питера (2012), публикации в сети Интернет.

Городскую среду Петербурга образуют системы улиц, набережных, площадей, парков, скверов, акваторий, зданий, сооружений и других элементов, формирующих урбанизированное пространство, в границах которого осуществляется многообразная жизнедеятельность городского населения. Вовлеченные в процесс топонимизации объекты имеют различные очертания и размеры, заданные особенностями морфотипов городской застройки — плотностью, этажностью, густотой сети улиц и дорог, архитектурным обликом зданий, выполняемыми функциями.

Территория Санкт-Петербурга на протяжении всей истории развития города делилась на центральные и периферийные части. Локализация микротопонимов, связанных с производственной, бытовой и культурной сферой, позволяет выделить пять концентриров (поясов), различающихся по составу и числу названий на единицу площади (рис. 1): 1) Исторический центр — *Петербургское Сити* [Синдаловский 2002: 284]; 2) Пролетарский пояс (промышленная зона XIX — начала XX в. с прилегающими рабочими кварталами); 3) Советский пояс — спальные районы и новые промышленные зоны XX в.; 4) Внешний пояс с городской (жилой, промышленной) и дачной застройкой, дворцово-парковыми и усадебными комплексами; 5) Пояс приморских пригородов с жилой и дачной застройкой, объектами рекреации. Пространственная схема, созданная на основе качественного и количественного анализа микротопонимической информации, близка к концентрической модели городского пространства Э.В. Берджесса [Соколова 2013: 26].

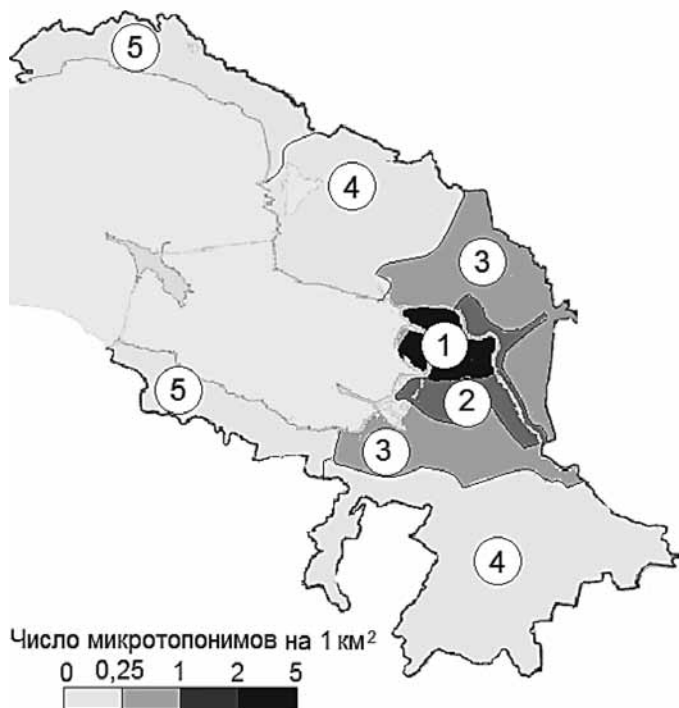

Рис. 1. Микротопонимическая дифференциация геопространства Санкт-Петербурга (по словарю В.Ф. Лурье «Микротопонимика Ленинграда – Питера»):
 1 — Исторический центр; 2 — Пролетарский пояс; 3 — Советский пояс;
 4 — Внешний пояс; 5 — Пояс приморских пригородов

Исторический центр — часть городского пространства с наиболее высокой концентрацией микротопонимической информации. В условиях плотной застройки объектами топонимизации становятся территории, примыкающие к знаковыми объектам, и сами объекты, определяющие облик Санкт-Петербурга: музеи, театры, храмы, предприятия сферы обслуживания, на которые приходится 81 % названий (табл. 1). Отношения соседства отражены в микротопонимах *Казанский пятак* — сквер у Казанского собора, *Шведский уголок* на пересечении Малой Конюшенной и Шведского переулка, где расположены консульство Швеции,

бывшее здание Шведской церкви святой Екатерины; **Троя** у Троицкого Измайловского собора, **Арктика** рядом с Музеем Арктики и Антарктики, **Таврида** у Таврического дворца. Отдельный блок образуют содержащие негативные коннотации названия территорий, примыкающих к зданиям органов управления (**Тупик КПСС**, **Тупик коммунизма**, **Дикий круг** и т.п.) [Лурье; Неформальная карта Питера 2012] (см. табл. 1).

Главной организующей осью служит река Нева, в дельте которой расположены крупные острова, образующие вернукулярные районы — **Петроградка**, **Петроградская сторона** — Петроградский и Аптекарский острова, **Васькин Остров**, **Васька** — Васильевский остров [Лурье, Неформальная карта Питера, 2012]. Общегородской центр локализован на пересечении Невского проспекта, Думской и Михайловской улиц — этот факт установлен в ходе социолого-географического исследования [Файбусович 2000: 124–125] и частично подтвержден данным микротопонимии. В качестве городского ядра может быть рассмотрен отрезок Невского проспекта от площади Восстания до Малой Морской улицы (Адмиралтейства), традиционно именуемый в молодежной среде **Бродвей-центр** [Лурье], **Бродвей**, **Брод** [Лурье, Неформальная карта Питера, 2012].

Золотой треугольник, расположенный между Невой, Фонтанкой и Гороховой улицей (Невским проспектом), более известен специалистам в областях недвижимости и въездного туризма, равно как и **Зона Достоевского** — понятие, введенное Н.П. Анциферовым и используемое преимущественно экскурсоводами [Неформальная карта Питера, 2012]. К историческим микротопонимам относятся **Пески** — микрорайон Советских улиц [Лурье], **Мокруши** — местность у Князь-Владимирского собора, затапливаемая в наводнения, **Роты**, **Семенцы** — территории слобод Измайловского и Семеновского полков [Неформальная карта Питера, 2012], **Покровка** — микрорайон пл. Тургенева; **Утроба Петербурга** — район рынков на Садовой улице [Лурье]. Микротопоним **Лондон** — ресторан «Вечер» на Васильевском острове [Лурье] маркирует историческое расположение известного заведения.

Таблица 1

**Экономическая и культурная география Ленинграда — Санкт-Петербурга
в микропонимии советского периода (по В. Ф. Лурье)**

Число микротопонимов															Общее число микротопонимов	Плотность микротопонимов на 1 км ²
Промышленность, наука		Средства размещения, бытовое обслуживание, торговля				Общественное питание			Культурный сервис		Транспорт, транспортные узлы					
Заводы, фабрики	НИИ, НПО	Рабочие общежития	Гостиницы	Ателье, автосервис и др.	Магазины, торговые центры, рынки	Рестораны	Кафе, кофейни	Бары, буфеты, лари	Столловые	Дома и парки культуры		Библиотеки, музеи, театры, кинотеатры, стадионы				
1. Исторический центр																
2	3	3	3	9	57	12	14	22	7	16	36	19	203	3,4		
2. «Пролетарский пояс» — промышленная зона XIX — начала XX в. и прилегающие жилые кварталы																
32	1	12	1	1	18	1	3	7	9	27	–	17	129	1,6		
3. «Спальная зона» – жилая и промышленная застройка XX в.																
5	6	8	3	1	38	1	6	11	8	3	4	9	103	0,3		
4. Внешний пояс — городская (жилая, промышленная) и дачная застройка, дворцово-парковые и усадебные комплексы, сельскохозяйственные предприятия и другие объекты																
0	3	1		2	10		5	4	5	4	1	6	41	0,1		
5. Приморские пригороды — жилая и дачная застройка, объекты рекреации																
			2		1	6	5	4	3		-	1	22	0,1		
Весь Ленинград — Санкт-Петербург																
42	10	24	9	13	124	20	33	48	32	50	41	52	498	0,3		
Относительные показатели, %																
8,4	2,0	4,8	1,8	2,6	25,0	4,0	6,6	9,6	6,4	10,1	8,3	10,4	100%			
10,4		34,2				26,6				18,4		10,4	100%			

Характерная особенность исторического центра — небольшие по площади общественные и усадебные сады, появившиеся в до-революционное время. В микротопонимии представлены исторические названия: *Буфф*, *Олимпия*, *Сангали* (Сан-Галли), *Юсуповский садик* (усадьба Юсупова на Садовой ул.); отантропонимические микротопонимы, преобразованные в сленговые: *Сашкин сад*, *Алексашка*, *Шуркент* — Александровский сад, в советское время — сад Трудящихся; *Катькин сад* — Екатерининский сквер на Невском пр. К историческим микротопонимам относятся названия общественных садов, созданных на средства частных лиц — С.Ф. Соловьева и С.Т. Овсянникова: *Соловьевский садик* (официальное название — Румянцевский); *Овсяшка* (сад им. Н.Г. Чернышевского). По местоположению обозначены *Польский садик* в усадьбе Г.Р. Державина (находится по соседству с католическим Собором Успения Пресвятой Девы Марии), *Прудковский садик*, или *Прудки* (от Прудковского пер., официальные названия — Некрасовский, ранее Греческий, по церкви и проспекту); *Солдатский садик* на Загородном пр. в бывшей слободе Семеновского полка. Форма контура зафиксирована в микротопониме *Квадрат* — сад им. Кулибина [Лурье, Неформальная карта Питера, 2012].

Пролетарский пояс занимает периферию Петроградской стороны и Васильевского острова, территории, прилегающие к берегам Невы за пределами исторического центра, Обводному каналу, реке Охте, Окружной (Путиловской) железной дороге. Символично, что правый берег Невы до Веселого Поселка носил название *Пролетарская пустыня*. В пределах пояса сосредоточены железнодорожные вокзалы, давшие названия расположенным рядом кварталам (*Мосбан* (*Николаевский Бан*), *Бан Балтийский*, *Бан Варшавский*, *Бан Витебский*, *Бан Финляндский*). Обозначены также места с неблагоприятной социальной обстановкой: *Шанхай* — район Витебского вокзала (место обитания бродяг), *Лиговка* — кварталы, прилегающие к Лиговскому пр. [Лурье, Неформальная карта Питера, 2012].

Более половины микротопонимов (67 %) составляют названия промышленных предприятий (*Ликерка*, *Мыловарка*, *Суконка*, *Галоши*, *Гвоздилка* и др.), рабочих общежитий (*Бароновский дом* —

общежитие *Кирзавода* (Кировского завода), *Порт-Артур* — общежитие «Лендорстроя» и «Водоканала»), столовых, домов и парков культуры (*Молоток* — Дом культуры «Мир» завода «Красный химик», *Рыбачка* — Дом культуры в Рыбацком; *Крупа*, *Красная кухарка* — Дом культуры им. Н.К. Крупской, *Пыльник* — Парк культуры и отдыха им. 30-летия ВЛКСМ [Лурье]. Гендерный принцип номинации нашел отражение в противопоставлении предприятий текстильной и швейной промышленности, на которых работали преимущественно женщины, в том числе приехавшие из сельской местности, в просторечии — *Дуньки*, *Маши* [Химик 2004: 157, 318], и домостроительных комбинатов, где трудились в основном мужчины — *дунькина фабрика* / *быдловская контора* [Лурье].

Бытование слов *лимитчик*, *лимитá*, *лимитёнь* [Химик 2004: 294] свидетельствует о существовании негативного отношения коренных горожан к приезжим, получившим прописку по *лимиту* — специальному разрешению, позволявшему работать на стройках, вредных производствах и т. д. Следует отметить, что в 1990-е годы названия многих предприятий исчезли из разговорной речи, поскольку Санкт-Петербург перестал восприниматься как промышленный центр, особенно в молодежной среде. Согласно ежегодному докладу «Положение молодежи Санкт-Петербурга», как культурную столицу России город рассматривает 75 % респондентов, как центр науки и образования — 49 %, как индустриальный центр — 24,9 %.

Советский пояс охватывает *спальные районы*, появившиеся во второй половине XX в., и новые промышленные зоны. Застройка кварталами и многоэтажными микрорайонами способствовала формированию микротопонимов, обозначающих крупные по площади территории, разграниченные железнодорожными ветками, водотоками, крупными магистралями. Ряд микротопонимов образован от названий бывших сельских поселений (*Нью-Купчино* [Терминасова], *Купчинганен* — Купчино; *Рыба* — Рыбацкое) и микротопонимов с «деревенскими» апеллятивами *поселок*, *поле*, *лес*: *Поле дураков* — микрорайоны и пустыри в разных районах города, *Троицкое поле* — микрорайон в Невском районе, *Поселок*

Шаумяна — микрорайон кирпичного завода (Фрунзенский район), **Поселок трех хохлов** — микрорайоны в Невском районе), **Лес** — парк Александрино (Кировский район), **Лесок** — микрорайон кольцевой железной дороги (Купчино).

Названия ряда вернакулярных районов и их частей «привязаны» к политической карте мира советского периода и отражают ироничное отношение граждан к политическим системам: **ФРГ** — Фешенебельный район Гражданки; **ГДР** — Гражданка Дальше Ручья (имеется в виду Муринский руч.); **ДРВ** — Дальше Ручья Вообще; **Куба** — микрорайон Кубинской ул., **США** — Слышу Шум Аэродрома; **Аризона**, **Техас** — кварталы на юге Кировского района; **Африка** — западная часть Приморского района, **Бермудский треугольник** — микрорайон в Выборгском районе [Неформальная карта Питера, 2012].

Строительство в Выборгском и Московском районах кооперативных домов получило отражение в микротопонимах **Район (дом, квартал) еврейской бедноты**, воплощающих представления о материальном благополучии ленинградских евреев. С проявлениями в 1970–1980-е годы антисемитских настроений связаны микротопонимы **Новый Иерусалим** –НИИ «Электронстандарт», **Синагога** — Ленинградский карбюраторный завод, **Башня Сиона** — высотное здание КТБ ПО «Светлана» на Московском шоссе [Лурье]. Этнически окрашен микротопоним **Азерки** — станция метро «Озерки» и прилегающие кварталы новостроек, которые, предположительно, считаются популярными у выходцев с Кавказа, в частности из Азербайджана [Неформальная карта Питера, 2012].

В качестве знаковых объектов, соседство с которыми зафиксировано в микротопонимии, выступают формы рельефа (Поклонная гора — **Бугор**, отсюда **За Бугром** — местность севернее Поклонной горы); магистрали (**Затурканное Купчино** — кварталы южнее ул. Турку); станции метро, конечные остановки трамвая (**Альпы**), объекты культуры (**Монголия** — микрорайон у дацана, Приморский район; **За рубежом** — микрорайоны западнее кинотеатра «Рубеж») [Неформальная карта Питера, 2012]. Обширные незастроенные территории в Кировском районе получили ироничные названия **Дикий запад** — пустырь в районе улицы Маршала Жуко-

ва, *Земля Санникова* — пустырь на берегу Финского залива. Ряд микротопонимов маркирует коньячный завод «Арагат» и ведущую к нему железнодорожную ветку, вдоль которой в 1980-е годы в период борьбы с пьянством велась незаконная торговля спирто-содержащим сырьем и готовой продукцией (*Армянский бронепоезд, Золотая долина, Пьяная поляна, Долина смерти*) [Лурье]. В число освоенных микротопонимией НИИ и высокотехнологичных предприятий вошло ЛОЭП «Светлана» — *Светка* [Лурье].

Немногочисленны названия торговых центров, магазинов самообслуживания, универсамов, появившихся в районах квартальной застройки (*Пентагон, Шайба, Сам-бери* и др.). Типичный микротопоним советского времени — *Стекляшка*, по названию строения из стекла и бетона. Считалось, что они создают ощущение прозрачности. Их сооружали в новостройках 1970–1980-х годов для магазинов, столовых, кафе [Химик, 2004: 585].

Внешний пояс занимает южную и западную периферию Петербурга. Для него характерен пестрый состав микротопонимов, обозначающих поселения (*Колпенгаген, Колпингаген* — г. Колпино), пространственные рубежи (*Попов ручей*, разделяющий Колпинский и Пушкинский районы), элементы планировочной структуры, предприятия, объекты культуры (*Лапоть* — Клуб строителей, Колпино), сельскохозяйственные предприятия (*Хрюнин колхоз* — совхоз «Шушары», Пушкинский район) [Лурье].

Территории городов, подобно Петербургу, делятся на центральные и периферийные части, что находит отражение в соответствующих микротопонимах: *Бродвей* — улица Садовая (г. Пушкин), *БАМ* — микрорайон на окраине г. Пушкина, застроенный в годы сооружения Байкало-Амурской магистрали. К историческим названиям относится *София* — микрорайон в г. Пушкине. Этнический компонент присутствует в названиях, зафиксированных на территориях проживания ингерманландских финнов: *Чухонка* — р. Ижора, *Чухляндия* — парк 40-летия ВЛКСМ (Колпино), *Финский поселок* — квартал в пос. Металлострой [Лурье].

Пояс приморских пригородов охватывает территории Курортного и Петродворцового районов. Состав топонимов определен развитием пригородной рекреации. Доминируют названия

ресторанов и кафе, расположенных вдоль Приморского шоссе, в настоящее время не существующих: *Под рогами*, *Бан под рогами* — ресторан «Олень» (Зеленогорск), *Глухарь* — ресторан «Волна» (пос. Репино); *Гора* — «Горка» (Солнечное); *Дом смычка и дудки* — Дом творчества композиторов (пос. Репино). Железнодорожные станции маркируют микротопонимы *Железка* — вокзальный ресторан (Зеленогорск), *Кот* — вокзальный буфет (пос. Дюны); *Вертеп* — район привокзальной площади (пос. Александровская).

С этнической историей территории связаны микротопонимы *Териоки* — Зеленогорск, *Финляндия* — микрорайон Финляндской ул. (пос. Репино). Существование в прошлом сельскохозяйственных угодий фиксирует микротопоним *Выгон* — магазин № 12, в настоящее время — «Полушка» (Сестрорецк). Размещение в приморских поселках дач партийной номенклатуры отражено в негативно окрашенных микротопонимах *Зона придурков*, *Красные куркули*. Как явление ксенономинии следует рассматривать микротопонимы *Жидогорск* — Зеленогорск и *Жидорецк* — Сестрорецк [Лурье], аналогичные приведенным выше названиям кварталов кооперативных домов.

Названия промышленных предприятий, объектов культуры, рекреации отчетливо локализованы в пределах выделенных поясов (рис. 1). «Сквозную» структуру образуют микротопонимы, обозначающие элементы единой сети городских коммуникаций (перекрестки, площади), отдельные здания и сооружения, например, *Круг* — площади Дворцовая, Заневская, трамвайное кольцо у ст. метро «Купчино»; *Бублик*, *Ватрушка* — пл. Ломоносова; *Полуциркуль* — Заневская пл.; перекресток Оранжерейной ул. и Октябрьского бульв., г. Пушкин, *Радиус* — микрорайон у Московских Ворот. Среди «геометрических» названий доминируют микротопонимы с апеллятивами *круг*, *круглый*, *кругляш* (10 объектов), *угол* и *пентагон* (6), *квадрат* (4), *треугольник* (2). Микротопонимы *Бермудский треугольник*, *Черный угол*, *Пьяный угол* [Лурье] маркируют места сосредоточения пивных точек и винных магазинов в центральных и периферийных районах города (по данному признаку в группу следует включить микротопоним *Пьяная улица*).

Анатомические метафоры связаны с системами коммуникаций: **Рука** — перекресток Царскосельской дороги (Московский пр.) и Лиговского проспекта (отмечен на карте Петербурга 1817 г.); **Четыре Руки** — перекресток у площади Победы), **Вставная челюсть Ленинграда** — дамба. Микротопоним **Дунькин Пупок**, обозначающий в Петербурге небольшое поднятие земной поверхности между Новгородской ул. и Суворовским пр., имеет широкое распространение в лексике русских говоров и микротопонимии регионов России. Таким образом, в ходе метафоризации объектов городской среды в систему микротопонимов оказались вовлеченными названия части тела человека (*голова, рука, зуб, кишка*), животных (*змея*), одежда, обувь (*лапоть, каблук, сапог, шляпа*), предметы обихода, мебель, спортивный инвентарь (*горшок, корыто, стамеска, этажерка, сервант, комод, зеркало, чайник, утюг, шампур, карандаш, чернильница, шайба*), монеты (*гривенник, пятак*), известные сооружения (**Пентагон** — дом на пл. Мужества, **Китайская стена** — ограждение вдоль полотна железной дороги [Лурье]).

Микротопонимы, бытовавшие в советскую эпоху, формируют образ «изнанки» города, сближают его с поселением деревенского типа, сельской округой, где номинация объектов задана морфологическими особенностями (плановый рисунок, абрис контура), местоположением в системе пространственных координат (центр — периферия, верх — низ, север — юг, запад — восток), положением относительно местных ориентиров. В сельской местности роль планировочного каркаса выполняют долинно-речная и дорожно-тропиночная сети, в городах к ним присоединяются сети автомагистралей и железных дорог с «поймами железнодорожных рек» [Гутнов 1990], «устьевыми» участками которых становятся вокзалы, привокзальные площади и прилегающие кварталы.

Состав микротопонимов свидетельствуют о существовании нескольких масштабных уровней восприятия и номинации элементов и компонентов городской среды, ее составляющие могут быть обозначены как

— целостно воспринимаемые площадные объекты (вернакулярные районы, микрорайоны, кварталы, зеленые насаждения, пустыри);

- линейные объекты (водотоки, аллеи, улицы, ограды);
- точечные объекты: а) транспортные узлы — перекрестки, площади, станции метро; б) сооружения (храмы, жилые постройки и др.) с характерными плановыми очертаниями и абрисом.

Микротопонимия фиксирует характерное для носителей традиционной культуры негативное отношение к системе управления и *чужим* — недавним переселенцам, представителям отдельных этнических групп, отражает отмеченное на бытовом уровне расслоение общества по уровню жизни. Проявившийся в микротопонимическом пространстве Пролетарский пояс частично совпадает с социально-бытовой зоной с низкими показателями уровня жизни, выделенный Н.В. Юхнёвой в Петербурге начала XX в. [Юхнёва 1984: 111]. В настоящее время именно эта территория охвачена процессами реновации. О сохранении традиционного начала в системе номинации объектов свидетельствует большое число новых микротопонимов, обозначающих вновь возведенные объекты, неоднозначно воспринимаемые горожанами.

Библиография

- Амологонова Д., Скрынникова Т. Текст и контекст Улан-Удэ: сложный образ городского пространства // Россия: воображение пространства / пространство воображения: Гуманитарная география. Спец. выпуск. М., 2009. С. 268–295.
- Березович Е.Л. «Чужие земли» в русском народном языковом сознании: прагматический аспект // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2005. № 2. С. 70–85.
- Гутнов А.Э., В. Л. Глазычев. Издательство: Мир архитектуры: (Лицо города). М.: Молодая гвардия, 1990. 350 с.
- Лурье В. Ф. Микротопонимика Ленинграда — Питера: URL: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/I_AM/microtop.html
- Неформальная карта Питера. Географо-культурологическое издание. Вып. 2, исправленный и дополненный / Сост. В. Валдин, А. Ерофеев. СПб.: Дискус Медиа, 2012. 1 л.
- Синдаловский Н.А. Словарь петербуржца. СПб.: Норинт, 2003. 320 с.
- Соколова А.А. Геопространство в традиционной и современной культуре (российский контекст): Автореф. дис. ... д-р геогр. наук. СПб., 2013. 50 с.
- Терминасова М. Из петербургского словаря: Америка. URL: <http://www.kvartira78.ru/blog/peterburgskiy-slovar-america>.

- Файбусович Э.Л. Где находится центр Санкт-Петербурга // Проблемы экологии и региональной политики Северо-Запада России и сопредельных территорий: Тез. докл. междунар. конф. Псков, 2000. С. 124–125.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: 2004, 768 с.
- Юхнёва Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX — начало XX в.: Стат. анализ. Л.: Наука, 1984. 223 с.
- Jordan T.G. Perceptual Regions of Texas // Geographical Review. 1978. Vol. 68. № 3. P. 217–221.
- Sucher D.M. City Comforts: How to Build an Urban Village. Seattle: City Comforts Inc., 1995. 224 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна, кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Albogachiyeva M. Dr. PH, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Acad. of Science.

Алакшин Александр Эдуардович, доктор исторических наук, Балтийская академия туризма и предпринимательства, Издательский Дом «Петрополис» (Санкт-Петербург).

Alakshin A., Doctor of Historical Sciences, Professor, chair of humanitarian and social disciplines of the Baltic Academy of tourism and entrepreneurship, Executive Director of the Publishing House "Petropolis" (St.-Petersburg).

Андреев Александр Николаевич, доктор исторических наук, Южно-Уральский государственный университет.

Andreev A., Doctor of Historical Sciences, South Ural State University

Засецкая Марина Львовна, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург).

Zasetckaia M., The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg).

Илле Михаил Евгеньевич, Санкт-петербургский университет гражданской авиации; издатель и редактор журнала «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований.

Ille M., art. lecturer of the Department of Philosophy and Social Communications of St. Petersburg University of Civil Aviation; publisher and editor of the magazine "Telescope": Journal of Sociological and Marketing Research.

Капитонова Анна Игоревна, Санкт-Петербургское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

Kapitonova A. VOOPK (St. Petersburg).

Конькова Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Konkova O., Dr. PH, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Acad. of Science.

Лаврентьева Людмила Сергеевна, кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Lavrent'eva L., Dr. PH, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Acad. of Science.

Мазалова Наталья Евгеньевна, кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Mazalova N., Dr. PH, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Acad. of Science.

Пиир Александра Михайловна, выпускающий редактор журнала «Антропологический форум», Европейский университет в Санкт-Петербурге / Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) Российской академии наук.

Piir A., copy editor of the journal "Forum for Anthropology and Culture", European University at St Petersburg / Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Science.

Салмин Антон Кириллович, доктор исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Salmin A., Doctor of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences.

Соколова Александра Александровна, доктор географических наук, ученый секретарь комиссии исторической географии Санкт-Петербургского городского отделения Русского географического общества.

Sokolova A.A. Methodist, Resource centre advanced education of Saint-Petersburg Palace of creativity of children and youth in Kolpinsky district of St. Petersburg

Сутягина Людмила Эдуардовна, кандидат философских наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Sutyagina L. Dr. PH, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Acad. of Science.

Сыманович Чеслав Эрастович, кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Symanovich Cz., Dr .PH, independent researcher.

Финченко Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Finchenko A., Dr. PH, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Acad. of Science.

Чистяков Антон Юрьевич, кандидат исторических наук, компания «Этно-Эксперт», ведущий эксперт

Chistiakov A., Dr. PH, "EthnoExpert", Advisory Services

Узунова Валентина Георгиевна, кандидат философских наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Uzunova V., Dr. PH, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Acad. of Science.

Чувьуров Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург).

Chuvuyurov A., Dr. PH, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg).

Шрадер Татьяна Алексеевна, кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), РАН

Shrader T., Dr. PH, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Acad. of Science.

Щепанская Татьяна Борисовна, кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Shchepanskaia T., Dr. PH, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Acad. of Science.

Яковлева Татьяна Михайловна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Yakovleva T., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Acad. of Science.

Научное издание

**АНТРОПОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА:
СБОРНИК СТАТЕЙ К 85-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.В.ЮХНЁВОЙ**

Часть 1

Отв. ред. Н.Е. Мазалова

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

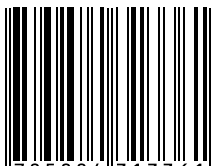
Редактор *М. А. Ильина*
Корректор *Е. З. Чикадзе*
Компьютерный макет *Н. И. Пашковской*

Подписано в печать 18.10.2017.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 27,0. Уч.-изд. л. 25,3.
Тираж 150 экз. Заказ № .

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано

ISBN 978-5-88431-336-1

9 785884 313361